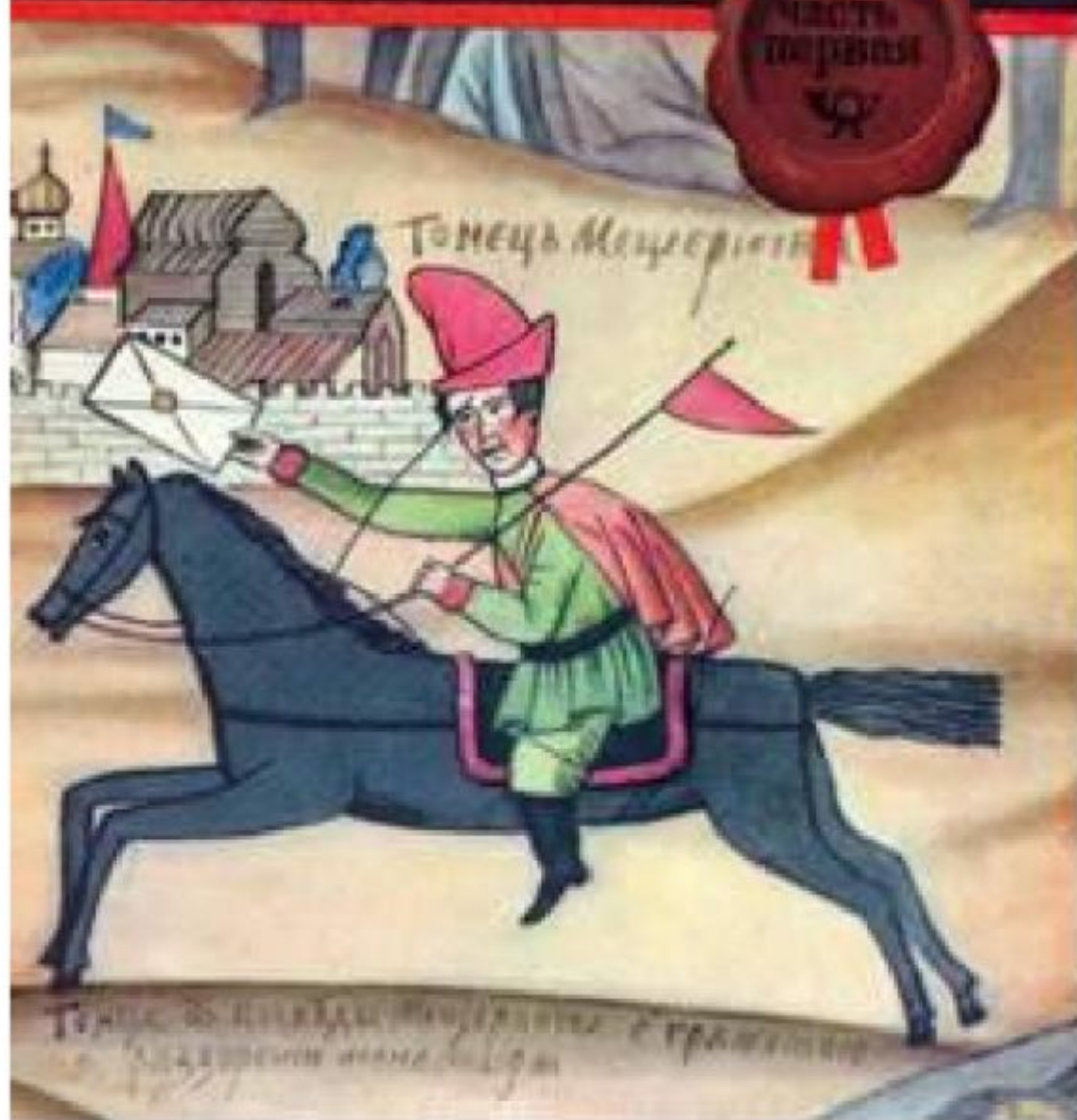

История отечественной почты

Вигилев Александр Николаевич

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЧТЫ

Часть I

Редактор В. А. Чекрыжов Художник Г. А. Комлев
Художественный редактор А. И. Моисеев
Технический редактор К. Г. Маркоч Фото Ф. Г.
Чернигова Корректор Г. Ф. Кцова

Сдано в набор 26/1-1977 г. Подп. в печ. 20/V-1977 г.
Т-0412. Формат 60X90/16. Бумага офсет. № 1. 10,0 усл.
печ. л., 10,52 уч.-нзд. л. Тираж 50000 акз. Изд. № 18052.
Зак. № 5074.
Цена 90 коп.
Издательство «Связь», Москва 101 000, Чистопрудный
бульвар, д. 2.

Типография издательства «Калининградская
правда», г. Калининград (обл.),
ул. Карла Маркса. 18.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ФИЛАТЕЛИСТОВ

379.45

В41

УДК 656.8(09)+656.835.91

Вигилев А. Н.

В41 История отечественной почты. Часть 1. М., «Связь», 1977. 160 с с ил.

Книга посвящена истории развития средств связи в России с древнейших времен. Охватывает период от первого летописного упоминания о посылке вести на Руси в 885 г. до середины XVII в Автор подробно останавливается на процессе зарождения регулярной почтовой гоньбы и на деятельности А. Л. Ордин-Нащокина, создателя «правильных почт». Основное внимание уделяется организации внутригосударственных почтовых линий.

Книга предназначена для лиц, изучающих русскую историю. Она может быть также полезной широкому кругу филателистов, интересующихся историей почтового дела в России.

© Всесоюзное общество филателистов, 1977 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Что может быть сегодня привычнее почты? Повседневно мы сталкиваемся с ее деятельностью. Она приносит нам письма, газеты, посылки. И все-таки такое обыденное явление, как почтовая связь, полно неожиданностей, а в ее истории немало загадок, необычного и увлекательного. Книгу, которую вы сегодня открыли, написал не историк, а инженер, увлеченный собиранием почтовых марок, конвертов, карточек и сведений по истории русской почты.

Прежде чем написать эту книгу, автор просмотрел большое количество книг и статей, тысячи листов архивных дел. Источниковедческий материал, привлеченный им, обширен и весьма многообразен. Тщательно учтены опубликованные ранее сведения о почте. Привлечен архивный материал, до сего времени неизвестный широкому кругу читателей.

В дореволюционное и советское время в нашей стране было выпущено несколько книг по истории русской почтовой связи, среди которых были исследования таких авторов, как И. Я. Гурлянд, И. П. Козловский и М. Н. Виташевская. Но все эти работы рассматривают только отдельные отрезки пути, пройденного отечественной связью.

Книга А. Н. Вигилева — обобщающая работа. В ней последовательно рассмотрены этапы развития русской почты, начиная с IX в. В книге много авторских открытий. Описаны адреса берестяных грамоток новгородцев, обнаружены первые упоминания о плате прогонов и правила проезда гонцов 1266 г. Автор доказал, что уже в первой четверти XVII в. ямская гоньба с письмами в города засечной черты — Тулу, Мценск и другие, была регулярной в летнее время.

Редко публикуемые материалы позволили А. Вигилеву рассказать о почтовой деятельности таких видных государственных и общественных деятелей, как Д. М. Пожарский, А. Л. Ордин-Нащокин, А. А. Виниус.

Историю почты нельзя рассматривать в отрыве от истории государства в целом. Поэтому монография написана на фоне социально-экономического развития общества, в ней есть отступления при освещении вопросов, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к почте. Например, закрепощение ямщиков и др. Одновременно для определения уровня развития русской службы связи проводится сравнение ее деятельности с почтой наиболее развитых зарубежных стран.

Первая часть работы охватывает период развития почтовой связи с начала IX до конца XVII вв.

Книга не претендует на полноту изложения темы, но она, несомненно, представляет большой интерес для читателя.

Отдел печати и пропаганды

Правления Всесоюзного общества филателистов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представьте, что в один не очень прекрасный день на земле исчезнут все средства связи. Вам не принесут больше писем и газет, остановились поезда и теплоходы, в небе не сверкают серебристые крылья воздушных лайнеров. Отправителям приходится самим относить письма адресатам.

Совсем, как в каменном веке.

С каменного века начинается история обмена известиями. Тогда информация передавалась дымом костров, сигнальными барабанами и трубами. Посылались гонцы с устными сообщениями. Такой вестник заучивал «письмо» со слов отправителя, а потом пересказывал его адресату. Память об этом осталась в нашем языке: мы чаще говорим «в письме сказано», чем «в письме написано».

Своим появлением почта обязана государству. Нет почты без государства, так же как нет и государства без почты. Один из первых шагов, которые делает молодая держава, это — создание средств связи, инструмента, способного сообщить миру о ее рождении. И совершенно неважно, как передана новость. Помчал ли ее сверхзвуковой самолет, повез гонец или разнес гром барабанов. Существенно лишь то, что известие шло по каким-то каналам связи.

Конечно, посылку одного гонца, который сотни километров едет без дорог, не меняя лошадей и ночуя где придется, нельзя назвать почтой. В этом случае отсутствует то, что мы привыкли считать средствами связи: нет дорог, нет пунктов отдыха, нет смены средств передвижения. Только система доставки корреспонденции, пускай даже самая примитивная, является почтой. В старину обязательным условием для создания почты было наличие дорог, станций для отдыха и смены средств передвижения и самих средств передвижения.

Великие державы древности Ассирия, Египет, Персия, Рим, государство инков имели развитую почту. По мощеным дорогам и караванным тропам курсировали гонцы. Они сменялись или меняли лошадей на специально построенных станциях. Собственно, от латинского выражения «*mancio pozita...*» — «станция в пункте...» и пошло слово «почта». 2500 лет назад уже применялся эстафетный способ передачи писем от гонца к гонцу. В большинстве государств древности почта передавала только правительственную корреспонденцию. Сохранились свидетельства того, что в Греции гонцы доставляли и частные письма, особенно во время Олимпийских игр. Но были ли такие посылки регулярные или нет сказать невозможно — никаких сведений на этот счет не сохранилось¹.

Пересылка вестей на территории нашей Родины известна с древнейших времен. Еще в первом тысячелетии до нашей эры греческие историки упоминали о передаче сообщений у народов Северного Причерноморья и Средней Азии — скифов, сарматов, саков и массагетов.

В середине IX в., в первые дни существования Киевской Руси, были заложены основы русской почты — одной из старейших в Европе. В один ряд с нею по времени возникновения можно поставить только службы связи Великобритании и Испании.

Первые сведения об английской почте относятся к 1100 г. Это была служба конных гонцов, доставлявших лишь королевскую корреспонденцию. Известно, что, кроме писем, посыльные передавали и устные сообщения. Спустя 200 лет при короле Эдуарде I появились первые почтовые станции, а еще через несколько лет (в 1307—1327 гг.), как предполагают, почта была открыта для общего пользования. В таком виде английская служба связи просуществовала до начала XVII в., когда была введена регулярная так называемая «сквозная почта»; верховые почтальоны разъезжали по всей линии, сменяя в определенных местах лошадей. Время прибытия гонцов на станции отмечалось на обороте письма.

В Испании «гонцы, выполняющие поручения посредством писем», впервые упоминаются в законах кастильского короля Альфонса X (1252—1284 гг.). Тогда же в Каталонии существовал цех гонцов, куда входили «*correos*» (спешные гонцы). Сейчас это слово обозначает в странах, говорящих на испанском языке, почту. Доставка писем была наиболее развита в Барселоне. Там с 1338 г. действовали почтовые правила, были введены уведомления о вручении корреспонденции и отправления, похожие на современные курьерские письма.

Средневековая Германия была разделена на мелкие государства и вольные города. Но и в этих условиях там существовала служба связи. Ряд документов подтверждает наличие городских посыльных в Германии уже в XIV в. Например, гонцы города Нордхаузена с 1358 г. отправлялись в Эрфурт, Франкенхаузен, Хильдесхайм, Кельбру, обслуживали расположенные вблизи замки и аббатства. Первая регулярная почтовая линия была создана в 1646 г. в Бранденбурге.

Она называлась драгунской и проходила между Берлином и Клеве через Мюнстер. До февраля 1649 г. почту обслуживали исключительно драгуны, они перевозили только правительственную корреспонденцию и письма иностранных послов.

Сохранились сведения и о скоростях передвижения зарубежной почты. В середине XV в. во Франции она составляла почти 150 километров в сутки, а в Германии конца XVII в. — около двухсот.

В 1266 г., почти на 100 лет раньше, чем в Германии — стране с наиболее развитой по тем временам почтой, появляются первые правила проезда гонцов по русским землям. Почта тогда стала необходимым звеном государственной административной машины и средством связи между образованными людьми.

Особое место в русской истории занимает почта Великого Новгорода XI—XV вв. Находка в последние годы десятков берестяных писем, доставленных по каналам связи, позволяет говорить не только о почти поголовной грамотности новгородцев, но и существовании в республике развитой системы пересылки частной корреспонденции.

Татарское нашествие принесло неисчислимые беды русской земле. Приостановилось развитие почты. Долгие годы отечественная система связи находилась на уровне XIII в. Единственно, что русские позаимствовали у пришельцев, так это новое название почты — *ямская гоньба*.

С конца XV в., после того как Русское государство сбросило оковы татаро-монгольского ига, начинается расцвет системы ямской гоньбы. Появляются первые почтовые учреждения, улучшается доставка судебных повесток. Иностранцы, посещавшие Московию еще в первой четверти XVI в., называли русскую систему доставки сообщений почтой, хотя на Руси это слово стало широко применяться только с середины XVII в.

Большой вклад в развитие русской почты внес выдающийся государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин. Под его руководством была создана регулярная почтовая гоньба. Эта система была улучшена и расширена в конце XVII — начале XVIII вв. Регулярная доставка писем осуществлялась из Москвы в Архангельск, Петербург, Астрахань, Азов, Киев и даже через всю Сибирь в Кяхту к китайской границе.

Изучение истории русской почты началось в Москве в стенах архива Коллегии иностранных дел. Впервые материалами по истории русской почты заинтересовался Г. Ф. Миллер. В его «портфелях» сосредоточено несколько десятков листов копий с документов о почте XVIII в.

Через несколько лет, в 1807 г., под руководством директора архива Н. Н. Бантыш-Каменского была составлена «Выписка о первоначальном заведении и дальнейшем образовании почт в России». Книга начиналась документами 1665 г., когда в официальных актах впервые было упомянуто слово *почта*.

В августе того же года, некто Каразин сделал в Московском архиве сообщение, в котором указал, что русская почта известна только со времен царя Алексея Михайловича,

а до этого «письменные сношения между частными лицами разных княжеств происходили редко и по ограниченности нужд и грубости народа едва ли были нужны».

Первый, кто позволил усомниться в правильности этого положения, был А. Ф. Малиновский. В собранных им материалах по истории Москвы он указал на «Записки» австрийского дипломата С. Герберштейна, еще в 1517 г. называвшего русскую ямскую гоньбу почтой, а ямщиков — управляющими почтой. Но записи А. Ф. Малиновского не были опубликованы и поэтому не стали достоянием широкой публики. Вследствие этого во всех последующих исследованиях о русской почте обычно приводилась вторая половина цитаты из книги С. Герберштейна, где говорилось только о скорости доставки корреспонденции.

Спустя почти 90 лет после изысканий А. Ф. Малиновского в Ярославле вышла книга приват-доцента Демидовского юридического лицея И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века». В ней автор на основе официальных документов доказал, что ямщики стали возить гонцов с грамотами еще в XIII в. Эта интереснейшая книга была дважды издана в 1900 и 1901 гг. такими незначительными тиражами, что уже через 2-3 г. стала библиографической редкостью.

В 1913 г., к 300-летию «дома царей Романовых», в издательстве Варшавского университета вышло двухтомное исследование И. П. Козловского «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве». Из конъюнктурных соображений автор категорично утверждал, что почта в России возникла только в царствование Романовых, а именно в 1665 г., и до этого в Московском государстве не была известна. Несмотря на ошибочность этого утверждения, работа И. П. Козловского — классический труд по истории почты второй половины XVII в. Наиболее интересная часть исследования — история почтовой гоньбы из Москвы в Новгород и далее «за море». По богатейшим материалам московского архива Министерства иностранных дел СССР историк до мельчайших подробностей воссоздал картину работы почтовой линии. До сих пор все сведения о «заморской» почте XVII в., нашедшие отражение в исторической литературе, по существу, пересказывают исследование И. П. Козловского ².

В начале своей книги И. П. Козловский сетует на почти полное отсутствие в наших архивах документов до начала XVII в. Действительно с древнейших времен до XVII в. сохранилось несколько сотен актов, тогда как бумаги XVII—XVIII вв. исчисляются десятками тысяч. Это обстоятельство существенно сказывается на исследованиях по древнейшей истории отечественной почты. И все-таки по тем крупным сведениям, которые встречаются в древних актах, в отдельных случаях можно составить достаточно полное представление о старинной русской почте. Громадное количество интересных фактов сосредоточено в тех архивных бумагах, которых не касалась рука историка почты. Это — столбцы и книги Разрядного приказа, Приказные дела старых лет. Сенатские дела и другие фонды. По материалам этих документов была написана предлагаемая книга.

Автор приносит свою глубочайшую благодарность сотрудникам Центрального государственного архива древних актов М. И. Автократовой, И. Г. Королевой, московским коллекционерам Б. К. Стальбауму, В. Б. Баркову и С. В. Кристи, оказавшим помощь и поддержку при написании этой книги.

¹ О почте древности подробнее см. Граллерт В. Путешествие без виз. М., «Связь», 1965, с. 7—14.

² Глава «Заморские почты» почти полностью написана по материалам И. П. Козловского.

С древнейших времен осуществлялась пересылка вестей на Руси. Уже с 885 г. в русских летописях появляются слова: «послал сказать», «послали весть». Конечно, тогдашняя система передачи сообщений очень далека от почты в современном смысле этого слова: доставка писем была нерегулярной, посыльный обычно вез одну грамоту, зачастую гонец проезжал десятки километров без смены лошадей, частные лица, кроме особо знатных и богатых людей, не могли пользоваться государственной почтой. Но именно эта, пускай и несовершенная, почта являлась надежным связующим звеном между городами и погостами (неукрепленными населенными пунктами) Киевской Руси.

Киевская Русь — государство высокой культуры, с широкими экономическими связями. Предприимчивые русские купцы торговали по всему свету. В Арабском халифате, Византии, Чехии и даже в Англии знали киевское оружие, пушнину, мед, резную кость. Государством ремесленников и торговцев считали Русь на западе. «Гардарикией» — страной городов — называли ее в скандинавских сагах. Баварский географ IX в. насчитал у славянских (русских) племен 556 городов [1].

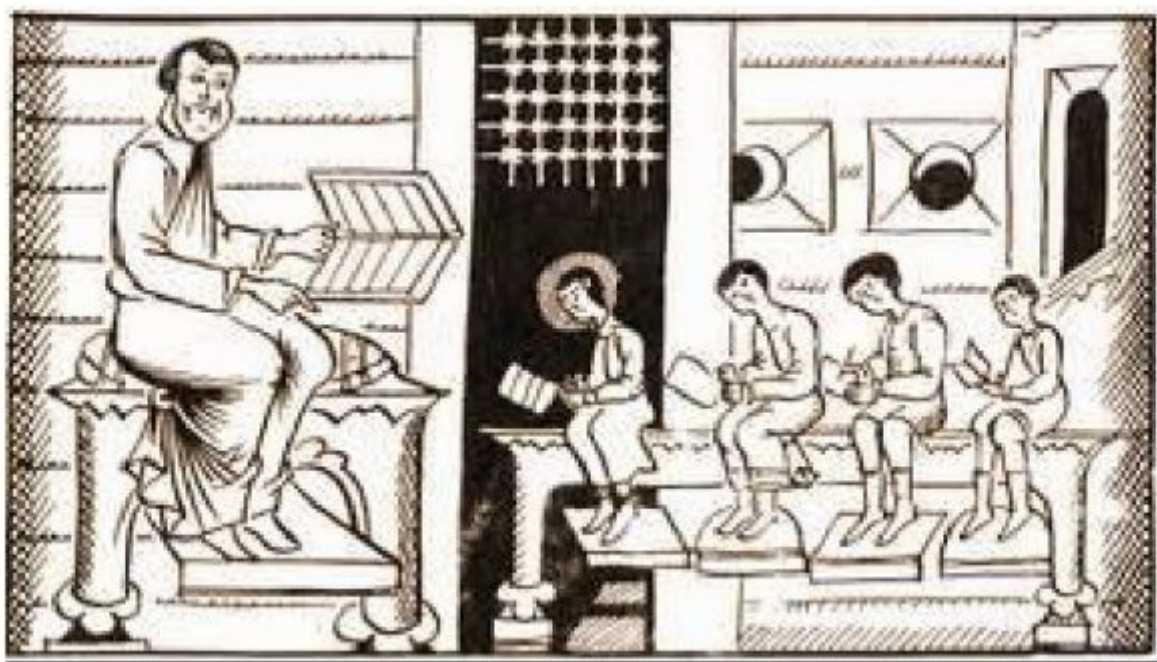
От Белого моря до устья Дуная и от Волги до Карпат простиралась «империя династии Рюриковичей» [2], как назвал нашу древнюю землю Карл Маркс. Десятки племен и народов, славянских и неславянских, обитали на ее необозримой равнине. Их связывали многочисленные узы: язык, вера, хозяйственные отношения, потребности обороны, племенное родство.

Популярны на Руси были книги и «учение книжное». Государственная школа была учреждена еще в X в. при Владимире Святославовиче, но это не была школа элементарной грамоты. «Учение книжное», по словам академика Б. Д. Грекова, «это не обучение простой грамотности, а преподавание наук, организованное по типу греческих школ» [3]. В этой школе учили уже людей грамотных. В них набирали детей «нарочитой чади», т. е. старших дружинников, княжих мужей, бояр, для того, чтобы воспитать образованных людей и государственных деятелей, способных поддерживать общение с Византией и другими странами. Кроме киевской школы, подобные учебные заведения были в Курске, Новгороде и других городах [3].

4 N 4 P 8 H N 4

На Руси X—XIII вв. в ходу были такие определения и характеристики, как *учен-муж*, *философ*, *книжник*. Образованность киевлян была гораздо выше, чем у жителей западно-европейских государств. Характерен такой пример. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за французским королем Генрихом I. Королева Анна была, по свидетельству современников, высокообразованной женщиной своего времени. Она владела иностранными языками, знала латынь. Сохранился ее латинский автограф 1063 г... «ANA REHINA» — «Анна королева». Сам же король не мог даже написать свое имя.

Уровень образованности на Руси был таков, что киевляне, по крайней мере правящая верхушка, не могли не знать о существовании почты в других странах. Сохранившаяся переписка того времени насыщена цитатами из произведений зарубежных, преимущественно греческих, авторов: Гомера, Аристотеля, Платона, Ксенофонта [3].

*Древнерусская школа. Миниатюра из старинной рукописи (Жизнеописание Антония Сийского. 1648)
Государственный Исторический музей (ГИМ)*

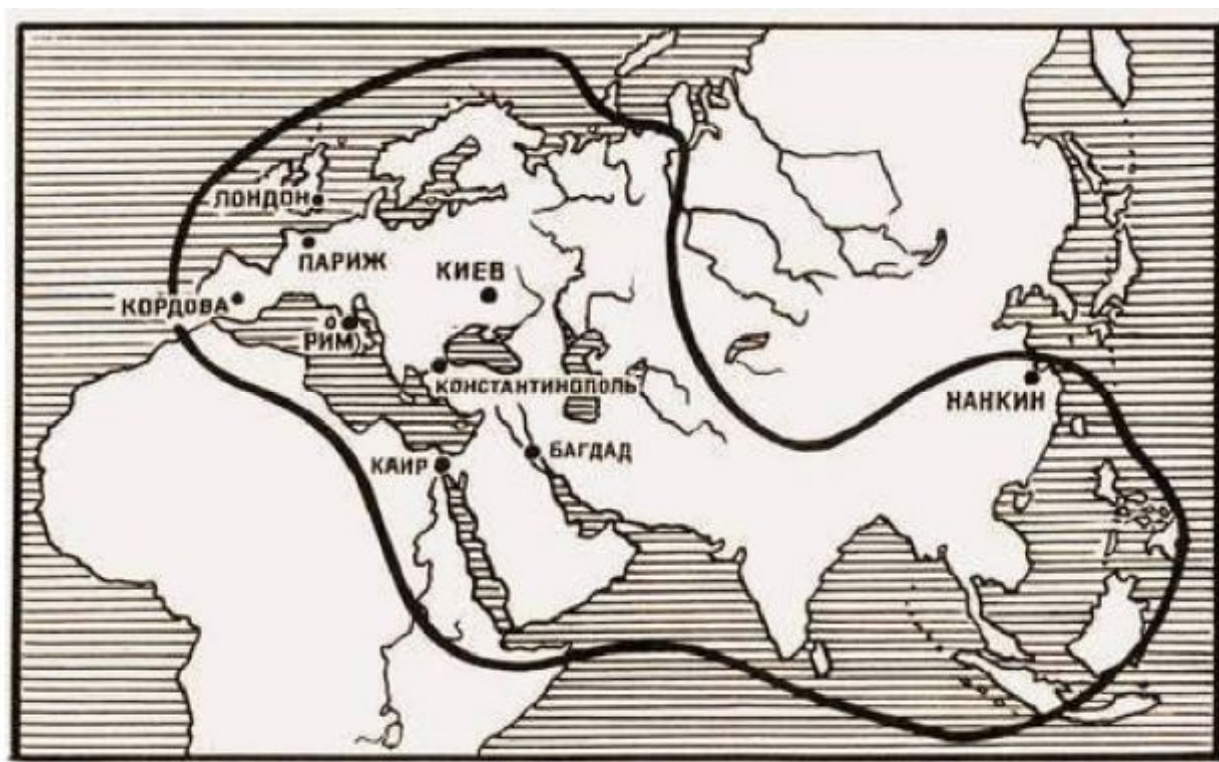
Считалось, что обилие ссылок на разные источники способствует лучшему раскрытию мыслей автора. Не исключена возможность, что среди книг, известных нашим далеким предкам, была и «Киропедия» греческого историка Ксенофонта. В ней описывается служба конных посыльных, организованная наместником Малой Азии Киром Младшим. Здесь была создана сеть дорог со станциями, на которых содержались лошади. Конные гонцы возили письма днем и ночью, преодолевая большое расстояние «даже быстрее, чем его могли пролететь журавли».

Высокая культура и образованность требовали обмена мнениями не только с жителями своего города, но и с иногородними. Возникла необходимость не только написать, но и переслать написанное. Это требовало наличия системы передачи сообщений, требовало почтовой связи.

Киевские земли окружали воинственные племена половцев, хозар, печенегов. Почти ежегодно они совершали набеги на Русь. Для отражения нападений кочевников собирались воедино силы князей, созывались полки. Этому способствовала, в первую очередь, налаженная система обмена грамотами. С пересылки военных вестников и началась русская почта.

Главным источником сведений о способах передачи сообщений на Руси X—XIII вв. служат старинные летописи. Сквозь столетия доносят они уверенную поступь русских дружин, набатный гул вечевых колоколов, радостный стук плотницких топоров. И среди сведений о трудах и подвигах наших предков, как нечто обыденное, встречаются известия о посылке гонцов и вестников.

Географические знания на Руси о Старом Свете по карте, составленной академиком Б. А. Рыбаковым

Представим себе такую картину.

Киев. Келья одного из монастырей. За столом, заваленном листами пергамента, сидит монах. Осторожно, еле касаясь кисточкой листа, он выводит кияновью: «В лето 6393...»¹. Затем летописец сменил кисть на перо и начал очередное сказание: «Послал Олег к радимичам, спрашивая: («Кому даете дань?» Они же отвечали: «Хазарам». И сказал Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне» [4].

Это — первое летописное упоминание о посылке вестника. Первое слово о зарождении русской почты.

Кого же послал князь к радимичам? Первое, что приходит на ум, — были отправлены послы. Но о посольствах летописец обычно рассказывал иначе. Например, в 907 г. пошел Олег войной на греков и

осадили Царьград. Его воины поставили свои корабли на колеса и с попутным ветром поехали на город. Видя это, греки испугались и «сказали через послов Олегу: «Не губи город, дадим тебе дани, какой захочешь» [5]. Еще через пять лет «послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими» [6]. Подобными словами пользовались летописцы, рассказывая об отправлении послов.

Но, возможно, Олег обошелся без посредников? Сам пришел с дружиной во владения радимичей? И в этом случае летописец выразился бы иначе.

Шелестят ветхие листы летописей, и под годом 964-м аналогичное сообщение: «И пошел (Святослав) на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хозарам по щелягу с сохи даем» [7]. Характер вопроса и ответа здесь тот же, что и в случае с радимичами. Но второе сообщение свидетельствует, что Святослав сам разговаривал с вятичами, тогда как Олег пользовался каким-то посыльным.

Всего через полвека система пересылки вестей стала настолько развитой и обширной, что великие князья киевские, пользуясь ею, могли быстро собирать воевод и старейшин своих многочисленных городов не только на войну, но и на торжественные пиры.

В 996 г. пришли печенеги к Васильеву². Киевский князь Владимир Святославович, выступивший с небольшой дружиной, не смог устоять против них. Дружина бежала, а сам он едва успел спрятаться от врагов под мостом. Тогда Владимир в страхе дал обещание построить в Васильеве церковь во имя Преображения, так как битва произошла в день этого православного праздника (6 августа). «Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много... И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья» (15 августа) [8].

По летописи, разослали гонцов и собрали гостей за одни сутки. Но это мало вероятно. У Владимира было множество городов не только вокруг Киева, но и в более отдаленных местах. По-видимому, гости приезжали в течение всего праздника. Многие из приглашенных должны были проскакать на лошадях или проплыть на лодках сотни километров, прежде чем попасть на пир. И все же, несмотря на преувеличение летописца, сам факт посылки большого числа вестников на значительные расстояния — примечательный штрих в обмене сообщениями на Руси.

А вот пример переписки между членами великокняжеской семьи в начале XI в.

В 1015 г. умер великий князь киевский Владимир Святославович. На княжеский стол сел его сын Святополк — «окаянный», как называл его летописец. Опасаясь соперничества, он замышляет убить своих братьев Бориса и Глеба. И помчались гонцы во все стороны Русского государства. Началась активная пересылка грамотами между детьми покойного князя. Святополк шлёт в Муром письмо к Глебу с ложным сообщением о болезни отца. Княжна Предслава пишет своему брату Ярославу в Великий Новгород о смерти Владимира и убийстве Бориса. Тот, в свою очередь, сообщает об этом Глебу. Все вести дошли до получателей [9].

В XII в. укрепляется связь между отдельными городами и удельными княжествами. «Владимирский летописец» под годом 1185 сообщает об обмене грамотами между владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо и киевским митрополитом Никифором.

Печать тмутараканского посадника Ратибора (оборотная сторона)

Поводом для переписки послужил отказ Никифора поставить игумена Луку на епископство во Владимире. После третьего послания Всеволода митрополит сдался [10].

Грамотки посылали друг другу знатные «лучшие» люди, духовенство, купцы.

Заглавием этого очерка послужила цитата из литературного памятника XIII в. «Киево-Печерского патерика». Начинается он с послания епископа Симона к Поликарпу. Перед нами письмо, относящееся к первой четверти

XIII в., насыщенное непередаваемым ароматом седой старины. Но для нас ценны не столько литературные достоинства послания, сколько неоднократные упоминания в нем о пересылке грамот. Инок Поликарп пишет из Киева во Владимир епископу Симону и тот отвечает ему. Симон, в свою очередь, интенсивно обменивается письмами с киевской великой княгиней Анастасией-Верхуславой [11].

Несколько лет назад археологические экспедиции, работавшие в Крыму, под Киевом и в Полтавской области, нашли семь свинцовых печатей. Размеры оттисков разные (22—27 мм и больше), но вид одинаковый: с одной стороны изображен Климент — папа римский (предполагают, что Климент — христианское имя владельца — Ратибора). По обеим сторонам изображения надпись «О Климент». На обороте читаем: «Отъ Ратибора».

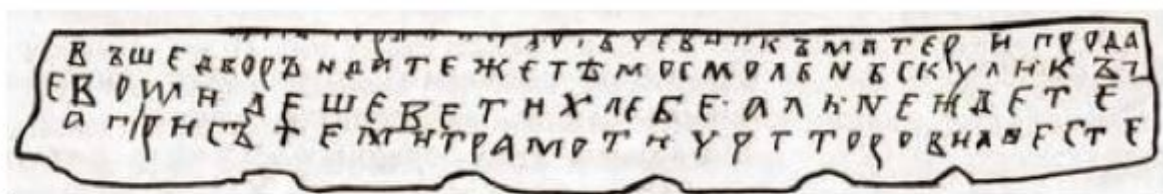
В Начальной Летописи под 1079 г. рассказывается, что в тот год великий князь киевский Всеволод Ярославич назначил в Тмутаракань (на современном Таманском полуострове) посадника Ратибора. В дальнейшем Ратибор известен как боярин при Владимире Мономахе и тысяцкий в Киеве. В 1095 г. (по некоторым летописям в 1093 г.) на дворе боярина в Переяславле был убит половецкий хан Итларь, после чего объединенные княжеские полки разгромили половцев, *попленили* их скот, лошадей, верблюдов, рабов и привели в свою землю.

Исследователь печатей Ратибора В. Л. Янин обращает внимание на форму надписи на печати — «Отъ Ратибора». По его мнению, она не только определяет принадлежность печати, но и указывает обратный адрес отправителя корреспонденции [12].

Находка печатей Ратибора в Крыму и под Киевом вполне объяснима — посадник сам бывал в этих местах. Но как попали оттиски штемпеля на Полтавщину — остается загадкой. Возможно, ими были запечатаны грамоты, отправленные Ратибором по существовавшим тогда каналам связи.

Наиболее характерным примером обыденности обмена известиями между русскими людьми в глубокой древности является, пожалуй, берестяная грамотка новгородского купца Гордея. В начале XII в. этот новгородец писал своим родителям из Смоленска:

«Поклон от Гордея к отъчеви и к матери. Продавьше двор, идите же семо Смольнску ли, Киевоу ли... Али не идете, а присъ[ли]те ми грамотичу, сторови ли есте»³ [13]. Гордей зовет родителей в Смоленск или дальше в Киев. Если же они не захотят приехать, то пускай сообщат о своем здоровье. До чего же все просто! Хотите — приезжайте, не хотите — пишите, «пришлите грамотку».

Берестяная грамота «Поклон от Гордея»

Простые «младшие» и «черные» люди в ту эпоху гораздо реже пользовались услугами вестников. Да в том не было особой необходимости. Хозяйство, родственные связи горожанина-ремесленника и крестьянина обычно замыкались в пределах их родных поселений. Правда, известна новгородская берестяная грамота с жалобой крестьян своему господину на бедность: «у кого кони есть, те плохи, а у других вовсе нет» [14]. Но этот случай характеризует скорее связи экономические, а не почтовые.

Развитая система пересылки сообщений позволяла быстро передавать вести о различных происшествиях. Как о чем-то само собой разумеющемся говорится об отправлении известий в пространной редакции свода законов 1209 г. в «Русской Правде»: «Аже кто переймет чужь холоп и дасть весть господину его, то имати ему переєм (за поимку) гривна» [15]. Не существой почты в Киевской Руси XIII века, этот параграф никогда бы не был включен в основной закон государства. Возлагая обязанность на поймавшего чужого раба известить об этом его хозяина, составители «Русской Правды» были уверены, что посланное сообщение найдет своего получателя.

¹ 885 год. Далее все даты даются по современному летоисчислению.

² Современный Васильков под Киевом.

³ Здесь и далее в цитатах из новгородских берестяных грамот твердый знак в конце слов опущен.

Широкие торговые, культурные и военные связи Киевской Руси с другими странами требовали частого обмена вестниками.

Русь вела обширную торговлю со многими странами и, в частности, с Византией. Не всегда торговые сделки кончались миром: купцы брались за оружие и мечом устанавливали цены на товары. Поэтому, заключая в 945 г. договор с князем Игорем, греки потребовали, чтобы все купцы и послы приходили в их города без оружия и с княжескими грамотами. В грамотах должно быть указано, сколько пришло кораблей и с какими целями. «Если же придут без грамот, — читаем мы в договоре, — и окажутся в руках наших, то мы (греки) будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему... Если же, убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят» [16].

Только в одной статье договора дважды упоминается посылка вестей из Византии на Русь. Правда, сообщение такого характера могли доставлять в Киев сами купцы, которые по тому же договору обязаны были к зиме вернуться в свою страну.

Но дочитаем договор до конца. Одна из его последних статей гласила: «Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их сколько пожелает» [17]. Разумеется, здесь ни о какой оказии не может быть и речи. Греки в этом случае посылали в Киев специального гонца с просьбой прислать княжеских дружинников.

Русские князья находились в родстве со многими правящими династиями зарубежных стран. Кроме того, по новейшим данным, в некоторых зарубежных городах жили постоянные представители киевского великого князя. Арабский географ и путешественник ал-Идриси, посетивший Европу в XII в., свидетельствовал, что тогда в болгарском городе Шумене находилось «русское представительство». Возможно оно было создано задолго до приезда Идриси в Шумен [18]. Киев поддерживал связь с европейскими столицами и городами посредством гонцов.

Пересылка вестей между Киевом и Царьградом, столицей Византии, между Русью, Византией, Болгарией и кочевыми племенами началась, по летописным данным, в сороковых годах XI в.

В 941 г. пошел Игорь походом на греков. «И послали болгары весть царю (византийскому), что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей». Поход Игоря окончился неудачно — греки сожгли его корабли. Через три года Игорь вновь пошел войной на византийского царя Романа, собрав большую дружину. «Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море кораблями». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов» [19]. Результатом этого похода и явился тот самый договор 945 г., к которому мы уже обращались.

Таковы сообщения о пересылке вестей между народами в древних русских летописях. Из них видно, что гонцов посылали по суше и по морю. Сообщение о походе Игоря жители Корсуня (Херсонеса) могли послать только через Черное море. Конечно, о почте, как таковой, здесь не может быть и речи. Эти летописные известия подтверждают другой очень важный факт — в старину при дворе каждого правителя, в том числе и у киевских князей, жили люди, которые хорошо знали дороги не только своего, но и

сопредельного государства. Нельзя же было доверить такое важное сообщение, как весть о нападении врага, человеку, который даже толком не знает куда его везти.

Гонцы посылались не только к оседлым народам. В летописях встречаются сообщения о вестниках к кочевым племенам. Вспомним знакомый с детства рассказ о гибели киевского князя Святослава.

В 972 г. князь Святослав возвращался на Русь после одного из своих многочисленных походов. Плыл он с дружиной на ладьях по Днепру и дошел до порогов. В это время к печенегам, которые кочевали у порогов, пришла весть из Переяславца на Дунае: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатств и пленных без числа» [20]. Печенеги тотчас же заступили пороги. Конец истории хорошо известен: во время стычки Святослав был убит, из его черепа сделали чашу и Куря, князь печенежский, пил из нее на пирах.

Нельзя, конечно, утверждать, что именно посылка вестника переяславцами явилась причиной гибели Святослава. И, тем не менее, не существой в X в. системы военных вестников, этого могло бы не случиться.

По старинным книгам можно примерно установить, сколько времени находился в пути гонец, посланный в соседнюю страну. Так, в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Краса повествований») арабского ученого Гардизи, в частности, говорится: «И от венгров до славян два дня пути... И между печенегами и славянами два дня пути по бездорожью, и этот путь (проходит) через источники и очень лесистую местность» [21].

Византийский император первой половины X в. Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении государством» так описывал географическое положение печенежской земли: «Печенегия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании (Осетии) на шесть дней, от Мордии (Мордвы) на десять дней пути, от Руси на один день, от Турции на четыре дня и от Булгарии на полдня пути» [22].

Теперь приведем свидетельство венгерского монаха-доминиканца Юлиана о продолжительности морского путешествия. В 1235—1237 гг. во время поездки в Нижнее Поволжье, Волжскую Булгарию, Владимиро-Суздальскую и Южную Русь Юлиану пришлось часть пути от столицы Византии до Керченского полуострова проделать по воде. «Выйдя там (в Константинополе) на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия, в город, что именуется Матрика (Тмутаракань)» [23]. При этом следует отметить некоторые особенности мореплавания той поры. Путь в Тмутаракань проходил вдоль турецкого и кавказского берегов Черного моря. Кормщики старались, по возможности, не терять сушу из вида. На ночь суда вытаскивали на берег и чуть свет путники снова отправлялись в дорогу. Так что при такой системе проделать двухтысячекилометровый путь за тридцать три дня не так уж и плохо.

Бытует мнение, что на Руси в глубокой древности не было более или менее удобных сухопутных путей. В исторических романах зачастую гонец — самый разнесчастный человек на свете: едет он без пути-дороги по звериной тропе, а на деревьях сидят соловьи-разбойники и мечтают отнять у него шапку с княжеской грамотой.

Русские летописи и исследования ученых доказывают беспочвенность подобных утверждений.

О расчистке путей и наведении мостов через реки неоднократно сообщается в летописях. Ниже мы еще будем говорить о заботах киевских великих князей о благоустройстве дорог. А сейчас попытаемся выяснить, быстро ли ездили в старину.

В 1021 г. пришел полоцкий князь Брячислав под Новгород, взял его и, захватив новгородцев со всем их имуществом, двинулся обратно в Полоцк. Узнав об этом, великий князь Ярослав Мудрый, не мешкая, выступил с дружиной из Киева, на седьмой день нагнал Брячислава на Судомире-реке и победил [24].

Река Судомирь на Псковщине примерно на полпути между Новгородом и Полоцком. От Киева до нее километров восемьсот. Княжеская дружина проскакала это расстояние за семь дней, со средней скоростью 110—115 километров в день.

Уже в начале XI в. по Новгородской дороге вестники из Киева и обратно скакали днем и ночью. Под 1015 г. летописи подтверждают этот факт. Мы знаем, что летом того года в Киеве умер великий князь Владимир Святославович. Сообщение об этом было послано его сыну в Новгород. «В ту же ночь,— говорится в летописи,— прииде весть к Ярославу от Предславы об отцове смерти» [25]. Если бы дорога между Киевом и Новгородом была колдобина на колдобине, мало вероятно, что нашлись бы желающие ехать по ней ночью. Только удовлетворительное состояние дороги позволило гонцу мчаться по ней в потемках. Следует оговориться, что сообщение о смерти Владимира было доставлено в Новгород не за один день. Просто в ту ночь, о которой пишет летописец, во дворе какого-то Парамона новгородцы перебили варягов. Сколько времени ехал гонец — неизвестно. Еще два примера. На этот раз о езде по южно-русским дорогам в распутицу.

«Повести временных лет» рассказывают о русском походе в Половецкие степи в 1111 г. Во второе воскресенье поста (26 февраля) княжеские дружины выехали на санях из Киева и в пятницу встали на берегах Сулы. На другое утро продолжали поход и к вечеру поили коней из реки Хорол. Под горячими лучами солнца рушился зимний путь, дорога стала непроезжей. На Хороле «сани пометаша» и дальше пошли пешком. К вечеру воскресенья достигли Псела. Весь путь от Киева до Псела около 300 километров, так что дружинники проезжали за день чуть меньше сорока.

Ежегодно ходили русские князья войной друг на друга, сражались, мирились и снова ссорились. В результате одной из таких ссор слуги великого князя Святополка Изяславича в 1097 г. ослепили в Белгороде под Киевом теребовльского князя Василька Ростиславича, взвалили его на телегу и повезли во Владимир-Волынский. «Поехали с ним быстро по неровному пути», — сообщает летописец, — ибо был месяц «неровный» — грудень», т. е. ноябрь. В город они прибыли на шестой день [26]. От Киева до Владимира-Волынского около 500 километров. Но даже по неровному пути их преодолели за шесть дней. Особых причин для спешки не было, тем не менее возчики в сутки покрывали свыше 80 километров.

Впрочем, 80 километров в сутки — скорость не ахти какая большая даже для XI в. Русские князья в то время ездили быстрее.

В своем «Поучении детям» князь Владимир Мономах рассказывает, что он из «Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу» [27]. Мономах сидел на «черниговском столе» пятнадцать лет с 1079 г. по 1093 г., так что сто поездок за такой срок не так уж и много, примерно раз да два месяца. Но далее Владимир сообщает, что это расстояние он «днем есмь переездить до вечерни» — «за один день проезжал до вечерни», т. е. за 10—12 часов.

Как же ехал князь? От Киева до Чернигова чуть больше 140 километров. Проехать такой путь даже налегке, без остановки было утомительно. Где-то в пути всадники должны были сделать остановку, отдохнуть, накормить коней или сменить их. Наиболее вероятным местом привала мог быть известный еще с 988 г. Городец на Остре (нынешний Остер). Он лежал примерно на полпути между Киевом и Черниговом. Здесь на княжеском или постоялом дворе путники могли остановиться на отдых.

Постоялые дворы были известны на Руси с XI в. Память об этом сохранилась в названии одного из городов нынешней Черниговской области — Прилуки, или, как его называют в летописях, Прилук. В некоторых списках «Повести временных лет» его еще называют *Переволочна* — город у волока, *переволока*. Поэтому из всех возможных толкований слова *прилуки* наиболее правильные — *пристанище, приют, постоялый двор* [28]. В летописях Прилук впервые упоминается под 1092 г.

В том же «Поучении» Владимир Мономах рассказывает: «Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался» [29]. Не пошел, не поехал, а помчался! «Поводными» же называли коней, которые скакали рядом со всадником «в поводу». Обычно для быстрой езды использовались 2—3 лошади. Пересаживаясь с одной на другую, человек мог проезжать большие расстояния без длительных остановок.

Князья и их посланные могли останавливаться не только на постоялых дворах, но и в княжеских селах. По летописным сведениям их было множество по всей русской земле. Многие из них пользуются широкой известностью. Это — Берестово и Предславино под Киевом, Ракома под Новгородом, Боголюбово и Москва в Суздальской земле [30].

Очевидно, княжеские гонцы, пользуясь подставами в селах, могли ездить по дорогам с такой же скоростью, что и князья. Подтверждение этому можно найти в Суздальской летописи.

Старая юрьевская дорога проходит по той окраине Владимира, которую редко посещают туристы. Глубоким старинным оврагом — Ерофеевским спуском выводит она

за городскую черту. Здесь нас охватывает необъятный простор полей, синие и зеленые острова леса. Мягкими увалами уходит дорога на северо-запад. Уменьшается и уходит назад силуэт Владимира. Дорогу обступают бескрайние просторы «ополья» — древнейшей житницы Северо-восточной Руси. Эти земли еще в XII в. были пожалованы князем Андреем Боголюбским владимирскому Успенскому собору. Седой стариной веет от названий сел Ополя: Теремец, Пустой Ярославль, Яновец, Волосово, Старый Двор [31].

И однажды на старой юрьевской дороге...

Но давайте изложим события в той последовательности, как они происходили.

21 апреля 1216 г. сошлись на Липецком поле в окрестностях Юрьева-Польского войска новгородцев и суздальцев. Жестокая сеча кончилась разгромом объединенных сил Ярослава Переславского и Юрия Владимирского. Князья бежали. Это произошло утром. А около полудня с владимирских стен заметили на старой юрьевской дороге скачущего во весь опор всадника. Сначала жители приняли его за гонца, несущего весть о победе. «Мнеша бо князя гонца с вестью бежаща в град». В действительности же это был князь Юрий. Менее чем за четыре часа «той прибежа в Володимерь о полудни на четвертом кони, а трех одушил». На пятом коне, потеряв по дороге свой золотой шлем, прискакал в Переславль и князь Ярослав [32].

Каждый из беглецов проскакал около 70 километров: Юрий чуть меньше, Ярослав на немного больше. Лошадей они меняли примерно через 15 километров.

Все летописи, рассказывающие об этом событии, сходятся в одном: князья загнали семь лошадей. Но какой из князей «одушил» больше коней, а какой меньше — единого мнения нет [33]. И это очень важно с точки зрения истории почты. Писавший знал, что между Переславлем и Владимиром было восемь таких пунктов, где официальное лицо могло получить лошадей. Общее число станов сошлось, а как они были расположены, составители некоторых летописей могли и не знать.

Так каким же был путь из Переславля во Владимир? Дорога вестника проходила, огибая непроходимое Берендеево болото, по беслесным просторам Ополя. Сейчас это в большей своей части проселки, обычно называемые на картах «прочие безрельсовые дороги». Приравниваясь к современному названию населенных пунктов, маршрут гонца выглядел так: Переславль — Никульское — Рязанцево — Симы — Сорогужино — Юрьев — Федоровское — Старый Двор — Новоалександрово — Владимир.

Вернемся к летописному рассказу об убийстве князей Бориса и Глеба и попытаемся описать упоминаемые в нем пути гонцов. В этом нам поможет вышедшая свыше ста лет назад книга З. Ходаковского «Пути сообщения в древней России» [34]. Ставшая теперь библиографической редкостью, книга рассказывает о местонахождении древних русских поселений, времени их возникновения, дорогах их соединявших. Пользуясь указаниями З. Ходаковского, попытаемся восстановить пути вестников.

Первым выехал гонец от великого князя Святополка в Муром. Сначала его путь пролегал по уже известной нам Черниговской дороге. Переправившись под Киевом через Днепр на лодке (мост через реку был построен Ярославом Владимировичем спустя несколько лет), он поехал вдоль Десны в Остер, а затем в Чернигов. Отсюда, простившись с Десной, некоторое время мчался черноземными полями на Север, пока не привела его дорога к берегам Сожа. Замелькали новые места: Гомий (Гомель), Славгород, устье Вихры. По течению Вихры, через Мстиславль, гонец прискакал в Смоленск, который, как известно, стоит на Днепре. Сюда вестник мог попасть, все время следуя течению Днепра, но тогда бы ему пришлось пробыть в пути на несколько дней дольше, так как река делает много петель в своем течении.

Из Смоленска можно было проехать на Муром так, как теперь проходит Минское шоссе. Но тогда, в начале XI в., этой дороги еще не существовало, она возникла на полтора столетия позже. Поэтому гонец поехал на северо-восток в Зубцов на Волге. В летописи говорится, что Глеб тоже ехал вдоль Волги. Его конь повредил ногу в устье реки

Тьмы (недалеко от современного Калинина). Сюда же примчался и наш вестник. Здесь он повернул на юго-восток и ехал по дороге, соответствующей современному Ленинградскому шоссе, до старинного городища Льялова. Далее, пробираясь сквозь чащобу льяловских лесов, вдоль Клязьмы добрался гонец до того места, где сейчас стоит город Владимир. Отсюда, еще раз повернув на юго-восток, он примчал в удел князя Глеба, город Муром.

Гонец Предславы выехал из Киева чуть позже великокняжеского вестника. До Смоленска их пути совпадали. Отсюда первый повернул почти точно на север в сторону Велижа и далее по рекам Западной Двине и Торопе прискакал в город Торопец. Из Торопца он поехал на реку Кунью, по ней и по Ловати добрался до Великого Новгорода.

Как ехал гонец князя Ярослава Владимировича точно сказать невозможно, потому что в то время из Новгорода в Северо-восточную Русь существовало два пути. Один, более длинный, — через Торопец — Шатры — Холмец на Зубцов. Другой, более короткий и более нахоженный, пролегал через Валдай, Вышний Волочек и Торжок. Далее, от Твери, путь новгородского вестника совпадал с дорогой, по которой ехал гонец из Киева от Святополка. Где-то на последнем участке пути вестник князя Ярослава узнает, что Глеба в Муроме нет. Как об этом проведал гонец — неизвестно. Может быть ему сообщили об отъезде князя на одном из постоянных дворов. Не будем гадать. В общем, несмотря на то, что князь Глеб «быстро ехал», гонец нагнал его на притоке Днепра реке Смядыне.

Так как большинство сухопутных дорог проходило по берегам рек и ручьев, не исключена возможность, что гонцы пользовались лодками и другими средствами передвижения по воде. Киевские князья покупали лошадей у половцев. Русские летописи XII в. называют табун князей Игоря и Святослава в 3000 кобыл стадных и тысячу коней. Однако по свидетельству иностранных авторов Маврикия и Льва Диакона русские были плохие наездники и не любили ездить на лошадях. По крайней мере, сражаться они предпочитали в пешем строю [35]. Поэтому не исключена возможность того, что иногда вестники предпочитали коня челноку, выдолбленному из дубового ствола.

Конные гонцы должны были переправляться через реки не где им вздумается, а в строго определенном месте. На перевозках обычно с проезжающих брали налог в пользу князя — «мыт». Содержание паромов на реках считалось очень выгодным делом и местные жители старались не упустить перевозки из своих рук. Если же князья по каким-либо причинам переносили переправу в другое место, то обычно туда переходили и старые перевозчики. Это подтверждается жалованной грамотой угличского князя Андрея Васильевича Большого Троице-Сергиеву монастырю 1467—1474 гг. В ней упоминается перевоз через реку Мологу вблизи села Присеки («а... лете деи Мологу перевозятся под Присеками»). Князь распорядился устроить переправу под Городцом, где было разрешено установить свои плоты и присецким жителям («а поселские присецкие под Городецком на Молозе на перевозе держат плот свои») [36].

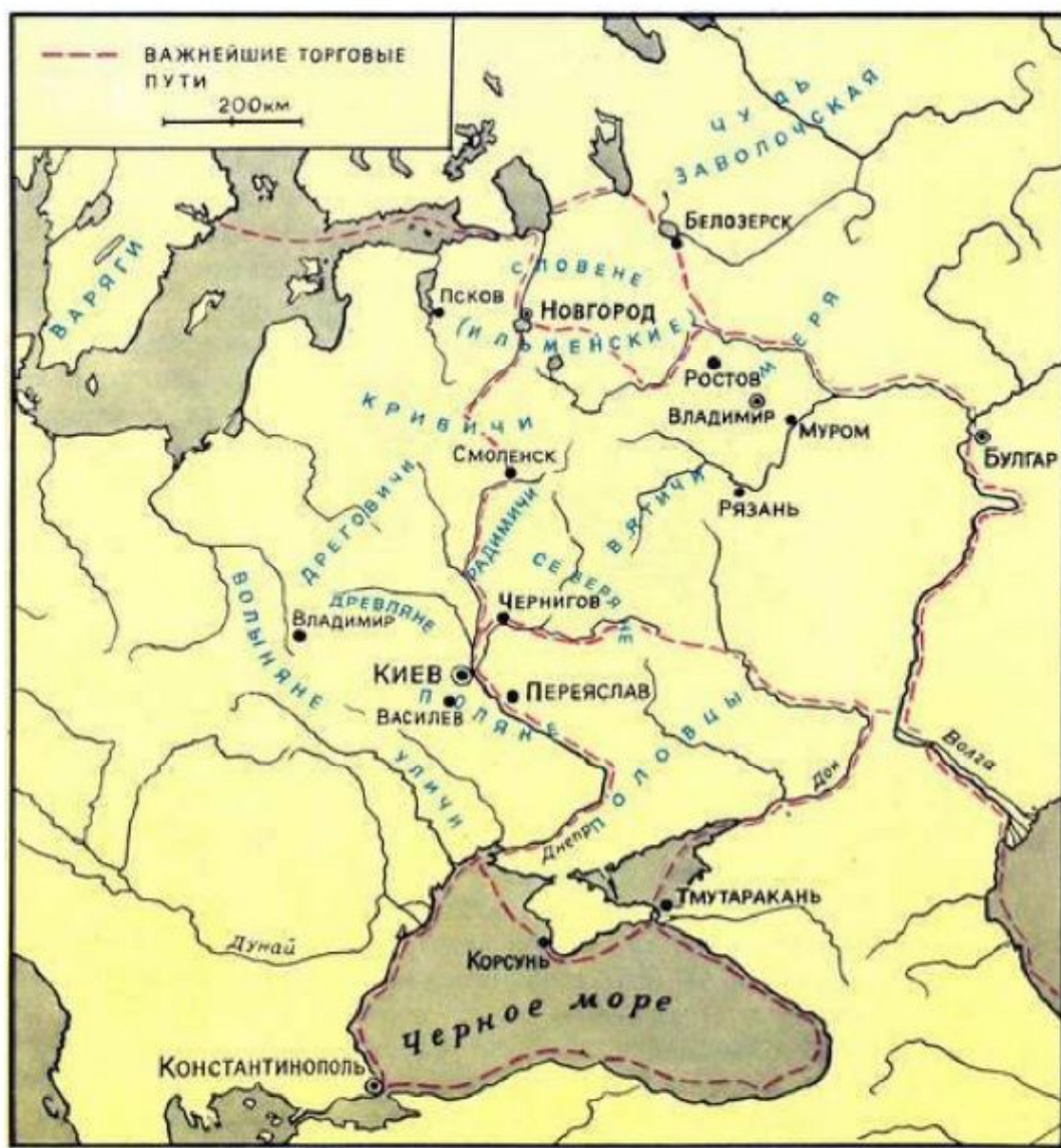
Расстояние между основными русскими городами в днях пути в древности были точно известны. Путешественник ал-Идриси в книге «Развлечение истомленного в странствии по областям» писал: «От Куйабы до Арсы четыре перехода и от Арсы до Славии четыре дня» [37]. Здесь арабские названия городов Куйаба, Арса и Слава соответствуют русским Киеву, Смоленску и Новгороду. Таким образом сошлись показания летописца и путешественника — до Новгорода от Киева 7—8 дней пути.

Приведенные примеры свидетельствуют, в первую очередь, о более или менее удовлетворительном состоянии дорог древней Руси. В XI—XIII вв. наиболее крупные города Киевского государства были связаны надежными путями, по которым можно было быстро ездить и в летний зной, и в осеннюю распутицу. Уже тогда существовала система поддержания в порядке дорог, снабжения гонца в пути всем необходимым. Эта система — повоз.

Волок (по рисунку шведского географа Олай Магнуса)

РУСЬ в IX-начале XII в.

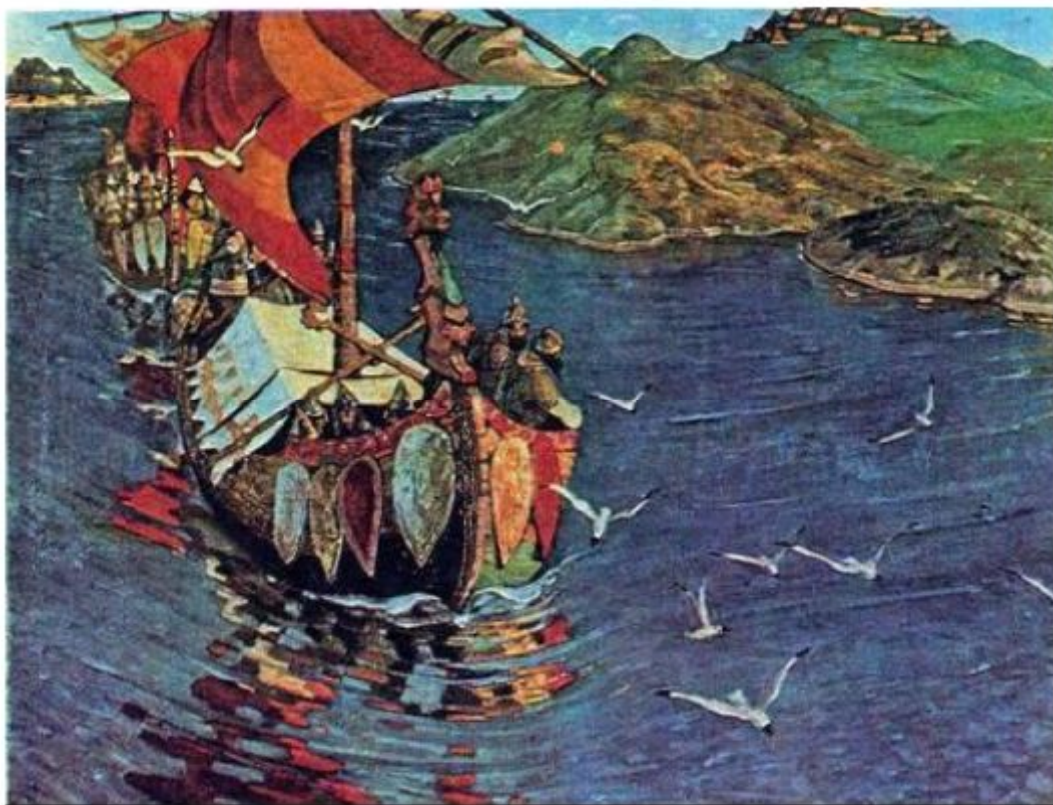

Первая страница «Повести временных лет» и фрагмент текста из этой книги

Сбор дани (с картины Н. Рериха)

Заморские гости (с картины Н. Рериха)

*Деньги Киевской Руси X—XI вв.
Златник и сребреник Владимира I*

Гонец. Встал род на род (с картины Н. Рериха)

В 984 г. пошел киевский князь Владимир Святославович на радимичей. Княжеский воевода Волчий Хвост встретил их на Пищане, есть такая речушка в современной Могилевской области, и победил. С тех пор они «платят дань Руси, повоз везут и до сего дне» [38].

Взимание дани с побежденных народов было одной из форм подчинения их центральной власти. Каждую зиму, обычно в ноябре, русские князья со своими дружинами выходили из Киева на полудье. Князь обходил свои владения, вершил судные дела, оставленные до его приезда, брал дары, обогащавшие его казну. При таком виде подчинения связь между племенами была очень слабая: племена еще жили по-прежнему, особыми родами, каждый род имел своего старшину или князя, который судил и рядил, а также собирал дань со своих соплеменников для великого князя. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность возить повозы — обязанность, вследствие которой племена сами должны были доставлять дань в определенное князем место [39].

Но доставка дани была только одной из сторон повозной повинности.

Сильвестровская летопись, которая рассказывает о покорении радимичей воеводой Волчий Хвост, писалась в киевском Выдубецком монастыре в конце XI — начале XII вв., когда под словом повоз понимался не только способ доставки дани. В это время повозами называли средства передвижения, находившиеся в ведении самого князя. Летописное подтверждение этому находим в середине XII в.: это ставший хрестоматийным в истории почты рассказ о поездке великого князя суздальского Юрия Долгорукого к своему старинному приятелю рыльскому князю Святославу Ольговичу. Святослав принял Юрия с честью и, провожая, «повозы дал». Возможно повозы были известны на Руси еще до покорения радимичей.

Сильвестровская летопись под 947 г. сообщает о походе бабки Владимира княгини Ольги: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земле; знамяня и места, и повосты, и сани ее стоять в Плескове (Пскове) и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне» [40]. Это место летописи не совсем ясно для исследования, тем более, что во всех остальных списках слово «повосты» заменено на погости или *погосты*. Но следует обратить внимание, что по реке Лузе (Луге) Ольга установила два вида повинности: оброк и дань, на Мсте же — только одну дань. По логике вещей вместе с данью на народы, жившие по берегам Мсты, должна быть наложена еще какая-то повинность. В чем она выражалась, можно определить, взглянув на географическую карту: по Мсте проходил древний путь из Великого Новгорода на Волгу. Поэтому население этих мест должно было давать гребцов и перетаскивать волоком княжеские и купеческие лодки (вести повоз). Из позднейших летописей можно узнать, что в XI в. гребцов и лодочников называли повозниками [41]. Предположение, что Ольга установила по Мсте повозы и дани, правомерно еще и потому, что этот отрывок сообщает о благоустройстве Ольгой путей, о строительстве мостов (перевесищ) через Днепр и Десну.

Корни повоза восходят к Византийской империи. В свою очередь, способы спешной доставки гонцов и грузов пришли в Византию из Рима, государства с хорошо развитой почтой.

Служба связи Древнего Рима впервые приобрела упорядочные формы на границе двух эр — старой и новой. Отдельные маршруты, по которым до той поры курсировали гонцы, были объединены в общую сеть, получившую наименование *курсус публицус*. Пользовались почтой только император и высшие государственные чиновники. В крупных поселениях и торговых центрах были постоянные дворы, где путешественники могли переночевать и где стояли наготове почтовые лошади и повозки. Нашествие вестготов уничтожило римскую почту. Однако в ряде стран, созданных на обломках Римской империи, уже в V—VI вв. восстанавливается старая служба связи. Произошло это и в Византии, где почта непрерывно расширялась. Завоевая новые страны, византийцы обязывали население содержать почту. Так, после захвата Болгарии в 1018—1020 гг. император Василий II приказал крестьянам покоренной страны поддерживать в порядке дороги и мосты, перевозить грузы и вестников [42].

Княгиня Ольга, неоднократно бывавшая в Византии и принимавшая послов от императоров, могла быть знакома с почтой, существовавшей в империи. По византийскому образцу Ольга могла внедрить систему спешной доставки гонцов на Руси, а для этого нужны были, в первую очередь, хорошие дороги. Их созданием княгиня занималась во время похода по северным землям Киевского государства.

Русские князья, правившие после Ольги, были связаны родственными узами с императорской Македонской династией, царствовавшей в Византии. В частности, Владимир Святославович был женат на сестре Василия II Анне. Поэтому киевские князья не могли не знать про византийскую систему спешной доставки гонцов.

Само слово *повоз* сравнительно редко встречается в летописях, но зато случаев применения этой системы можно найти достаточно много.

Незадолго до своей смерти, собираясь в поход на Великий Новгород в 1014 г., Владимир Святославович отдал приказ: «Расчищайте пути и мостите мосты» [43]. Выполнить это распоряжение, очевидно, должно было податное население.

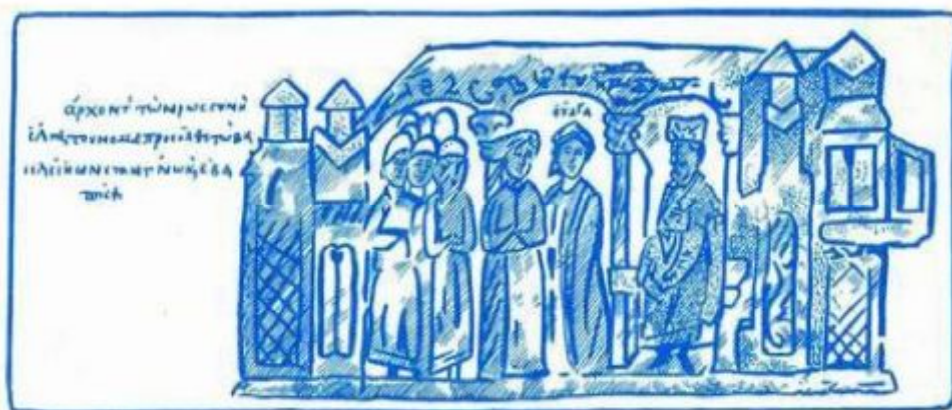
Отправляясь в дальние походы, князь и дружина обычно ехали налегке, все тяжелое вооружение за ними везли в обозе или на возах отсылали вперед. Для того чтобы поспевать за быстрыми всадниками, обозы нуждались в постоянной смене лошадей. Замена уставших лошадей свежими полностью ложилась на плечи населения. Это еще одна сторона повозов.

В одном из первых отечественных законов «Русской Правде» уже в 1016 г. была специальная статья о налогах для строителей мостов: «А вот подати, установленные для мостников: если построят мост, то взять за работу ногату¹ и от каждого пролета моста ногату; если же починили несколько досок — 3, 4 и 5, то брать столько же» [44]. Раскладка подати производилась среди окрестного населения.

Спустя почти двести лет, в 1209 г., в пространной редакции «Русской Правды» для мостников были представлены новые льготы: «А строителю моста (следует) ездить с отроком на двух конях, (которым давать) 4 лука овса в неделю, а кормить (мостника) досыта» [45]. Кормить строителей и давать им лошадей должны были все те же тяглые крестьяне.

Но имели ли повозы отношение к перевозке вестников? Может быть, в древней Руси существовал какой-нибудь другой способ пересылки сообщений на расстояние?

Обратимся к первой из дошедших до нас договорной грамоте между Великим Новгородом и тверским князем Ярославом Ярославовичем. Она датирована 1266 г. В документе особо оговариваются условия проезда княжеских вестников по новгородским землям: «А дворяном твоим по селом у купцев повозов не имати, разве ратной вести. Тако, княже господине, пошло от дед и от отец и от твоих и от наших» [46].

«Переговоры княгини Ольги с византийским императором»
(миниатюра из «Хроники» Скилицы)

В этом тексте все понятно, кроме, разве, давно забытого слова *имать*. Оно значит: брать, взимать. «Ратная весть» — сообщение военного характера, известие срочное, чрезвычайное, не терпящее отлагательств. Человек, везущий такую весть, пускай даже устную, пользовался преимуществом перед остальными проезжающими. Он мог, по крайней мере в новгородских владениях, брать без ограничения любое количество лошадей в любом из сел, лежавших на его пути.

Что же такое повоз?

Это — система доставки грузов и вестников, при которой всякий, имеющий на то полномочия, мог получить в любом городе или селе княжества лошадей, телеги и другие средства передвижения. Человек, пользующийся таким правом, очевидно, имел какой-либо знак или княжескую грамоту, своего рода подорожную.

Есть все основания полагать, что такие знаки применялись уже в X в. Видный русский историк А. Д. Чертков [47] в своей книге о войнах Святослава Игоревича упоминает дружинников с красными щитами, которых князь посылал с различными известиями. Впрочем, не всякий воин с красным щитом обязательно был гонцом. Красный цвет, яркий и устойчивый, был широко распространен в старину, и многие дружинники щеголяли с червленными щитами.

Вероятнее всего повозы не замыкались в границах одного удельного княжества. Родственные связи между русскими князьями были очень сильны. Младшие князья обязаны были оказывать старейшему глубокое почтение и покорность, являться к нему по первому зову. В летописях мы находим множество примеров посылки вестников от князя к князю за военной помощью. Так, во второй половине XII в. великий князь Ростислав «посла... к братии своей и к сыном своим, веля им всем съвкупитися у себя с всеми полкы своими» [48].

Киевская серебряная гривна XI в.

За несколько лет до этого, во время одной из междоусобных войн, князь Святослав Всеволодович из Карачева «посла Козельску ко Святославу стрьеву, рек ему: «Изяслав ти Мстиславичь пошел Киеву, а Давыдовичи с Смоленским Ростиславом хочета ити о тебе» [49]. В этом летописном отрывке племянник предупреждает дядю «Святослава старшего» о грозящей ему опасности со стороны князей из рода Давыдовичей: «Изяслав Мстиславович пошел к Киеву, а Давыдовичи с Ростиславом Смоленским хотят ити на тебя».

Повозы начали развиваться с конца X в. и уже через столетие превратились в сложную систему натуральной повинности простых людей. Ею пользовались для перевозки грузов, пересылки вестей, поездок князей друг к другу. Обязанность возить повозы тяжким бременем ложилась на податное население, отрывала его от привычных занятий. Случалось, что именно повозная повинность становилась причиной народных волнений.

Суздальская летопись под годом 1209-м рассказывает о восстании новгородцев. Горожане собрали вече на посадника Дмитрия, обвиняя его в том, что он приказал брать с новгородцев лишние поборы, а по волостям купцам велел платить дикую виру и возить повозы [50]. Восставшие сожгли дом Дмитрия, а с владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо заключили договор о нерушимости новгородских вольностей. В этот документ, он до нас не дошел, возможно, были включены правила проезда княжеских гонцов, аналогичные тем, которые мы рассматривали в договоре 1266 г. Кстати говоря, Ярослав Тверской был внуком Всеволода, так что формула «пошло от дед» может быть не только формулой давности события, на которое ссылались в договоре.

¹ Ногата — денежная единица Киевской Руси, составляла 1/20 часть гривны.

Может быть Вы обратили внимание на постоянное употребление терминов *вестник*, *гонец*. Между тем в летописях так посыльных не называют. Летописцы обычно пишут: *послал сказать*, *прислали весть* или даже *пришла весть*, почти никогда не указывая, кто привез известие. Такая форма сообщений о переписке лишний раз подчеркивает обыденность этого явления в древней Руси. Мы тоже чаще говорим: «пришло письмо», чем — «почта доставила письмо».

Между тем в летописных текстах встречаются слова *гонец* и *вестник*, хотя последнее в несколько другом значении. Легко выяснить, когда они появились в русской речи.

Слово «вестник» в близком по смыслу звучании впервые употребляется под годом 986-м в летописном отрывке «Речь греческого философа о вере»¹. Там говорится: «Исайя же рече: «Ни посол, ни вестник, но сам господь, пришед, спасет ны» [51]. Вы, наверное, обратили внимание, что летописец разграничивает понятия: посол и вестник, как разные категории людей, передающих грамоты, поручения, известия.

Само слово «весть» летописец написал еще раньше, в 866 г. Тогда киевские князья Аскольд и Дир отправились походом на греческого царя Михаила. «И епархъ (правитель города) посла весть ему: идут русь на Царьград» [52].

Когда родилось слово *гонец*?

Обратимся к событиям 1093 г. Рассказал летописец: пришли половцы под Киев и обложили город Торческ. Тогда жители послали сказать князю Святополку Изяславичу (в тексте — «посла к Святополку»): «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся». Так описывают это событие все летописи, кроме одной — Летописца Переславля Суздальского. Всего одним словом отличается запись составителя переславского Летописца: «посла гонца к Святополку» [53]. Так впервые в русских летописях был упомянут *гонец*. М. А. Оболенский, первый издатель Летописца Переславля Суздальского, относит его создание к 1214—1219 гг. Позднейшие исследователи считают, что он был написан в XIV — начале XV вв. Если принять это предположение, то станет ясным, что летописец по инерции вписал в текст привычное для тогдашнего обихода слово. С середины XIV в. слово «гонец» все чаще и чаще встречается на страницах рукописей. Во Владимирском Летописце под годом 1348 читаем: «И постигоша его гонцы килечии из Орды» [54]. Здесь речь идет о гонцах, которых послал с грамотой хан Эдигей. Возможно, слово «гонец» родилось в конце XII—начале XIII вв., когда в русском языке появилось выражение «гна изгону» — гнать во всю мочь, быстро мчаться.

Вестников и гонцов отправляли как с устным известием, так и с грамотой. Но было в старину слово, которым называли посыльных только с письменным сообщением: «Грамотоносць» (грамотоносец). Оно встречается в памятнике древнерусской переводной литературы «Истории иудейской войны» Иосифа

Флавия [55]. Перевод книги сделан в первой половине XI в., точнее, по мнению крупнейшего знатока древнеславянской письменности Е. В. Барсова, в 1037 г.

«Граматоносць» — калька греческого слова «γραμματοφορος» (грамматофорос). Переводчику, очевидно, было известно значение этого термина, но заменить его русским синонимом «гонец» он не мог, потому что последний, как мы видели, еще не был придуман. Характерно, что переводчик «Истории» обошелся и без грецизма, хотя таковых в тексте очень много: «гемонъ» или «игемонъ» — полководец, начальник; «идоль» — призрак; «проелипсия» — триумф; «симея» — знамена и др. [55]. Возможно, наши предки слышали эти слова, но не понимали их значения. Для тех, кому предназначался перевод «Истории» — князьям, боярам и монахам, граматоносец был обиходным выражением и не нуждался в пояснениях.

К каким же слоям населения принадлежали посольные?

Обратимся к летописному рассказу о сватовстве Владимира Святославовича к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода. В 980 г. послал Владимир к Рогволоду в город Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Та ответила отказом: «И придоша отроки Володимирови, и поведаша ему всю речь Рогънедину» [56].

Отроки, т. е. отроки — прислуга князя, постоянно жившая при нем. Таких слуг на княжеском дворе было великое множество. Например, у киевского князя Святополка Изяславовича в конце XI в. насчитывалось 500 (по некоторым летописям даже 800) отроков [57].

Однако не только отроки использовались для посольной службы. Владимир Мономах писал князю Олегу Святославовичу: «Прислал он ко мне мужа своего и грамоту» [58]. Мужами в старину называли старших княжеских дружинников. Но, возможно, этот случай не характерен для тех времен. Граматоносец приехал от сына Мономаха Мстислава. А тот мог послать не слугу, а воина, в знак уважения к отцу.

Очевидно, вестниками назначали не любого отрока или дворянина (так назывались люди, постоянно жившие на княжеском дворе). Была особая категория людей, хорошо знавших дороги русских княжеств, умевших ориентироваться на местности не только днем, но и ночью. Это были сильные и мужественные люди, готовые вступить в схватку с диким зверем и лихим человеком. И, наконец, они были, безусловно, преданы своему господину, ведь часто приходилось возить тайные вести, разглашение которых могло дорого обойтись их князю.

Всякий гонец вез, как правило, одно известие. Грамоты и устные сообщения обычно передавались только тому лицу, кому они были адресованы. Поэтому гонец мог изменить свой маршрут, если по дороге узнавал, что нужное ему лицо переехало в другой город или отправилось в поход. Вспомним, что вестник князя Ярослава к Глебу все-таки доставил сообщение адресату, несмотря на то, что Смоленск расположен в стороне от дороги из Новгорода в Муром. Это было характерной особенностью древнейшей русской почты, письмо должно было найти адресата в любой точке русского государства. И второе, не менее важное положение — вестник не только передавал письменное или устное послание своего князя, но и привозил ответ.

До нас не дошли оригиналы писем наших далеких предков, написанных на пергаменте. Мы только знаем, что киевляне обычно называли их («грамотами»). Терминология новгородцев, авторов берестяных писем, была богаче. Они говорили *грамота*, *грамотка*, *грамотица* или просто *береста*. Слово *грамота* — греческое, оно пришло на Русь в IX в., вместе со славянской письменностью. В переписке духовных лиц встречается слово *послание*. Это определение восходит к библейским текстам, появившимся на Руси в конце X в., одновременно с христианской литературой.

Князья, духовенство и знатные люди обычно писали свои грамоты на пергаменте. Письмо скатывали в трубочку, зашивали в холщовый чехол и запечатывали восковой печатью. Гонец вез грамоту в специальном мешочке на груди или в дорожной сумке — калите.

В Новгороде грамотки на бересте запечатывались другим способом. Но это уже тема следующего рассказа...

¹ Большинство исследователей русских летописей считают «Речь философа» вставкой, относящейся ко второй половине XI в

Новгородская почта занимает особое место в истории средств связи Русского государства. Ее характерная особенность заключается в том, что огромное большинство писем, доставленных гонцами, — грамотки частных лиц, новгородских купцов. Пересылка бересты носила массовый характер, десятки тысяч таких писем прошло через почту. Новгородская почта была устоявшимся явлением. Долгие годы, с начала XI до конца XV вв., система пересылки вестей не претерпела никаких изменений. Например, в договорах, заключенных городом с соседними княжествами, слово *повоз* употреблялось до 1471 г., тогда как в остальных русских землях его успели к тому времени достаточно прочно забыть.

Впервые о новгородской почте рассказала береста — простой обрывок березовой коры, исписанный рукой человека.

Более двадцати пяти лет назад, 26 июля 1951 г., на раскопках в древнем Новгороде произошло выдающееся событие — была обнаружена берестяная грамота, за ней вторая, третья... Одно за другим из земли извлекались письма и документы, написанные много столетий назад.

Самое важное в находке берестяных грамот — открытие замечательного для истории русской культуры явления: написанное слово в Великом Новгороде не было в диковинку. Оно являлось привычным, широко распространенным средством беседования на расстоянии. Новгородцы постоянно писали и читали грамотки, рвали и выбрасывали их так же, как мы сейчас рвем и выбрасываем прочитанные письма [1](#).

Не меньшее значение имеет находка новгородских берестяных грамот для истории древней русской почты. Она показывает, что уже в XI—XV вв. шел активный обмен письмами между русскими городами, была налажена доставка не только княжеских грамот, но и писем простого народа. Не исключена возможность, что часть корреспонденции доставлялась с оказией. Но сами берестяные грамоты подтверждают существование в Новгороде каких-то каналов связи.

Обширна география отправителей бересты. Писали из Карелии, Ярославля, Смоленска, Емца. А для скольких грамот вообще еще не установлены адреса отправителей!

Почтовых линий в Новгородской земле было, вероятнее всего, не так уж и много и проходили они по основным торговым путям, связывавшим Новгород с традиционными центрами торговли. В частности, уже известную нам грамоту Гордея к родителям везли из Смоленска по старой торной дороге: по Западной Двине и Торопе до Торопца, далее по рекам Куньей и Ловати до Новгорода.

Кто вез грамоту купца Гордея?

Переписчики старинных книг любили украшать рисунками свои работы. Частенько иллюстрируя священные тексты, наблюдательный художник изображал современную ему архитектуру, предметы утвари, облачал мифологические персонажи в одежды своего времени. Не отступили от этого правила и создатели новгородского «Псалтыря» XIV в.: заглавную букву «Г» они нарисовали в виде стилизованной фигуры гонца. Одежда посланца выдержана в характерных для рисунков книги зеленоватых тонах. Он трубит в берестяной рожок, в руке у гонца посох с крестообразным навершием. Скорее всего это не посох, а увесистая сучковатая дубинка, которой одинаково удобно отбиваться и от бродячих собак и от лесных татей. Вероятнее всего одевались посыльные так же, как и все новгородцы, только рожок являлся знаком их профессии.

Теперь, когда нам известен облик новгородских гонцов, попытаемся выяснить, доставляли ли они частную корреспонденцию или их функции ограничивались перевозкой княжеских и посадничих грамот.

Исследование грамоты Гордея ничего не дает. Возможно богатый торговый гость отправил с грамотой своего слугу или попросил отвезти письмо знакомых купцов, ехавших в Новгород.

Но вот другой пример.

Во второй половине XIV в. в Новгород пришла грамота из Копорья [2](#) от некоего Савелия. Какая-то рать ударила на крепость, и Савелий бежал, бросив часть своего имущества. В раздражении писал он сотскому Максиму Онцифоровичу: «Как договорились, пришли мне второго коня. А я, не имея второго коня, имущество побросал, а часть его растерял... Очень плохо мне с одним конем. Ни дома... ни дров привезти, ни матери послать не на чем» [59]. Совершенно очевидно, что человек, имеющий одного коня, да и тот ему нужен до зарезу, не пошлет на нем слугу с письмом в далекий Новгород. Ведь от Копорья до города около 250 верст.

Как следует из бересты, конь нужен Савелию для различных домашних дел: привезти дрова, послать к матери... Упоминаемая посылка к матери никоим образом не связана с отправкой писем. Савелий собирался препроводить к ней какие-то подарки, деньги и тому подобное. Еще один пример.

В первой половине XIV в. поехал Петр в село Озеричи косить сено. Покосы он там приобрел недавно и еще не успел познакомиться с соседями. Поэтому местные жители, заподозрив в нем самозванца, отняли скошенное сено. Тогда Петр написал письмо своей жене с просьбой прислать ему копию с купчей грамоты. «Спиши список с купной грамоте да пришли семо, куды грамота поведе» [60].

Конечно, Петр не стал доверять свою грамоту случайному человеку, который мог бы ее потерять или просто выкинуть по дороге. Грамоту в Новгород привез и не слуга Петра, в этом случае зачем бы он стал писать: «пришли семо, куды грамота поведе» (пришли сюда, куда грамота скажет). На первый взгляд эта фраза совершенно бессмысленна и попала в текст письма случайно. Но чуть дальше мы убедимся, что эта

вставка имеет огромное значение: без нее Петр никогда бы не получил копию с купчей грамоты.

И, наконец, последний пример.

Писал в XV в. приказчик Михаил своему барину Тимофею: «Поклон от Михаилу к осподину своему Тимофею. Земля готова, надобе семена. Пришли, осподине, целовек спроста, а мы не смием имать ржи без твоего слова» [61]. Общий смысл письма ясен. Михаил извещает своего феодала, что земля готова для посева, и просит прислать человека, с ведома которого можно было бы взять из наличных запасов семена ржи для посева.

В тексте грамоты есть только одно слово «спроста», смысл которого не совсем понятен. Ученые до сих пор спорят о значении этого слова. Среди многих толкований непонятого термина наиболее правдоподобным считается объяснение Н. А. Мещерского [62], который приводит данные, свидетельствующие, что слово «спроста» имеет такой же смысл, как и «вборзе» — скорее.

Дело, о котором писал приказчик Михаил, относилось к числу спешных. Оно требовало безотлагательного разрешения: нельзя было упустить время для посева. Поэтому доставку такого письма можно было доверить только специально посланному человеку, который быстро бы его доставил, нигде не мешкая ни минуты.

Мы познакомились с тремя берестяными грамотками, которые были доставлены в Новгород не со слугами отправителей, не со случайными людьми, а с кем-то, для кого доставка писем была профессией.

Вернемся к письму Петра. Мало вероятно, чтобы его жена не знала, куда и зачем поехал муж. Но Петр купил луга не только в Озеричах, видимо, у него были покосы и в других местах. Написав бересту в Новгород, он счел нужным указать, в каком именно селе у него отняли сено; это — его обратный адрес. Затем в конце письма отправитель добавил, что купчую грамоту нужно отправить только в Озеричи, а не в какое-нибудь другое место. Не будь в письме Петра фразы «пришли семо, куды грамота поведе», жена не знала бы его адреса. Эта приписка все ставит на свои места: адрес получателя — Озеричи.

Написанную берестяную грамоту скатывали трубочкой, текстом наружу.

Для того чтобы грамота дошла до получателя, к ней привязывали берестяной ярлык с именем адресата. Несколько таких грамоток было найдено новгородской археологической экспедицией. Руководитель раскопок А. В. Арциховский [63] определяет именные записи как этикетки, ярлычки или адреса. По его словам подобные ярлычки могли привязываться ниткой к подаркам или вообще к вещам (в том числе и к берестяным грамотам), предназначенным для передачи определенному лицу.

Бесспорными адресами были следующие три грамотки: № 58 (XIII—XIV вв.) — «Маремейне» [64]; № 319 (XIII—XIV вв.) — «Еванове попове» («Попа Ивана») [65] и № 12 (XV в.) — «Сидоре дворянин Яколь» («Дворянин Сидор Яковлев») [66].

Интересную грамотку нашла в 1955 г. Новгородская экспедиция. Она почти не испорчена, только две или три буквы оторваны справа от первой строки. А. В. Арциховский датирует ее второй половиной XII в. Текст грамоты весьма примечателен: «Кринило синоу. У Федора оу Урокев... А живе во Славне со Коуиже» [67]. Расшифровать эту запись можно так: «Сыну Кринилы. У Федора у...». «Урокев...» — недописанное отчество или прозвище этого Федора. «А живет во Славне...» Последнее слово в грамоте понять нельзя, очевидно, здесь описка. Славно — район в юго-восточной части Новгорода. Теперь видно, что это типичный почтовый адрес. Он, надо полагать, был привязан к грамоте, адресованной сыну Кринилы, жившего у некоего Федора. Дом последнего находился в Славне.

Обращает на себя внимание грамота № 143. Это хорошо сохранившаяся записка или, правильнее сказать, этикетка: «5. Заволоцкое» [68]. Написана она не позже первой половины XIII в. Заволоцким или Заволочьем новгородцы называли свои владения в

бассейне Северной Двины, за волоками, которые связывали Белое озеро с озерами Воже и Кубанское. Что могла значить эта записка? Предполагается, что она служила этикеткой для предметов, как-то связанных с Заволочьем, или общим адресом для пяти грамот, отправляемых туда.

В текстах берестяных грамот иногда встречаются имена лиц, их доставивших. Это — Давыд Прибыша и сын посадничий Мануил.

Кто был первый из них — неизвестно. Из грамоты конца XIV в. можно только узнать, что некая Марина послала с ним письмо и деньги на покупку бухарской ткани «зендянца» [69].

Служилый человек «посадничий» Мануил около 1350 г. привез в Новгород письмо посадника Онцифора Лукинича [70]. Исследовавшие эту грамоту В. Л. Янин [71] и Л. В. Черепнин [72] считают, что Мануил мог быть только казенным курьером.

Разумеется, Мануил не приходился сыном ни одному из новгородских посадников. В старину воинов, постоянно живших со своими начальниками (князьями) или посадниками, называли «детьми». Так появились в России звания служилых людей: дети боярские, дети посадничьи и даже дети митрополичьи. С XIV в. «дети» стали получать «за службу» земельные наделы и селиться на них. Но по первому зову своего военачальника они свое хозяйство бросали и принимались за выполнение воинских обязанностей.

Среди дел, которыми занимались «дети», была обязанность доставлять грамоты своего начальника. Мы уже имели случай убедиться в правильности этого предположения: в Киевской Руси обязанности гонцов выполняли «отроки» и «мужи». Тоже было и в Новгороде.

Новгородские гонцы для доставки корреспонденции пользовались повозом, который в берестяных грамотах назывался «вожи» [73]. Лошадей и корм, как мы уже знаем из договора между Великим Новгородом и князем Ярославом Ярославовичем Тверским, вестники брали в купеческих селах, у богатейшей части населения Новгородской республики.

Почему же именно купцы были заинтересованы в своевременной и быстрой доставке корреспонденции?

Один из крупнейших купеческих городов Европы — Великий Новгород стоял на пересечении важнейших международных торговых путей. Занимавшимся торговлей по всей русской земле и за границей новгородцам необходимо было знать спрос на товары и колебание цен на рынке. Частые недороды были уделом Новгородской земли. Поэтому во многих берестяных грамотах повторяется один из тот же вопрос: «Дешев ли хлеб?» Хорошо поставленная информация позволяла купцам скупать хлеб в богатых областях Владимирского ополья и Южной Руси, а затем выгодно сбывать его на Севере, получая при этом огромные барыши.

Берестяная грамоты «сыну Кринилы».

План Новгорода. Старинный рисунок

В любую погоду, в жару и холод, в сушь и мокропогодицу скакали по дорогам новгородские гонцы с берестяными грамотами. Известный нам Онцифор Лукинич просил однажды свою мать прислать ему медвежью шкуру, меха, одежду, полости. Кроме того, он давал в письме ряд хозяйственных указаний. «...Михи и серебро, — писал посадник, — не добудешь до пути, пришли с Нестором сим...» [74], Смысл фразы в следующем: если мать не соберет меха и деньги до установления хорошей дороги («до пути»), то когда дорога будет хорошая, пусть приедет за деньгами слуга Онцифора — Нестор. Очевидно, письмо писалось в распутицу, когда дороги раскисли и стали непроезжими для обозов. Но, несмотря на это, береста тем не менее была доставлена в Новгород.

В 1952 г. новгородская экспедиция нашла обрывок грамоты: «...чоловекомъ грамотку пришли тайно...» [75]. Ее отправитель, сам того не подозревая, лишний раз подтвердил, что в Новгороде XI—XV вв. существовала система доставки частной корреспонденции, которой нельзя было доверять тайную переписку.

Тайная переписка имела место в Киевской Руси еще на рубеже XI и XII вв. Археологи находят во многих древних городах печати с надписью «Дьнеслово», которая переводится как скрытое, сокровенное, тайное слово. Ученые связывают некоторые из этих печатей с именами киевских князей Святополка Изяславича и Мстислава Владимировича. География таких печатей довольно обширна — Киев, Новгород, Смоленск, Владимир-Волынский. Но как доставлялись запечатанные ими грамотки — остается загадкой [76].

Год от года богатели «лучшие» люди Новгорода. Купцы стали осторожнее в торговле, реже отправлялись в дальние страны за дивными товарами, жили на проценты, приносимые их сокровищами, скупали землю, становились вотчинниками.

В городе зрела крамола. Новгородская знать давно вынашивала мысль отпасть от Москвы и признать над собой власть польского короля и литовского великого князя Казимира IV. Тайно ковался союз Новгорода с Польшей. Непрерывно происходил обмен

послами и гонцами. В 1470—1471 гг. бояре подготовили проект договора с Казимиром IV. Грамота была составлена в духе новгородской «старины». Большинство статей этого документа были идентичны с таковыми в договорных грамотах с великими князьями тверскими и московскими. Но один из ее пунктов не совсем обычен для новгородских договоров: «А подвод по новгородской отчине не имати ни твоим послом, ни твоему наместнику, ни иному никому ж в твоей державе» [77]. Другими словами, все королевские чиновники в новгородских владениях должны были пользоваться своими средствами передвижения. Признавая Новгород королевской «отчиной», зависимой от Казимира IV земель, составители договорной грамоты, в первую очередь, стремились избавиться от ненавистного повоза. Гонец с грамотой был перехвачен московскими заставами. Великий князь Иван III Васильевич предъявил Новгороду обвинение в измене и во главе своих войск двинулся разорять новгородские земли. 14 июля 1471 г. пятитысячный отряд московского воеводы Д. Д. Холмского наголову разбил на реке Шелони прекрасно вооруженное и обученное немцами новгородское ополчение. После шелонского разгрома «лучшие» новгородцы подписали Коростынский договор с Иваном III. Произошло это 11 августа 1471 г. Статьи о повозе в нем были изложены так же, как в известной грамоте 1266 г.

Шелонская победа поставила Новгородскую феодальную республику в зависимость от Русского централизованного государства и подготовила условия для включения «Господина Великого Новгорода» в состав единого Московского княжества. Через несколько лет Иван III предпринял еще два похода на Новгород. С 1478 г. северо-западные земли окончательно вошли в состав Московского государства. Новгородское боярство и его приспешники были разгромлены. Рухнула новгородская «старина» и вместе с ней изжившая себя система повозной почты. На землях Великого Новгорода была создана по московскому образцу новая, более прогрессивная, система доставки грамот — ямская гоньба.

¹ Находке и изучению новгородских берестяных грамот посвящена книга В. Л. Янина «Я послал тебе бересту...», М, Изд-во МГУ. 1965.

² Копорье — новгородская крепость неподалеку от побережья Финского залива.

С XIII в. в центральных областях русского государства почта-повоз заменяется новой системой перевозки гонцов и княжеских чиновников — ямской гоньбой.

Слова *ям* и *ямщик*¹ пришли на Русь вместе с татаро-монгольскими завоевателями. Татарская система доставки вестников и ханских чиновников мало чем отличалась от русского повоза. Все население необъятных татаро-монгольских владений обязано было представлять средства передвижения по требованию хана и его военачальников.

Джиованни дель Плано Карпини, посещавший в 1245—1247 гг. земли, завоеванные татаро-монголами, так описывал систему перевозки послов в книге «История Монгалов»: «Каких бы, сколько бы и куда бы он (хан) ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводу и содержание; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание... Также и послам вождей, куды бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам». [1]. Плано Карпини пишет далее, что в 120 верстах от Киева, в Каневе, находился татарский почтовый стан. И его начальник дал послу лошадей с проводником до следующего яма.

В Монголии той поры существовала и система доставки спешных гонцов. Она очень красочно описана в «Книге» знаменитого венецианского путешественника Марко Поло. По его рассказу по всем дорогам через 25 миль (около 40 километров) устроены почтовые станции, на которых стоят наготове по 300—400 лошадей. Гонец, приехав на станцию, бросает усталую лошадь и берет свежую. За день гонцы проезжают по 250—300 миль [2].

Захватив земли русских княжеств, татаро-монголы в городах и селах, на месте прежних станов, стали устраивать свои почтовые станции — дзям. На ямах, так их окрестило местное население, жителям приказано было содержать определенное число лошадей для спешной перевозки ханских чиновников.

В официальных документах *ям*, как повинность, впервые упоминается 1 августа 1267 г. в ярлыке хана Менгу-Тимура. Этим актом русское духовенство навечно освобождалось от ямской и других повинностей.

Ярлык татарского хана определял повинности, которыми в те времена облагалось тяглое население: «Тако молвя по первому пути, которая дань, или полужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просятъ; *ям*, *воина*, *тамга* не дають» [3]. Из акта видно, что русский повоз разделен на три подати: подводу, *ям* и корм. Теперь официальных лиц и гонцов стало возить не население, а специально для того назначенные люди — *ямщики*. Тяглые крестьяне обязаны были доставлять только грузы. Это называлось подводной повинностью, или просто «подводой». Население, кроме того, обеспечивало проезжающих питанием, а лошадей кормами. Продукты и фураж обычно привозили на ямы.

К середине XVI в. *ям* и подвода сливаются воедино: с этого времени *ямщики* стали возить и людей и грузы. Податное же население платило так называемые *ямские деньги*, налог на содержание *ямской гоньбы*, и поставляло гужевой транспорт для перевозки грузов в военное время.

Как же назывались люди, возившие почту?

Слово *ямщик* в старинных документах встречается не часто. Обычно писали *ямской охотник* или просто *охотник*. Этот термин произошел от выражения «ямскую гоньбу гоняют своей охотою

(добровольно)». Проще говоря, *охотник* — доброволец. Если ямщик должен был сопровождать какое-то лицо, его в официальных бумагах называли *проводником*. И совсем редко охотников звали *гонщиками*.

Русская служба связи в старину носила пышный титул: «скорая омская гоньба». Но такое сочетание в указах попадает редко. Обычно писали *ямская гоньба*, *скорая гоньба* и просто *гоньба*.

¹ Нет единого мнения о происхождении этих слов. Но давно замечено, что термин *ямщик* сходен по звучанию с тюркским *ямчи* (почтовый смотритель), а еще больше с персидским *ямджик* — гонец.

По новой системе татарские чиновники, а также русские гонцы с ратными вестями могли брать на ямах любое число лошадей. Все прочие официальные лица получали средства передвижения в ограниченном размере или платили за них деньги — прогоны.

Первая попытка упорядочить систему перевозки лиц, отправляемых с официальными поручениями, делается в пространной редакции «Русской Правды» 1209 г. Одна из статей закона определяла правила проезда княжеских судей по киевским землям: «А судье ехать с отрокомъ на двум коню, а сыпать им на корм овес, а мяса дать борана или полоть (говядину), а прочего корма, сколько чрево возьмет». Особо указывалось, сколько судья должен получать на перепряжку лошадей *перекладного*. В серебряных деньгах это составляло 5 кун [4].

О проезде княжеских дворян по новгородским землям говорится в уже известном нам договоре 1266 г. между Великим Новгородом и князем Ярославом Ярославичем Тверским: «Дворяном твоим и тивуним погон имати, како то пошло» [5]. Погоном тогда называлась пошлина, взимаемая в возмещение путевых расходов чиновников князя и его наместника (тиуна) при проезде от Торжка до Новгорода. Новгородский «погон» то же самое, что и киевское *перекладное*. И выражение «како то пошло» наверное имело в виду соответствующую статью «Русской Правды».

Впрочем это легко проверить.

Через четыре года новый договор новгородцев с Ярославом Ярославичем установил, что погон посыльные дворяне должны получать не по старине, — «како то пошло», а строго определенного размера: ехавшим «от князя 5 кун ¹, а от тивуна 2 куны» [6]. Только на эту сумму новгородцы давали чиновникам корма и лошадей. Должно быть, княжеские дворяне ездили со многими провожатыми, поэтому получали больший погон. Очевидно, пошлины вполне хватало посланному, потому что ни один из старинных документов не упоминает о случаях превышения расходов на проезд над погоном. Новгородцы боролись с попытками княжеской власти увеличить эту сумму, и она оставалась неизменной вплоть до 11 августа 1471

г., когда представители новгородской республики заключили свой последний договор с великим князем Иваном III.

В XIV—XV вв. появляется новый, более прогрессивный способ определения величины прогонов — езд. Псковская судная грамота впервые установила, что прогоны выплачиваются в зависимости от расстояния. В статье 49 грамоты сказано: «Княжим людям или подвойским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга» [7]. При поездках по служебным делам княжеские люди и подвойские, судебные чиновники, получали пошлину на путевые расходы из расчета одна денга (полкопейки) «а десять верст пути, т. е. примерно столько же, сколько получал дворянин, посланный князем в новгородские земли, по договорам 1270—1471 гг.

Среди множества судных и уставных грамот наибольший интерес представляет новгородская 1389 г. В ней определялось, что частное лицо может вызвать на суд своего противника, оплатив стоимость проезда судебного чиновника или переслав по официальным каналам повестку — позовку. Кроме того, новгородская грамота устанавливала сроки вызова на суд: «А кто кого позовет в селе позовкой или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели и ближе, а то по числу (из того же расчета)» [8].

Двухнедельный срок, установленный Новгородской судной грамотой, был достаточно жесткий. Кроме того, что ответчику должна быть доставлена позовка, обязывающая его к определенному дню, собрав нужные документы и свидетелей, прибыть на суд, ему разрешалось написать письмо в Новгород, подыскивая себе защитника. Пример этому можно найти в новгородских берестяных грамотах. В XIV в. Дорофей, вызванный на суд Федором, Нездовым внуком, писал «к Осипу с братией. Позаботься об мне» [9]. Осип должен был ответить, возьмется ли он за это дело. Если Дорофей жил за сто верст от Новгорода, то посыльные за две недели должны были проехать четыреста верст: отвезти позовку Дорофею, его грамотку Осипу, ответ адвоката подзащитному и, наконец, доставить в Новгород документы, оправдывающие Дорофея. Причем судебный исполнитель имел право проделать весь путь пешком. Этот случай предусматривал Судебник 1589 г. царя Федора Ивановича: «хочет (судебный пристав) пеш поди, хочет лошадь найми» [10].

*Новгородская гривна (половинный обрубок) XIII—XIV вв.
с выцарапанной надписью «Ониськова»*

В Новгороде действовало несколько судов: княжеский, посадничий, церковно-владычий и суд тысяцкого. Население боярских и монастырских владений подлежало вотчинному суду. Многообразие судебных органов в Новгороде отвечало сложным политическим отношениям между княжеской властью и боярским правительством, между Новгородским государством и церковью, между боярами и городскими ремесленниками. При такой пестрой структуре судебных органов, казалось, должна быть различной и величина езда. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют ответить на этот вопрос.

Новгородская судная грамота не устанавливала стоимость пересылки позовок. Только из акта, данного Двинской земле в 1397—1398 гг., можно узнать, что отправитель судебной повестки платил тот же езд. Грамота определила езд от Орлеца (центр области) до Нижней Тоймы в 30 бел². Между этими пунктами, если ехать вдоль Северной Двины, около 20 верст. Езд брался в оба конца. Так что получается примерно полкопейки за каждые 10 верст пути [11].

Стоимость пересылки позовок из Москвы в другие города была установлена в 1497 г. Судебником Ивана III. В нем статья 30 называлась «Указ о езде». Некоторые археографы, такие, как С. В. Юшков и Л. В. Черепнин, считают, что «Указ о езде» был принят правительством задолго до создания Судебника и при выработке общерусского свода законов вошел без изменения в его состав [12].

«Указ о езде» назначил тарифы для пересылки позовок из столицы в пятьдесят три города. Для этих городов была установлена постоянная величина езда. Исчислялась она в среднем шесть денег (три копейки) за 10 верст пути. В шесть раз выше, чем в Новгороде! Поэтому новгородские купцы и не хотели принимать московский «Указ о езде». Так же, как в Двинской уставной грамоте, езд брался в оба конца. Для некоторых мест прогоны были установлены произвольно. Хотя Коломна, Серпухов, Можайск и Клин удалены от Москвы на разные расстояния, езд до них был одинаковый — полтина (50 копеек). Еще более

разительной была разница при исчислении проезда по южной дороге. От Москвы до Малоярославца без малого 100 верст, а до Калуги почти 150. До первого езда — полтина, до второго — рубль.

Интересно отметить стоимость пересылки позовок еще в некоторые города: «до Звенигорода 2 гривны (20 копеек), до Козельска рубль с четвертью, до Белева тож,... до Дмитрова 10 алтын (30 коп.),... до Переславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Еро-славля (Ярославля) рубль с четвертью, до Вологды пол — 3 рубля (2 руб. 50 коп.),... до Двины и до Колмогор (Холмогор) о руб-лев московскаа, до Володимира рубль с четвертью,... до Суздаля рубль с четвертью,... до Новагорода Нижнего пол — 3 рубля.... до Твери рубль,... до Новагорода Великого пол — 3 рубля московска» [13].

Во времена грозного царя Ивана IV Васильевича в 1550 г. был выпущен новый Судебник. В отличие от старого кодекса в «Указ о езде» были добавлены стоимости проезда до Пскова, Смоленска, Иван-города, Лук Великих и Торопца, незадолго до этого вошедших в состав русского государства. Заканчивался указ следующей весьма примечательной фразой: «А где будет болши того верст, ино имать по тому ж разчету» [14]. Комментаторы этой статьи Судебника считают, что последнее указание косвенно подтверждает, что официальные лица могли посылаться не только из Москвы. В то же время законодатель не мог предусмотреть все возможные случаи поездок чиновников из одного города в другой и устанавливает лишь общий принцип исчисления причитающихся посланному сумм [15].

Сын Ивана Грозного Федор безо всяких изменений включил в свой Судебник 1589 г. «Указ о езде» из отцовского свода законов. Принцип исчисления прогонов был изложен следующим образом: «А ездю имати на версту по денге, колко верст не буди» [16].

Законы о пересылке судебных повесток имели огромное значение для развития системы связи в России. Они установили единую таксу за отправления. Величина езда показывает, во что обходилось передвижение по дорогам русского государства в средние века. Судебные исполнители в большинстве случаев везли только одну позовку, поэтому езд, как мы увидим ниже, в точности соответствовал прогонам, которые получали ямщики. Поэтому, возможно, формула Судебника 1589 г. «хочет лошадь найми» имела в виду, что судейские могли пользоваться ямскими подводами.

¹ Новгородская гривна равнялась 25 кунам.

² Рубль равнялся 100 белам.

Создание русского централизованного государства настоятельно требовало расширения ямской гоньбы. Это было осуществлено великим князем Московским Иваном III.

Старинные акты той поры донесли до нас около 1600 названий мест, где княжеские гонцы могли получать подводы и корма. В своем духовном завещании 1504 г. Иван III писал: «А сын мой Василей в своем великом княженьи держит ямы и подводы на дорогах по тем местам, где были ямы и подводы на дорогах при мне» [17].

Несколько раньше устанавливается наказание за самовольное взятие подвод. Около 1430 г. великий князь Василий Васильевич Темный освободил на пять лет жителей села Бисерово (в современном Ногинском районе Московской области) от яма и подвод. Всякого нарушившего княжеский указ ожидала кара: «А что у них кто возьмет или чем их изобидит, быти от меня в казни» [18].

Иван III пошел дальше своего отца. Он стал назначать в местности, временно освобожденные от ямской повинности, специальных приставов.

Собственно должность пристава была известна задолго до правления Ивана III. Так называли судебных чиновников. Теперь же стали назначаться официальные лица, в обязанности которых входило следить за соблюдением правил ямской гоньбы — ямские пристава.

Первое упоминание о приставе в таком качестве встречается в грамоте Ивана III от 6 июня 1481 г. Этим документом Филипп Петрищев назначался в села Троице-Сергиева монастыря, расположенные по реке Воре (в современном Пушкинском районе Московской области), для защиты крестьян от притеснений проезжающих. Ему было приказано следить, чтобы ездоки «в троицких селах и в деревнях тех сел не ставились, ни кормов бы есте, ни проводников не имали, ни лугов не травили, ни гонцы бы мои подводы и проводников и у них не имали». А если кто будет забирать подводы насильно, то их было велено «ссылать доловь», попросту говоря — гнать прочь. Указ предписывал приставу обеспечивать лошадьми гонцов с ратными вестями, а также лиц, «с кем моя будет грамота на имя в монастырские села, кому будет дати подводы» [19].

Такие грамоты назывались *подорожные*.

Самая ранняя из дошедших до нас русских подорожных относится к 1294—1304 гг. Ее дал сын Александра Ярославича Невского владимирский великий князь Андрей атаману Андрею Крицкому и его сыну Кузьме для проезда по Северной Двине к Белому морю. К сожалению, этот интереснейший документ остался только в списке XV—XVI вв. Хранится он в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина:

«От великого князя Ондreja к посадникам, и к скотникам, и к старостам. Како есмь докончал (заклучил мир) с Новымъ городом, ходите трем ватагам моим на море: а ватамман Ондрей Критцкый, отъ дадут с погостов корм и подводы по пошлине; а сын его Кузма како пойдет с потками (птицами) по данничу пути, дадут ему корму и подводы, по пошлине с погостов» [20]. Содержание грамоты в общем-то ясно. «Даннич путь» — дорога, на которой княжеские слуги имели право получать у податного населения (данников) все необходимое для проезда.

Сохранилась форма новгородской судебной повестки-позовки XV в. Возможно, она одновременно служила подорожной для посланных. Если устранить из текста документа имена собственные, то грамоте можно придать вид общей формулы: «От посадника (такого-то), от посадника (такого-то), от сочкого (такого-то). Се позва (такой-то такого-то) на суд дворяны (такими-то)» [21]. Здесь недоумение может вызвать двукратное повторение имени посадника. Дело в том, что в XV в. Новгородом управляли два посадника. А позовка писалась от их имени и имени сотского.

С конца XV в. подорожные, выдаваемые проезжающим, начинают составляться по единой форме. В них предписывалось: «По ямом ямщикам давать подводы от ямы к яму». Некоторые грамоты обязывали кормить на ямах проезжающих. В 1493 г. ехал из Москвы в Великий Новгород «Сенка Зазевидов с немчином». По подорожной им должны были давать по две подводы, а также «куря, да две части говядины, да две части свинины, да соли, и заспы (крупы), и сметаны, и масла, да два калача полуденежные» [22]. Так что от голода проезжающие не страдали.

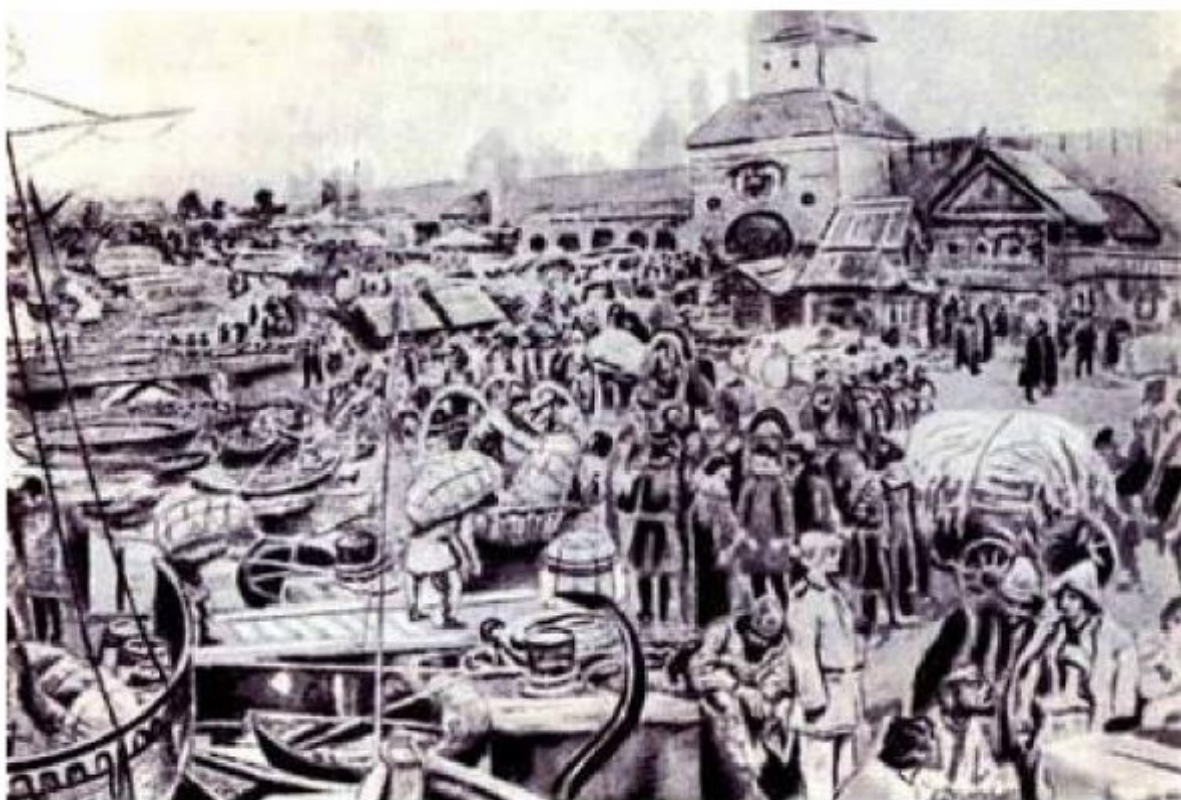
ГРАМОТА: Ѡ ТЗ ЖНЗ Н ОМН РѦ: КЗ МН ІС ОУЛЕ:
 КРУПНА БЕСН: РОБОУ: ПЛЪС КОВЕ. АН ЖИ НЕМА:
 БД ТМЗ: АЛА КЗНА ГЖИ НН: АН ЖИ ЕСА ДРОУ
 ЖИ НА: ПОМА ПРОУ УНЛА: АН ЖИ НЕКА ТТОСЪ
 ЛН КА ТОМОУ: МОУ ЖЕВН: ГРАМОТ ОУ: ЕЛН
 ОУ НЕГО РОБА: А СЕТ НХО УОУ: КО НЕ КОУПН
 ВЪ: НИ КЗ НА ЖВ МОУ ЖВ ВЗ СА ДН ВЪ: ТА НА СЪ
 ВО ДЪ: АТЪ АТЪ ЕЕСН НЕВЪ ЗА ЛЪ КР УНЪ:
 ТЕХЪ: АН ЕЕСН МЛН: НН УЗ ТЪ ЖЕ ОУ НЕГО:

Берестяная грамота XII в. «От Жизнемира ко Микуле»

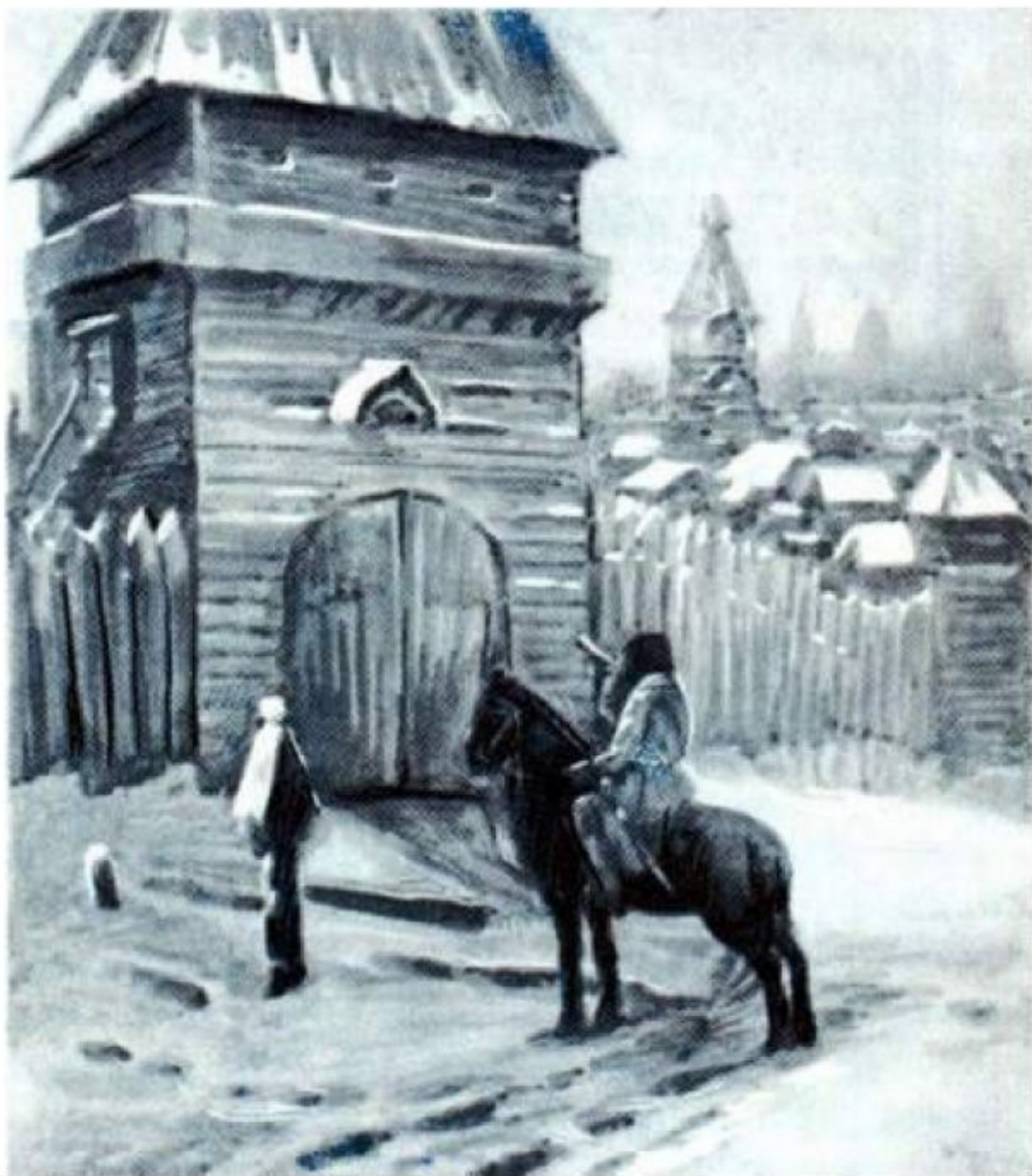

Вислая печать князя Александра Невского. XIII в.

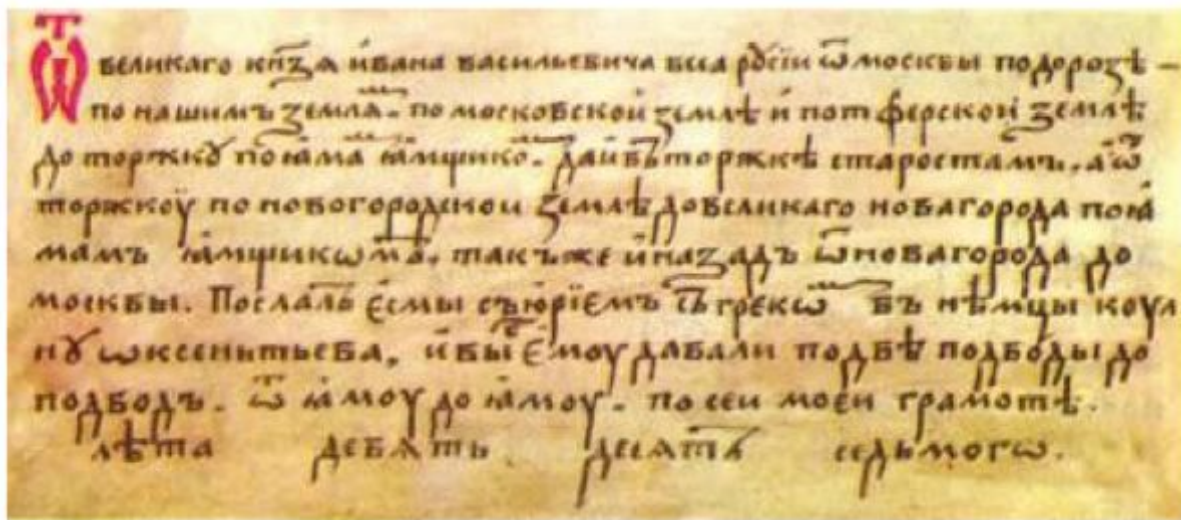

На пристани в Новгороде (с картины К. Лебедева)

Княжеский гонец на Руси XVI в. (с картины А. Першина)

Так выглядели подорожные грамоты в XV—XVI вв.
 (муляж из Центрального музея связи им. А. Попова)

Иван III разрывает ханскую грамоту (с картины Н. Шустова)

Гонец XVI в. (с картины В. Шварца)

Необходимость спешно доставлять сообщения вынуждала гонцов даже в XVI—XVII вв. брать лошадей не только на ямах, но и в придорожных селах. Такое право давала им подорожная, написанная по особой форме: «По дороге от Москвы до (название города) по ямом ямщикам, а где ямов нет, всем людям безотменно, чей кто нибуди, что есте давали б (такому-то) подводу верхи» [23]. Тогда же, возможно, было установлено разделение подвод в зависимости от их назначения. «Подводу верхи» — верховую лошадь — обычно давали гонцам. В XV в. расстояния между ямами были значительные, поэтому гонец, как правило, получал две лошади для того, чтобы в пути пересаживаться с одной на другую. Официальных лиц, послов, грузы возили на «подводе с телегою» летом и на «подводе с санями» зимою, другими словами, на лошадях, запряженных в павозки.

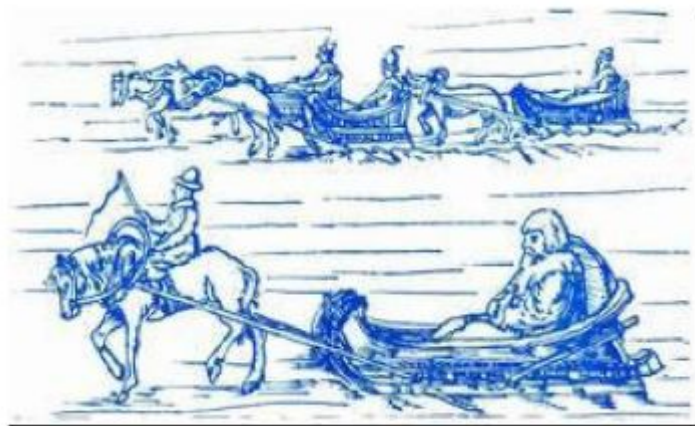
Интересное описание скорой ямской гоньбы первой четверти XVI в. оставил австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и 1526 гг. Начинается этот рассказ словами: «У князя (Василия Ивановича) в своем владении в разных местах определены гонцы с полным числом лошадей, дабы, когда послан будет царский гонец, лошади были тотчас готовы» [24].

Далее дипломат рассказывает, как он ехал из Новгорода в Москву. На ямах Герберштейну и его спутникам каждое утро приводили 30, 40, а иногда 50 лошадей, тогда как им нужно было не более 12. Доехав до следующего яма, путники меняли лошадей и тотчас отправлялись дальше. По словам Герберштейна лошаденки на станах были низкорослые, лохматые, ленивые, но очень выносливые. Если кому-то надобно было ехать быстро, а с лошадьёю что-нибудь случалось, он брал в ближайшем поселении или у первого встречного, кроме царского гонца, другую и продолжал путь. Ямщики потом взыскивали за брошенную лошадь, а взятую возвращали хозяину, заплатив при этом положенную плату.

Русскую систему ямской гоньбы немецкий дипломат называл почтой, гонцов — почтальёнами, ямщиков — управляющими почт, ямы — станциями. В русском же языке все эти слова появились только спустя полтора столетия.

К «Запискам» приложен чертеж Московского Кремля. По обычаю того времени план украшен рисунками. Здесь и боярин в долгополой одежде, и воины на конях, и лыжники. Для нас же самое интересное на чертеже — несущиеся во весь опор сани. Много саней. На некоторых сядоки сами правят лошадьми. Другие же с проводниками, так еще в старину называли ямщиков. Любопытную деталь подметил путешественник: в те времена проводники обычно сидели верхом на лошади, спустив ноги меж оглоблей.

Адам Олеарий — немецкий ученый и путешественник, посетивший Россию в 1633 и 1635—1639 гг., описывая ямскую гоньбу, говорил, что русские обычно запрягают в повозку одну лошадь. А если коней несколько, то их ставят одного за другим цугом или «гусем».

Московские ямщики начала XVI в. (по рисунку С. Герберштейна)

У каждого ямщика был рожок из бычьего рога. Тем не менее, подъезжая к станции, охотник закладывал два пальца в рот и обыкновенным свистом вызывал смену. В свое оправдание охотники товарищи говорили, что свист дальше слышно и лошади под молодецкий посвист бегут быстрее [25].

Иностранцы оставили описание внешнего вида русских почтарей. Но более точно одяние гонщика, даже с указанием цен, перечислено в приказных делах 1628 г., хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов: зипун лазорев астрадинный — 2 руб. 50 коп., шапка вишневая с пухом — 1 руб. 50 коп., кушак бумажный с ножами — 50 коп., кафтан шубной полусуконный подлазоровый — «два рубли без гривны» [26]. Такой наряд по тем временам очень дорогой — 6 руб. 40 коп. «строился» на долгие годы и переходил от отца к сыну, от деда к внуку.

В «Записках о московских делах» Герберштейн отмечал, что по темпам передвижения гонцы не уступали западноевропейским почтальонам. Его служитель проехал 600 верст, отделявшие Великий Новгород от Москвы, за 72 часа¹. Примерно такой же была скорость доставки корреспонденции и на других дорогах Русского государства. Летописи рассказывают, что гонец с известием о взятии Казани в 1552 г. прибыл в Новгород на седьмой день [28]. Казань пала 1 октября, когда осенние дожди размыли дороги. И все-таки гонец промчался 1400 верст со средней скоростью 200 верст в сутки.

В декабре 1546 г. по всем семи дорогам из Москвы помчались гонцы с грамотами к князьям и детям боярским. Речь в этих документах шла о выборе царской невесты. Все указы заканчивались такими словами: «Грамоту пересылайте между собой сами, не задерживая ни часу» [29].

С течением времени в старинных актах стали указывать, что проезжающие, если хотят, могут покупать продукты питания и фураж, а не брать их силой. Первый из подобных документов — грамота царя Ивана IV, данная 17 мая 1551 г. московскому Чудову монастырю: «А хто у них (монахов) в том селе и в деревнях станет, он корм свой и конской купит» [30].

В 1558 г. Г. А. Строганов «бил челом» царю Ивану Васильевичу на земли ниже Великой Перми по реке Каме до Чусовой. Царь пожаловал ему эти угодья: указав: «в течение 20 лет хлеб, соль и всякий запас торговые люди в городе держат и послам, гонцам, проезжим и дорожным людям продают по цене, как между собою покупают и продают; также проезжие люди нанимают полюбовно подводы, суда, гребцов и кормщиков» [31].

Скорая ямская гоньба требовала наличия хороших дорог. Поэтому русское правительство уделяло большое внимание созданию новых путей и поддержанию в порядке старых.

Первые «технические» требования, предъявляемые к дорогам, опубликованы в Судебнике царя Федора Ивановича 1589 г. «Куда были преж сего дороги, и ныне бы те дороги были чисты,— говорится в 223 статье свода законов,— и через реки перевозы по государове дороге, а через ручьи мосты вново добрые». Следующая статья определяла ширину дороги в полторы сажени (около 3,2 метра). «А по лесам дорогу частить поперег полторы сажени, и выскиди (бурелом) и поперечный лес высекати. А на ручьях мосты мостиТи поперег полторы сажени. А где на проезжей дороге заворы (косогоры), и тут бы были отворы (удобные спуски и подъемы)». По тракту велено было ставить вехи, «до кех мест чья земля имеет». Так появилась прародительница верстового столба.

Судебник устанавливал наказание за несвоевременный ремонт дорог. Если на худом мосту седок изувечится или лошадь «ногу изломит», то весь убыток взять с того, кто вовремя не починил мост. Такая же кара ждала человека, не поставившего на своей земле вехи [32].

¹ Есть сведения о скорости передвижения по новгородской дороге и в русских источниках. Новгородский владыка Геннадий сообщал митрополиту в Москву, что он получает его грамоты через три дня. Это известие относится к 80-м годам XV столетия [27].

Ямскую гоньбу гоняли охотники, выбираемые из податных крестьян. Мы не можем с точностью сказать, какие документы являлись основанием для избрания ямщиков. Никаких сведений из XV—XVI вв. до нас не дошло. Возможно, так же как во второй половине XVII в. при назначении почтарей, для выбора новых ямщиков издавался специальный указ. Но ничего подобного пока не обнаружено.

Несмотря на то что нам не известны требования, предъявляемые при выборе ямщиков, тем не менее собственно процедуру избрания можно до мельчайших подробностей восстановить по старинным актам.

Когда приходил указ об устройстве яма, местные власти посылали специального чиновника, называвшегося «стройщиком». Если стан был крупный, то стройщик приезжал из Москвы. В этой роли выступали чаще всего дети боярские или дьяки не из числа влиятельных. Организация ямов не считалась почетным делом. Всему роду Пожарских при местнических спорах ставилось в укор, что один из них — князь Иван Петрович — был назначен ямским стройщиком в Тулу в 1601 г. [33].

Нового гонщика избирали в присутствии его односельчан. Происходило это в приходской церкви. Будущий ямщик приводился к крестному целованию и давал обязательство «ямскую гоньбу гонять с прежними ямскими охотниками в ряд, а на кабаке не пропиваться, и зернью (в кости) и в карты не играть, и никаким воровством (преступлением против государства) не воровать, и никуда не збежать, и ямской гоньбы жеребьев своих в пусе не покинуть» [34]. При выборе приходским священником составлялся «излюбленный описок» — своего рода поручительство. Его подписывало человек восемь или десять односельчан выбранного. В списке говорилось, что новый

ямщик — «человек добр и семьянист, и животом прожиточен (состоятелен), и Государеву ямскую гоньбу ему гонять мочно» [35]. Ямщиками выбирали обычно грамотных крестьян. В наших архивах сохранилось множество документов, составленных ямщиками в XVI—XVII вв.

Новый охотник грузил на подводы весь свой скарб, забирал семью и отправлялся на государеву службу. Если на стан, где должен был поселиться ямщик, нужно было ехать через Москву, выбранный являлся в Ямской приказ. Здесь он под расписку сдавал свою «поручную запись» и «излюбленный список» его односельчан. В приказе ямщика записывали в книгу и с этого момента он становился государственным служилым человеком. Если же новое место жительства ямщика находилось в противоположной от Москвы стороне, то все документы он сдавал старосте своего яма.

Стройщик не только выбирал ямщиков, но и, это самое главное, наделял охотников землей.

Ямская земля делилась на несколько частей: 1) земли под ямской приезжий двор и под слободу; 2) пашни, луга и лесные угодья; 3) ямских оброчных деревень — поселений, жители которых гоньбу не держали, но были обязаны снабжать ямщиков хлебом и сеном [36].

Под ямской приезжий двор, на котором останавливались путешественники и где впоследствии происходил обмен сумами с письмами между почтάρями, в рядовой слободе отводился участок 30X40, 40X40 или 50X50 саженой. В крупных городах, таких, как Тверь, Калуга, Ярославль, он устраивался вдвое больше. В Москве, Новгороде, Тюмени приезжий двор был не только административным центром слободы и выполнял другие функции.

Размер земельного участка под ямскую слободу зависел от числа ямщиков, точнее, от паев, которых в ряде случаев бывало меньше, чем гонщиков на стане.

До середины XVII в. ямы устраивались на 40, 30, 20 и 10 паев. Большая слобода — преимущественно в больших городах, второго и третьего разрядов — уездные. Слободы на десять паев назывались окольными. Они ставились на длинных перегонах между крупными ямами и предназначались в основном для смены лошадей скорым гонцам. Были еще ямы поперечные — небольшие поселения на проселках в стороне от главных дорог. В них проживали от 2 до 5 охотников. В административном отношении они были подчинены уездным слободам. Таков был размер ямских станций, предусмотренный законом. В действительности это положение почти никогда не соблюдалось, особенно на дорогах с интенсивным движением. Ежегодно Ямской приказ рассылал в другие учреждения десятки памятей о том, что он увеличил на таких-то ямах число паев «в прибавку к прежним» [36].

Долгое время размеры участков ямщиков никак не лимитировались. В конце XVI в. была установлена норма земли под огороды для больших ямов 25 десятин ¹ на слободу и 8—10 десятин для меньших. Под дворы охотников по указу отводилось в Москве 40X25 саженой, в остальных городах 40X7,5 саженой. Но, как видно из Переписных книг ямских дворов 1627—1642 гг., хранящихся в ЦГАДА, стройщики часто примеривали землю сверх царского указа. Так, в Касимове в 1627 г. под дворы ямским охотникам было добавлено кому 10X6 саженой, а кому и 11X10 саженой. Им же под огороды добавляли в среднем каждому по 17X79 саженой. В Муромской слободе на 63 человека ямщиков обнаружили излишек земли только под дворами в 24,5 десятины [37]. Ямские приказчики получали обычно участки двойного размера. Особенно широко жили новгородские приказчики. У каждого двор и огород занимал более двух десятин.

До первой четверти XVII в. размер пахотной земли и угодий для ямщиков не был точно установлен. Норма определялась на глаз и зависела в основном от доброты стройщиков, которые старались не обижать ямщиков. Так что каждый охотник получал столько земли, сколько хотел. Часто выделение надела гонщикам отражалось на материальном благосостоянии местного населения. И это порождало бесконечные споры.

Наконец, в 1627 г. под руководством тогдашнего главы Ямского приказа Д. М. Пожарского было разработано единое положение о ямском земельном наделе. Особо важным слободам — московским, новгородским и владимирским — выделяли пахотной земли 10 четвертей и сена 40 копен на пай. «Неважным» ямам отрезали соответственно 5 четвертей и 20 копен. Приказчики получали вдвое большие наделы. Такие нормы сохранялись и далее до конца XVIII в. Впоследствии при создании института почтарей дворы и земельные наделы им выдавались из того же расчета. Четверть — это много или мало? Ее размер зависел от качества почвы. На хороших плодородных землях она составляла полдесятины. Для худших земель площадь четверти увеличивалась иногда до 1,5 десятины.

Как правило, пашни и луга охотникам выделялись по возможности ближе к яму. Случалось, что земли давали где-нибудь в уезде. Такой надел, однако, ямщики считали несправедливым. Они или били челом о новом межевании, или без лишних слов захватывали чужую землю. Случай такого рода имел место в Угличе. В 1617 г. при восстановлении яма охотникам были выделены порожние земли под пашни и покосы далеко от слободы. В тот же год ямщики завладели посадской землей, прилегавшей к слободе. Только в 1627 г. по царскому указу посадским были возвращены их угодья. Но ямщики «указу учинились непослушны землей не межевались и с межеванья разбежались» [38], Д. М. Пожарский приложил немало усилий, чтобы примирить охотников с посадом.

Обычно ямским слободам нарезали землю единым куском, стараясь избежать чересполосицы с другими хозяевами. У правительства был печальный опыт организации двух новгородских слобод в 1586 г., когда ямские владения оказались разбросанными по разным местам и перемежались с землями монастырей и феодалов. Это послужило причиной почти двухсотлетней войны между ямщиками и их соседями. Дело доходило до того, что охотники отказывались возить грузы своих врагов даже за двойные прогоны.

Очень часто ямщикам выделяли наделы из монастырских владений. За изъятые угодья правительство или платило деньгами, или давало в обмен «порожние земли». Но случалось и так. В 1589 г. при устройстве новоторжской ямской слободы ей было выделено из вотчины Воскресенского женского монастыря 174 четверти. Взамен монастырю ничего не дали. Мало того, он еще до 1653 г. платил ямские деньги за экспроприированную землю. Монахини утверждали, что слобода создана на их землях, что у них даже была грамота «да сгорела». А Ямской приказ, в свою очередь, говорил, что про то у них «в книгах не написано». И до тех пор, пока не обмерили монастырские земли, монахини продолжали платить лишнюю подать.

Правительство признавало, что за отобранную землю надо что-то давать взамен. И вместе с тем оно обязывало стройщиков вести дело «с пользой для государя», другими словами, не обижать и ямщиков. Если после организации слободы оказывались недовольными и бывшие владельцы земельных угодий и охотники, то объявляли выговор воеводам и дьякам — не умеют они сделать никакого дела, не умеют избавить государя от доуки, одних опустошают, а по отношению к другим забывают государеву пользу. Но если жаловались одни ямщики, стройщиков наказывали без всякой пощады — чаще всего их штрафовали на крупные суммы. Поэтому сотрудники Ямского приказа искренне отстаивали интересы охотников. Они знали, что им будет прощена любая неправда, лишь бы хорошо действовала скорая гоньба.

Избы, в которых жили ямщики со своими семьями, чаще всего были курными, отапливаемыми по-черному печами без труб. Печь занимала пол-избы. Даже в яркий солнечный день свет с трудом проникал сквозь малюсенькие оконца, затянутые мутным бычьим пузырем. Мебели в избе было мало: широкие лавки вдоль стен, да в красном углу под прокопченным ликом иконы большой стол. На полках по стенам расставлялась немудрящая глиняная и деревянная утварь. В длинные зимние вечера вся семья собиралась вокруг стола, мастерили нужные для хозяйства вещи, рукодельничали, пряли.

Потрескивала лучина в железном поставце, мигающим светом освещая эту картину. Зимой вся семья спала на полотах под потолком.

К избе примыкал обширный двор, где содержались лошади, коровы, овцы, хранилась «гонебная рухлядь»: телеги, сани, хомуты, сбруя. Каждый ямской двор — своеобразная крепость. Мало ли какой люд бродит по проезжей дороге! От них и от диких зверей берегли рачительные хозяева свое добро. В местах, где частые заносы и обильные снегопады, над дворами возводилась крыша.

На дорогах с интенсивным движением устраивались станы по 50 и более дворов. Среди них Бронницкий ям на Новгородском тракте. В конце XVI в. на нем проживали 68 ямщиков с семьями [39]. В XVI же столетии в крупных городах создается особый тип поселения — ямская слобода. Население некоторых из слобод доходило до нескольких сотен человек. Например, в Тобольске в 1619 г. насчитывалось 250 человек [40].

В Москве конца XVI в. существовало не менее шести ямских слобод. Путешественник, выезжая из Москвы через Смоленские (Арбатские) ворота Белого города, попадал в Дорогомиловскую ямскую слободу. Правее, к северо-западу у Тверских ворот, там, где теперь Тверские-Ямские улицы и переулки, стояла слобода охотников, ездивших в Тверь и Новгород. Возле Дмитровских ворот, в районе современной Селезневской улицы, находилась Иверская ямская слобода. И почти рядом с ней за селом Напрудным раскинулась по Ярославской дороге Переславская слобода. Ее огороды были разбросаны вдоль современного проспекта Мира до Сретенских ворот. Дворы и пашни Рогожской ямской слободы тянулись по современным Ульяновской и Тулинской улицам вдоль Владимирской дороги. Одна из московских улиц теперь носит имя большевика Ивана Константиновича Дубинина. А раньше ее называли Коломенская-Ямская. Здесь жили гончики, ездившие в Коломну и Рязань. Их дома стояли до нынешнего Краснохолмского моста. Создание московских слобод связывают с именем Бориса Годунова, который, по словам современника, не только расширил, но и «... град Москву, яко некую невесту, преизрядно лепотою украси» [41].

Московские ямские слободы, как, впрочем, слободы других городов, были самоуправляющимися административными единицами. Слободжане выбирали старосту, окладчиков, дававших ямщикам наряды на поездки, сотских, десятских и других должностных лиц.

Центром общественной жизни слободы была съезжая изба, в которой помещались канцелярия и небольшая тюрьма. Работа слободского старосты и его помощников контролировалась объездим головой — дворянином, назначенным Разрядным приказом. Слободские дела решались сходами на братском дворе, который строился на общий счет обычно вблизи приходской церкви, причем трапезная церкви иногда также служила местом собрания. На братских дворах происходили выборы лиц, исполнявших различные службы. Здесь выбирали целовальников, раздававших ямщикам «государево жалованье» [42].

Самым сложным делом, вызывавшим бесконечные споры и жалобы, была раскладка повинностей. Слободские староста и окладчики устанавливали для каждого ямщика число поездок. Затем эту раскладку утверждал сход. При распределении повинности соблюдалась пропорциональность обложения, а именно: двор «лучшего» слободского человека нес тягло, вдвое большее, нежели двор среднего, а двор последнего — вдвое большее по сравнению с двором «молодшего» слобожанина. Такой, казалось бы, достаточно объективный способ обложения в действительности далеко не был таковым. Мирской сход выносил свои постановления от лица всех слобожан, но фактически выражал волю зажиточной части населения, вершившей всеми делами слободы [43].

Каждая слобода строила и содержала на мирские средства церковь, где хранились слободская казна и наиболее важные официальные документы. Церкви обычно посвящались Флору и Лавру, покровителям животных вообще, или Георгию Победоносцу, покровителю лошадей. В церкви приводили к присяге должностных лиц.

По большим праздникам здесь собирались слобожане, в церковной трапезной иногда устраивались торжественные пиры.

Своими силами жители крупных слобод и ямов строили избы для проезжающих. Это были довольно благоустроенные постоянные дворы, в них не брезговали останавливаться даже цари.

Каждая слобода имела свое тавро, которым метили лошадей, таше всего это было просто пятно — круглая, квадратная или еще какая-нибудь геометрическая фигура. Но были клейма и более сложной формы. Некоторые из них описаны в новгородских устройных книгах конца XVI в. «Государево казенное пятно» было: на Бронницком яме — волк, на Заечевском — заяц, на Крестецком — крылатый змей, на Яжелбицком — слон, на Едровском — лисица, на Хотеловском — «гад ползучий», на Вражском — решето, на Раетском — на пятне были написаны «нужные слова — Раица», на Дубровенском — «в кругу крест, а на круге ушки разделены», на Выдропужском — медвежья лапа [44].

Русское правительство придавало огромное значение ямской гоньбе. Поэтому еще Иван IV указом 1556 г. освободил ямщиков от всех земских повинностей: «в городе камня и извести и лесу возить и города и острогу делать и мостов мостить, и с посадскими и с уездными людьми ни в какие подати тянуть и никакого изделия делать ямщикам не велено». По рекомендации Д. М. Пожарского, это положение было подтверждено указом 1619 г. [45].

Ямщики жили значительно лучше тяглого населения России. В свободное от гоньбы время они занимались всякими промыслами, извозом [2](#), торговлей. Поэтому крестьяне, по словам А. Олеария [25], стремились попасть в число гонщиков. Известны случаи, когда к наиболее крупным ямам и слободам приписывались целые деревни, население которых, кроме выполнения обязательных государственных повинностей, обеспечивало ямщиков хлебом, овсом, сеном. Те из ямщиков, которым не платили прогонов, ежегодно получали от правительства под названием *подмоги* — денежное жалованье. Иногда вместо денег из Москвы на ямы присылали сукно, кумач и другие нужные в хозяйстве товары. Величина *подмоги* была различной в разных местах государства. Объяснялось это, в первую очередь, интенсивностью ямской гоньбы (самым напряженным в России был тракт Москва—Новгород—Псков), состоянием дорог (легким путем считалась дорога из Москвы в Казань) и стоимостью лошадиных кормов и пищи для людей. В первой половине XVII в. большинство ямщиков получало на пай по 10—15 руб., гонявшим из Новгорода и Пскова выдавали по 25—30 руб. в год [47]. По тем временам это были большие деньги: Соборное уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. определило, что ямская лошадь стоит четыре рубля, а курица — восемь денег (четыре копейки) [48].

По тем дорогам, где разгоны были небольшие, ямщикам платили гораздо меньше, например в Козьмодемьянске — 8, а в Свияжске — 2 руб. Кроме того, еще давали «хлебное жалование» по 8 четвертей ржи и столько же овса.

Одновременно с развитием ямской гоньбы возникали промыслы для обеспечения ямщиков всем необходимым. Иногда телеги, сани, кибитки, конскую упряжь гонщики мастерили сами, но обычно этим занимались умельцы в городских посадах — тележники, седельники и др. А знаменитые ямские ножи ковали в Туле. Охотники пользовались ими и как столовыми, и как шорницкими [49].

Но благополучие в ямских слободах было видимое. Изматывала гоньба. Нехватка людей на станах увеличивала разгоны. Став государственным человеком, ямщик полностью зависел от правительства. А оно обращалось с ямщиками подчас хуже, чем помещик со своими крепостными.

Ямщики бросали гоньбу и бежали. Некоторые из них уходили на Дон, в вольные казачьи станицы. Большинство же селилось в посадах и оседало на помещичьих землях.

Правительство строго наказывало беглых. Штрафовали также и вотчинников, принявших бывших ямщиков. С них за это взымали штраф 10 руб. Кроме того, указ от 13

августа 1651 г. установил наказание даже для тех землевладельцев, которые получили свои поместья после смерти людей, принявших беглых ямщиков: «с тех помещиков и вотчинников иметь пени по 5 рублей за (беглого) человека» [50]. Этот указ потом неоднократно подтверждался.

Тверские ямщики попытались стать посадскими жителями. И без особого сопротивления со стороны властей перешли с яма на посад. Вдовы ямщиков повыходили замуж за стрельцов, казаков и ремесленников. Шли годы, и никто не вспоминал про этот случай. И вдруг 24 ноября 1673 г. указ: всех беглых записать по-прежнему на Тверской ям в ямщики. Ну, а что делать с вдовами? Тут законодатели решили все очень просто: «которые ямщицьи жены вышли с домами своими замуж, в разные слободы и в дворцовые села, тех сыскивать, за кого вышли замуж. А сыскав, тех людей допрашивать: в ямские слободы вместо себя в замен, кому ямскую гоньбу гонять, в ямщики дадут ли? И буде скажут: в замен в ямщики дадут, тем за них быть в ямщиках. А которые замену за себя не дадут, и тех брать в ямские слободы» [51].

Один из столбцов Разрядного приказа содержит документы по этому поводу — акты пропитаны слезами.

Царь любил показать себя добрым помещиком. Особенно в тех случаях, когда доброта ему ничего не стоила.

Алексей Михайлович, государь всея Руси, досуг свой посвящал многим вещам. Он сочинил «Устав сокольничьего пути», любил редкостных животных, разводил необычайные растения. В сады подмосковного села Измайлова деревья и кустарники везли со всех концов света. С нетерпением ждал царь, когда из далекого Хорезма в Москву доставят саженцы тутовых деревьев.

Но в пути получилась задержка.

Сокольник Елисей Батогов привез деревья из Муромы во Владимир 6 апреля 1666 г. По симбирской подорожной ему нужно было дать с владимирского яма до Москвы 104 подводы. Да в тот же день приехал из Астрахани грузинский царевич Николай Давидович, Таймуразов внук. Его пристав Андрей Елагин потребовал лошадей для царевича, для его чиновных людей и «под обиход». Всего 94 подводы. Грузинскому царевичу поезд составили, и он отбыл в Москву.

Когда же Елисей Батогов стал спрашивать подводы под тутовые деревья, то ямской приказчик Степан Назарьев да староста Андрей Мешков сказали, что подвод на стане нет. Батогов немедленно отправился с жалобой к воеводе Андрею Воронцову-Вельяминову. Тот, как он сообщает в своей челобитной к царю, дал сокольнику «память о тех подводах на ям» и стрельцов. И велел «те подводы доправить тот час же». Но лошадей действительно не было — все ушли в разгоны. Елисей взял на яме только четыре подводы для себя и под свой скarb и, не простившись с воеводой, отправился в Москву. Тутовые деревья он бросил во Владимире на произвол судьбы.

В Москве Батогов, не мешкая, явился в Разрядный приказ и объявил, что «воевода Андрей Воронцов-Вельяминов с товарищи под то тутовое дерево подвод не дали. И то дерево застояло в Володимире не моею, холопа твоего, оплошкою и нерадением, а ево андреевым умыслом». Дальше он сказал, что владимирские ямщики все находятся в разъезде.

Доложили царю. Государь осерчал и велел послать во Владимир грамоту с выражением своего гнева.

И пока грамоту писали...

Принятие присяги (по рисунку А. Олгария)

9 апреля распорядился воевода отправить саженицы в Москву. Ямщики попросили отсрочки на один день. На другое утро Воронцов-Вельяминов приехал на стан со стрельцами и с пушкарями, чтобы с ямщиков «подводы править жестоким правежом». Был в старину такой способ взыскивать долги, штрафы, налоги. Ответчика били до тех пор, пока он не согласится погасить свою задолженность. Но оказалось, что брать подводы не с кого: все ямщики за ночь разбежались. Остались только приказчик, староста, два десятника и два гонщика. Воевода рассвирепел. Велел разыскать беглых ямщиков и вместе с женами и детьми посадить в тюрьму. Царю же он отправил пространную грамоту, сваливая всю вину за случившееся на Елисея Батогова: «Для своей бездельной корысти взял он, Елисей, с ямщиков посул (взятку) и им велел разбежаться».

Была на Руси такая должность — губной староста. Занимался он расследованием различных уголовных дел ³: «воровства против государя», разбоев, грабежей и прочих преступлений. Задержка доставки тутового дерева была расценена как «воровство». Поэтому 13 апреля из Москвы к владимирским губным старостам Федору Беречинскому и Михаилу Трескину примчался гонец. Из Разряда писали, чтобы они разобрались в этом деле, с воеводы взяли 100 руб. штрафа, а саженицы немедленно отправили в столицу на подводах посадских жителей.

И губные старосты «подводы правили смертным правежом».

Многие посадские вынуждены были за бесценок продать свое имущество, чтобы заплатить по 5 руб. за подводу. Кроме того, «большую ценою» купили они 104 телеги и столько же дуг.

Чем же кончилась эта история?

Саженицы тутовых деревьев привезли в Измайловский сад. С воеводы Воронцова-Вельяминова взяли 100 руб. пени. Деньги эти были достаточно большими — весь владимирский посад платил налог на ямскую гоньбу 104 руб. в год. Ямщики, как выяснилось, никуда не разбежались, так что наказывать их было не за что. Деньги, взятые

у посадских людей на перевозку деревьев, зачили в ямские деньги на несколько лет вперед. А телеги и дуги им вернули [52]. Правда, у многих владимирцев после этого происшествия остались рубцы на коже после усердного правежа, но это уже не в счет.

Доставалось ямщикам и от царских гонцов. В делах Разрядного приказа встречаются челобитные от ямских старост о побоях, незаконном взятии лошадей и других притеснениях. Характерна в этом отношении жалоба приказчика Серпуховского яма Анисима Голованова: «А твои, великого государя, гонцы ямщиков бьют и ругают несщадно. А в нынешнем 160 (1652) году июля в 3 день ехал с Тулы стрелец Ефрем Сорокин с твоими государевыми грамотами. И я, холоп, ваш, дал по твоему, великого государя, указу лошадей тотчас не мешкав безо всякого задержания. А он, Ефрем, бил меня, холопа вашего, дубьем несщадно и ругал... И я, холоп ваш, от тех ефремовых побоев три дни лежал безо всякого движения и службы твоей, великого государя, не правил» [53].

Разрядный приказ дал указание серпуховскому воеводе навести порядок на стане. Там все время должен находиться пристав и следить, чтобы проезжающие «гонцы никакой обиды ямщикам не чинили». А если кто из посланных будет бесчинствовать и брать лошадей сверх указанных в подорожной, то об этом доносить в Разряд. И тогда царь будет решать, как поступить с нарушителями правил скорой гоньбы.

¹ Десятина 1,0925 га.

² Охотники занимались извозом «меж своих дел». Они брали за перевозку грузов очень большие деньги. Например, а конце XVII — начале XVIII вв. за подводу от Ярославля до Москвы напрашивали 70 рублей! При обработке земли ямщики широко пользовались наемным трудом. Иногда они сверх оклада арендовали государственную землю, с которой платили «государев выдельный хлеб» — четвертый сноп с пахотной земли и пятый с залежи. Излишки хлеба и сена продавались. Практиковалась сдача ямских угодий крестьянам и посадским за денежный или хлебный оброк [46].

³ В старину уголовные дела назывались *губными* (от слов губить, гибель).

Среди налогов, которыми облагалось население России, были специальные сборы для обеспечения особых потребностей государства — ямские деньги. Они собирались на содержание скорой гоньбы, для провоза послов, гонцов, должностных и ратных людей. Начиная с 60-х годов XVII в. часть этого налога расходовалась на устройство почтовых станций и оплату труда почтарей.

До середины XVI в. сбором ямского налога занимались сотрудники Ямского приказа. Затем система несколько изменилась — в некоторых областях обложение собирали также и воеводы. С начала 30-х годов XVII в. и до дня отмены ямских денег в 1718 г. взимание налога повсеместно проводили воеводы под надзором ямских сборщиков.

Строго говоря, ямские сборщики сами ничего не собирали. Они следили за правильностью взимания денег, принимали от воевод собранный налог и доставляли его в Москву. Всю ответственность несли воеводы. Об этом недвусмысленно говорилось в указе 1688 г.: «...которые воеводы в городах денежных доходов на указные сроки не соберут и к Москве сполна не пришлют, те ямские деньги велено править на них, воеводах» [54].

Несмотря на присутствие ямских сборщиков, воеводы злоупотребляли оказанным доверием и на них постоянно жаловались. Чаще всего в челобитных просили, чтобы ямские деньги разрешено было отправлять прямо в Ямской приказ, как это было в XVI в. Игумен ярославского Спасского монастыря бил челом царю Алексею Михайловичу: «...и крестьяном от воевод и приказных людей чинятся продажи и убытки великие, и нам бы их пожаловать велеть бы им с монастырских вотчин ямские деньги платить на Москве в Ямском приказе». Тягостно было и то, что к сбору денег «выбирают их же крестьян и от того де крестьяном их чинятся убытки великие» [55].

Наглядную картину злоупотреблений на местах дает дело о сборе подьячим Новгородского приказа Яковом Даниловым в Кевроле и Мезени государевых доходов и недоимок в 1689 г. Подьячий приставил к правежу трех своих помощников, и они били крестьян «безмерным правежом на смерть», сбивая с ног, в голову и по плечам.

Бывали случаи, что при одном только известии о приезде сборщика ямских денег разбегались целые деревни. Такого страха нагоняли на жителей ямские сборщики своими притеснениями. Они не обращали внимания ни на род, ни на звание. Лиц мирских и духовных мели одной метлой.

В этом отношении интересно письмо монастырского служки старца Варламиша игумену Арсению в Переславль-Рязанский ¹. Дело было в 1676 г.: «От воевод из Переславели и из Зарайска стрельцы и пушари приезжают в деревенишку ради ямские денги и роззаряют крестьянишек, з бердыши и с топорки гоняют и убытки чинят многие. И крестьяне меня старца вызывали для ради нужи своей... И я для их нужды выезжал, и переславские стрельцы за мною, старцем, гоняли з бердыши. Насилу ушел, кабы не люди добрыя» [56]. Не было случая, чтобы люди, взимавшие налог, обошли себя. Всегда воеводы и приказные начинали с того, что производили сборы в свою пользу. Правительству такая практика была хорошо

известна. Поэтому население специально оповещали о том, что, кроме ямских денег, ничего платить не следует, тем более поборов и посулов сборщикам. Но мздоимства не прекращались.

Но то же правительство, опасаясь, что за неисправностью плательщиков доходы могут уменьшиться, предписывало воеводам и ямским сборщикам, чтобы они населению для своей «бездельной корысти не наравили, сроков никому ни на час не давали». В случае неплатежа сборщики должны прибегать к крутым мерам: «бить батоги и вкидывать в тюрьму, а из тюрьмы вынося, бить на правеже нещадно, покамест они государевы ямские деньги заплатят» [57]. Естественно, что сборщики даже без злоупотреблений, а только спасая себя, не могли не являться бичом для населения.

До 40-х годов XVII в. в России весьма странно распределялась ямская подать — ею население облагалось неравномерно. Само правительство признавалось, что «иным тяжело, а иным легко». Причем была категория людей, не учтенных никакими ревизиями. Они тоже избавились от платежей, потому что их имен не было «ни в разряде в списках, ни в писцовых книгах» [58].

Правительство изыскивало всяческие меры заменить различные сборы, в том числе и ямские деньги, единым налогом. В 1646 г. по предложению бывшего торгового гостя, а теперь дьяка, Назария Чистого в четыре раза увеличили пошлины на соль. Целым рядом простодушно-грубых соображений указ оправдывал эту меру: будут отменены стрелецкие и ямские деньги — наиболее тяжелые и неравномерно распределенные налоги, пошлина будет всем равна, в избитых никого не будет, все будут платить сами собой, без правежа, без жестоких взысканий, будут платить и проживающие в Московском государстве иноземцы, ничего в казну не платящие. Как известно, из этого дела ничего не вышло — народ ответил восстанием, известным в истории под названием «Соляного бунта». Восстание простого люда было жестоко подавлено. С 1648 г. ямские деньги стали собирать вновь.

В 1660 г. правительство решило вовсе отменить ямские деньги. За счет увеличения других налогов на скорую гоньбу выделили из казны 40 тыс. руб. — сумму по тем временам огромную. Но из этого ничего не получилось. В следующем году вновь был введен ямской сбор.

На протяжении многих лет основанием для податного обложения в России служило так называемое сошное письмо — расписание земель и дворов на сохи. Соха — податная единица, заключавшая в себе известное число тяглых посадских дворов или определенную площадь крестьянской пашни. Состав сохи не был постоянным и зависел от доходности земли или от богатства хозяина посадского двора. В 1679—1680 гг. была проведена реформа, по которой окладной единицей стал двор. Вслед за этим был выпущен указ: «Московским и городовым ямщикам на наше великого государя годовое жалованье собирать в ямской приказ с городов, с уездов ямские и полоняничные 2 деньги по переписным книгам 186 (1679) и 187 (1680) годов с патриарших и с архиерейских и с монастырских с крестьянских и бобыльских по гривне (20 денег) с двора, а с своих великого государя дворцовых сел и волостей и бояр и окольничих и думных и ближних и всяких чинов служивых людей с крестьянских и с бобыльских и с задворных и с деловых людей по десяти денег с двора» [59].

Какую сумму ямских денег казна получала до 1680 г., неизвестно. Один из современников, Григорий Котошихин, определял ее более чем в 50 тыс. руб. В последующие годы сборы ямских и полонянических денег значительно уменьшились. В росписи Ямского приказа за 1680 г. показано 29815 руб. Заметим, что жалование ямщикам в том году составило 35 тыс. руб. Уменьшение сборов на скорую гоньбу отмечалось и в последующие годы. В докладе 1687 г. по делу тульских почтарей читаем: «А в прошлых годах, как в ямском приказе собирались ямские деньги, до 188 (1680) года, по четвертному окладу, и в тех годах оклад был положен нынешнего нового окладу больше гораздо» [60].

Год от года с развитием регулярной почтовой гоньбы Ямскому приказу все труднее и труднее было изыскивать деньги на оплату труда ямщиков. Его служащие для покрытия дефицита шли на всевозможные, правда на законном основании, ухищрения. На них мы подробнее остановимся в следующей главе.

Платя ямские деньги, население, однако, не освобождалось и от подводной повинности. При каждой большой посылке выставлялись дополнительные подводы. Часто в посольских подорожных можно встретить такие цифры: 150, 200 и даже 350. Эти подводы брались у населения сверх ямских. Резко увеличивались разезды в военное время. В период Северной войны бывали дни, когда из Москвы уходило до тысячи почтовых подвод! Только незначительное число их доставляло письма. Основная масса везла снаряды, корабельные инструменты, одежду для солдат.

В отправлении повозной повинности правительство пыталось внести некоторую систему. В наказах определялось, со скольких дворов следовало брать по подводе (со 100, 50, 10 и т. д.). Но часто бывало, что люди, назначенные для сбора подвод, набирали лошадей в ближайших к ямскому стану деревнях, не заглядывая в отдаленные.

Здесь особенно ярко сказывался принцип «иным тяжело, а иным легко». Крестьяне, проживавшие вблизи яма или вдоль почтовой дороги, лучше кого бы то ни было знали все недостатки русской почтовой службы. Их могли в ночь-полночь разбудить стуком плети в оконный переплет и потребовать лошадь, часто и со всей сбруей. Гонца или сборщика подвод не интересовали крестьянские нужды. Их не волновало то, что эта лошадь у мужика последняя и завтра ему будет не на чем пахать землю. Государственные крестьяне страдали от подводной повинности больше, чем помещичьи или монастырские. У последних могли брать лошадей только гонцы. Ямские сборщики с ними непосредственно никаких дел не имели, о порядке

поставки подвод они договаривались с помещиками или их управляющими. Зато государственные крестьяне могли сравнительно легко покинуть свою деревню и переехать на другое место, подальше от тракта. Могли они перейти в ямское сословие и начать притеснять своих ближних.

Обычно раскладку общего количества подвод, положенного на уезд, производило само население. Выборные отправлялись в уездный город, где сборщики подвод объявляли, сколько транспортных средств должно быть поставлено на тракт. Здесь же решалось по сколько лошадей и телег обязано выставить каждое село или деревня. По какому принципу производилась разверстка повинности — неизвестно. Но иногда в точности разрабатывался весь план выполнения повинности в указанном порядке.

В 1632 г. Москва и жители окрестных деревень должны были выставить полторы тысячи подвод. Для этого по указу город и уезд расписали на 14 участков, в каждый из которых был назначен сборщик с подьячим. Каждый из сборщиков получил соответствующую инструкцию, как ему обеспечить выполнение повинности. В Кремле, например, собирал подводы дворянин Внуков. По наказу ему вменялось взыскивать с 900 квадратных сажень по одной лошади с телегой и с возчиком. За лишнюю площадь он должен был брать деньги по 2 руб. за сажень. Ивану Засецкому, который собирал подводы в Деревянном городе, дали другой приказ. Ему надлежало взять с черных сотен торговых людей и с крестьян монастырских слобод по подводе с 10 дворов. «А верстать им (возчиков) в подводах меж себя самих». Тут же выясняются некоторые подробности выполнения повинности. «У которых людей дворы меньше указных 30 сажень длиннику, а поперечнику тож, а дробных 900 сажень. И им или двумя, или тремя, или пяти, и дополняти малыми дворами и сводить дробные сажени (до нормы 900 сажень). А у которых людей дворы не велики, меньше указных 30 сажень, а доведется с них взять лошадь с телегой и с человеком с двух или с трех или с четырех и больше, и с тех людей лошади с телегами и с людьми имати, розвыты посаженно, с 30 сажень с длиннику и с 30 с поперечнику, кто с кем похочет дать лошадь с телегой и с человеком и чей двор с кем ближе» [61].

Какую заботу проявляли о людях! Соседи могли объединяться для выполнения повинности кто с кем захочет. Никто их не имел права притеснять. Писалось ведь в наказах: «посадским и уездным людям собираючи те подводы насильства не чинить, чтобы никому в подводах было не в тягость» [62]. Но не будем обольщаться раньше времени. Вспомним предписание собирать подводы без задержания с угрозой получить их с ответственного лица в случае проволочек.

Конечно, всякий сборщик подвод боялся ответственности, и если перелистать архивные дела о подводной повинности, то там можно найти описания картин праведней, не менее яркие, чем при взимании ямских денег.

¹ Ныне — Рязань.

² Полоняничные деньги — подать, предназначавшаяся на выкуп пленных у татар и турок. До 1680 г. ее собирал Посольский приказ, а затем Ямской.

Центральное ямское управление образовалось одновременно с возникновением скорой гоньбы. Первоначально ямское дело находилось в подчинении у казначеев великого князя. Упоминание об этом можно обнаружить в грамоте 1548 г. на Тотьму [63].

В аппарате казначея было несколько дьяков, некоторые из которых непосредственно занимались вопросами, связанными со скорой гоньбой. В первую очередь они вели дела судебного характера: решали споры среди ямщиков и жалобы последних на местное население. Казначеи и ямские дьяки утверждали выборы ямщиков, распределяли подводную повинность среди жителей городов и сел. Вместе с тем дьяки вели так называемые *кормовые* книги, в которых записывалось количество продуктов питания или денег, выдаваемых послам, посольским людям и гонцам. Хотя «корм» послам и гонцам выдавался различными ведомствами, размер его определялся прежними записями. Поэтому, когда отправляли из Москвы посольство или гонца, в указе по этому поводу писали: «А на корм им давати по ямской памяти». И только собрав соответствующие справки, проставляли величину *корма* в подорожной [63].

О ямской избе, как мы уже говорили, стало известно в 1550 г.: «Чтобы у тебя те прогонные деньги по той выписи, какова тебе дана из ямской избы были все собраны». Значит, уже в то время ямская изба была каким-то центральным управлением, регулировавшим сбор, прогонных (ямских) денег [64]. Через несколько лет, в 1567 г., из касимовской уставной грамоты узнаем еще об одной функции ямской избы: «да те свои отпуски присылать к дьякам в ямскую избу для справки ямских книг», т. е. этот орган вел учет всех посылок не только из Москвы, но и из других городов. В те же годы в документах можно было встретить название «дворовый ямской приказ», но что это за орган, каковы его функции — неизвестно. Он упоминается только в актах, относящихся к опричнине, в земских бумагах такого термина нет ¹. Из грамоты 1574 г. становится известно о новом централизованном органе, который занимался судом над ямщиками: «А слободчика (ямской приказчик) бы еси Гвоздя да старосту Окулку в шести рублях и в хлебе дать на поруки и учинить срок стать в Москве в Ямском приказе» [65]. Собственно термины *ямская изба* и *Ямской приказ* равнозначны. В те времена не было строго установлено название этого органа. Так, под годом 1578-м писалось *ямская изба*, 1579-м — приказ, а в 1583 — снова *ямская изба*.

По старинным документам подчинение Ямского приказа казначеям прослеживается только до 1579 г. Позднее он, возможно, выделился в самостоятельное учреждение ². Уже в 1604 г. Ямской приказ упоминается в источниках как совершенно независимое присутственное место. Им управляли свой судья и дьяки. В грамоте Бориса Годунова от 5 июня 1604 г. окольничему Михаилу Салтыкову и дьяку Сарычу Шестакову предписывается отдать распоряжение сборщикам, чтобы они готовили для Цесарева посла Логау по 200 подвод на каждом яме. Хотя в грамоте не сказано, что она адресована в Ямской приказ, но из ее содержания вытекает, что ни в какой другой административный орган она не могла быть направлена [67].

О работе Ямского приказа до первой четверти XVII в. сохранилось сравнительно немного данных, но из них видно, что его функции в конце периода значительно расширились по сравнению с тем, чем он занимался в середине XVI в. Теперь на него возлагались все заботы по устройству ямов. Следовательно, приказ посылал предписания воеводам, вел с ними дальнейшую переписку. Иногда приказом посылались строищики для организации ямов. Правда, те же мероприятия осуществляли и другие приказы, но об этом мы поговорим потом. Центральное ямское управление выдавало подорожные, рассчитывалось с ямщиками за гоньбу, рассматривало челобитные, судило жителей ямских слобод не только во внутренних спорах, но и со сторонними людьми. В областях Ямской приказ представляли приказчики. Для проверки их работы на местах посылались из Москвы специальные ревизоры — ямские сборщики.

Ямских денег приказ в то время еще не собирал. Все необходимые средства он получал от органов, ведавших доходами государства. Примерно с 1595 г. Ямской приказ перестал давать справки о *кормах* послам. Это дело полностью перешло в посольский приказ.

Только из документов первой четверти XVII в. вытекает, что Ямской приказ являлся центральным почтовым учреждением России ³. В грамоте 1613 г. говорилось: «а на ямах, где государь пошлет (гонцов), везде б были переменные лошади, а прогоны емлют из Большого приходу» [68]. Этот указ был издан после изгнания с русской земли польских шляхтичей и возможно был отзвуком какого-то недошедшего до нас документа.

Голштинский дипломат Адам Олеарий, живший в России с 1633 г. по 1639 г., писал, что Ямской приказ ведал всех царских гонщиков, выдавал подорожные и соответственно с ними прогоны. Эти показания не противоречат документам той поры. Кроме того, в его обязанности уже входили сбор ямских денег, счет ямского расхода и суд охотников во всех делах [25].

Не по всей России станы строились на средства Ямского приказа. В Сибири этим делом ведал сначала приказ Казанского дворца, а после его ликвидации — Сибирский приказ. На Севере ямы создавались в основном Новгородской четью. Полоцкий ям у польской границы ставили строищики из приказа Великого княжества Литовского.

Жалованье охотникам до середины XVII в. обыкновенно платилось на месте из собранных ямских денег. Если этих сумм не хватало, плату выдавали с других доходов. Так, в 1636 г. в Вологде ямщикам заплатили из остатков от раздачи стрельцам. С шестидесятых годов все чаще начинает практиковаться выдача жалованья в Ямском приказе. В первую очередь это коснулось тех, кто осуществлял почтовую гоньбу. С конца XVII в. ямщики стали получать жалованье в приказе.

Как происходила выдача жалованья, рассказывает ямской подьячий Григорий Всполохов. «Велено нам, подьячим, деньги наличные, у кого, что в приеме есть, раздать московским и городовым ямщиком в твое, великого государя, годовое жалованье, из приказу не выходя, тот час, и сняты были с нас одnorядки, чтоб раздать из приказу не выходя... И я, холоп твой, взяв тое его с денгами коробку, сорвав печать его, и учал не рассмотря ямщиком отдавать с руки на руку» [69]. Обычно по приезде в Москву иногородним ямщикам приходилось, как они писали в челобитных, «проживаться» в столице. Очень долго приказ тянул с выдачей денег. Только после многочисленных жалоб

царю кончалась, как ее называли охотники, «московская волокита». У ямских подьячих отбирали одежду, чтоб не разбежались. И они сидели в приказе до тех пор, пока все жалование не было выплачено. Этот случай описан Всполоховым.

*Здания приказов в Московском Кремле
(рисунок с гравюры И. Бликланда и П. Пикарта. ГИМ)*

До 70-х годов XVII в. при отправке какого-либо человека из Москвы прогоны обыкновенно выдавались из Ямского приказа. Если, например, гонец получал право требовать подводы без прогонов, то и эти подводы записывались «для счета» в Ямском приказе. Так осуществлялся контроль за работой охотников. При отправлении гонца порядок был таков. Приказ, посылавший гонца, давал (подорожную ему от своего имени или запрашивал ее в Ямском приказе. В первом случае о величине прогонов сообщали в Ямской приказ, и он их выдавал. Но если была «большая посылка» — ехало посольство или с ревизией отправляли несколько бояр, — то все дело решалось только Ямским приказом. Бывало, что Ямской приказ доверял другому ведомству деньги в долг или какое-то ведомство своевременно не перечислило ему прогоны. Поэтому приказное начальство могло доложить царю, и посылку оплачивали из средств должника. Если в приказе вообще не было денег, он отписывался и тогда прогоны выдавались из пославшего приказа.

В начале 70-х годов XVII в. порядок выдачи прогонов значительно изменился. Каковы стали правила, видно из следующего указа: «в прошлом 180 (1671) году указали мы, великий государь, из которого приказу с Москвы в города и куды пригож будут посланы для наших, великого государя, дел, всяких чинов люди и скорые гонцы и почты и всякая наша, великого государя, казна на ямских подводах, и на те подводы прогонные деньги до тех мест, кто куды с чем послан будет, и назад до Москвы, давать на Москве из всех приказов, кто откуда послан будет» [70]. Но такая практика продолжалась недолго. В конце 80-х годов все вернулось в прежнее состояние.

В конце XIX в. книголюбы получили ценный подарок. Общество любителей древней письменности выпустило «Челобитную Григория Всполохова, дьяка 4 ямского приказа» [69]. В этом роскошном издании текст памятника воспроизведен фотоспособом. Прошение Всполохова не только любопытный памятник культуры, но и ценнейший источник по истории почтовых отношений России 70-х годов XVII в. В частности, в нем с исчерпывающей полнотой рассказано, как хранились, записывались и расходовались деньги в Ямском приказе.

В марте 1671 г. от воеводы из Нижнего Новгорода привезли в приказ 300 руб. ямских денег по общей отписке: от нижегородского посада — посадский человек, а от уезда — воеводский подьячий. Придя в приказ с несколькими коробьями денег, они сдали отписку и всю сумму дьяку. Тот наложил резолюцию: деньги принять, записать в приход, а о недосланных деньгах послать к воеводе грамоту, чтобы он не медлил с присылкой остальных денег. Подьячий зарегистрировал отписку, а коробья поставил в сейф — «денежную казенку».

В силу приказного распорядка подьячий должен был «получить деньги с руки на руку, осмотря коробья на лицо». Когда появлялась необходимость произвести расход (например, платить жалованье ямщикам), дьяк поручал это дело подьячим. Они выдавали деньги из той кассы, которой заведовали. Так было сделано для того, чтобы легче контролировать финансовую деятельность подьячих.

Григория Всполохова обвиняли в присвоении казенных денег. Насколько слаб был контроль над работой подьячих, видно из того, что недочет в деньгах, образовавшийся у виновного в марте, не был обнаружен еще в ноябре. Это и понятно. Хотя подьячие были обязаны записывать приход и расход в специальную книгу, но делали ли они это или нет, неизвестно — за правильностью и своевременностью записей никто не наблюдал, кроме них самих. Поэтому практиковались самые разнообразные злоупотребления: подьячие пускали казенные деньги в торговый оборот, давали их в рост, записывали в приход денег меньше, чем принимали. Среди подьячих происходили ссоры. Один доказывал, что из его кассы брал деньги другой подьячий, а отписки об этом не дал. Тот, в свою очередь, утверждал, что, хотя он и пользовался коробом первого, составил записку о расходе и обвинявший ее потерял и теперь говорит «напрасно». Препирательства такого рода могли длиться месяцами. В конце концов на ком-нибудь из подьячих оказывался недочет в несколько тысяч рублей.

Из той же челобитной выясняется, что обнаружение злоупотребления было явлением редким и зависело от случая.

Подьячий Всполохов утверждает: все дело о нем возникло лишь потому, что после перевода Ивана Андреевича Хованского из судей Ямского приказа на службу в Смоленск у него, Григория, учинилась ссора с дьяком Михаилом Чертовским из-за приказных дел. Чертовский со зла запечатал «в казенку» все приходно-расходные книги Всполохова за пять лет, не дав даже «которые денги в расход даваны в расходные книги записывать и в приходе и в расходе изправитца». Дьяк Чертовский не стал слушать никаких резонов, созвал подьячих, и они обнаружили недостачу в семь тысяч рублей. Григорий Всполохов сказал, что на шесть тысяч у него есть оправдательные документы. Что считают его «вскоре», не дав сыскать «многих выписок и расписок, по которым деньги даны, а в расходные книги не записаны». Но дьяк доложил боярину Ивану Репнину о растрате и тот распорядился описать и опечатать имущество подьячего, ему самому велел по-прежнему оставаться в приказе, но «сидеть опасно», т. е. под надзором. О случившемся боярин доложил царю.

Для рассмотрения дел в Ямском приказе была создана комиссия: из Разряда прислали дьяка с подьячими. Была устроена поголовная проверка всех ямских подьячих. Раскрылось, что за пять лет в приказе расхищено почти тридцать тысяч рублей. Напомним, что ежегодный приход ямских денег составлял чуть больше пятидесяти тысяч.

Разрядный дьяк, произведя учет заново, обнаружил на Всполохове недостачу в семь тысяч с лишним. Подьячий вновь стал оправдываться выписками, по которым будто бы деньги были правильно израсходованы, но лишь не записаны в книги. Однако дьяк «те расходные столпы держал у себя многое время, и указу по ним ничего не учинил». Дьяк Чертовский тем временем получил новое назначение. Дело перешло к другому руководителю ямского управления — думному дьяку Григорию Караулову. И все началось снова.

Всполохов и другие подьячие представили отписки и другие документы о том, что деньги были израсходованы в свое время по назначению. Караулов признал правильность некоторых бумаг, но все-таки оставил на Всполохове начет в 2900 руб. А дни текли. Прошел 1669 г., и 1670, близился к концу 1671. Тут был назначен ведать Ямским приказом Иван Федорович Бутурлин. Подьячий и ему представил все свои отписки, а также «на письме подносил подносных своих расходов на всю братью подьячих, которые денги давал (он) в расход своего приему, а иные подьячие те расходы подписывали, таясь (его) своими дачами на 2420 рублен». Таким образом, по Всполохову получалось, что деньги, которые он по простоте душевной давал другим подьячим, записывались ими тайно себе на счета, а он, Григорий, об этом ничего не знал. Но Бутурлин тех заявлений не принял. Сказал, что он без указа принять ничего не может. Проверять подьячих было велено разрядному дьяку, а ему, Бутурлину, не велено. Указа о счете ему дано не было, так что знать он ничего не знает. И приказал на подьячих править, «правы ль, не правы ль», начтенные суммы по памяти дьяка из Разрядного приказа.

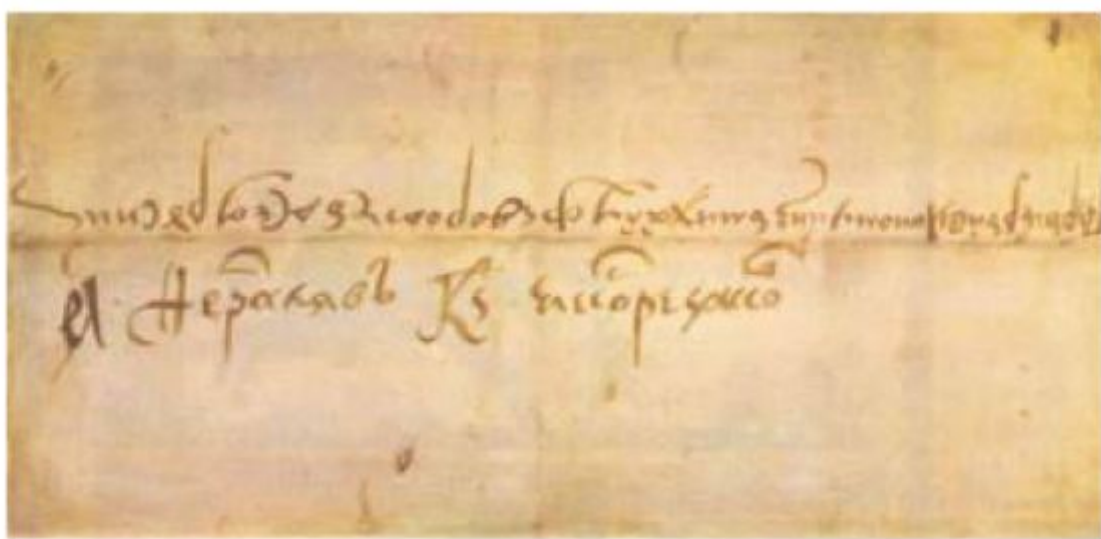

*Приказная изба
(с картины С. Иванова)*

*Гонцы. Ранним утром в Кремле. Начало XVII в.
(с картины А. Васнецова)*

*Письмо, доставленное Яковом Рязановым к царю Михаилу Федоровичу в Москву.
Датировано 26 февраля 1622 г.*

Портрет Дмитрия Пожарского. ГИМ

Серебряный рубль XVII в.

*Почтарь XVII в.
(с акварели из фондов Центрального музея связи им. А. Попова)*

Случай, описанный Всполоховым, не был единичным. Из старинных актов известно, что царева казна находилась в ненадежных руках. Для пресечения воровства приказными в 1669 г. был издан указ, обязательный для всех правительственных учреждений: подьячие, «которые сидят у его государева дела у приходу и расходу его государевы денежные казны, чтоб они подьячие, будучи в приказах, его государевы денежные казны себе отнюдь не имали и не крали, и из приказов в займы отнюдь никому не давали ни малого ни заемных кабал и записей ни на кого не имали... И считать в его государевой денежной казне, в приказах дьякам помесечно, чтоб одноконечно у подьячих денежная наличная казна за расходы всегда была в целости, а начету на подьячих ничего не было» [71]. Такого же рода распоряжение было дано Ямскому приказу и в 1680 г.

В России XVI—XVII вв., кроме приказов, власть которых распространялась на всю территорию государства, существовали учреждения, ведавшие какой-то определенной областью, — чети. Деятельность областных органов в основном сводилась к сбору налогов и пошлин.

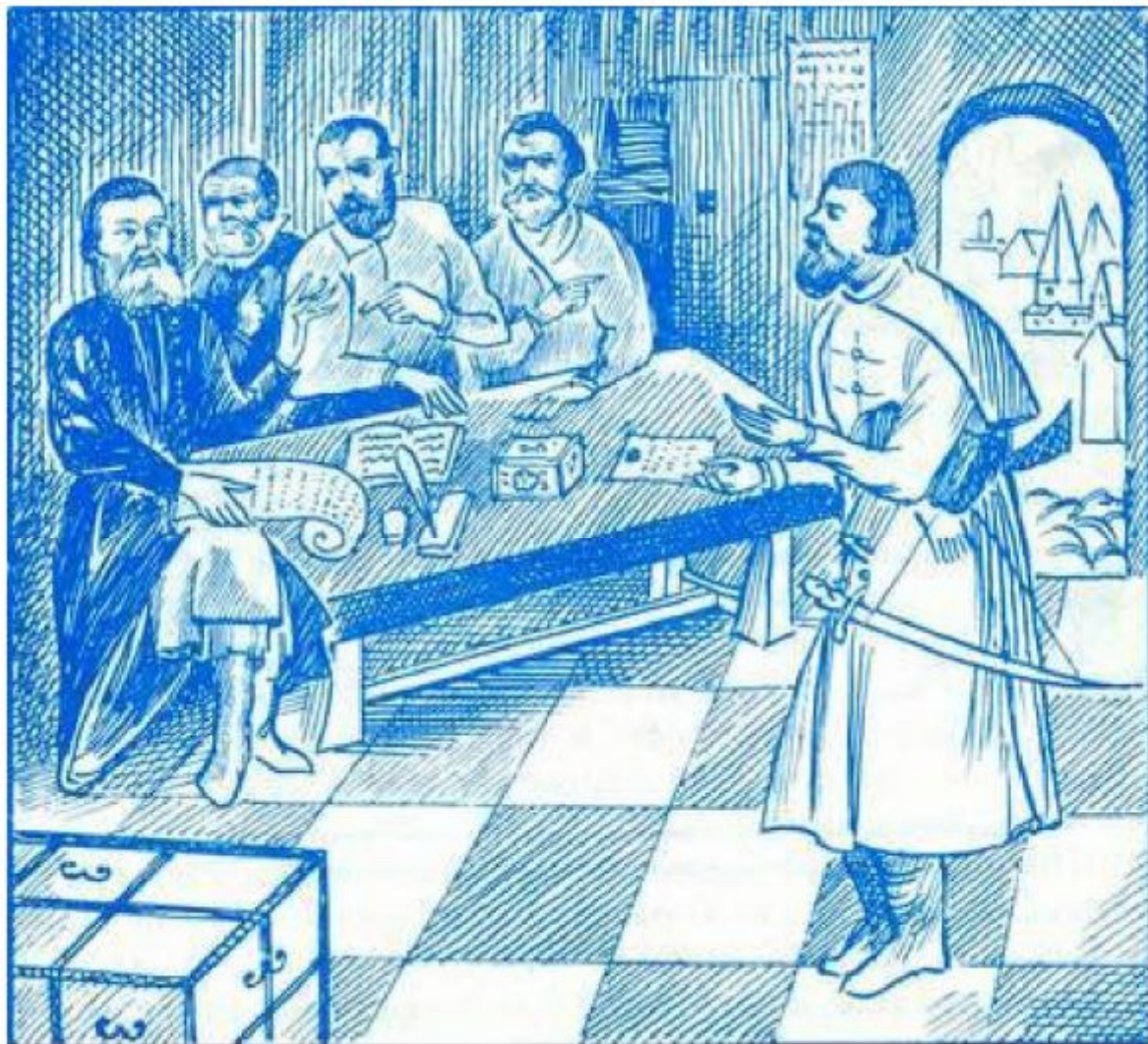
Взаимоотношение Ямского приказа с четьями можно проследить на примере восстановленного в 1642 г. псковского яма. Псков тогда находился в подчинении у Новгородской чети. Из Москвы отправили указ городскому воеводе назначить местного сына боярского для «дозора и повального допроса» [72]. Что обозначал столь грозный наказ? В общем-то, цели он преследовал вполне мирные: боярский сын должен был присмотреть место для ямской слободы, выяснить по старым грамотам, как строился раньше псковский стан, съездить в Новгород для ознакомления с ямскими учреждениями города. О результатах поездки дозорщик подал воеводе роспись. Воевода переслал его материалы в четь. Та, в свою очередь, написала две бумаги: одну — в Ямской приказ для утверждения статуса яма, другую — в Поместный о выделении земли. Когда приказы прислали свои ответы, судья Новгородской чети сделал доклад царю и от его имени уже послал наказ воеводе об устройстве яма. После организации стана четь послала память [5](#) о том в Ямской приказ. С этой минуты псковский стан переходил в ведение Ямского приказа. Но это вовсе не значило, что охотники выходили из подчинения Новгородской чети. Они, как жители местности, находившейся под ее управлением, продолжали нести обычное тягло и платить различные поборы, в том числе и ямские деньги. Такая несуразность ни к чему хорошему не вела — псковские ямщики стали писать челобитные чуть ли не с первого дня существования стана.

Почтовую гоньбу в Путивль через Калугу первоначально держали разных чинов придворные люди. В 1661 г. приказ Большого дворца определил освободить их от почты. Рекомендовалось для почтовой гоньбы в Калугу и на близлежащие станы нарядить посадских жителей. О своем решении приказ послал две памяти: одну — в Ямской приказ с сообщением о том, что им отправлена в Калугу грамота о выборе новых почтарей, другую — во Владимирскую четь, чтобы она послала послушную грамоту подчиненному ей калужскому воеводе. Три приказа были в курсе происшедших изменений. В полном неведении оставался только Разряд, для нужд которого была создана скорая гоньба в Путивль. Да ему и не нужно было знать о смене состава калужского яма: он только пересылал корреспонденцию, а прогоны оплачивал Ямской приказ [73].

Взаимоотношения Ямского приказа с другими органами государственного управления были весьма сложны. Казалось бы, что тот приказ, который строил ям, должен был им ведать, но в таких случаях возникали те несообразности, о которых мы уже говорили. Поэтому постепенно все ямы европейской части России передавались в подчинение Ямского приказа. Исключение составляла только Сибирь. До первой четверти XVIII в. в двойном подчинении находились почтовые станы: в административном — от московского почтмейстера или соответствующего приказа, в финансовом — от Ямского приказа.

Все дела в Ямском приказе вершили судьи, так тогда называли управляющих приказом. Иногда один назначался первому «в товарищи». Глава приказа подписывал и

представлял царю «сказки» (доклады). Его помощники дьяки (первоначально их было два, а в конце XVII—начале XVIII вв.— четыре или пять) составляли памяти городским воеводам и в другие управления. В подчинении дьяков состоял целый ряд подьячих, приставов и сторожей. Подьячие делились на верстанных и неверстанных. Первые получали жалованье от 1 до 24 руб. в год, вторые работали без жалованья, довольствуясь «доброхотными подарками» посетителей. Всех подьячих насчитывалось человек 20. Приставы получали рублей восемь и меньше, их было 3—6 человек. 15 человек сторожей, выполняли полицейские функции — наказывали московских ямщиков, сажали их в тюрьму при приказе. За это сторожам платили, например, в 1675 г. по восьми рублей. Весь расход Ямского приказа в 1680 г. составил: на жалованье—150 руб., на бумагу, чернила, перья и на «приказный всякий расход» — 49 руб. В 1687г. расходы были соответственно — 273 руб. 13 алтын и 75 руб. [74].

Сцена в приказе. Клеймо с иконы XVI в. ГИМ

До начала XVII в. круг вопросов, находившихся в ведении каждого из подьячих, ничем не ограничивался. Затем они стали заниматься каждый какой-нибудь четью: принимали от нее ямские деньги, выплачивали жалованье гонщикам. С 1671 г. назначаются сначала один, а затем два подьячих, которые рассчитывались только с почтарями. Деньги на жалованье им выделяли их сослуживцы из своих коробьев.

Во главе Ямского приказа стояли многие выдающиеся государственные деятели, имена некоторых мы уже упоминали. Дважды, в 1618—1619 и 1625—1628 гг., судьей

приказа состоял знаменитый военачальник Дмитрий Михайлович Пожарский. По его рекомендации был выпущен известный читателю указ об освобождении ямщиков от «городового строения». Под его руководством разработали единые положения о ямском земельном наделе. Пожарский беспощадно боролся с анархией, царившей при выдаче подвод духовенству и служилым людям. Результатом его трудов стал указ Михаила Федоровича от 8 марта 1627 г., в котором он велел «давати подводы... по своему государскому уложению». Текст распоряжения занимает длинный столбец. Это своего рода роспись иерархии той поры. Не имеет смысла цитировать указ целиком, приведем только некоторые данные: все подводы давались с проводником. Митрополиты и бояре получали двадцать подвод, окольные — 15, думные дьяки, — 10, дьяки из приказов — 6, московские дети боярские — 4, а городовые — 2, псари конные — 2, а пешие — 1, трубники — 2, целовальники — 1 [75].

Судьями Ямского приказа были составлены два пункта главы «О мытах и о перевозах и о мостах», в Соборном уложении 1649 г., в которых излагаются правила проезда гонцов по территории России. В ту далекую эпоху всякий ехавший по дороге обязан был платить пошлины. До 1649 г. не освобождались от этого и гонцы. Новое уложение определило, чтобы «с гонцов никто нигде мыту и перевозу и мостовщины не имал». А если это нарушается, то вестники должны «бити челом государю. И по тем их сказкам на тех мытчиках и на перевозщиках и на мостовщиках мыто и перевоз и мостовщину доправить втрое, и отдати тем людям, у кого взято будет, да тем же мытчикам и перевозщикам и мостовщикам учини-ти наказание, бити кнутом» [48].

До 1670 г. Ямской приказ помещался в Кремле. Но «палаты, где были приказы, обветшали гораздо и порушились во многих местах, и сидеть в них за тем опасно». Поэтому 14 марта издали указ «дела перенести» на двор Ивана Андреевича Милославского [76], бывшего некогда судьей Ямского приказа. По данным исследователя истории Москвы И. М. Снегирева двор боярина находился в Замоскворечье 1771.

¹ Во времена Ивана IV вся Россия была разделена с 1565 г. по 1584 г. на две части *опричнину* и *земщину*, каждая из которых имела свой административный аппарат.

² Немец Генрих Штаден, находившиеся на русской службе до 1576 г., в своей книге «О Москве Ивана Грозного» говорит о Ямском приказе, как о самостоятельном органе уже в то время [66].

³ Уже известный нам Генрих Штаден рассказывал, что в Ямском приказе «копили... все грамоты вместе и отправляли их на ямских». Затем представлялся полный счет — сколько раз и когда лошади были в гоньбе [66]. Но документально это не подтверждено.

⁴ В заглавии книги допущена ошибка. Всполохов, как свидетельствует текст челобитной, был подьячим.

⁵ В старину под словом «память» понималось извещение или напоминание.

XVII в. в России начался бурными событиями. Гнет бояр, нарастающая тяжесть крепостной зависимости вызывали народные волнения. Зашевелились и враги русского государства — шведы и поляки. В Польше под знаменем самозванца Лжедмитрия собралась армия наемников и вторглась в пределы России. Вслед за ними на Москву двинулись регулярные польские войска. Нашествие польской шляхты встретило решительный отпор со стороны населения. На Волге в Нижнем Новгороде собирается народная армия под руководством Минина и Пожарского. 24 июля 1612 г. первый отряд ополченцев подошел к Москве, занятой польским гарнизоном. Началось освобождение русской земли от интервентов.

Этот период русской истории получил название «смутного времени».

Война с Польшей закончилась непрочным Деулинским перемирием в 1619 г. А спустя несколько лет, в 1634 г., был подписан Поляновский «вечный» мир. Среди статей договора одна была о правилах посылки гонцов между Москвой и Варшавой — первый международный акт о перевозке корреспонденции, подписанный Россией. Строго говоря, правила никакого не было — гонцы обеих сторон могли иметь при себе шестерых провожатых [78].

Смутное время тяжело отразилось на развитии ямской гоньбы. Хотя в эти годы и издавались отдельные указы по ямскому устройству, но они носили случайный характер, были распоряжениями — однодневками и удовлетворяли только насущные потребности. Опустошительная война прокатилась по самым оживленным почтовым дорогам и начисто смела все то, что тщательно устраивалось на протяжении столетий. Многие ямщики разбежались. Оставшееся население ямских слобод уже было не в состоянии нести тяготы скорой гоньбы.

Характерный пример положения дел той поры можно найти в документах конца 1611 г. Били челом пронские ямщики: «Ныне на пронском яму от войны от крымских и от нагайских татар и от литовских людей осталось только десять человек, а воевода правит на них под посланников и под гонцов подводы и им дей подвод взяти негде, а сошные люди подмоги им не дают и от того они охудели и одолжали великим долгом, и впредь дей им и достальным ямским охотником ямские гоньбы гонять не мочно» [79].

Боярская дума приказала местному воеводе принять срочные меры к облегчению труда пронских ямщиков: обязать население выбрать новых охотников и всячески помогать ямщикам. Вместе с тем бояре послали общий наказ о ямском строении в Пронске. Но ни наказ, ни указания воеводе не были выполнены — через несколько лет пронские ямщики вновь писали в Москву и почти в тех же выражениях повторяли свою жалобу.

Известия о ямском неустройстве неслись в Москву со всех сторон. Хотя правительство проявляло всяческие заботы о скорейшем восстановлении спешной гоньбы, дело двигалось крайне медленно. С колоссальным трудом налаживалась гоньба. Чего это стоило, видно на примере угличской ямской слободы.

В самом начале XVII в. ям в городе был на сорок паев. В смутное время полностью прекратилась перевозка людей и грузов угличскими охотниками. Их никого не осталось на стане — разбрелись куда глаза

глядят. Большинство записалось в посадские жители, некоторые вступили в народное ополчение Минина и Пожарского, а двое «пошли в тати» — грабили проезжающих на тракте между Угличем и Ростовом. Сразу же после изгнания захватчиков с русской земли в Углич прислали ямских строищиков. Но желающих исполнять скорую гоньбу в городе не нашлось. Тогда пригнали на Волгу десятерых кашинских охотников с тридцатью лошадьми. Почти четыре года стояли кашинцы на угличском яме до тех пор, пока в марте 1617 г. не было приказано устроить гоньбу силами местных жителей. Из Москвы пришло распоряжение создать ямскую слободу на десять вытей ¹ по четыре семьи в каждой. Строищики проявили максимум энергии и уже через неделю стан работал вовсю. Но недолго угличские гонщики исправно стояли на почте — 18 июля они все разбежались. В тот день через город проезжали послы и царские дворяне, которым сразу потребовалось 107 подвод. Пришлось отпуск править на посадском населении.

Жители с большим трудом исполнили повинность. И когда спустя два дня через Углич проезжали боярский сын с царской почтой, сборщик податей и три пушкаря, оказалось невозможным собрать для них на посаде такое малое количество лошадей — всего двенадцать. Для почтаря нашлись две заезженные лошади. Остальным проезжающим пришлось ждать возвращения посольского отпуска. Положение было катастрофическим. Оно усугублялось еще и тем, что через Углич в то время шла непрерывная пересылка гонцами между Москвой и князем Ф. П. Боротинским, который находился с войсками в Устюжне на Мологе и был назначен русским послом в Стокгольм. Боротинский еще в сентябре должен был начать переговоры, но только ранней весной 1618 г. уехал на шведский рубеж. И эти полгода каждый день через Углич мчались спешные посылы.

Царские и княжеские гонцы не очень-то считались с местным населением. Они грубо обращались с лошадьми, бросали их без присмотра, часто кони не возвращались к своим хозяевам. Посыльные требовали подвод вдвое и втрое больше, чем было написано у них в подорожных — лошади были очень измучены и гонцы старались оградить себя в дороге от всяких неожиданностей. Поэтому транспорт приходилось брать буквально с боем. От тягот гоньбы бежали не только ямщики, но и посадские жители. Они уходили в другие города, где бы их не дожимали скорыми посылками. Обо всем этом писал в Москву в сентябре 1617 г. местный воевода. Он вновь просил царского указа об устройстве яма.

Почти целый год, до июля 1618 г., налаживали московские строищики угличский стан. Льготы и посулы привлекли наконец сорок человек охотников из местных жителей. И хотя условия гоньбы, не в пример прошлым годам, были гораздо легче, ямщики в конце концов ушли со стана и вернулись к более привычным занятиям: железоделательному промыслу, ловле рыбы, перевозке грузов по Волге. Документы 1623 г. сообщают, что в Угличе осталось всего пять гонщиков из местных жителей. Тем же летом в городе поставили людей более привычных к дорожным тяготам — ямских охотников из Кашина, Дмитрова и Ростова Великого [80].

Особое внимание правительство по-прежнему уделяло дороге к шведскому рубежу. После смутного времени решили восстановить скорую гоньбу в таком виде, как она была записана в «устройные» книги ямскими подьячими Саввой Фроловым и Семеном Емельяновым в 1568 г. Но к 1620 г. выяснилось, что «от скудости и свейского раззорения» это осуществить невозможно. Тогда на податное население возложили обязанность перевозить послов, бояр, священнослужителей, а также транспортировать различные государственные грузы, припасы к царскому столу и так далее. Теперь ямщики должны были доставлять только гонцов, только письменную почту. Это позволило резко сократить число охотников.

Однако новое дело давалось ямщикам с трудом.

Например, на Ладожском стане находилось в 1620 г. пятеро охотников и 15 лошадей. А разгоны у них были большие. От города Ладоги они доезжали до реки Лавуи, где проходила граница со Швецией, по суше 40 верст, водою — 80. До Орешка следовало ехать 70 верст, до Новгорода — 150, до устья реки Волхов — 15, до Тихвина — 70, до Паганского яма водным путем — 120 верст, а сушей — 50. Ямщики несли свою службу исправно, никуда не разбежались, не отказывались от поездов.

И тем не менее жалобы поступали. На этот раз недовольными оказались гонцы. Они били челом царю, что де на Ладожском стане людей мало и они не могут выполнять государеву службу, потому что им приходится отсиживаться в городе, ждать, когда у ямщиков отдохнут лошади. Казалось бы, проще всего было устроить регулярную почтовую гоньбу с отправлением ямщиков в определенные дни и часы. Но до этого не додумались и в мае 1632 г. послали в Ладогу указ воеводе Ю. Я. Сулешову «прибавить поразсмотрению» к существующим охотникам еще пять человек [81].

Через пять лет, 7 апреля 1637 г., появилось еще одно распоряжение, касающееся всей дороги, ведущей к шведской границе. Во-первых, с ямщиков снимались все недоимки за прошлые годы. Во-вторых, еще раз подтверждалась обязанность «большие отпуски отпускать всем городам, и уездам, и пригородами, и дворцовыми всеми селами». И, наконец, в некоторых городах сокращались ямские слободы. Например, в Новгороде и в ямах по московской дороге оставили всего 72 охотника, «чтоб посацким и уездным людем во многих ямских подможных деньгах тягости не было». На основании этого указа в Ладоге оставлялось всего три гонщика. Вместе со скорой гоньбой пришли в упадок и проезжие дороги. Это отмечали все иностранцы, посетившие в те годы Россию. Если зимой легко было проехать 500 верст за трое суток, то летнее движение казалось сплошным кошмаром. Местами дорога шла по пням только что поваленных деревьев, то и дело приходилось проезжать через топи и болота, где не всегда были гати и мосты, а где и были — оказывались плохими. Один путешественник насчитал от Москвы до Смоленска 533 моста. Сделаны они были из

толстых бревен, так плохо связанных между собой, что проезд по ним в тяжелом экипаже был просто опасен [82].

¹ Выть — мелкая податная единица в Московском государстве. Выть не имела постоянной величины. Чаще всего в нее входило четыре семьи. Если считать, что в средней семье той эпохи было семеро мужчин, то ямская выть состояла из 28 охотников.

Неспокойны южные окраины русского государства. Того и гляди, над далеким горизонтом встанет облако степной пыли и дрогнет земля от гулко-го топота копыт вражеской конницы. Но не дремлет засечная стража. Днем и ночью тысячи ратников ждут неприятеля на крепостных стенах и в засечных сторожках, далеко в сердце ковыльных степей выезжают казачьи станицы. И как только со стороны Дикого поля повеет опасностью, помчится во весь опор дозорный с тревожной вестью: «Орда двинулась!»

Засечная черта начала создаваться еще в XIII в. и особое значение приобрела в XVI—XVII вв. На всем пространстве от Мещеры до Брянщины в лесах валили деревья вершинами навстречу противнику. В безлесных промежутках рыли рвы, сооружали неприступные насыпи, забивали частоколы и надолбы. Русские фортификаторы очень умело использовали складки местности и всевозможные естественные преграды: реки, озера, болота, овраги. На лесных дорожках ставились укрепленные сторожки, а на открытом пространстве — высокие деревянные башни. Вдоль всей засечной черты, по городам, располагалась подвижная армия. Войска стояли в Переяславле-Рязанском, Михайлове, Пронске, Веневе, Дедилове, Крапивне, Одоеве и Новосиле. Штаб обороны находился в Туле, а передовой полк — в Мценске.

Для успешной охраны границ России от набегов беспокойных южных соседей требовалось, прежде всего, наличие слаженной системы доставки срочных военных вестей. Уже в XVI в. всякий воин, скачущий со спешным сообщением, имел право забирать лошадей в любом поселении у любого человека [83].

Из городов и сторожек засечной черты вся информация о движении неприятеля собиралась в Мценске и Туле. Отсюда спешные гонцы доставляли ее в Москву и пограничные города.

Быстрому распространению военных вестей правительство уделяло большое внимание, поэтому всякий воевода, отправляемый для охраны границ, получал наказ, в котором особо подчеркивалась важность скорой вестовой службы. Старейшие, из дошедших до нас, наказы были даны 15 марта 1616 г. тульским воеводам Куракину и Давыдову и мценским — Туренину и Скуратову.

Текст обоих документов — идентичен, поэтому приводим выдержку из наказа тульским воеводам: «А каковы у них вести будут и им всякие вести писать к Государю почасту да и по Украинским (окраинным) городам по всем к воеводам и к головам вести всякие ж им писать, чтоб Государю вести всякие ведомы были да и по Украинским бы городам воеводам и головам всякие вести ведомы ж были» [84].

И засечные воеводы писали «почасту». Писали не только о приходе неприятеля, но и о положении дел в городах, о сборах налогов, присылали свои жалобы. В Центральном Государственном архиве древних актов, в фонде Разрядного приказа, ведавшего военными делами городов, бережно сохраняются тысячи листов царских наказов, грамот, воеводских отписок и челобитных. По этим материалам можно воссоздать картину вестовой службы засечной черты.

Каждую весну из Мценска и Тулы отправляли в пограничные города служилых людей «для вестей». В царских наказах обычно оговаривалась обязательная посылка вестовщиков в Ливны, Елец и Новосиль. В других же городах «куда пригоже» их ставили по решению самих воевод. Посланные, если «прибежит с поля голова, или станичник, или сторож, или выезджий, или кто-нибудь с вестьми», должны были узнавать эти сообщения и тотчас же мчаться к воеводам [85]. Последние, в свою очередь, отправляли гонцов в Москву и в города засечной черты.

Для вестовой службы набирали «охотников» из служилых людей в Костроме, Ярославле, Владимире, Муроме и в других городах, удаленных от засечной черты. Царские указы требовали, чтобы в вестовщики выбирались стрельцы, пушкарки, дворяне и дети боярские «из двора самые лучшие». После избрания составлялся документ такого рода: «Имена ярославцам, которым быть на вестях: Панфилий Тимофеев сын Салтыков, Дмитрий Григорьев сын Ртищев, Василий Борисов сын Аборин, Демид Иванов сын Киреевский, Трифон Дмитриев сын Батюшков, Григорей Скуратов сын Родычев». На обороте листа расписывался будущий вестовщик или, как тогда говорили, делалась поручная запись: «К сему выбору (имя рек) руку приложил» [86].

Служба вестовщиков продолжалась год — от весны до весны. За это время 2—3 месяца они проводили на границе в «вестовой станице». Обычно она состояла из четырех — шести человек, правда, известны станицы и по двенадцати служилых. Остальное время выборные люди находились в Туле и Мценске. Отсюда некоторые из них ездили с официальной корреспонденцией в другие города.

Не известны документы, обязывающие вестовщиков выполнять роль гонцов. Но если просмотреть списки выборных и старинные грамоты, то сразу можно определить, что доставляли их в основном те, кого посылали «на вести». Так, уже известный нам В. Б. Аборин по крайней мере один раз доставлял почту из Курска в Мценск, трижды возил ее до Тулы и дважды скакал с письмами из Тулы в Москву.

На странице 84 воспроизведено письмо, пришедшее из Тулы в Москву 26 февраля 1622 г. Доставил его Яков Резанов. Отметка об этом сделана на обороте письма ¹. Яков Васильевич Резанов — тоже вестовщик. На службу в засечную черту он приехал в марте 1621 г. из Каширы. Письмо, доставленное боярским сыном Резановым, — старейшее из сохранившихся в наших архивах. Такая форма адресования корреспонденции и отметок о ее прибытии применялись на русской почте до первой четверти VIII в.

Ехавшим на границу вестовщикам за счет казны выдавали два коня [84]. Гонцы, посылаемые из городов, пользовались услугами ямщиков. Они снабжались подорожной по уже известной нам форме. Эта подорожная предписывала ямщикам и всем жителям придорожных сел и деревень без задержки давать посланному лошадей, а если надо, то и проводников.

Первоначально гонцы скакали без смены от исходного пункта до Москвы. Но уже в 30-х годах XVII в. вводится эстафетный способ передачи сообщений. Вестовщики из удаленных городов, таких, как Елец, Ливны, Курск, Воронеж, стали ездить только до Тулы. А еще через десять — пятнадцать лет посыльные сменялись во всех городах, где

были вестовые станции. К этому времени редкий гонец проезжал более 150 верст, обычно путь едущего был 70—80 верст.

Из грамоты 1637 г. можно узнать, как осуществлялась пересылка известий из Валук (современная Белгородская область). 23 сентября прискакали из степей станичные атаманы Логинка Бобырев и Захарка Беляев с товарищами. Казаки привезли в Валуйки весть о каком-то движении в татарской стороне. Воевода Мелентий Кнышев немедленно уведомил об этом своих соседей в Осколе [2](#) и Коротояке. Иван Ржевский, руководивший обороной Оскола, сообщил про «татарскую весть» в Ливны. Оттуда ее немедленно передали в Новосиль, а новосильский воевода И. П. Турский счел нужным отправить нарочного гонца прямо в Москву. И... получил за это от царя строгий выговор. Оказалось, что та же «татарская весть» была получена в Москве за два дня до этого. Ее переслали из Коротояка эстафетным способом [88].

В 1644 г. было еще раз приказано всем воеводам посылать отписки только до следующего города, в котором имелись ямские подставы.

Своеобразной почтовой «конторой» засечной черты стала Тула, штаб-квартира воеводы Большого полка сторожевых войск. Все гонцы привозили свою почту в городское присутственное место съезжую избу. Здесь подьячие распределяли полученную корреспонденцию: грамоты в Тулу отдавались воеводе, а бумаги в другие города раскладывались по соответствующим сумкам и тотчас же отправлялись. Все южные города посылали отписки и челобитные в Москву только через Тулу. Исключение составляла Рязань, или, как ее тогда называли, Переславль-Рязанский. Рязанский воевода сносился с Тулой лишь по делам, связанным с обороной засек, вся остальная почта доставлялась из Рязани в Москву через Коломну.

Только особо важные, особо срочные сообщения разрешалось посылать в Москву с нарочными гонцами. Это было вызвано тем, что посыльный вез, как правило, только одну грамоту. От такой «почты» государство получало только излишние расходы. Поэтому правительство строго предупреждало нарушителей установленного порядка доставки корреспонденции.

Вернемся к гонцу новосильского воеводы И. П. Турского. 3 октября 1637 г. приехал в Москву сын боярский Федор Шипилов с воеводской грамотой. И уже на другой день, даже как следует не отдохнув от долгого пути, гонец во весь дух мчался обратно. На этот раз в суме у него среди писем в различные города лежала царская грамота к И. П. Турскому, подкрепленная обещанием «государева гнева»: «И ты б впредь с такими вестями нарочных гонцов к нам не посылал не о скорых делах,... чтоб в том лишнего бы расходу не было» [89].

Спустя несколько лет, 18 октября 1649 г., был выпущен специальный указ, запрещавший посылать нарочных гонцов с маловажными сообщениями 1901. Этот документ имел огромное значение для упорядочения пересылки грамот. Указ был адресован, в первую очередь, воеводам засечной черты, но со временем его действие распространилось и на другие города.

Правительство установило, что воеводы «нарочно с невеликими делы гонцов из городов посылают», а из Москвы из разных приказов каждый день уезжают «по одной дороге и в один город по два и по три гонца». И от таких посылок в Москве и в других городах не хватает ямских подвод, а от лишних прогонов «казне убыль великая». Поэтому царь Алексей Михайлович приказал воеводам и приказным людям отписки с неважными сообщениями посылать или с нарочными гонцами, едущими из других городов в Москву, или, если отписок будет много, то посылать своего гонца. Посланным с отписками следовало «давать летом по одной подводе с телегою, а зимним временем с саньми; а больше того гонцам не давать. А для Государевых великих и скорых дел» гонцам давать такие же средства передвижения, но только с проводниками. Неслужилым людям, посадским и целовальникам, везущим воеводские отписки, велено было подвод не давать, так как они ехали в Москву прежде всего по своим делам. Одновременно было указано,

чтобы московские приказы прежде чем послать грамоту «не о скорых делах», сносились между собой, узнавая, не едут ли гонцы в нужные им города. Ссылаясь на то, что в 1649 г. по сравнению с прошлым годом «в ямском денежном сборе убыль многая» и в казне не хватает денег на выплату ямщикам жалования и прогонов, царь приказал гонцов других городов отпускать из Москвы «без подвод», т. е. не давать им денег на оплату обратного проезда [90].

Долгое время тульские ямщики возили гонцов до самой Москвы. Наконец, 26 мая 1638 г. воевода князь И. Б. Черкасский написал царю: «На Туле ямщиков сорок человек, а разгоны многие. Тех ямщиков з городу не ставает. потому что лошади изгонены. А в Серпухове стану нет. И которые вести будут скорые... гонцом с скорыми вестми к тебе, государь, поспешить будет не-мочно. А в Серпухове для поспешения гонцом без прибылых подвод для скорых посылок быть нельзя». Правительство мгновенно прореагировало на это письмо. На другой же день князю Черкасскому была отправлена с нарочным гонцом ответная грамота: «По нашему указу в Серпухове для скорыя гоньбы велено держать 20 подвод с проводниками» [91]. Такое количество лошадей на серпуховском стане сохранилось до 1667 г., когда их стало 30.

Последний документ обнаружен среди переписки Разрядного приказа с тульскими воеводами И. Б. Черкасским и В. И. Стрешневым в 1638 г. [92]. Эти столбцы интересны тем, что почти на каждой грамоте имеются даты отправления и получения. По ним можно определить, что почта, как правило, приходила в пункт назначения через 18—20 часов и очень редко находилась в пути свыше суток. Правда известен случай, когда грамота из Разряда от 27 апреля пришла в Тулу только 25 мая. Но если внимательно просмотреть остальные бумаги, то можно выяснить, что грамота просто затерялась в приказе: в тот же день туляки получили и письма, написанные 24 мая.

С марта по июнь из Москвы в Тулу гонцы отправлялись ежедневно. С июля, когда уменьшалась вероятность татарских набегов и спешных вестей становилось меньше, почту возили через 1—2 дня. Осенью и зимой вестовщики ездили не реже одного раза в неделю.

Каждый гонец вез в своей суме 10—15 писем. Только Московский стол Разрядного приказа с 24 апреля по 29 мая 1638 г. отправил в Тулу свыше 80 грамот. Ежегодно только из Москвы отсылалось не менее 2300 писем. В основном это была официальная корреспонденция.

Тульские воеводы в своих грамотах обычно перечисляли отправления в каждой из почт. Часто после перечня отписок, челобитных и других бумаг на царское имя и в приказы в них встречаются слова: «и ыных грамоток две» (иногда — «три», очень редко — «четыре»).

Что это за «ыные грамотки»? Хочется думать, что так называли частные письма. Возможно ли такое толкование непонятного термина? Попытаемся выяснить.

С самого начала следует оговорить, что в XVII в. гражданское население порубежных городов было малочисленным. Даже по переписным книгам 1678 г. в Туле посадских значилось 312 человек, в Ельце — 319, а в Ефремове, как говорится в старинных документах, «посацких не написано» [93]. Поэтому грамотки частных лиц затерялись в потоке служебной корреспонденции. И все-таки попробуем их поискать. Одну находку помогла сделать книга.

Есть любопытное издание «Грамотка XVII—начала XVIII века». Медленно переворачиваем страницу за страницей, вдыхая аромат старинной русской речи, и вдруг на глаза попадает знакомое имя на адресе одной из грамот: «отдат пожаловат грамотка в Курске Панфилю Тимофеевичу Салтыкову». Еще раз перечитаем грамотку: «Ба! Знакомые все лица!»

Брат П. Т. Салтыкова Тимофей сообщает ему на «государеву службу», что дома у него «здорово», и одновременно просит: «Да вели, государь, сказать Дмитрею Ртищеву и Труфону Батюшкову и Денису Киреевскому, что у них в домах, дал бог, здорово и хлеб

яровой и ржи. добра, а сено у нас косить мешают дожди» [94]. Так это почти вся ярославская станица, ездившая «на вести» в 1641 —1643 гг.! И один из них получил частное письмо.

При разборе письма Т. Т. Салтыкова могут возникнуть два вопроса.

Во-первых, каким образом житель города Дмитрова мог оказаться в Ярославской вестовой станице. Дмитровцем П. Т. Салтыков, очевидно, был по рождению. Дом его, как это явствует из писем, собранных в книге, был в Ярославле или где-то поблизости от него.

И, во-вторых, что является доказательством того, что письмо Т. Т. Салтыкова было доставлено по почте? К сожалению, нет никаких доказательств. На обороте грамотки не стоит даже обычных указаний о том, кто ее привез. В пользу того, что письмо было доставлено государственным курьером, говорит тот факт, что для городов юга неизвестны указы, запрещающие гонцам возить частные письма. Подобные ограничения появились в России только в 60-х годах XVII в. В первой же половине века русское правительство было заинтересовано в освоении порубежных земель и, возможно, поэтому закрывало глаза на мелкие нарушения законов.

Но не всякие правительственные распоряжения можно было нарушать безнаказанно. Чаще всего с виновными расправлялись без всякой пощады.

28 февраля 1622 г. воронежский воевода Б. И. Нащокин отправил для вестовой службы десять детей боярских во главе с Иваном Ениным. Но двое из станицы не захотели ехать с товарищами: один из них, Иван Прокофьев, остался в Воронеже, а другой, Федор Коробкин, бежал. Воевода отписал об этом в Москву. В ответ он получил царский указ «Ивашку Прокофьева бить батоги несщадно». Второго беглеца велено было сыскать тотчас же и «потом за воровство и за непослушание бить батоги ж гораздо». Во время наказания вокруг должен стоять народ, «чтобы на то смотря неповадно былоб иным воровать, нашего указу не слушать». После наказания Коробкина «вкинули в тюрьму» до царского распоряжения [95]. Неизвестно, дождался ли преступник указа, потому что в тогдашних тюрьмах, по словам тульского воеводы, «седельцев (заключенных) много от тесноты и з духу помирают».

Бывали случаи, когда посланные с отписками в Москву гонцы долгое время не возвращались обратно. В 1638 г. Иван Бутурлин курский воевода жаловался царю, что дети боярские, которых он послал с письмами в столицу, «на Москве живут за своими делами многое время». И вообще, плакался воевода, «дети боярские и их крестьяне меня, холопа твою, государь, не слушают, в городе з женами и з детьми не живут и запасов своих и кормов для осадного времени в городе не держат» [96]. Царский ответ неизвестен.

Для скорых посылок необходимы были, прежде всего, лошади. А их-то как раз и не доставало в городах засечной черты. Даже в крупных крепостях на станах было не более чем по 40 человек. Да и те всегда были не прочь «разбрестись врозь».

В 1645 г. курский воевода Иван Стрешнев бил челом царю Михаилу Федоровичу, что ему отписки из других городов отсылать не на чем, ямщиков в городе осталось пять человек и подвод нет. Куда же девались остальные «охотники». Воевода писал: «многие ямщики разбежались по твоим государевым новым городам», ближе к южной границе [97]. Жить там было вольготнее: денежное жалованье они получали такое же, десять рублей в год, а разгонов было гораздо меньше.

13 января 1662 г. в скорой гоньбе к южной границе произошли весьма существенные изменения. В тот день в Тулу к воеводе О. Ф. Куракину была отправлена царская грамота:

«Ведомо нам, великому государю, учинилось, что в украинных городах крымские воинские люди объявились, а гонцы из городов с нестовыми отписками гоняют медленно. И по нашему, великого государя, указу для вестей и для скорые гоньбы посланы с Москвы на Тулу дворовые люди Таврило Нефедов с товарищами, шесть человек. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, а Таврило Нефедов с товарищи на Тулу приедет, и вы б велели им на Гуле дать двор близко приказной избы. И что от ково про

воинских людей вести у вас объявятся, и вы б о тех вестях писали к нам, великому государю, наскоро. А с отписками своими велели с Тулы отпускать в Серпухов наспех тех дворовых людей по сколько человек пригоже. А в Серпухове велели им те свои отписки отдавать товарищам их, дворовым же людям, которые для скорые гоньбы в Серпухове поставлены. А из Серпухова товарищем своим с теми вашими отписками потому ж велели бежать к нам, великому государю, к Москве наспех днем и ночью немешкая нигде ни часу, чтоб нигде ни за чем мотчанья у них в дороге не было» [98].

Грамоты аналогичного содержания были направлены воеводам в Рязань, Коломну и Серпухов. На всех трех станах были поставлены царские дворовые люди: сытники, слуги Кормового двора и трубники.

Поставление на станах специальных людей для скорой доставки вестей явилось предвестником регулярной почты.

¹ Почтовые отметки на письмах не являются изобретением XVII в. Во времена Ивана Грозного на обороте письма уже делалась запись фамилии гонца, доставившего корреспонденцию. Например, на царской грамоте 1570 г., пришедшей в Москву из Александровской слободы, есть помета «с васькой с Фоминым» [87]. Через 50 лет к этой записи стали добавлять месяц и день прихода почты.

² Современный Старый Оскол Белгородской области.

Переяславская Рада 8 января 1654 г. приняла решение о воссоединении Украины с Россией. Кончилась многолетняя освободительная война украинского народа против гнета шляхетской Польши. Русское государство защитило своих братьев: полки московских стрельцов пришли на землю многострадальной Украины.

Сразу же начала налаживаться скорая гоньба из Москвы в украинские или, как тогда говорили, в черкасские города. На ямских подводах и на сменных, заводных лошадях мчались спешные гонцы. Сообщений было много: с каждым днем все сильнее разгоралось пламя войны между Россией и Польшей. Случалось, что не успеет уехать один гонец, как за ним следом летел другой с еще более важной, с еще более срочной вестью.

В городах не хватало посыльщиков и лошадей. Грамоты задерживались в пути. Чуть ли не ежедневно воеводы докладывали об этом царю Алексею Михайловичу. В Москве, в Центральном Государственном архиве древних актов, в делах Разрядного и Малороссийского приказов хранятся сотни подобных отписок, похожих одна на другую, как две капли воды. Разные имена воевод, другие названия городов, а содержание у всех одинаковое: «А мешкота, государь, твоему государеву делу чинитца потому, что в Калуге стрельцов мало и разсылать не с кем. Ямщики подвод не дают, сказывают, что подводы в разгоне. И в том бы мне, холопу Вашему, от тебя, государь, в опале не быть» [99]. Так писал из Калуги 27 мая 1655 г. воевода Богдан Камынин.

А события на Украине между тем приняли нежелательный для русского правительства оборот.

27 июля 1657 г. скончался гетман Богдан Хмельницкий. Вместо него избирается бывший генеральный писарь Запорожского войска, шляхтич по происхождению, Иван Выговский. Деятельность нового гетмана была направлена на разрыв союза с Россией. В сентябре 1658 г. Выговский заключает соглашение с польским правительством, по которому Украина вновь становилась вотчиной панов и магнатов. Украинский народ ответил на этот договор восстанием. Русское правительство двинуло на помощь бунтарям стрелецкие полки. Выговский бежал в Польшу.

Для быстрого получения вестей из полков и украинских городов создается специальная почтовая линия от Москвы до Путивля — крепости на рубеже русских земель.

В лето семь тысяч сто шестьдесят седьмое от сотворения мира... К сожалению, мы не можем точно перевести эту дату на новое летоисчисление. Дело в том, что документ, о котором пойдет речь, в оригинале не обнаружен. Известны только ссылки на него в последующих указах. А там писалось «в прошлом 7167-м году», что соответствует периоду с 1 сентября 1658 г. по 31 августа 1659 г.

Возможно, это было в 1659 г., когда начали активизироваться почтовая и ямская службы на дороге от Москвы до Путивля. Известен указ от 6 июля, по которому между Москвой и Севском были поставлены дополнительные ямские подводы. На этом указе и на распоряжениях по почтовой части 1659 г. мы остановимся ниже.

Итак, в лето 7167 во все города от столицы до Путивля был разослан царский указ. Суть документа сводилась к следующему: правительство направляет для скорой гоньбы на станы по два человека из царских дворовых людей с лошадьми. На своих местах они должны находиться безотлучно и спешно доставлять важнейшие государственные грамоты. Для гоньбы поставили служилых самых низших должностей: сытников, стадных конюхов и трубников. Из всех назначенных на станы только последние имели какое-то отношение к распространению вестей. Трубниками в старину называли глашатаев. У них был отличительный знак своей профессии — рог на широком кожаном поясе. Кто такие стадные конюхи — понятно. Чин же сытников был таков: они подавали царю сосуды с питьем (сытой). Если царь отправлялся куда-нибудь вечерней порой, то сытники несли свечи перед шествием [100].

Начиная с 1659 г. в приказных архивах накапливаются указы об учреждении скорой гоньбы к украинской границе.

При ежегодной смене административного аппарата новым судьям приказов, дьякам, воеводам и прочим официальным лицам давались подробнейшие указания, как исполнять свои должности. Часто в наказах писалось: «делать по прежнему государеву указу», а затем приводилась выписка из старого распоряжения. Такая система многократного повторения одного указа в разных документах сохранила нам значительное количество сведений о жизни людей русского средневековья. И хотя «мышьядь и пробитие дождями», пожары и бездушные чиновников уничтожили многих бесценных свидетелей прошлого, мы все-таки можем воссоздать картину скорой гоньбы между Москвой и Путивлем. Помогут нам в этом бумаги 1660—1662 гг.

По указу царя Алексея Михайловича по дороге от Москвы до Путивля на девяти станах поставили придворных людей, дав им по четыре лошади каждому. Была составлена роспись мест, где должны находиться гонщики: «От Москвы до Колуги на 180 верстах стан. От Колуги до Лихвина 30 верст, стан. От Лихвина до Белева 30 верст, стан. От Белева до Волхова 40 верст, стан. От Волхова до Карачева 70 верст, меж Волхова и Карачева стан. От Карачева до Севска 100 верст, меж Карачева и Севска стан. От Севска до Путивля на 150 верстах 2 стана» [101].

В Москве стан устроили на Житном дворе около Калужских ворот (современная Житная улица). Воевод других городов обязали выделить для почты дворы «близко приказной избы» [102].

Трубникам и стадным конюхам указали гонять только с царскими грамотами и отписками из разных городов о ходе военных действий. За соблюдением правил проезда следили городские воеводы. К этому их обязывало распоряжение: «А опричь вестовых отписок и иных скорых дел, тех подвод никаким людем давать не велели» [103]. Так что вновь созданная линия связи была похожа на курьерскую службу, возникновение которой обычно связывают с Воинским Уставом Петра Великого.

Посыльщики должны были находиться на станах «в день и в ночь безотступно, по всяк час наготове». Как только на стан приезжал гонец со спешным известием, грамоту у

него забирали и уже другой человек тотчас же мчался дальше к следующей станции «с большим поспешением наскоро немешкая нигде ни малого времени» [104].

По новой системе корреспонденция до Москвы доходила гораздо быстрее. Так, например, письма из Севска приходили на третий—четвертый день, а из Калуги менее чем через сутки [105]. Нарочных гонцов, бессменно доезжавших до пункта назначения, стали посылать только по особо важным тайным делам.

Но и такие, сравнительно высокие, темпы доставки царских грамот и воеводских отписок не удовлетворяли правительство. Все чаще в указах стало отмечаться, что трубники «в гонидьбе ездят медленно».

6 июля 1659 г. по севской дороге был послан стряпчий Борис Деевич Ржевский. Ему было поручено проехать от Москвы до Севска и устроить по дороге станы в тех городах, селах и деревнях, где их нет, через сорок — пятьдесят верст «для посылки скорых Государевых дел». На ямы велено было поставить посадских и уездных людей по десять человек с подводами. По указу Б. Д. Ржевский должен был в деревнях, расположенных в полуверсте и в версте от большой дороги, взять с десяти крестьянских дворов человека с подводой и расставить выбранных по дороге от Москвы до Севска. Сделав все это, стряпчий должен был составить книгу, в которой указал бы, в каких местах организованы станы и кто на них поставлен. Записи следовало «подать в Разряде» [106]. К сожалению, этот интереснейший документ не удалось обнаружить в делах Разрядного приказа.

Прошло два месяца...

19 сентября по той же дороге, но уже до Путивля был направлен стряпчий Иван Самойлович Савин и с ним двенадцать человек стадных конюхов с 48 лошадьми. И. С. Савину приказывалось расставить конюхов по ямам «в прибавку к прежним». Каждый посланный получил в Москве из Разрядного приказа по пяти рублей «на корм». На всех станах надо было сделать четырехмесячные запасы овса и сена. Для этой цели стряпчему выдали и том же приказе тридцать рублей под расписку [107].

Сытники, стадные конюхи и трубники с большим неудовольствием отправлялись на службу в другие города. Все они были москвичи, имели в столице свое хозяйство, и жизнь вдали от дома их мало прельщала. Поэтому правительство, зная об этом, изыскивало способы реорганизации скорой гоньбы.

Изменения произошли глубокой осенью 1660 г.

31 октября всем воеводам в города по дороге на Путивль были разосланы царские указы с идентичным текстом. В частности, калужский воевода Н. Я. Львов получил такую грамоту: «Ты б выбрал ис колужских детей боярских с меньших статей (низших чинов), которые полковой службы не служат, и из стрельцов, и ис казаков, и ис пушкарей, и из ыных чинов добрых, которых с такое дело будет, осми (восемь) человек и велел в Колуги купить тридцать два мерина добрых. И поговоря с тутошними людьми поставил их от Колуги до Москвы на двух станах, в которых местех пригоже, по четыре человека» [108].

Таким образом, правительство обязало воевод не только следить за соблюдением правил скорой гоньбы, но и выбирать людей, обеспечивать их лошадьми, деньгами на питание и на корм. За неисполнение указа воевод ждал царский гнев: «И от нас, великого государя, тебе за то быть в великой опале и в жестоком наказанье и велим на тебе взять двесте рублей пени» [109]. По тем временам двести рублей были громадные деньги, и воеводы тотчас же занялись организацией скорой гоньбы.

Уже 9 ноября Н. Я. Львов писал, что он поставил на станах в Калуге и в селе Тарутино стрельцов и пушкарей. «А лошадей дал им: пяти человекам по четыре, а троим по три, потому что лошадей в Калуге больше нет. На корм коням куплено каждому по два воза сена, да по две четверти 1 овса на месяц» [110]. Стан в Тарутино находился в обычной крестьянской избе возле перевоза через реку Нару.

Лихвинский воевода доносил в Москву, что воинских людей в городе мало и он поставил на стане посадских людей. У них взяли поручную запись с обязательством

исправно гонять «тое государеву гоньбу». Примечательно, что все четверо выбранных были грамотные, они сами подписались под обещанием [111]. Среди ямщиков, как мы уже говорили, это не было редкостью.

Хуже обстояли дела в Севске. Городские осадные воеводы Михаил Дмитриев и Михаил Скрябин писали в Разрядный приказ: «Для скорой гоньбы купили они только 3 лошади, а больше того в Севску лошадей купить не добыли». От имени царя воеводам было послано грозное предписание: «По прежнему государеву указу людей выбрать и лошадей купить и устроить для скоры я гоньбы на станех тотчас безо всякого мотчания» [112]. Вскоре лошадей купили, но обошлись они казне чуть ли не вдвое дороже, чем в других местах.

Жалобы на нехватку лошадей для перевозки корреспонденции сыпались со всех сторон. Наконец, правительство поручило белевскому воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину навести порядок на ямских станах, «людей выбрать, а лошадей купить». И учинить в тех городах для скоры гоньбы по прежнему государеву указу сполна». Г. С. Куракину была предоставлена полная свобода в расходовании средств на «лошединую покупку». Основным источником для закупок была войсковая казна. А если в полках денег не окажется, — говорилось в указе, — то «велеть деньги иметь в тех городех изо всяких доходов с роспискою» [113]. В Белеве, например, лошадей покупали на таможенные доходы и сборы кружечного двора [14].

Ежегодно воеводы отчитывались в расходах на скорую гоньбу. Эти отчеты-отписки сохранились в делах Московского стола Разрядного приказа.

Н. Я. Львов писал из Калуги, что в 1660 г. купил он 26 лошадей за 215 руб. На корм коням с 4 ноября 1660 г. по апрель 1662 г. было израсходовано 230 руб. 29 алтын 2 4 деньги. В Севске сначала купили 15 лошадей за 256 руб. 16 алтын 4 деньги, затем пять и, наконец, 6 января 1661 г. еще 28. За последние пришлось платить чуть ли не по 25 руб. за голову. Кроме того, необходимы были расходы на хомуты, железо «и на иную мелочь, что в гоньбу тем лошедям надобно». В Белеве все это обошлось в 9 руб. 22 алтына [115].

Особую статью расходов составляло «государево жалованье» посыльным. Первоначально оно было определено из расчета по 2 алтына человеку на день [116]. Но в 1660 г. денежное содержание уменьшилось почти вдвое. Например, белевцы, находившиеся в гоньбе, за 15 месяцев получили на четверых 55 руб. 7 алтын 2 деньги [117], т. е. чуть более 3 коп. на человека в день. Тем не менее известны указы 1661-1662 гг., в которых говорится, что ямщикам от Москвы до Путивля полагается жалованье по 2 алтына в день. Но они не выполнялись.

Скорая гоньба тяжким бременем ложилась на государственную казну. В 1660 г. сразу было куплено лошадей почти на 2500 руб. И затем каждый год расходы на покупку лошадей, вместо павших, на фураж, на жалованье гонщикам составляли около 1400 руб. [118]. Но правительство не останавливалось ни перед какими затратами: оно только требовало, чтобы по возможности осуществлялась экономия средств.

Во всех царских указах подчеркивалась необходимость бережного отношения к лошадям и конским кормам. Стрельцам и пушкарям, посланным на станы, приказывалось, «тех лошадей и корму конского, сена и овса, беречь накрепко, чтоб лошеди без корму николи не были и безкормицы и небережения не померли. А корму б напрасные истери никуды не было» [119].

Особенно много гибло лошадей от быстрой езды нарочных гонцов. По данным Разрядного приказа каждый год падало 11—12 коней, из них восемь — девять загоняли скорые посыльные.

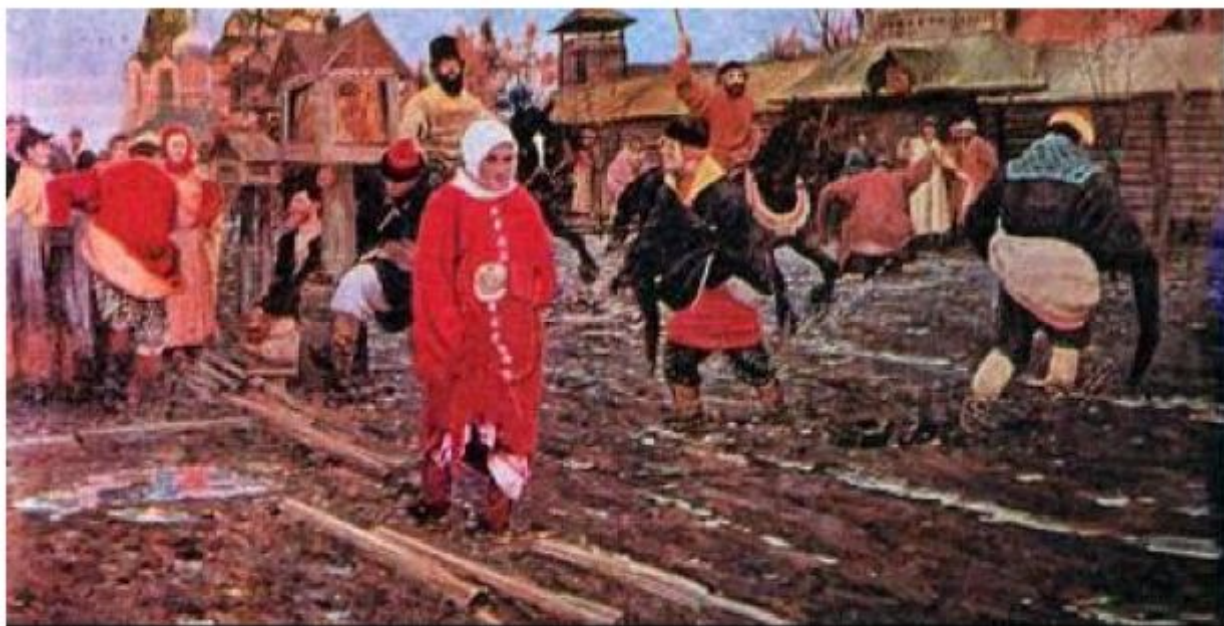
Как только в Москву доходило сообщение о порче лошади, Разрядный приказ проводил следствие, выясняя, по чьей вине это произошло. Провинившийся наказывался. С гонца, загнавшего без нужды коня, взыскивалась его стоимость. Но однажды наказали воеводу.

Август 1661 г. Пришло сообщение от белевского воеводы Г. С. Куракина, что гонец из Киева Яков Щетинин испортил лошадь. Тотчас же по всей линии был послан запрос: «те лошади, которые Яшка Щетинин имал, все ль... отпустил их неперепорченных и в гоньбе годятца ли». Воеводы в съезжих избах допросили проводников, ездивших с гонцом. Их показания, или, как тогда говорили, «сказки» отправили в Москву. Оказалось, что во всех городах, кроме Белева, лошади «в деле неосаднены и неперепорчены». Разрядный приказ еще раз потребовал от белевского воеводы отчета. Тогда Г. С. Куракин признался, что лошади в городе «изгонены», потому что весной была бескормица и кони до сих пор не оправились. По царскому указу воеводу за халатность велено было оштрафовать на 30 руб. и строго предупредить. 30 лошадей отдали отъедаться «на кормы в монастыри» [120].

Это не понравилось монахам.

Настоятель Пафнутьева монастыря Иоаким жаловался в Монастырский приказ, что прокормить пять лошадей «братия» не может. Из Монастырского приказа об этом написали в Разряд. Тот от имени царя исчислил все приношения, которые Алексей Михайлович сделал Пафнутьевой обители, и напомнил, что почтовую гоньбу до Путивля финансирует только один Разрядный приказ, а ей пользуются и черноризцы. Духовенство смирилось.

Грамота Разрядного приказа интересна еще одним фактом. Она сообщает, что почта Монастырского приказа за период с 16 июля 1659 г. по 4 сентября 1661 г. составила 1083 письма [121].

Московская улица XVII века в праздничный день (с картины А. Рябушкина)

Вид на Кремль при Иване Грозном (с картины А. Васнецова).

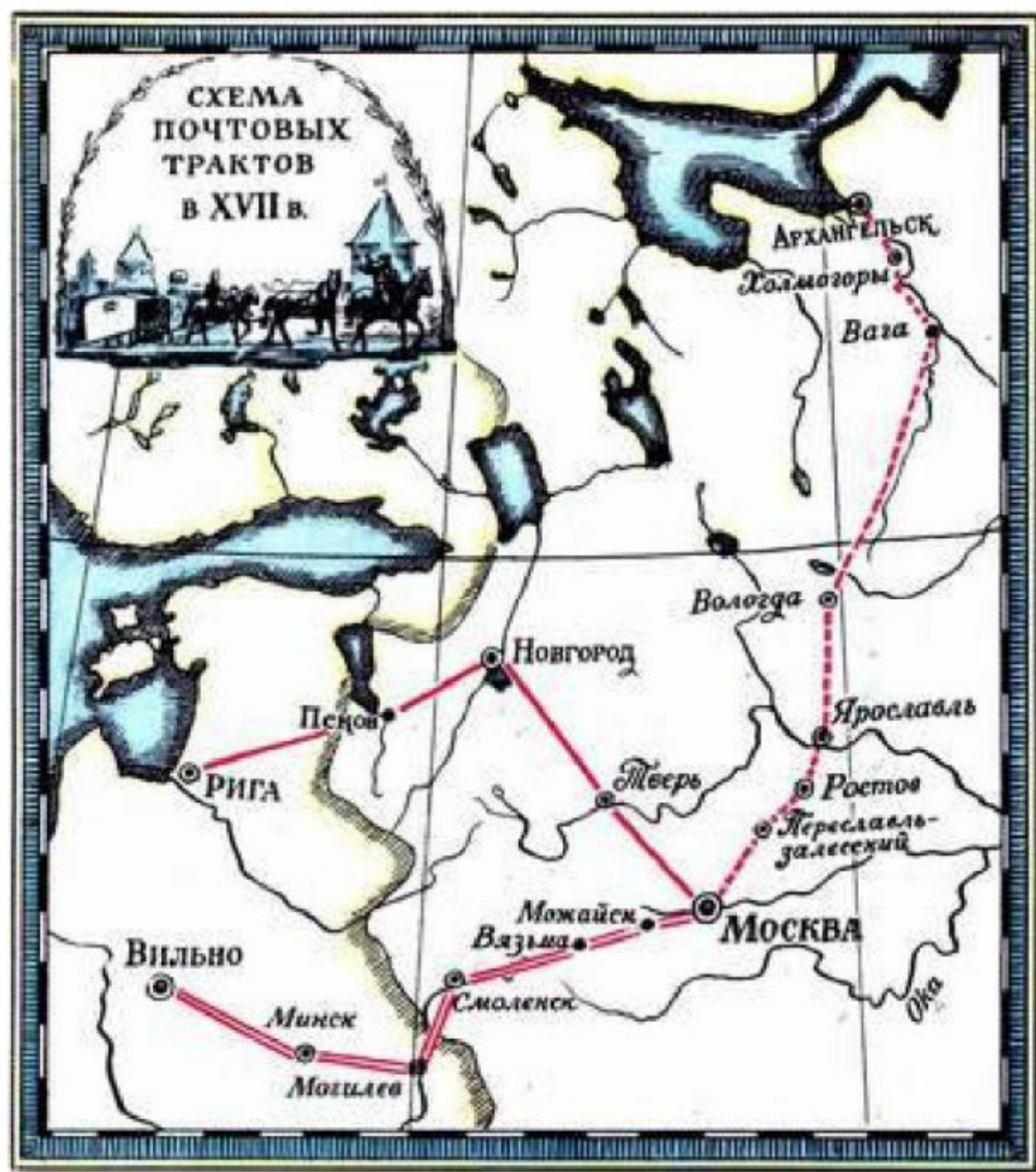
А. П. Ордин-Нащокин – глава Посольского приказа

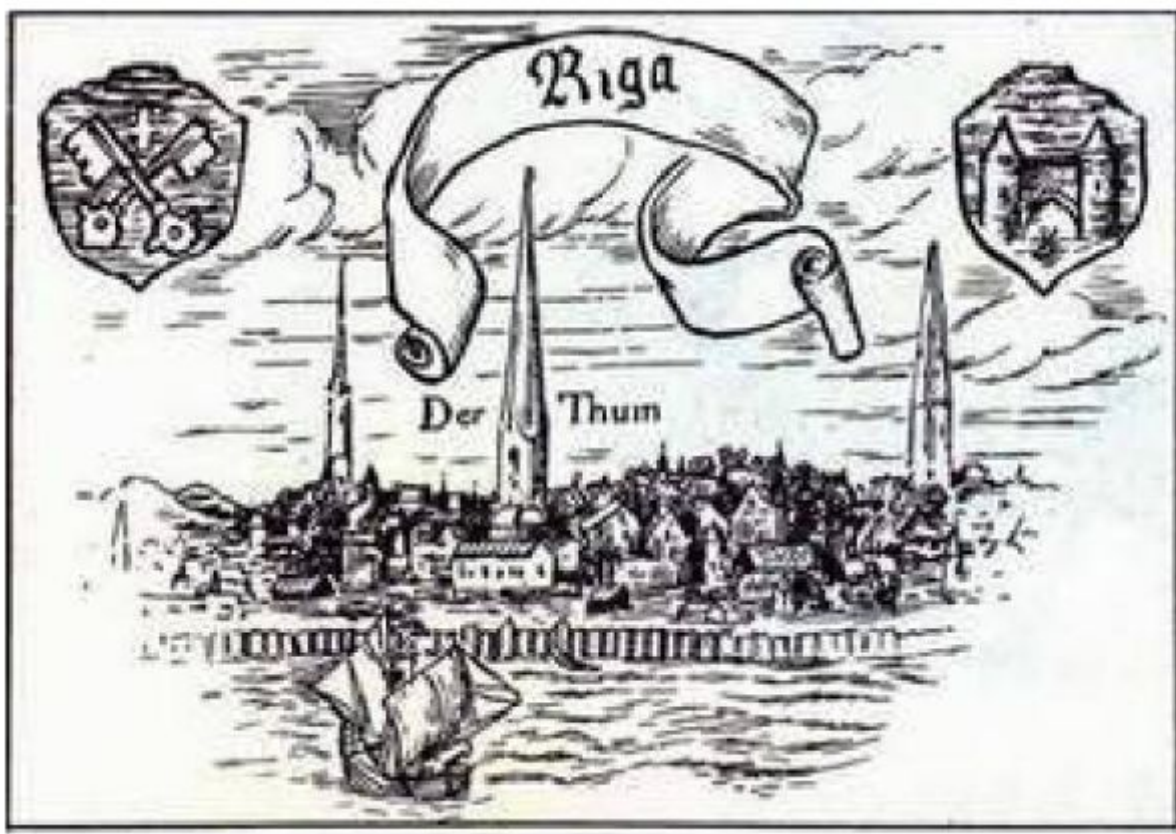

У Мясницких ворот Белого города в XVII в. (с картины А. Васнецова)

Рига (по гравюре 1556 г.)

Правительство строго следило за сохранностью корреспонденции. Об этом указывалось во многих распоряжениях: всякого, потерявшего грамоту, ждало наказание, вплоть до смертной казни.

24 сентября 1664 г. писал из Калуги воевода Н. Я. Львов: донес ему ямщицкий сын Лука Семенов о краже царской грамоты, да не простой грамоты, а написанной в приказе Тайных дел. Случилось следующее: ...Ехал Лука Семенов с товарищами из Москвы. В селе Недельном нагнал их стрелец Кузьма Савинский с тайным письмом в сумке. Спускалась ночь, и путники решили переночевать на дворе своего старого знакомого крестьянина Саввы Чеботарева. «А тот Савка при них, неведомо по какому умыслу пустил ночевать к ним неведомо каково человека». И тот «неведомый» человек, когда все уснули, обокрал гонца и ямщиков. «А как стали вставать, колужской стрелец Куземка Савинский и хватился корманца (сумки) з государевыми грамотами и тот корманец у него унесен, да у него же, стрельца, унесены сапоги; а у ямщиков кафтан шубной да сермяжной». Гонец и ямщики бросились в погоню за вором, но, кроме платка, в котором были завернуты царские грамоты, ничего на дороге не нашли. Вор бесследно исчез.

Крестьянина Чеботарева посадили в тюрьму до тех пор, пока не сыщется вор. В архиве можно найти указ о заключении в тюрьму и стрельца Кузьму Савинского. Но последний уехал из Недельного неведомо куда, с тех пор его так никто и не видел [122]. Вина стрельца была большой: он потерял царские грамоты и нарушил указ, по которому должен был ехать в Калугу днем и ночью безо всякой задержки.

Путивльская дорога совершенно не была приспособлена для перевозки грузов. По ней сравнительно легко могли проезжать только верховые гонцы. Свидетельство этому мы находим в записках арабского путешественника Павла Алеппского, проезжавшего по южному тракту дважды — в 1655—1656 и 1666 гг.:

«Трудны и узки здешние дороги: все дороги были покрыты водой, на них образовались ручьи, реки и непролазная грязь, поперек узкой дороги падали деревья, которые были столь велики, что никто не был в силах их разрубить или отнять прочь; когда подъезжали повозки, то колеса их поднимались на эти деревья и потом падали с такой силой, что у нас в животе разрывались внутренности». По такой дороге под силу было проехать только конному. Экипаж путешественников тащился очень медленно: не выше 15 верст в сутки. Далее Павел Алеппский рекомендовал ездить в Россию зимой, «так как земля и дороги в ту пору бывают ровны». Сани по такой дороге мчатся «с быстротой выше всякой меры» [123].

Хотя, по ядовитому замечанию шведского дипломата Эрика Пальмквиста, «русские нарочно запускают дороги, ведущие внутрь страны, чтобы затруднить доступ иностранцам» [24], как мы уже говорили, письменная корреспонденция по тракту из Путивля шла достаточно быстро.

На этом завершается начальный этап истории почты в России. На самой первой ее ступени в X—XI вв. появились зародыши системы доставки писем. Тогда посылка гонца была сопряжена со многими трудностями (еще не проложили хороших дорог, только начали развиваться повозы, предназначенные для спешной перевозки вестников и грузов). Середина XII—начало XIII вв. — время расцвета русской повозной системы. Улучшаются дороги, возникают постоянные дворы для проезжающих, появляются первые правила провоза гонцов по землям русских княжеств. Татаро-монгольское нашествие не разрушило повозной системы, наоборот, она была расширена, продолжала совершенствоваться и уже с XIV в. можно говорить о русской почте как об организации, работавшей не хуже, чем почты Западной Европы. По крайней мере, иностранцы, посещавшие Россию, не видели большой разницы между ямской гоньбой и европейской почтой. На границе XII и XIII вв. окончательно сложилась отечественная система связи. Существовали специальные люди, возившие грамоты, — гонцы, средства передвижения — сначала повоз, а затем ямские подводы, почтовые станции — ямы. Почта чаще всего была нерегулярной, редко возила частные письма, не было самого слова *почта*. Оно родилось только в 1665 г. Русские переделали его из немецкого термина *die Post* — почтовая контора, известия, новость.

Слово *почта*, возможно, было известно в России, задолго до 1665 г. Тому есть косвенное подтверждение. С 20-х годов XVII в. Посольский приказ составлял для царя и бояр рукописную газету («куранты»). Сведения для нее брались из зарубежных источников. Лиц, привозивших «вести» для газеты из-за границы, в тогдашних документах называли *почътарь* или *почтар* [125], хотя само слово *почта* в них не упоминалось.

¹ Четверть — старинная мера объема сыпучих тех. составляла в XVII в. 209.91 литра.

² Алтын — 3 копейки.

По второй половине XVII в. в экономической жизни России обнаруживаются новые явления. Важнейшим из них было образование единого всероссийского рынка. В стране развиваются мелкое товарное производство и денежное обращение, появляются мануфактуры. Экономическая разобщенность отдельных областей России начинает отходить в прошлое. Образование всероссийского рынка было, по словам В. И. Ленина, одной из предпосылок развития русской народности в нацию¹.

В связи с образованием всероссийского рынка повысилась роль купечества в хозяйственной и политической жизни страны. Торговые люди начинают выступать перед правительством в защиту своих интересов. Среди многих требований были и челобитные об улучшении средств связи. Все чаще и громче раздавались голоса о необходимости перестройки русской почтовой системы, создания общедоступной регулярной почты.

Торговых людей поддерживал тогдашний глава русского правительства А. Л. Ордин-Нащокин — организатор «правильной» почтовой гоньбы в России.

¹ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 1, с. 137—138.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин ¹ родился около 1605 г. в семье захудалого псковского помещика. Служебную карьеру он начал с 1642 г.: его не раз назначали в посольские комиссии для размежевания границ со Швецией. Когда в 1654 г. началась война с Польшей, ему был поручен чрезвычайно трудный пост: с малыми военными силами он сторожил московскую границу со стороны Литвы и Ливонии. В 1658 г. его усилиями было заключено Валиесарское перемирие со Швецией, условия которого превзошли самые радужные ожидания Московского правительства.

Наконец, Ордин-Нащокин сослужил самую важную и тяжелую службу русскому государству: после утомительных восьмимесячных переговоров с польскими уполномоченными он заключил в январе 1667 г. в Андрусове перемирие с Польшей, положившее конец опустошительной для обеих сторон тринадцатилетней войне. Заключение Андрусовского перемирия поставило Нащокина очень высоко в Московском правительстве, составило ему большую дипломатическую известность. Он был пожалован в бояре и назначен главой Посольского приказа с громким титулом «царственной большой печати и государственных великих посольских дел сберегатель», т. е. стал государственным канцлером. Кроме того, он получил в управление Малороссийский приказ, Смоленский разряд, Новгородскую, Галицкую и Владимирскую чети и отдельные ведомства: вяземскую таможену, кружечный двор, железодельные заводы [1].

Ордин-Нащокин был широко образованный человек, активный сторонник сближения с Западной Европой. Про него говорили, что он «знает немецкое дело и немецкие обычаи знает тоже». После Афанасия Лаврентьевича остался ряд бумаг, служебных донесений, записок и докладов царю по разным политическим вопросам. Это очень любопытные документы для характеристики как самого Нащокина, так и его планов преобразования России. Их автор умел складно, «слагательно», писать. Тонкий, цепкий и емкий ум делал его мастером своеобразных и неожиданных построений. С ним трудно было спорить: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас же подденет и поставит в тупик оплошного или близорукого противника [2].

Глава Посольского приказа для того, чтобы быть в курсе общеевропейской политики, улучшил издание рукописных газет («курантов»), которые начиная с 1620 г. составлялись для русского царя на основании газетных материалов, присылаемых из-за границы. Для скорейшей и регулярной их перевозки по территории России была создана почтовая линия от Москвы до Пскова. А. Л. Ордин-Нащокин уделял большое внимание почте как наиболее быстрому, наиболее надежному средству доставки информации.

Сразу же после заключения Валиесарского перемирия Ордин-Нащокин начинает хлопотать о создании регулярной почты. Он поддерживает челобитную голландца Яна ван Сведена, просившего дать ему на откуп доставку зарубежной почты.

При разработке проекта условий перемирия с Польшей Афанасий Лаврентьевич включил в него статью о регулярной почте из Москвы в Вильну. Царь Алексей Михайлович скептически отнесся к этому предложению, говоря, что «почта за рубеж есть и второй ненадобно». Нащокину удалось переубедить царя. На посольском съезде в Андрусове статья о почте была без возражений принята польской стороной.

Виленская почтовая линия являлась детищем А. Л. Ордин-Нащокина.

Еще во время переговоров в Андрусове глава русского посольства командирует в Вильну переводчика Посольского приказа Л.П. Марселиуса. Ему предписывалось ознакомиться с постановкой почтового дела в Польше. 9 апреля Марселиус вернулся на посольский стан и под руководством Ордин-Нащокина занялся подготовкой проекта царского указа о скорой гоньбе до польской границы. Афанасий Лаврентьевич вникал во все детали этого проекта. Он указывал, кому из сотрудников Посольского приказа в дать приемом и отпуском почты на границе, сколько ямщиков должно быть на каждом стане, разработал проект формы для почтарей [3].

В это время в Москве начали упорно распространяться слухи о том, что правительство недовольно работой фан Сведена и собирается передать почту в другие руки. Нашелся претендент на должность московского почтмейстера — торговый человек Томас Кельдерман (по некоторым источникам — Келлерман), который в апреле 1668 г. подал об этом челобитье царю. В Посольском приказе за спиной Ордин-Нащокина начались переговоры с Кельдерманом. Когда сведения о переговорах достигли Андрусова, Афанасий Лаврентьевич быстро подготовил указ и инструкцию о передаче почты Марселиусу, да и отправил его самого в Москву со всеми бумагами. 25 мая эти документы были утверждены царем. При назначении Марселиуса управляющим московской почты были нарушены некоторые формальности — забыли взять с него крестное целование и «поручную» запись о том, что он будет честно служить и «приискывать государевой выгоды». Без этого в средневековой России никого не назначали на официальные должности. Л. П. Марселиус был одним из немногих. В последствии, когда между царем и А. Л. Ордин-Нащокиным начались нелады, боярину неоднократно пеняли за нарушение общих правил при назначении Марселиуса на должность [4].

В 1667 г. Ордин-Нащокин разработал новые правила торговли на территории России — Новоторговый устав. Основной идеей этого документа было расширение зарубежной торговли и покровительство отечественным купцам. Иностранные торговцы обязаны были продавать свои товары оптом в пограничных городах, при проезде внутрь страны по специальному разрешению с них взымали, помимо таможенной пошлины, еще и проезжую.

Одним из наиболее значительных пунктов зарубежной оптовой торговли тогда был порт Архангельск — город удаленный от центров русской торговли. Учитывая это, Ордин-Нащокин в августе 1668 г. и апреле 1669 г. написал письма царю о необходимости учреждения архангельской почты. Алексей Михайлович челобитные прочитал и велел их положить в дела Тайного приказа, где они хранятся до сих пор. Афанасий Лаврентьевич на этом не успокоился. Памятуя, что и капля камень точит, он порекомендовал Марселиусу обратиться с аналогичной просьбой. Тот подал челобитную, повторявшую основные положения писем «посольских дел сберегателя»:

корреспонденция возится не круглый год, а только во время прихода иностранных кораблей, с 1 мая до 1 октября еженедельно;

государственные грамоты доставляются бесплатно, а с торговых людей брать столько, чтобы им «лишней тягости не было»;

между Вологодой и Архангельском Марселиус своими силами строит дополнительно пять ямских станов [5].

Однако и Марселиусу отказали в ходатайстве.

Прошло двадцать четыре года. Вновь возродилось дело об архангельской почте. Разыскали в приказных сундуках письма Ордин-Нащокина и Марселиуса и на их основе разработали положение о скорой гоньбе к берегам Белого моря. Это дало основание А. А. Виниусу сказать в 1696 г., что архангельская почта создана «по завету и наказу блаженные памяти боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина».

А. Л. Ордин-Нащокин прекрасно понимал значение почты как одного из рычагов развития русской экономики. Отвечая в 1669 г. на очередные обвинения, выдвинутые против него царем, он писал о скорой гоньбе: «Это великое государственное соединительное дело впредь к умножению всякого добра царству Московскому будет» [6].

У Ордин-Нащокина не было полного согласия с царем в вопросах внешней политики. Эти разногласия постепенно охлаждали Алексея Михайловича к боярину. 2 декабря 1671 г. царь его «милостиво отпустил и от всемирских суеты освободил явно». Опальный боярин удалился в свое поместье Таложня под Торжком. Вскоре Афанасий Лаврентьевич постригся в монахи псковской Крыпецкой пустыни под именем Антония [7]. В 1681 г. его не стало.

А. Л. Ордин-Нащокину посвящена почтовая миниатюра в серии «100-летие русской почтовой марки». Она выполнена по мотивам единственного прижизненного портрета боярина. Парсуна была написана, как предполагают, неизвестным польским художником в Андрусове во время переговоров. Одно время картина висела в Посольском приказе, потом портрет затерялся. Его отыскал в начале XIX в.

тогдашний управляющий Московским архивом коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский [8]. В 30-х годах нашего столетия портрет был передан в Государственный Исторический музей.

¹ В филателистической литературе распространилось написание его фамилии «Ордын-Нащокин». Это неправильно, свои письма и челобитные боярин подписывал — «Ордин-Нащокин».

Весной 1665 г. А. Л. Ордин-Нащокин предложил русскому правительству заключить договор с голландцем Яном фан Сведеном об организации международной почтовой линии между Москвой и Ригой [9].

Фан Сведен (в архивных документах его называют ван Сведен, и фон Сведен и даже Иван Шведов) прибыл в Россию летом 1662 г. для «корабельного строения». Но мастер он был, как выяснилось впоследствии, неважный, хотя и отличался большими организаторскими способностями. Бывший корабельщик прочно осел в Посольском приказе, ему поручили вызов мастеров из Голландии.

По договору фан Сведен должен был получать ежегодно 1000 руб., половину предполагалось оплачивать соболями. Но уже через несколько месяцев, в сентябре 1665 г., содержатель почты написал «сказку» царю, что этих денег ему мало, так как на организацию гоньбы «своими людьми и на своих лошедех» он затратил 1200 руб. Сумма по тем временам колоссальная, на нее можно было тогда купить почти 18 килограммов золота высшей пробы.

В обязанности фан Сведена входило доставлять письма русских послов и агентов, иностранные «куранты», отписки воевод, сидевших на всем пути от Пскова до Москвы, и царские указы. Кроме того, голландец мог перевозить частные письма и плату за них безотчетно класть себе в карман.

Чуть ли не с первых дней работы новой почтовой линии в приказы Тайных дел и Посольский начали поступать жалобы: почта в урочные дни не бывает, почтари опаздывают, письма в дороге теряются. Фан Сведен объяснял все это отсутствием хороших дорог, неустроенностью быта почтарей и снова требовал денег.

Тогда правительство вспомнило опыт доставки корреспонденции на юг России, где при ежедневной гоньбе расходы были меньше. Фан Сведену предложили своих людей с тракта снять, вместо них Ямской приказ снарядил гонщиков с лошадьми. Содержатель почты должен был теперь (с марта 1666 г.) платить ямщикам прогоны, а росписи своих расходов представлять в Посольский приказ для оплаты. За частную корреспонденцию он по-прежнему получал сам и в этих деньгах не отчитывался.

13 января 1667 г. на тридцать первом съезде послов в Андрусово было заключено перемирие между Россией и Польшей, окончательный текст которого был утвержден в Москве в декабре того же года. Для нас наиболее интересна 6-я статья договора: «При том и то постановили есмы, понеже много надлежит обоим государствам нашим в скорой и частой меж собою обсылке для ведомости через грамоты в скорых приключаящихся делех государ-ских, ...а наипаче для приумножения торговых обоим тем великим государствам пожитков, и с тех причин согласно договорили и постановили есмы, чтобы через почту таковы обсылки, скорейшей, нежели через гонцов, как прежде сего с великой мешкотой бывало, ...деялись».

Договор определил, что почта «на всякую неделю путь свой шествуя» будет доставляться до местечка Кадин на польской границе в Мстиславском воеводстве. Начальнику почты в Кадине предписывалось немедленно «в целости» передавать все отправления на русскую сторону в местечко Мигновичи, которое находилось в Смоленском воеводстве. Из Мигновичей почту через Смоленск отправляли в Москву. Лиц, ведавших передачей корреспонденции в порубежных городах, в договоре величали «начальники над почтою».

Особо оговаривалась пересылка частных писем. Торговым людям предписывалось, чтобы их письма «не чрез иных людей, но через уставные почты посыланы, у почтарей записываны были». На этом положении особенно настаивали русские послы во время Андрусовских съездов. За пересылку писем торговые люди вносили определенную плату, размер которой устанавливали в соответствии с почтовыми тарифами в Западной Европе.

После подписания Андрусовского перемирия фан Сведен послал царю несколько челобитных с просьбой передать ему новую почтовую линию. При этом он ссылался на свои заслуги в деле организации почты из Москвы в Ригу. Ответ правительства по этому поводу гласил, что доставка писем организована плохо, что фан Сведен нарушает таможенные законы России, нарушает данный ему наказ: «Да и того ему, Ивану, в приеме почт смотреть накрепко, чтоб из-за моря иноземских грамотках в присылке к Москве не было б каких запон, или жемчугу, или каменя. И буде явитца и ему то объявлять в Посольском приказе, чтоб привозом его, великого государя, пошлинному збору убытку не было». И указом от 25 мая 1668 г. у фан Сведена отобрали Рижскую почту, передав ее Леонтию Петровичу Марселиусу. Ему же предложили устроить новый почтовый тракт от Москвы до Вильно.

Род датчан Марселиусов обосновался в России еще во времена царствования первого из Романовых — Михаила, и, как отмечалось в указах той поры, «к великому государю многие и верные службы были». Марселиусы состояли на дипломатической службе, строили железоделательные заводы в Туле и Кашире, и теперь младшему из них, ближайшему помощнику боярина А. Л. Ордин-Нащокина, переводчику Польского приказа — Леонтию была доверена русская почта.

По указу Леонтий Марселиус должен был ехать в Курляндию для ознакомления с европейской почтовой системой. Его снабдили грамотой к курляндскому правительству с просьбой оказывать Марселиусу помощь в его начинаниях.

Почта Курляндии была создана шведами, которые завоевали это герцогство в начале XVII в., и в основном повторяла службу связи метрополии. Шведская государственная почта организовалась сравнительно поздно — в первой половине XVI в., но уже через 60—70 лет достигла небывалого расцвета: на ней, пожалуй, впервые в Европе вводится регулярная доставка писем, создается слаженный механизм военно-полевой почты (фельдпочта), в 30-е годы XVII в. организуется регулярная перевозка корреспонденции на пакетботах через Балтийское море в Данию и Германию, где в это время находились шведские войска (шла Тридцатилетняя война). Так что у шведов было чему поучиться.

Перед отъездом Л. П. Марселиус составил проект указа о почтовой гоньбе. Ямской приказ должен был выделить на всех ямах ямщиков, которые будут возить почтовые сумы. Гонщиков нужно приводить к присяге, что они «с великим бережением и поспешанием, и днем и ночью» станут доставлять почту. Ямщикам Марселиус должен был платить сам.

Для почтарей предлагалась форма — зеленый суконный кафтан, на правой стороне которого нашивался государственный герб России — двуглавый орел, а на левой — почтовый рожок. Эмблему придумал А. Л. Ордин-Нащокин. В заключительной части проекта указа Марселиус рекомендовал послать грамоты воеводам, чтобы те всячески содействовали созданию почты и нигде гонщиков не задерживали.

Когда 11 августа 1668 г. Л. П. Марселиус вернулся из Риги, А. Л. Ордин-Нащокин вручил ему наказ для вновь организуемой почты. По этой инструкции московский начальник над почтами должен был заключить договор с рижским почтмейстером о пересылке корреспонденции от Риги до Псковского рубежа и обратно. Из Риги письма предполагалось рассылать во все государства, куда они адресованы. Особое внимание уделялось корреспонденции Посольского приказа, который отправлял по почте грамоты к русским послам за рубеж, а также к иностранным государям. Известна грамота царя Алексея Михайловича к французскому королю Людовику XIV, в 1669 г., посланная через Ригу. На почту возложили также доставку заграничных газет.

Приняв скорую гоньбу, Марселиус в корне изменил структуру почты. Во времена фан Сведена почтарь проезжал без смены весь тракт от Москвы до Пскова. Менялись везшие его ямщики. Теперь был применен эстафетный способ перевозки почты. Почтари стали обмениваться письмами на станах.

В местах обмена корреспонденцией с зарубежной почтой и в ключевых городах на линиях сидели почтовые чиновники или, как их тогда именовали в официальных бумагах, «тот, кто приемом и отпуском почты ведает». В основном это были сотрудники Посольского приказа: в Пскове и Новгороде переводчики Ефим Фагет и Илья Гитнер, в Мигновичах — поручик Елизарий Жуков, а позднее участник Андрусовских переговоров Фаддей Крыжеский. В Смоленске ведал почтой переводчик Синорацкий, а с 1672 г. — Иван Кулбацкий.

Незадолго до начала работы вновь учрежденных почт А. Л. Ордин-Нащокин приказал Л. П. Марселиусу известить всех иностранных и русских купцов о том, что открывается пересылка писем в Польшу и Швецию. В объявлениях определялись сроки прихода и отправления почт. Купцам строго-настрого указали, чтобы они ни в коем случае не посылали своих писем ни с гонцами, ни с проезжими людьми. Впоследствии, если обнаруживалось, что это правило нарушается, письма у посланных отбирались, на купца налагался штраф по рублю за золотник веса, а за пересылку письма брали, кроме всего прочего, установленную таксу.

Первая почта в Ригу через Тверь и Новгород была отправлена 17 сентября 1668 г., в Вильну — 11 марта 1669 г.

А перед самым началом гоньбы произошло одно любопытное событие.

Форму с почтовой эмблемой — «зипуны с признаком» — не успели пошить до открытия Рижской почтовой линии. И, чтобы не задерживать открытия почты по Новгородской дороге, разослали приказание о том, что «высылается из Великого Новгорода к Москве ямщик в темно-зеленом кафтане с признаком — с орлом, наскоро с вестовыми письмами, а велено те письма везти в целе от яму до яму на заводных подводах с телегою. И Бронницкого яму старосте те письма приняв, ямщика в том же кафтане, в котором приедет новгородский ямщик, отпустить тот час же на Заечевский ям...» С Заечевского яма в том же кафтане новый почтарь должен был ехать на Зимнегорский ям и так далее до самой Москвы. Кончался указ уверением, что в скором времени форменные зипуны пришлют на все станы.

20 августа 1668 г. из Москвы отправили наказ псковскому воеводе, составленный Марселиусом. Псков тогда был город наиболее близкий к шведской границе. Поэтому его решили сделать центральным пунктом для обмена корреспонденцией. По этому акту письма, отправляемые из Пскова в Ригу и Курляндию, адресовались так: «В Ригу, господину Радымакеру», который тогда был рижским почтмейстером. Первоначально на мешках с зарубежной почтой писали: «Валк», потому что в городе Валка находилась первая почтовая станция за русским рубежом... С 1672 г. на всех мешках стали делать надписи «Рига». Письма по царским делам, адресованные в Ругодив, Колывань, Юрьев-Ливонский ¹, завязывали в сумку, на которой надписывали: «Новгород». Для корреспонденции в Россию предназначался мешок с надписью «Москва». К нему прикладывалась опись, в которой указывалось, в какой приказ необходимо передать ту или иную грамоту. Письма частных лиц посылались в тех же мешках.

В наказе псковскому воеводе говорилось также: если к моменту отправления почты не будет никаких грамот или писем, то почтарь все равно должен уезжать в точно назначенное время, хотя сума его и была пуста. Таким образом, этот документ является первым государственным актом, в котором совершенно отчетливо говорилось, что почта должна быть регулярной. Так с 20 августа 1668 г. у почты, кроме наличия средств передвижения и пунктов обмена письмами, появился третий основной признак — регулярность доставки корреспонденции.

Письма из Риги прибывали на границу по средам. На рубеже русской земли в 30 верстах от Пскова стоял Печорский монастырь, куда в тот же день приезжал почтарь для обмена письмами с гонцом из Риги. Полученная почта просматривалась в Пскове в съезжей избе. Из поступившей корреспонденции отбирались письма, адресованные в Псков, а остальные, тщательно упаковав и запечатав воеводской печатью, отправляли в Новгород и Москву.

Правительственная почта пересылалась бесплатно, а для частных лиц была установлена такса. За письма, адресованные из Москвы в Ригу, брали по 2 алтына 4 деньги, из Новгорода — 8 денег, из Пскова — 2 алтына, из Пскова в Ругодив, Колывань и Юрьев-Ливонский — 2 алтына с золотника. Следует обратить внимание на неравномерность оплаты почтовых услуг. От Пскова до Москвы — 690 верст, а пересылка письма стоила всего 6 коп., тогда как в Ригу (260 верст) или на еще более близкое расстояние — в Юрьев (менее 125 верст) с золотника брали столько же. Такое несоответствие объясняется тем, что почтовые услуги в европейских странах были в несколько раз выше, чем в России. Тогда в нашей стране была самая низкая оплата труда ямщиков.

При благоприятных условиях почта из Москвы до шведского рубежа шла дней десять, гораздо медленнее чем в XVI в. Однако в весеннюю распутицу времени для этого требовалось чуть ли не вдвое больше. Объяснялось это отвратительнейшим состоянием дорог по сравнению с южными областями России, где татарские набеги требовали быть все время начеку и заботиться о путях для войска. Западноевропейские путешественники той поры с ужасом вспоминали разбитые дорожные колеи, мосты, перекошенные самым непонятным образом, каждое бревно на которых при проезде отбивало свой такт.

Марселиус постоянно жаловался на плохую гоньбу ямщиков. За опоздания почтарей жестоко наказывали. В сентябре 1671 г в Новгороде даже работала специальная комиссия под председательством боярина А. А. Хилкова. В город со всех станов от Твери до Пскова были вызваны ямщики, когда-либо опаздывавшие с почтой. Хилков сгоряча их всех «пометал» в тюрьму и собрался без пощады бить батогами. Но виновных было столько, что боярин махнул рукой и, взяв с них новое крестоцелование, что они будут возить почту без задержки, отпустил с миром.

В своих жалобах Леонтий Марселиус обычно ссылался на гонцов Разрядного приказа, которые доставляли грамоты в Псков за семь, а иногда и за восемь дней. При этом он указывал, что от такой дополнительной гоньбы ямщикам «лишняя тягость» и ло-

шади бывают «изгонены». Происки Марселиусов увенчались успехом. 6 ноября 1672 г. после смерти Леонтия его сыну Петру удалось добиться царского указа, запрещавшего посылку из Разряда грамот, минуя почту, «кроме самых нужных дел». Этим же указом были определены новые дни отправления «заморских» почт: в Ригу во вторник, на Вильно — в четверг.

Проект устройства виленской почты разработал польский почтмейстер Рейнгольд Бисинг. По его предложению опорным пунктом для заграничной корреспонденции должен стать Кенигсберг, так как оттуда посылалось наибольшее количество писем и здесь польская почта смыкалась с почтой Турн-и-Таксисов [2](#). Из Кенигсберга письма отправляли в Москву через Вильну. Из Вильны в Москву почту доставляли за восемь дней.

В составленном Бисингом положении устанавливался порядок прохождения почты. Из Вильны почтальон отправлялся в пятницу в полдень, в Минск прибывал в воскресенье в три часа пополудни, в Могилев — в понедельник в полдень и на границу — во вторник рано утром. К этому часу сюда должна поступать московская почта. Почтарь, следуя обратно, должен быть в Москве в ночь с субботы на воскресенье, в Минске — в четверг в пять часов утра и в Вильне — в пятницу в полдень.

Виленский почтмейстер предложил для почтарей новую форму — красный кафтан с гербом России и Польши. Но русское правительство отвергло этот проект и почтальоны стали носить только герб своего государства. На кожаных поясах у них висели почтовые рожки, в которые они трубили, извещая о своем прибытии. Красные кафтаны у русских почтальонов не привились, они опять были заменены зелеными. Правда, ямщики «донашивали» старые зипуны еще несколько лет до начала XVIII в., передавая их по наследству от отца к сыну.

Бисинга пережила подорожная, форму которой придумал он сам. Это был единый проездной документ, вручаемый почтарю при отправлении с границы и отбираемый по приезде в Москву или Вильно. Структура подорожной была предельно проста: «Такого-то числа и в таком-то часе такой-то почтарь погнал из (название города) в (название города)». Далее добавлялось в соответствующих выражениях (мы их неоднократно приводили) о соблюдении почтовых правил и о наказании за их нарушение. На обороте отмечалось время прибытия и убытия ямщиков. Теперь стало очень удобно контролировать гоньбу. При опоздании почты достаточно было взглянуть на подорожную и, становилось ясным, на каком участке произошла задержка.

В связи с новой организацией почтового дела у ямщиков прибавилось много дополнительных обязанностей, увеличилась их ответственность. Но жалованье их от этого не повысилось, никаких лишних денег за почтовую гоньбу они не получали. В Москву начали поступать челобитные от гонщиков, в которых они жаловались, что им не оплачивают почтовые прогоны. Марселиусы решительно отказались платить, ссылаясь на то, что, как это было во времена фан Сведена, прогонные деньги должны выдаваться из Ямского приказа. Правительство согласилось с этим мнением. Было решено, что деньги за почтовую гоньбу будут платить ямщикам сверх жалованья с того числа, как началась гоньба. Размер оплаты был окончательно установлен только в 1672 г. после долгой переписки между Ямским приказом, Марселиусами и почтарями.

Петр Леонтьевич Марселиус, который в 1671 г. после смерти своего отца принял заморские почты, не справился с этим делом. Он мало уделял внимания виленской почте, и она стала работать значительно хуже. Иногда неотправленные письма залеживались по нескольку недель. Неблагополучно обстояли дела и на рижской линии. Вновь Разряд стал отправлять неспешные грамоты с гонцами, ссылаясь на то, что по почте до Новгорода письма идут «в две недели и больше». Наконец судья Посольского приказа А. С. Матвеев подобрал новую кандидатуру на должность «начальника над почтою». 4 декабря 1675 г. был издан указ, по которому велено «почты виленскую и рижскую, которые ведал Петр Марселиус, ведать Посольского приказа переводчику Андрею Ви-ниюсу» по той причине,

что «ныне та почта начала приходить в Москву не в указные дни, а приходит с опозданием в день или в два...»

Для Виниуса был составлен наказ о том, как вести почтовое дело, почти в тех же выражениях, что и для Леонтия Марселиуса. За свою работу по управлению почтой Виниус не получал никакого жалования, но он брал в свою пользу сборы с частных писем. Как правило, прогоны за почтовую гоньбу ямщикам выдавал Ямской приказ. Но бывали случаи, когда правительство обязывало выплачивать их почтмейстера. Правда, убытки А. Виниусу всегда возмещались.

Свою деятельность Виниус начал с того, что 20 декабря 1675 г. заказал почтарям новую форму — белые сермяжные кафтаны с красными орлами на груди. На каждый кафтан шло 4—5 аршин гамбургского сукна, за приклад и шитье полагалось денег 10 алтын. Новый наряд придал почтарям большую солидность и внушал почтение со стороны населения. Гонщики очень дорожили формой, и когда кафтаны порядком поизносились, они стали бить челом о новых, «чтобы нигде ямщиков всякие люди, которые учнут с ними встречаться, не изобижали», без кафтанов же им ездить нельзя, потому что «всякие люди на встречах их задерживают, и бьют, и называют пролыгальщиками [3](#)». В 1681 г. почтарей снабдили новой одеждой.

Тогда же, 20 декабря 1675 г., велено было изготовить пять ящиков из белой жести для почты, отправляемой за границу. На шкатулках были укреплены русские гербы. Можно предположить, что ящики изготовляли мастера московской Оружейной палаты. Так было спустя 20 лет при учреждении архангельской почты.

Рижская почта была передана Виниусу в сносном состоянии, но виленская линия к тому времени пришла в полный упадок. Пока приезжали из Польши в Москву послы, почта действовала исправно, но после окончания дипломатических переговоров корреспонденция в Вильну пересылалась редко. Окончательно прервалась почтовая связь после слухов о моровом поветрии за границей в 1679 г. На польском рубеже были поставлены заставы, и все письма возвращались или уничтожались.

Формально виленская почта не была ликвидирована. Но если кто-либо и посылал письма в Вильну, то они редко доходили до адресата. Немногие правительственные грамоты, которые нужно было посылать в Вильну, Виниус направлял через Ригу. Иностранные купцы также стали пользоваться услугами лишь рижской почты.

А. А. Виниус выставлял различные доводы, чтобы доказать нерентабельность существования виленской почты. В конце концов, 16 июня 1681 г. был издан указ, согласно которому почту по дороге на Вильну следовало посылать только в случаях особой важности.

В 1683 г. новый начальник Посольского приказа В. В. Голицын предложил Виниусу возобновить работу виленской почты, но тот повторял свои прежние доводы. Вопреки возражениям Виниуса 16 июня 1683 г. был издан указ, по которому Ямской приказ организует пересылку почты от Москвы через Смоленск до литовского рубежа. Прием и отпуском писем было велено заниматься в Москве Посольскому приказу. На границе почту передавал ротмистр Фаддей Крыжевский. «А прогонные деньги за те почтовые гоньбы московским и городovým ямщикам даются из казны государственной из четвертных доходов, которые ведомы к Посольскому приказу».

Однако этот указ чуть было не стал пустой бумагой. Но помог случай. В 1685 г. истек срок Андрусовского перемирия и в Москву приехало польское посольство для заключения вечного мира. Договор подписали. Одна из статей его касалась международной почты. Она почти слово в слово повторяла соответствующий пункт Андрусовского соглашения.

Первый русский почтмейстер (так по новому договору стал называться начальник над почтами) А. А. Виниус начал переговоры с виленским почтмейстером Рейнгольдом Бисингом о возобновлении почтового договора. 10 декабря 1685 г. соглашение об обмене почтой было подписано. Оно несколько отличалось от условий 1669 г. В его первом

пункте указывалось, что все прежние счета погашены и расчетов по ним с обеих сторон быть не должно. Далее устанавливался порядок работы почты. Письма по-прежнему доставлялись из Вильно до Москвы за 8 дней. Обмен почтами должен происходить в Кадине, а не в Мигновичах. Была одна новость и очень важная: задержка почты в весеннюю и осеннюю распутицы уже не ставилась в вину ямщикам.

Виленский почтмейстер, как и раньше, был обязан доставлять всю транзитную корреспонденцию в Кенигсберг. За это он брал 18 грошей с письма. По расчету почта от Москвы до Кенигсберга шла не свыше двенадцати суток.

Оплата трудов Бисинга производилась раз в полгода по представляемым им счетам. Кроме того, за организацию работы он должен был получать ежегодно в виде премии пару соболей.

Договором предусматривалась пересылка посылок. Такса при этом была 90 грошей с фунта веса. Но осуществлялась ли такая пересылка — неизвестно. По крайней мере в записных книгах Виниусов, в которых, к сожалению, отсутствуют отдельные листы и целые тетради, никаких следов обнаружить не удалось.

За пересылку грамот русских царей и польских королей плату не брали, довольствуясь «доброхотным пожалованием государей». Посольская корреспонденция оплачивалась так же, как и письма частных лиц.

В последних пунктах договора записано, если грамотки пропадут на территории одного из государств, то почтмейстеры обязуются их разыскать. На посылках и пачках запечатанной корреспонденции должен быть указан точный вес.

А. А. Виниус, так же как и его предшественники, большее внимание уделял рижской линии. В 1677 г. он заключил новый договор с вдовой рижского почтмейстера Маргаритой Гизе. Текст его такой же, как в аналогичном документе, составленном Марселиусом и Радымакером, изменены лишь фамилии. За организацию пересылки почты Виниус должен был платить 320 ефимков ⁴ в год. Договор оставался в силе до 1684 г.

Доставка русской почты за рубежом считалась весьма прибыльным делом. Большой объем корреспонденции перевозился по давно проложенным почтовым трактам, и поэтому не требовалось дополнительных расходов на организацию новых линий. Русское правительство расплачивалось всегда точно и без задержки. Кроме того, русские цари сверх оплаты за организацию почты жаловали в год несколько соболей, а соболиный мех на западе тогда ценился дороже золота. Поэтому прибалтийские почтмейстеры всеми силами добивались права пересылки русской корреспонденции.

В 1684 г. почтмейстер Андрей Макс из Юрьева-Ливонского предложил А. А. Виниусу более выгодные для России условия пересылки корреспонденции. За свой труд он просил вознаграждение в размере 290 ефимков в год, гарантируя при этом своевременную доставку русской почты по территории Ливонии и Курляндии, сохранность писем и тайна переписки — обеспечивались. По рекомендации Виниуса русское правительство заключило договор с Максом. Обмен корреспонденцией между русской и ливонской почтой происходил, как и раньше, на посаде Печерского монастыря.

Прибалтийские почтмейстеры получали надбавку за организацию почтовой гоньбы сверх стоимости пересылки корреспонденции вплоть до 1701 г., когда Петр I отдал распоряжение не выдавать почтмейстерам никаких денег сверх почтовых тарифов. Как это произошло, у нас еще будет время поговорить об этом впоследствии.

Вернемся к почтовым посылкам.

А. А. Виниус везде утверждал, что ямщики никаких частных вещей не возили и не везят, кроме, как для царского обихода.

В действительности думный дьяк кривил душой. В его домашних хозяйственных книгах есть запись письма 1695 г. на Вагу к Ивану Борисовичу, в котором Виниус благодарит его за присылку по почте нескольких кадочек щук и судаков, десяти ведер уксуса да небольшого бочонка сигов.

Для Виниуса почтари стали возить продукты чуть ли не с первого дня принятия им в свое ведение скорой гоньбы.

В мае 1688 г. управляющий новгородским почтовым двором переводчик Илья Гитнер сообщил Виниусу, что среди местных ямщиков затевается нечто недоброе. Ямской приказчик Федор Шишкин стал настраивать охотников против почты. Он советовал гонщикам бить челом царю, что им, кроме сумок с письмами, приходится возить на почтовых подводах всякие тяжести: большие бочки с рыбой, уксусом, целые возы мороженой рыбы. Виниус сразу же бросился в Посольский приказ, что де ямщики никаких посылок не возят, тем более тяжелых кладей. Случается, правда, зимой кладут им в сани пуд, другой мороженой рыбы. А обычный груз их, кроме почтовых сум, состоит из лимонов, апельсинов, лекарств и «ренского» вина для нужд царского двора.

Следствие из непозволительных поступков Виниуса было весьма неожиданное. Посольский приказ решил: ямскому приказчику почтарей не ведать, подчинить их полностью начальнику над почтами; легкие посылки — лимоны, апельсины и прочее — возить по-прежнему в одной подводе с письмами; лекарства же и вина для большей сохранности посылать с нарочным посыльщиком, запечатав в Приказной избе Новгородской печатью.

Но вопрос о частных посылках так и остался открытым. С 1692 г. правительство разрешило пересылку по почте за рубеж мехов при условии оплаты соответствующей пошлины. Однако выяснить — воспользовался ли кто-нибудь этим правом — не удалось.

Последнее десятилетие XVII в. в русской истории богато разными событиями: три человека считались главой государства — два царя и одна правительница — царевна Софья, наводили свои порядки стрельцы, поговаривали о новой войне с Крымом. Все слухи могли проникнуть за границу и вызвать там нежелательный резонанс. Поэтому правительство приняло решение о введении гласной почтовой цензуры писем, отправляемых в западноевропейские страны, цензуры явной, а не тайной перлюстрации, которая широко применялась на почтовых дворах Западной Европы. 28 апреля 1690 г. думный дьяк Посольского приказа Е. И. Украинцев составил указ смоленскому воеводе окольному Ф. И. Шаховскому такого содержания: «А буде о каких своих делах шляхте или мещаном доведется кому за рубеж писать, и они б те грамотки приносили незапечатаны и те грамотки посылать ему Ивану Кулбатскому (отпускавшему почту из Смоленска) с ведома воеводы с товарищи. А без его воеводы ведома шляхте и мещаном никому за рубеж ни о каких вестях с ездоками и с почтою не писать. И тем людем, так же и переводчику Ивану Кулбатскому, от великих государей быть в опале и, смотря по делу, которое в грамотках явится, быть в жестоком наказании» [11]. Этот текст не нуждается в особых комментариях. Кулбатский точно выполнял свои обязанности. Правда, при этом отправления задерживались на несколько дней, что являлось поводом для жалоб со стороны смоленских жителей. Очевидно, такая же цензура проводилась и в Москве — документального подтверждения этому нет.

Сохранилось много свидетельств о сроках доставки «заморских» почт в пределах России. Это — подорожные ямщиков и записи в почтовых книгах. В 1676 г. хорошим зимним путем почта, которая ушла из Пскова «генваря 17 числа 8-м часу ночи», прибыла в Москву «генваря в 23 день в отдачу часов ночных» (время в старину определялось не так, как теперь: сутки делились на часы дневные и ночные, час солнечного восхода считался первым часом дня, час заката — первым часом ночи; новый день начинался утром; в конце января первый час дня примерно соответствует нашим 8 часам), т. е. 24 января около 7 часов утра, и находилась в дороге 150 часов. Принимая во внимание неизбежные задержки на станах для перепряжки лошадей, проверки сохранности почты, записи в подорожную (все это занимало 1,5 часа), можно установить, что скорость доставки почты была 6 верст в час, т. е. примерно такой же, как и на дорогах Западной Европы. Но это не было пределом — гонцы Разрядного приказа проезжали тот же путь раза в полтора быстрее.

— Тяжела ты, почтовая служба! — говаривали ямщики, когда попадали в какие-нибудь передряги.

В один из жарких июньских дней 1684 г. случилось ехать почтарю Алексею Вахурову с попутчиками через Селивановский лес близ Клина. Вдруг из-за кустов выскочили разбойники, проезжающих связали по рукам и ногам. С почтовых сум они сорвали печати, но убедившись, что денег в сумках нет, бросили их, забрали всех лошадей и скрылись в неизвестном направлении. Только около полуночи удалось освободиться охотнику и его товарищам по несчастью от пут. Подобрал сумки, ямщик поплелся пешком в Клин и явился к воеводе Якову Алфимову за два часа до рассвета. Воевода допросил ямщика, осмотрел сумы с письмами. Вся корреспонденция оказалась нетронутой. Алфимов отрядил стрельцов в погоню за разбойниками и сообщил обо всем в Москву. Дело было направлено в приказ Сыскных дел, «память» об этом послали в Ямской приказ.

Алексей Вахуров шел сравнительно немного, всего каких-то 12 верст. А каково было его тезке Алешке Котку! Он прошагал пешком по весенней распутице 68 верст от Клина до Москвы.

20 апреля 1672 г. писал А. А. Виниус [5](#) в Посольский приказ: пришел к нему на двор пеший ямщик хотеловского яма Алексей Коток с почтовыми сумками. Одна из них оказалась распечатанной. Почтарь рассказал, что эту сумку на свою беду он принял в таком виде у зимнегорского охотника Данилки Савельева. На следующей станции в Вышнем Волочке с Котком не стали разговаривать и велели отправляться дальше с испорченной почтой. То же сделали в Торжке и Твери, а в Клину не дали даже подвод, и пошел ямщик пешком в столицу. Но он, Коток, ни в чем не виноват — в его подорожной записано, что крестецкий ямщик Ивашка Анкудинов принял сумы в целости, а передал зимнегорскому почтарю одну сумку распечатанной. Виниус просил назначить следствие.

По доносу Виниуса новгородскому воеводе И. П. Пронскому была послана царская грамота: послать на Крестецкий ям подьячего «кого пригож» и допросить Анкудинова, как он оторвал печати и, далее по принятой в ту эпоху формуле, кто его подучил это сделать. Если он скажет, что никто его не подучал, а «учинил то случаем, без хитрости», то бить его за оплошку батогами нещадно. Ямщикам же Крестецкого стана вновь дать крестное целование, что они будут беречь государственную почту.

Расследование проводил подьячий Петр Иванов. Он выяснил, что на мосту через реку Поламеть, не доезжая Яжелбиц, лошадь почтаря поскользнулась и упала на бок и на одной сумке печать сломалась. В таком виде он привез почту на Зимнегорский ям и рассказал, как было дело. И никто его, ямщика, на это дело не научал, и письма он не вынимал. А учинилось так потому, что тот мост «плох гораздо». Почтаря били батогами.

При новом почтмейстере работа ямских учреждений несколько улучшилась. Во-первых, еще в 1672 г. А. А. Виниус добился организации почтового стана на полпути между Москвой и Тверью в городе Клину. Во-вторых, он обратил серьезное внимание на дорогу. Составляя в 1683 г. отчет для Посольского приказа о скорой гоньбе, думный дяк называл отвратительное состояние рижского пути основной причиной постоянных опозданий почты. Почтмейстер просил царского указа о починке мостов и дорог. Через несколько дней после его челобитной городским воеводам было разослано предписание о приведении в порядок почтовых трактов. Все расходы на ремонт следовало покрыть из таможенных сборов. Дороги починили, но должно быть плохо, потому что через три года Виниус вновь помянул недобрым словом новгородскую трассу.

О том, как работала почта между Москвой и Новгородом, свидетельствуют современники. В Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина хранится собрание писем Вындомских. Они относятся к концу XVII—началу XVIII вв., некоторые из них опубликованы. Вындомские и их корреспонденты пользовались почтой, на обороте грамоток то и дело встречаются пометки «пришла через почту». Но вот, что писал о почте Ф. Т. Вындомскому его приятель Ф. Зиновьев из Новгорода 23 ноября 1697 г.: «ты изволил писать ко мне, что ты писал ко мне через почту нынешнего двести

шестого году сентября в 15 день, и той твоей грамотки до меня не дошло» [12]. Далее корреспондент сообщает, что из многих писем, посланных к нему Вындомским, он получил только два. Также и Зиновьев неоднократно отправлял грамотки в Москву, а «х тебе всего дошла одна моя грамотка». Хотя некоторые письма и не доходили до адресатов, послание Ф. Зиновьева оканчивается просьбой: ответ «посылай через почту поскорее».

Создание виленской почты преследовало еще одну цель — поддерживать связь русского и польского резидентов со своими правительствами. По Андрусовскому договору в Москве и Варшаве должны находиться резиденты обоих государств, «для чего, — по словам представителя Польши Павла Свидерского, — и почта была учреждена». С января 1674 г. на службе великого государя в Варшаве находился стольник Василий Михайлович Тяпкин, один из ближайших помощников А. Л. Ордин-Нащокина, сотрудник Посольского приказа. Он считался ведущим специалистом по украинским и польским делам. Стольник обладал незаурядными дипломатическими способностями. В 1668 г. В. М. Тяпкина направляют к запорожскому гетману Петру Дорошенко, пытавшемуся отколоться от русской державы и создать «независимое» государство под эгидой крымского хана. Московский посол действовал решительно. Где посулами, а где и угрозой он вынудил гетмана не только вернуться под «высокодержавную» руку русского царя, но и уговорил запорожцев готовиться к войне против бывших союзников. Услуга, оказанная В. М. Тяпкиным, была необыкновенно велика и за эту службу посла пожаловали званием полковника и стольника, придворной должностью смотрителя за царским столом.

Как же осуществлялась почтовая связь Москвы со своими резидентами? Практически никак.

Не прошло и месяца, как Тяпкин приехал в Варшаву и писал своему начальнику, главе Посольского приказа, А. С. Матвееву: «Наипаче же о сиротстве моем с плачем прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради так забвен есмь? Яко николи же чрез многие почты не имам». В действительности к Тяпкину писали почти с каждой почтой, но письма пропадали неизвестно куда. Дальше стольник продолжал, жалуясь на работу польских почтовиков: «Варшавский почтомайстер две почты, не сказав мне, отпустил. Сказал нам, что отпустится почта в среду; я изготовил письма и послал в среду рано к почтомайстеру, а он уже почту отпустил еще в понедельник! Все это они делают для своих лакомых подарков, которых много надобно в год, если придется всех дарить... Я не только варшавскому, но и минскому, и виленскому почтомайстеру добрые подарки дал, чтобы только писем наших не задерживали» [13].

Поляки, несмотря на дары, прочитывали каждое письмо резидента, из-за чего корреспонденция В. М. Тяпкина запаздывала. Выяснилось это очень просто. После смерти царя Алексея Михайловича стольник со всей своей свитой явился в королевский замок в черном «жалобном» платье. Король Ян Собеский стал упрекать резидента в том, что якобы он писал «ссорные и затейные письма к покойному царю». «Затейное письмо» — послание, написанное тайнописью. Узнать об этом можно было, только распечатав отправление.

Вся переписка Москвы с В. М. Тяпкиным осуществлялась только через почту. Не было никакого служебного канала связи. Резидент не имел права пользоваться гонцами или другими посыльными. Грамоты своего начальства и письма личного характера он получал на варшавском почтамте, как частное лицо. По почте же в июле 1674 г. ему переслали поздравительную грамоту царя Алексея Михайловича. Тяпкин должен был передать ее на торжественной аудиенции в руки королю Яну Собескому, незадолго до этого вступившему на польский престол.

Переписка Тяпкина с Москвой, не сам текст, а только факты задержки писем, была использована Виниусом для того, чтобы доказать, что почта по территории Польши передвигается очень медленно. Спустя несколько лет по приказу Петра I еще раз сличили

даты написания отчетов резидента и время прибытия их в Москву. Результатом исследования явилось распоряжение об улучшении работы виленской почты.

Писали смоленскому воеводе П. С. Салтыкову в 1701 г.: «Выбрать тебе в Смоленску трех человек добрых из служилых людей или ис подьячих, ково б с такое дело стало». Этих людей следовало послать — одного в Кенигсберг, второго в Вильно, а третьего на прусский рубеж, где «брандебургские почтмайстеры переменяются и почты отдают полским». Подьячим надо было приказать, чтобы они следили за приемом и отправлением корреспонденции, чтобы письма нигде не задерживались и не терялись. Служба за рубежом этих людей длилась до мая 1702 г. [14]. Нет никаких известий о работе трех подьячих, не сохранились даже их имена, но до весны 1702 г. не выпускалось больше никаких указов по поводу плохой работы виленской почтовой линии.

¹ Так в русских документах XVII в. назывались теперешние Нарва. Таллин и Тарту

² Турн-и-Таксисы — владельцы частных почтовых контор в ряде европейских стран. Первоначально линия связи на Восток доходила у них только до Кенигсберга. Здесь они принимали почту. В 1673 г. почтмейстер Бисинг заключил с ними договор, по которому почта Турн-и-Таксисов была продлена до польской границы.

³ Были в старину такие слова *пролыга* и *пролыгальщик*. Они имели несколько значений, в том числе и самозванец [10].

⁴ В то время ефимок оценивался в 64 коп.

⁵ В начале 1672 г. почта была неожиданно отнята у Марселиусов и передана А. А. Виниусу. Но с 22 октября того же года, когда Виниус отбыл послом за границу, почтовая гоньба вернулась под начало П. Л. Марселиуса.

Начиная с марта 1667 г. скорую гоньбу от Москвы до Путивля в официальных документах стали называть почтой. Но это никоим образом не отразилось на ее структуре. По-прежнему царские грамоты и воеводские отписки доставляли трубники, стрельцы, пушкар и иных званий люди.

В том же году скорая гоньба к украинской границе передается в ведение Малороссийского приказа, главой которого с 15 июня стал боярин А. Л. Ордин-Нащокин. Он внимательно изучил работу линии скорой гоньбы и пришел к убеждению, что основной причиной медленной доставки корреспонденции является нерегулярный характер почты. Бессистемные посылки сильно изматывали лошадей, которых было недостаточно на путивльской дороге, и никакой скорости от них ждать не приходилось. По рекомендации Ордин-Нащокина с августа 1667 г. посылные с «неважными» делами из Москвы в Путивль стали отправляться раз в неделю по вторникам. Курьерской службой можно было пользоваться только для неотложных сообщений военного характера [15].

Кроме того, по предложению А. Л. Ордин-Нащокина, было увеличено число почтовых станов. 3 июля 1668 г. новым указом о скорой гоньбе в Путивль учреждалась подстава на реке Суходрев в селе Недельном. Регулярная доставка корреспонденции позволила почти вдвое уменьшить число почтарей на линии. Теперь на каждом стане находилось по два пристава (в те годы и так именовали работников почты); из Конюшенного приказа им дали по четыре лошади [16].

До нас не дошло никаких сведений о посылке частных писем. Но есть все основания полагать, что такие отправления были. По Новоторговому уставу 1667 г. предписывалось греческим, валашским и молдавским купцам торговать своими товарами в Путивле, а в Москву не ездить. Сообщение о приезде купцов, о ценах и прочие сведения торгового характера пересылались в столицу частными лицами [17].

В начале 1669 г. Малороссийский приказ передается боярину Артамону Сергеевичу Матвееву. Это был выдающийся государственный деятель, человек высокой культуры и большого ума, отличавшийся широкой для своего времени образованностью.

А. С. Матвеев знал несколько иностранных языков, его библиотека была крупнейшей в Москве. Сейчас редчайшие книги из этого собрания являются украшением государственных библиотек нашей страны. Матвеев, в отличие от Ордин-Нащокина, считал, что устремления России должны быть направлены не к Балтийскому морю, а на юг через украинские степи к Черноморскому побережью. Поэтому понятно, почему А. С. Матвеев столько внимания уделял украинским делам, в том числе и киевской почте. Одним из первых мероприятий, задуманных и осуществленных новым начальником Малороссийского приказа, было упорядочение работы киевской почты.

После воссоединения Украины с Россией русские воеводы, поставленные в некоторые украинские города, отсылали свои отписки гонцами в Путивль и оттуда их доставляли в столицу. Вся же корреспонденция гетмана и старшины войска Запорожского доставлялась в Москву специальными посыльными. Казаки ездили по несколько человек и брали на каждом стане по 10, 20 или 30 лошадей, что пагубно отражалось на работе почты [18].

В 1669 г. русское правительство решает ограничить число гонцов, посылаемых от Запорожья в Москву. 6 марта в Глухове состоялось избрание нового гетмана. Им стал Демьян Многогрешный. Тогда же, по обычаю, был заключен договор между Москвой и Запорожским казачьим войском, получивший название «Глуховских статей». Текст договора был составлен А. С. Матвеевым. Три пункта этого соглашения посвящены персылке гонцов и организации почты.

Казаки жаловались, что московские гонцы бесчинствуют на тракте: незванные заезжают в любой двор, берут лошадей сколько вздумается и потом бросают их на дороге без присмотра. Поэтому восьмая статья договора запрещала царским посыльным каким бы то ни было образом ущемлять вольности Запорожского войска и приносить ему ущерб. «Чтоб... гонцы во дворах казацких не становились, и подвод у сотников и у атаманов и у товарищей войсковых насильством не брали, а чтобы впредь дворы им отводили и подводы давали старшина городова, а сами б они по полям и по дворам подвод не брали; а у кого что возьмут в подводы, и то б отпускали назад» [19].

Девятая статья ограничивала количество запорожских гонцов. Когда в Глухове происходило рассмотрение договора, то гетман Многогрешный и старшина настаивали, чтобы им все свои письма посылать прямо в Москву, минуя Путивль, и число гонцов не ограничивать. Царский посол Г. Г. Ромодановский говорил, что у стрельцов и ямщиков лошадей мало, а разгоны большие, и оттого в нужных делах получается задержка. Поэтому войско Запорожское должно свою корреспонденцию отсылать в Путивль. В том же случае, когда гетман и старшина будут писать царю о своих обидах, они могут отправлять гонцов прямо в столицу. Но таких посылок должно быть 2—3 в год. С грамотами должен ехать один человек, а если будет послан кто-нибудь из старшины, то он может взять с собой трех сопровождающих. Запорожцы все-таки добились, чтобы, кроме этих предложений, был оговорен соглашением случай, когда три «особы знатные» повезут грамоту царю, то им «по три человека с собою имети людей» [20]. На том и порешили.

Самая интересная статья Глуховского договора — десятая. В ней гетману предлагалось устроить в украинских городах почту по московскому образцу. Для гоньбы следовало нанять местных жителей. Жалование почтарям должны были платить по уговору. В чем состоял уговор и какова была плата за гоньбу — неизвестно. В глуховском договоре только указывались источники финансирования устройства почты: «вполы (половину) платить из поборов Малороссийских городов, а другую половину великий государь укажет дать из Путивльских или из Севских доходов, чтоб в тех подводах учинить помощь». Гетман и старшина обещали «сыскивать охотников» [21].

Но русское правительство не стало дожидаться, пока в Запорожском войске найдутся охотники для почтовой гоньбы. Уже в ходе обсуждения статей договора стало очевидным, что «черкасские жители» не испытывают ни малейшего желания идти работать на почту. И поэтому в мае 1669 г. киевскому воеводе Г. А. Козловскому был

отправлен указ об устройстве почтовых подстав по украинским городам. Воевода отвечал, что «в Малороссийских городах подвод против договорных статей не дают». Он предложил де киевскому войту и бургомистрам купить для почтовой гоньбы десять лошадей и нанять проводников. А войт сказал, что в Киеве «для почты охочих людей нет, а на покупку лошадей они дают десять рублей» [22].

30 июня Москва ответила: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели купить для скорые гоньбы из нашей великого государя казны десять лошадей, а деньги, которые у мещан взяты на подводы, велели им отдать с роспискою» [23]. В почтари царь приказал набрать стрельцов и солдат. Почтовые станы предполагалось учредить в Нежине и Батурине.

К сожалению, в архивах не сохранился оригинал отписки воеводы Козловского об устройстве украинской почты. Копии и выписки из этого отчета дают только схему устройства почтовой гоньбы. Многие интересные детали остаются в тени.

В Киеве, Нежине и Батурине устроили специальные дворы для приема почты и содержания лошадей. На первых двух находилось по пяти стрельцов и солдат с десятью лошадьми. На батуринской станции поставили севских ямщиков.

Уже 14 августа 1669 г. в украинские города, в которых стояли русские гарнизоны, к воеводам были отправлены приказы пересылать корреспонденцию «через установленную почту на купленных лошадях. А нарочных гонцов ис Киева, кроме нужных дел, отнюдь к Москве не посылать, да и с нужными делами посылали бы вы стрельцов, а начальных людей не посылать» [24].

Почтарь из Киева доезжал до Нежина, здесь на почтовом дворе он под расписку сдавал корреспонденцию. Отметка «сколько каких листов и писем и котора числа» делалась в особой «записной тетради». 28 августа 1669 г. вышел указ, обязывавший записывать также имена почтальонов. Раз в полгода эти документы отсылались в Москву, по ним производился расчет с ямщиками [25].

Некоторые из этих «записных тетрадей» сохранились в делах Разрядного и Малороссийского приказов. По ним можно с точностью установить, как ходила почта в Киев в 1669—1674 гг. Для летнего и зимнего времени график гоньбы можно представить следующим образом.

Почта из Москвы уходила по вторникам ночью, когда все приказы кончали работу, чтобы накопившиеся за день бумаги тотчас же отослать, не откладывая на завтра. Обычное время отправления почтаря — 23 час. ¹ На другой день в 21 час она прибывала в Калугу, в Волхов — в 10 часов четверга и в тот же день в 19 час. — в Карачев. В восемь утра следующего дня почтарь приезжал в Севск, в 3 час. в субботу — в Путивль, в 16 час. того же дня — в Батурин. В воскресенье в 2.00 почта приходила в Нежин и в 17 час. того же дня ее встречали в Киеве. В обратный путь почта отпускалась в среду [26].

Весь девятисотверстовый путь от Москвы до Киева при нормальных условиях гоньбы почта проходила за 114 час. Бывали отклонения в ту или иную сторону на 2-3 час. В распутицу случалось, что почта проходила свой путь вдвое дольше, но такие опоздания не ставились никому в вину. Курьезный эпизод произошел летом 1671 г. Почта, отправленная из Москвы 16 июля, за 72 час. (скорость выше средней) доскакала до Путивля (600 верст), оставшиеся 300 верст до Киева она ползла около 60 час. Из-за чего произошла задержка — неизвестно.

Правительство очень внимательно следило за выполнением статей Глуховского договора. Была разработана даже специальная форма подорожной для гонцов. Кроме приказа обеспечивать посланного «лошадьми наскоро», там содержалось распоряжение: гонцу в «Малороссийских горедех никаких лишних подвод себе не имать и обид и насилия никакова никому отнюдь не чинить» [27].

До начала регулярной почты между Путивлем и Киевом, что впрочем случалось и после 14 августа 1669 г., гонцы из Киева ездили до Путивля или до Севска и там передавали свою корреспонденцию регулярной почте.

Когда гонца сопровождал проводник из Батурина, то, доехав до Путивля, посланный брал здесь новых лошадей, а украинских оставлял. Но случалось, что из-за нехватки ямщиков в Батурине коней давали без проводников. Тогда гонцу приходилось, получив в Путивле свежую лошадь, «малороссийскую подводку» доводить до Севска и там оставлять. Приемом и возвратом скакунов с Украины ведали служащие Ямского приказа, специально для того поставленные в Севске. На этот счет 7 мая 1669 г. киевскому и севскому воеводам была дана соответствующая инструкция: «А буде за теми лошедьми проводников не будет, и вы б тем гонцам велели отдавать в Севске ямскому прикащику и старостам имяно (лично). И ис Севска те лошади отсылать с ездоками в те города, из которых городов у кого которая лошадь в подводку взята и отдавать имянно, чтоб в тех подводах от жителей малороссийских городов впредь ссоры и челобитья не было» [28]. Этот указ строго соблюдался с одним отклонением: обычно лошадей отправляли не со специальными ездоками, а с попутными людьми: гонцами и почтарями.

Попытки присвоить «малороссийскую подводку» пресекались жесточайшим образом.

30 апреля 1669 г. ехал в Москву из Остра стрелец Федор Аксенов. В Глухове он получил две ямские лошади без проводника. По существующему положению в Путивле ему дали дополнительные подводки и сопровождающего ямщика Дмитрия Рагозина. Приехав в Севск, гонец заявил, что одна лошадь взята на стане в Глухове, а другую он купил по дороге (русское правительство поощряло покупку «статейных» лошадей на Украине). Ему поверили, и гонец отправился дальше. Вскоре преступление раскрылось. Стрельца взяли под караул. На допросе Аксенов показал, что лошадь он украл в компании с проводником. Дмитрия Рагозина тотчас же доставили из Путивля в Москву. Друзей посадили в тюрьму, а затем били батогами, «чтоб подвод не имали и мимо Севска и Путивля подвод малороссийских городов не провозили, чтоб в том договорным статьям нарушения и противности не было» [29].

Спустя несколько лет был оглашен специальный указ, грозивший гонцам и почтарям за обиды и насилия в украинских городах не только жестким наказанием, но и денежным штрафом: «а взятое доправлено будет на них вдвое» [30].

Читатель наверное обратил внимание на некоторую несообразность в нашем рассказе. Совершенно непонятно, как это Федор

Аксенов из Остра попал в Глухов и зачем из Глухова он поехал в Путивль, когда до Севска втрое ближе?

Какой ветер занес стрельца Аксенова в Глухов, сказать трудно. Возможно, у него было какое-нибудь официальное поручение к местному воеводе, иначе ему бы просто не дали подвод по дороге. А в Путивль он обязан был заехать. Здесь была таможня, на которой по указу 1663 г. проверялись все едущие с Украины, в том числе гонцы и почтари. Прямой проезд из украинского города Глухова в русскую крепость Севск был разрешен только царским послам и гонцам со срочными сообщениями военного характера. Такой порядок сохранялся до начала XVIII в., когда таможня в Путивле была ликвидирована.

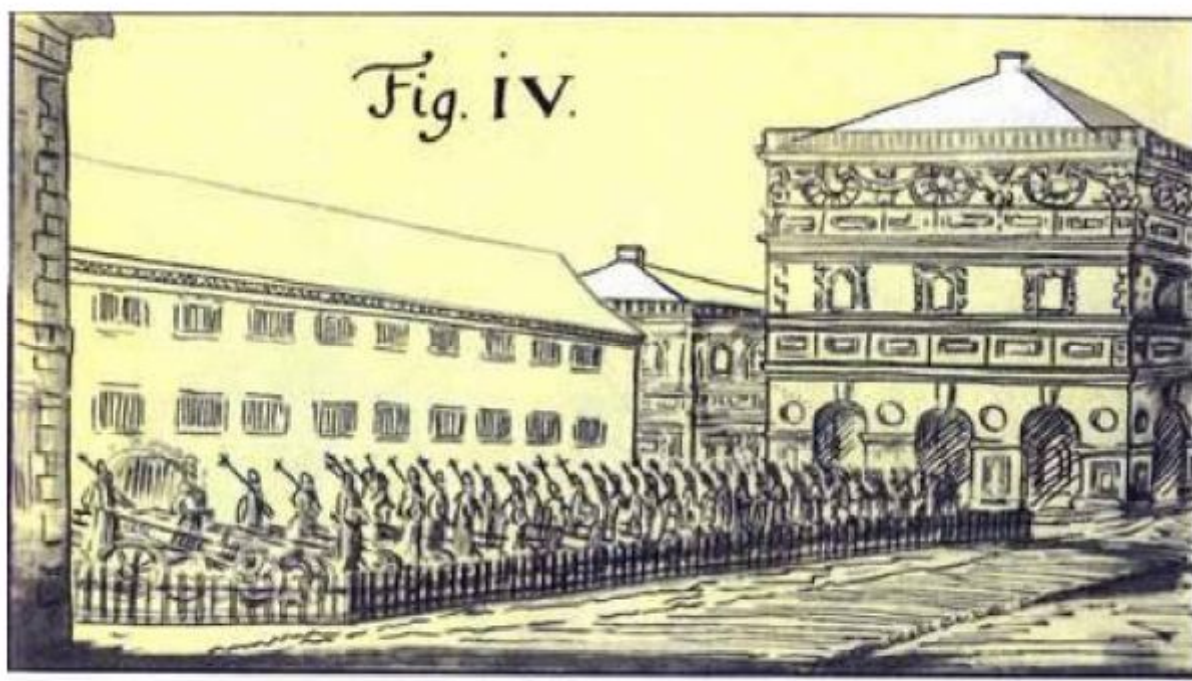
1674 г. знаменателен для киевской почты двумя событиями. Во-первых, несколько изменилась структура скорой гоньбы. С этого времени почтари выбираются только из ямщиков. Выплачивать им жалованье, снабжать лошадьми и прочим, необходимым для почтовых дел, стал Ямской приказ. Но подчиненность линии осталась прежней — корреспонденцию принимали и раздавали в Малороссийском приказе [31].

По новой системе положение почтарей значительно улучшилось. Раньше они были пасынками на станах, теперь Ямской приказ стал заинтересован в улучшении почтовой гоньбы, потому что за почту он получал прогонные деньги в Малороссийском приказе. На Киевской почте, так же как по всей России, прогоны ямщикам выплачивались не полностью. За счет этого приказ мог часть поступающих денег использовать для других целей. Кроме того, работники Ямского приказа самым бессовестным образом

приписывали лишние прогоны. Иногда это им сходило с рук, но бывало их ловили и начиналась бесконечная тяжба со взаимными обвинениями сторон. В ЦГАДА можно найти дела, из которых видно, что и сотрудники Малороссийского приказа старались на станах взять лишних лошадей, не заплатить прогоны, избить ямщика и занимались прочими недопустимыми вещами.

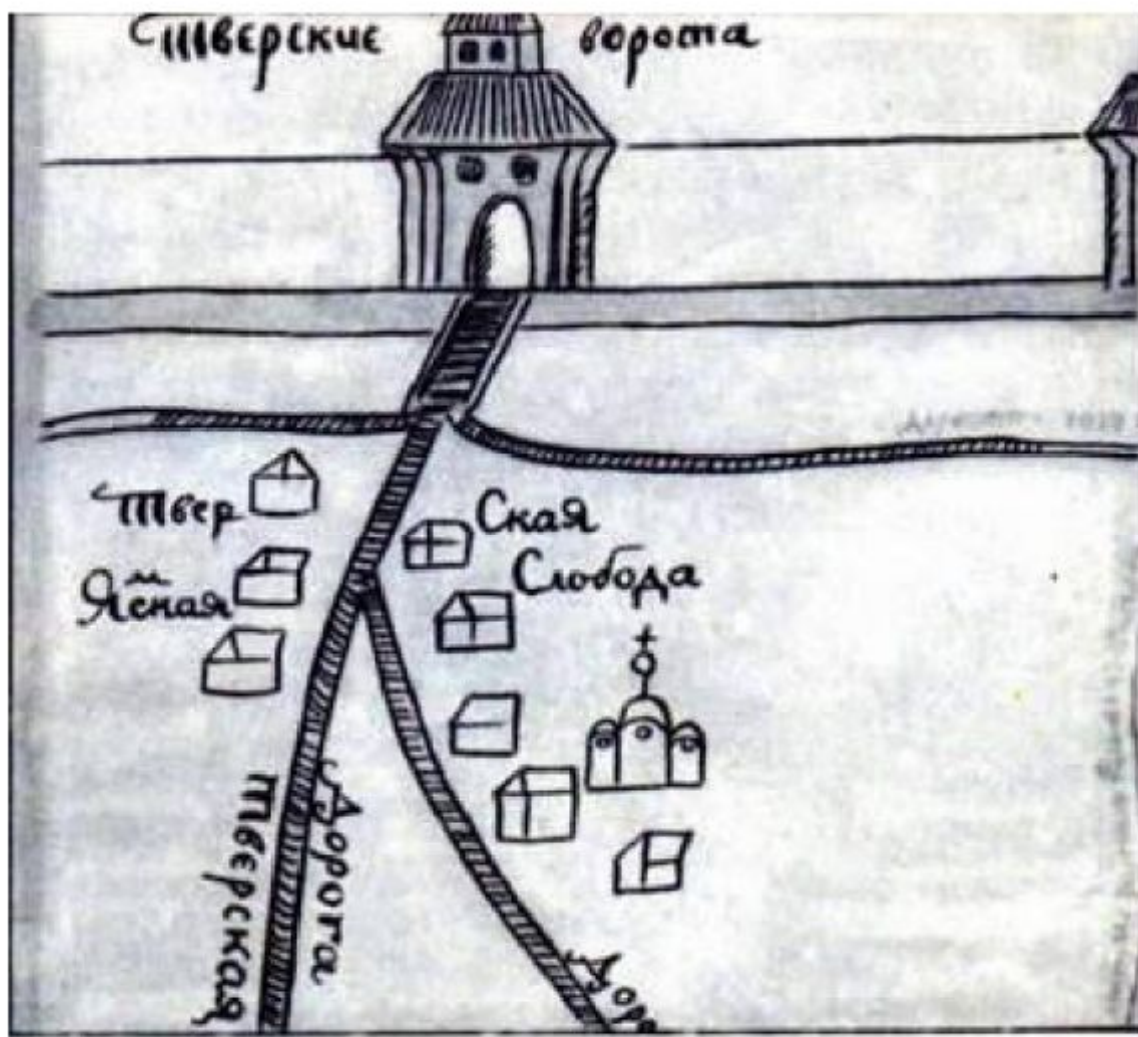
С первых дней существования скорой гоньбы она доставляла только официальную корреспонденцию. Теперь стало по-другому. 17 марта 1674 г. Запорожское войско избрало в Переславле гетманом Ивана Самойловича. Как и прежде, после выборов был подписан договор о верности Запорожья русскому царю. Были в нем статьи о гонцах и почте. Но если статьи 17 и 18-я с незначительными редакционными изменениями повторяли аналогичные пункты Глуховского договора, то 19-я (в старом соглашении ей соответствует десятая) существенно отличалась. «Учинены, — говорилось в ней, — почты по дорогах от Киева сее стороны Днепра в Малороссийских городах, в Нежине, да в Батурине, и из Малороссийских городов к царскому величеству всякие письма велено принимать на тех почтах» [32].

Под всякими письмами имеются в виду, кроме воеводских отписок, челобитные частных лиц, которые до сих пор киевской почтой не пересылались. Таково второе изменение, происшедшее в киевской скорой гоньбе.

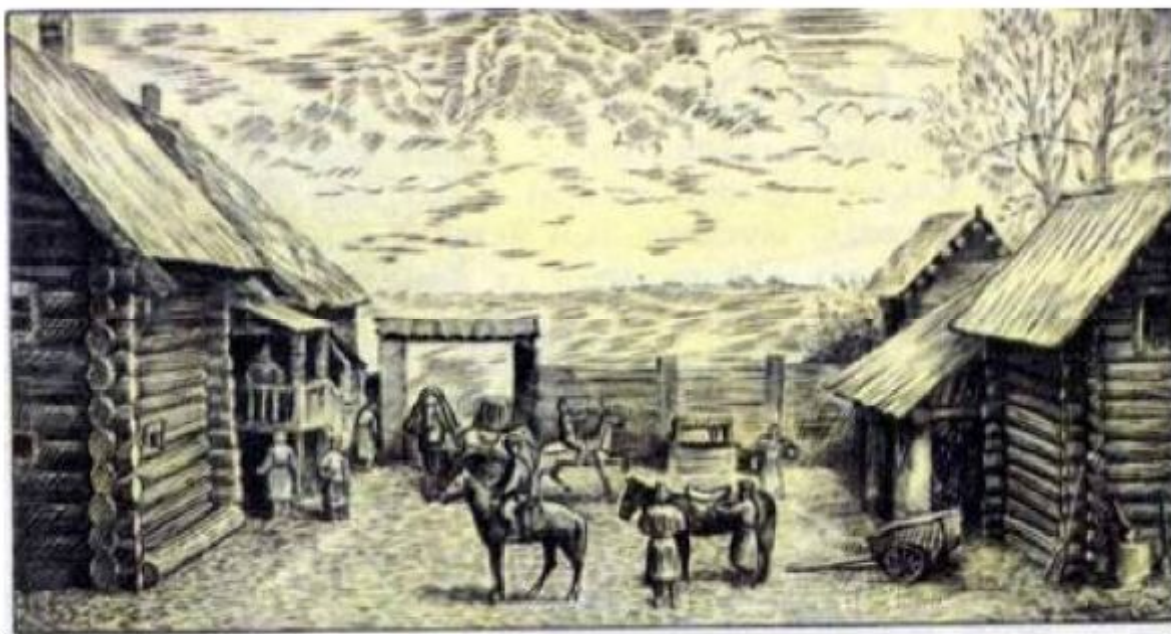

Посольский приказ (с рисунка Эрика Пальмквиста)

*Тверская-Ямская слобода в старой Москве XVII в.
(по чертежу Музея истории и реконструкции Москвы)*

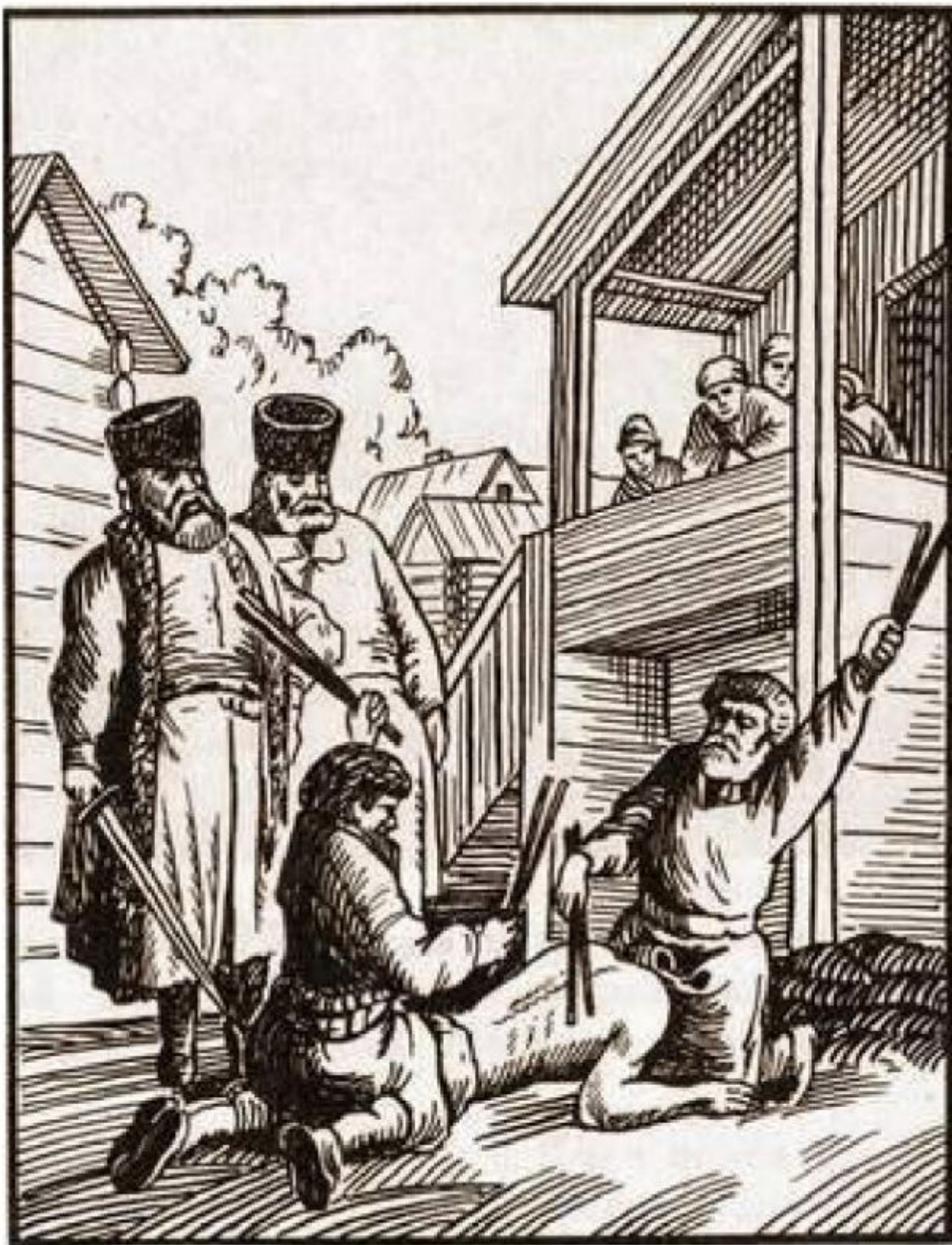

Двор почтовой избы XVII в. (рисунок с макета работы В. Лишева)

Опустевшая деревня (с картины К. Лебедева)

Наказание батогами (рисунок по гравюре XVIII в.)

Свадебный поезд в Москве. XVII в. (с картины А. Рябушкина)

Переяславская Рада (с картины М. Деревуса)

Во что обходилась пересылка частных отправок — неизвестно, ни в одном из документов об этом не говорится ни слова. Нет никаких особых отметок и на челобитных. Возможно, что жалобы доставлялись бесплатно.

В 1674 г. был выпущен еще один указ, в котором подробно разбирался регламент киевской почты. Но в нем ничего не записано о регулярном характере почтовых пересылок. От воевод только требовали, чтобы они «о всяких тамошних вестях писали чрез тое уставленную почту наскоро почасту» [31].

Запись о регулярной почте в Киев можно найти в столбцах Белгородского стола, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов 8 августа 1678 г. велено было севскому воеводе Л. Р. Неплюеву «учинить почту» для скорых посылок писем в армию Г. Г. Ромодановского. Указ был составлен по известному нам шаблону. 12 декабря распоряжение было повторено слово в слово, но после обычного «учинить почту» стояло совершенно новое определение «по все недели во вторник и в пятницу» [33]. Это был единственный случай во всей истории украинской почты XVII в., когда официальным документом утверждалась регулярная почта.

Из литературных источников известно, что в Киев почта ходила и по другому тракту через Калугу, Брянск и Севск. Причем на этой линии, как сообщает Н. В. Закреевский — автор фундаментального труда «Описание Киева», частные письма принимались не только в Киеве, но и в Нежине и Батурии [34]. Но архивы молчат.

Не сохранилось известий о местонахождении «почтамтов» в украинских городах. Закреевский высказывает мнение, что в Киеве корреспонденцию принимали и выдавали в Старом или Верхнем городе, где-то в районе современной площади Богдана Хмельницкого и прилегающей к ней части Владимирской улицы.

В последней четверти XVII в. активность киевской почты заметно пошла на убыль. Умер царь Алексей Михайлович. Отошли от политических дел оба устроителя почты на Украине: А. Л. Ордин-Нащокин удалился в монастырь, подвергся опале и был сослан в Пустозерск А. С. Матвеев.

Был еще один всплеск в работе киевской почты, когда в августе 1686 г. воевода Г. И. Косагов донес в Москву: «для посылки вестовых отписок и всяких дед у него не хватает людей, а запорожские полковники, сотники и урядники подвод не дают». Цари послали указ севскому воеводе Л. Р. Неплюеву: «Учинить почту по городам украинным и слободским до Переволочны и до Кодака и до Запорожской Сечи пристойными месты, которыми б проезд был от неприятелей безопасно». Неплюев послал стародубца Ивана Дубровского к гетману Самойловичу и просил дать распоряжение полтавскому полковнику, чтобы он выделил людей, знающих этот путь. Но дело, кажется, кончилось ничем — никаких сведений о запорожской почте не сохранилось [35].

С каждым годом дела на украинской линии становились все хуже и хуже. Письма подолгу задерживались в пути. Из Киева в столицу корреспонденция стала приходиться дней через 15—20, тогда как нарочные гонцы прибывали на шестой-седьмой день.

В столбцах Малороссийского приказа сохранилось целое дело на 86 листах, в котором изложены причины задержки почты. В течение двух месяцев воеводы во всех городах опрашивали почтарей, а потом их «сказки» прислали в Москву.

Что же выяснилось?

Слишком малая плата за труд — почтари получали так же, как раньше трубники и стрельцы, по 10 руб. в год — заставляет их заниматься извозом и отхожими промыслами. Совершенно отсутствует какой-либо контроль за пересылкой почты. Часто вместо себя ямщики отправляли с письмами детей и наемных работников. Если на дороге встречались два письмоносца, то они обменивались корреспонденцией и возвращались каждый на свой стан. При этом случалось, что письма терялись.

Закончив следствие, правительство 29 мая 1691 г. издало следующий указ: «А в городах, через которые почтовые письма посылаются, велеть в Приказной избе на обертке, в которой письма будут, подписывать именно, в котором числе и часе в приеме и с кем именем в присылке, такожде и в посылке те почтовые письма будут». Одновременно запрещалось доверять письма «наймитам и ребятам» и обмениваться почтой на дороге. За нарушение указа виновных ждало жестокое наказание [36].

Но, как видно из последующей переписки Малороссийского приказа с городскими воеводами, почтовое дело улучшалось мало. Почта доставлялась нерегулярно и с большим опозданием из-за плохих дорог, отсутствия лошадей.

Через 10 лет проходящие почты стали записываться по-иному. На всех станах были заведены специальные проезжие столбцы, отметка в которых делалась по такой форме: «1701 года, мая против 24 числа, в первом часу ночи, в третьей чети (четверти) подал в Калуге чрез почту великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца почтовое письмо в одном обертке за красным сургучом (с красной сургучной печатью) московский ямщик Петр Карпов и тогож числа и часу то почтовое письмо послано до Белена с калужским почтарем с Осипом Порываевым. А московский ямщик из Калуги отпущен тогож числа» [37].

Этот документ вскрывает еще одну из причин замедления почты: станов на киевской дороге стало меньше, чем было в 1674 г. Из-за нехватки гонщиков и лошадей ликвидировали пять станов. И если раньше посыльный из Москвы проезжал только 50 верст, то теперь он ехал до Калуги (180 верст), даже не меняя лошадей. То же было между Севском и Путивлем.

Резко сократился объем пересылаемой корреспонденции.

Проезжие столбцы, о которых идет речь, хранятся в фонде «Почтовые дела» ЦГАДА [2](#). Название дела «Записки о бывших почтовых отправлениих из Калуги с 1701 года мая 2 по 1702 год июня 25». В деле — 61 лист и на каждом по три-четыре записи.

Отметок наподобие приведенной — большинство. Иногда почта приносила 2—3 письма, однажды пришло 5. Это были царские грамоты, указы, воеводские отписки, редко челобитные. И ни одного частного письма! Почта ходила нерегулярно: то по несколько недель не было писем, то их начинали пересылать чуть ли не каждый день.

Большой интерес к почте проявлял небезызвестный гетман Иван Мазепа. В начале XVIII в., когда скорая гоньба в Киев пришла в полный упадок, он неоднократно просил Петра I восстановить почту. В письмах гетмана есть одна весьма любопытная деталь: Мазепа упорно добивался запрещения пересылки челобитных запорожской старшины и полковников с нарочными гонцами. На первый взгляд кажется, что гетман руководствовался только интересами государства. В действительности это был весьма ловкий ход хитрого политика. Достаточно хорошо известно, что украинские полковники, знавшие об измене и двурушничестве Мазепы, неоднократно посылали свои доносы царю. С установлением почты можно было при посредстве купленных перлюстраторов заранее узнавать планы своих врагов и предпринимать контрмеры.

Наконец, Петр I приказал устроить почту через Киев в Белую Церковь. Одновременно были приведены в порядок все станы между Москвой и Киевом. В частности, от Москвы до Калуги почтарей поставили не только в Тарутино, но и на реке Пахре, в селе Недельное. Два последних стана функционировали до этого только в 1669—1678 гг.

13 декабря 1703 г. для установления почты в украинские города отправился подьячий Степан Фролов. К этому времени севский воевода Михаил Ртищев выбрал четырех почтарей, дав им 8 лошадей со «всей гонимой рухлядью», будущим гонщикам Фролов прочитал указ, чтобы они «под опасением себе жестокого наказания и пытки почту возили бережно в сумах под пазухой, чтоб от дождя нигде не измочить и печатей и оберток не попортить и писем не потерять. И друг другу по станам отдавать с роспискою» [38].

Вместе с почтарами Степан Фролов поехал в Батурин, где его ждал гетманский канцелярист Данила Болбот. Вдвоем они расставили почтарей от Киева до Белой Церкви. Станы были через 15, 25 и 30 верст, а в каких местах — неизвестно. В докладе Степана Фролова упоминается только Васильков под Киевом и говорится, что он привез в Москву роспись «В которых местах и урочищах установлены почты, и что от которого до которого урочища верст» [39]. Но ни в Малороссийских, ни в Почтовых делах этот документ не значится.

На обратной дороге подьячий Фролов проверил, как воеводы исполнили царский приказ о починке мостов, устройстве переправ через реки и гатей на болотах.

Петр I сравнительно мало интересовался украинскими делами. Помыслы великого преобразователя были устремлены на северо-запад к Балтийскому морю. Только этим можно объяснить, что в его царствование почта в Киев, хотя и не прекращала своей деятельности, но работала с небольшой нагрузкой и частыми остановками. Правда, когда военные действия против Швеции переносились на Украину, возрождались скорая гоньба на юго-западных трактах и почта работала четко с полной отдачей.

Почти весь XVIII в. киевская почта влачила жалкое существование. Она считалась самой ненадежной в государстве. И только на исходе столетия, когда началось интенсивное освоение причерноморских владений России, украинская почтовая линия выдвинулась по значимости на одно из первых мест.

¹ График гоньбы переведен на привычное для нас время.

² Архивным фондом принято называть совокупность документов, образовавшихся в процессе деятельности отдельного лица или определенного учреждения. Таких фондов в ЦГАДА свыше 1500. Среди них — «Почтовые дела». Они содержат бумаги 1665—1807 гг. Посольского и Новгородского приказов. Посольской канцелярии и Коллегии иностранных дел о заграничной (Виленской и Рижской) и внутренней почтах, об учреждении и содержании почтовых станций, о ямской гоньбе, о выдаче подорожных. В фонде содержится 264 единицы хранения. Под единицей хранения понимается папка или книга с документами, относящимися к какому-то определенному периоду деятельности почты, в ней может быть от одного до нескольких сотен листов.

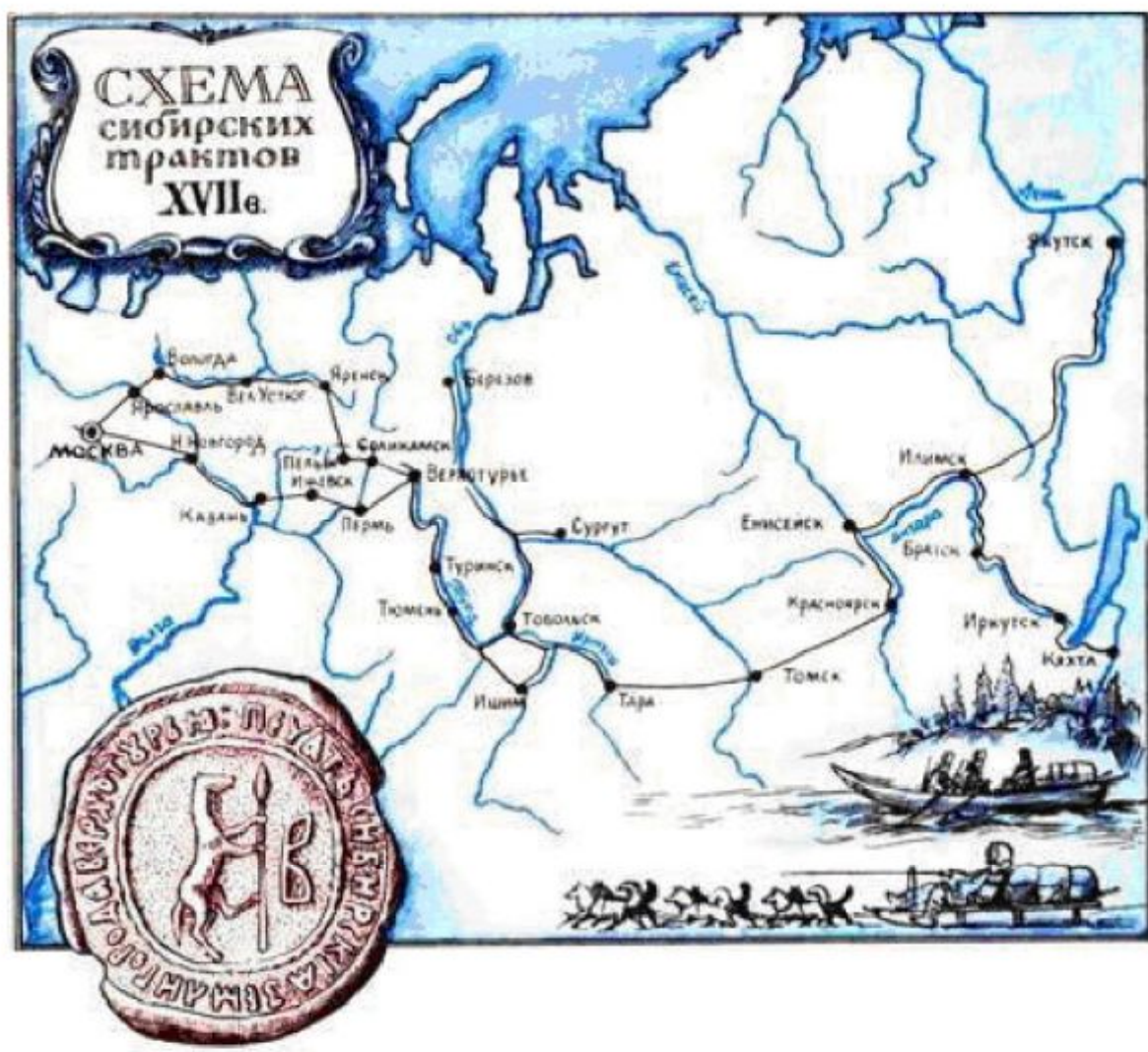
Что же сказать о характере русской почты и о ее работе на протяжении почти восьми веков?

Почта складывалась долгое время, ее система непрерывно совершенствовалась, пока не наступил момент, когда ее существование стало очевидным. Никакие документы не подтверждают наличие почты в XI—XII вв., в период расцвета Киевской Руси. Но это вовсе не значит, что тогда не существовало никаких средств связи.

Деятельность отечественной службы связи делится на три периода.

В глубокой древности возникла потребность отправлять вестников с сообщениями о нашествии врагов, о призыве княжеских вассалов на борьбу с неприятелем. Но эти посылки носили случайный характер, еще не была создана система доставки вестей и не всегда отправитель был уверен, что его послание вовремя будет доставлено в нужное место — гонца могли убить враги, растерзать дикие звери, в конце концов, он мог заблудиться или погибнуть от голода. Вестник был предоставлен самому себе. Питался только тем, что взял с собой или добыл по дороге. Двигался в основном по рекам или вдоль них — другие пути еще не были известны.

Второй период развития русской почты начинается на границе X—XI вв., когда в Киевской Руси возникает особый вид повинности, повоз, которая уже, возможно, в то время предусматривала доставку княжеских посыльных. Однако прошло почти 200 лет прежде чем повоз стал одним из основных атрибутов почты. С этого момента, со второй половины XII в., можно говорить о русской почте как о системе доставки писем. Теперь мы видим более или менее удовлетворительные проезжие дороги, на дорогах — постоянные дворы, а при княжеских дворах — штат посыльных. Гонец мог уже не беспокоиться ни о пище, ни о ночлеге — он знал, что на пути его ждет и то и другое. К середине XIII в. на Руси возникает ямская гоньба, которая первоначально, по-видимому, мало чем отличалась от повоза. При создании в конце XV в. централизованного Русского государства большое внимание было уделено и почте: ямы и подводы поставили по важнейшим дорогам страны. Существовавшая система связи была приспособлена в основном для нужд правящего класса и высшего духовенства. До нас не дошло никаких официальных документов, подтверждавших, что почтой могли пользоваться и другие лица, хотя пересылка грамоток, по-видимому, могла осуществляться с молчаливого согласия властей.

Вручение царской грамоты Ермаку. ГИМ

*Фрагменты акварели начала XVIII в.
Подавление Соловецкого восстания (неизвестный художник)*

Третий этап развития службы связи начинается в 60-годах XVII в., когда почта стала общедоступной и регулярной. Однако наряду с так называемыми заморскими почтами продолжала существовать и даже расширяться старая ямская гоньба. Из последующих частей книги мы узнаем, что почти до конца следующего

XVIII в. ямская почта вполне успешно конкурировала с отправляемой за рубеж. Своего наивысшего расцвета ямская гоньба достигла в 80-х—начале 90-х годов XVII в. Затем правительство приступает к объединению русских средств связи в единую организацию. Процесс этот длился свыше ста лет. Как он проходил и чем закончился, будет рассказано в следующей части книги «История отечественной почты».

Источники

К разделу «У истоков русской почты»

1. **Тихомиров М. Н.** Дневнерусские города. Ученые записки МГУ. М.,
2. **Маркс К.** Сочинения. Изд. 2-е, т. 9, с. 238. Изд-во Моск. ун-та, вып. 99, 1946, с. 8—39.
3. **Греков Б. Д.** Киевская Русь, М., Учпедгиз, 1949 с. 399.
4. **Полное собрание русских летописей** (далее ПСРЛ), т. 1, М., Изд-во Восточной литературы, 1962, стб. 24 1.
5. Там же, стб. 27.
6. Там же, стб. 29.
7. Там же, стб. 65.
8. Там же, стб. 125.
9. Там же, стб. 132—141.
10. **ПСРЛ**, т. 30, М., «Наука», 1965, с. 74—75.
11. **Абрамович Д.** Киево-Печерский патерик. Киев, 1931, с. 3-5.
12. **Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.** Русская сфрагистика и геральдика. М., «Высшая школа», 1974, с. 68—70.
13. **Арциховский А. В.** Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. Советская археология», 1965, № 3, с. 209, 211.
14. **Арциховский А. В. и Борковский В. И.** Новгородские грамоты на бересте (далее - НГБ) (Из раскопок 1956-1957 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 64—65.
15. **Памятники русского права** (далее — ПРП), вып. 1, М., Госюриздат, 1952, с. 120.
16. **ПСРЛ**, т. 1, стб. 48.
17. Там же, стб. 52
18. **Недков Б.** Един ценен ръкопис, «Вечерни новини». София, 1954, №14.
19. **ПСРЛ**, т. 1, стб. 44—45.
20. Там же, стб. 72.
21. **Новосельцев А. П. и др.** Древнерусское государство и его международное значение. М., «Наука», 1965, с. 391.
22. **Константин Багрянородный.** Об управлении государством. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Вып. 91
23. **Исторический архив**, т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, с. 78.
24. **ПСРЛ**, т. 1, стб. 146.
25. Там же, стб. 135.
26. Там же, стб. 208.
27. Там же, стб. 250.
28. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М., Изд-во Иностранных и национальных словарей, 1956, т. III, с. 424.
29. **ПСРЛ**, т. 1, стб. 247.
30. **Греков Б. Д.** Указ, соч., с. 132—135.
31. **Воронин Н. Н.** Владимир, Боголюбове, Суздаль, Юрьев-Польский. М., «Искусство», 1958, с. 283—284,
32. **ПСРЛ**, т. 1, стб. 499—500
33. Смотрите, в частности, **Тверскую летопись**, **ПСРЛ**, т. XV, М., «Наука», 1965, стб. 323—324.
34. **Ходаковский З.** Пути сообщения в древней России.— «Русский исторический сборник». М., 1837, т. 1, кн. 1.

35. Греков Б. Д. Указ, соч., с. 315, 328.
36. **Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—XVI вв.** М., Изд-во АН СССР, т. 1, 1952, 363.
37. Новосельцев А. П. и др. Указ, соч., с. 413.
38. ПСРЛ, т. 1, стб. 84.
39. Соловьев С. М. История России с древнейших времен (далее — Соловьев). М., Соцэкгиз, 1959, кн. 1, с. 224—226.
40. ПСРЛ, т. 1, стб. 60.
41. Там же, стб. 178.
42. Николаев В. А. Феодални отношения в покорената от Византии Българии, отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български, София, 1951, с. 197—198.
43. ПСРЛ, т. 1, стб. 131.
44. ПРП, вып. 1, стр. 85.
45. Там же, стр. 133.
46. **Грамоты Великого Новгорода и Пскова** (далее — ГВНП), М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, № 1.
47. Чертков А. Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков, М., 1843, с. 116.
48. ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 527—528.
49. Там же, стб. 338.
50. ПСРЛ, т. 1, стб. 490.
51. Там же, стб. 100.
52. Там же, стб. 21.
53. **Летописец Переславля Суздальского.** — «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 9. Изд. Моск. ун-та, 1851, с. 99.
54. ПСРЛ, т. 30, с. 109.
55. Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, с. 262.
56. ПСРЛ, т. 1, стр. 76.
57. Соловьев. Кн. II, М., 1960, с. 23.
58. ПСРЛ, т. 1, стб. 252.
59. НГБ (1956—1957 гг.), с. 97—99.
60. НГБ (1952 г.). М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 56—57.
61. Там же, с. 16—17.
62. Мещерский Н. А. Новгородские грамоты на бересте. Изд-во ЛГУ, — «Вестник Ленинградского государственного университета». 1958, № 2, с. 101—103.
63. НГБ (1958—1961 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 100—102.
64. НГБ (1952 г.), с. 60.
65. НГБ (1958—1961 гг.), с. 9.
66. НГБ (1952 г.), с. 13.
67. НГБ (1955 г.), М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 30—31.
68. Там же, с. 22.
69. НГБ (1953—1954 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 59—60.
70. НГБ (1958—1961 гг.), с. 50—52.
71. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., Изд-во МГУ, 1965, с. 128.
72. Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., «Наука», 1969, с. 302.
73. НГБ (1956—1957 гг.), с. 81—82.
74. НГБ (1958—1961 гг.), с. 43—47.
75. НГБ (1952 г.), с. 26.

76. **Янин В. Л.** Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., «Наука», 1970, т. 1, с. 75—86.
77. **ПРП**, вып. II, М., Госюриздат, 1953, с. 249.

К разделу «Скорая ямская гоньба»

1. **Джиованни дель Плано Карпини.** История монгалов. **Гильом де Рубрук.** Путешествие в восточные страны. М., Географгиз, 1957, с. 40—41.
2. **Книга Марко Поло.** М., Географгиз, 1955, с. 121—122.
3. **ПРП**, вып. III, М., Госюриздат, 1955, с. 467
4. **ПРП**, вып. 1, с. 118.
5. **ГВНП**, № 1.
6. Там же, № 3.
7. **ПРП**, вып. II, с. 292—293.
8. Там же, с. 218.
9. **НГБ** (1956—1957 гг.), с. 176.
10. **ПРП**, вып. IV, М., Госюриздат, 1956, с. 418.
11. **ПРП**, вып. III, с. 163.
12. Там же, с. 391.
13. Там же, с. 350—351.
14. **ПРП**, вып. IV, с. 243.
15. Там же, с. 290.
16. Там же, с. 418.
17. **Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.** М., Изд-во АН СССР, 1950, с. 362.
18. **ПРП**, вып. III, с. 102.
19. Там же, с. 160.
20. **ГВНП**, № 83.
21. Там же, № 92.
22. **Центральный государственный архив древних актов** (далее — **ЦГАДА**), ф. 197. Портфели Малиновского, портф. 32, л. 120.
23. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, б/г, д. 2, л. 3 об.
24. **Герберштейн С.** Записки о московитских делах. Спб. Изд-во Суворина, 1908, с. 218—219.
25. **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб., 1906, с. 226—228.
26. **ЦГАДА**, ф. 141. Приказные дела старых лет, 1628 г., д. 40, л. 6—7.
27. **Соловьев**, кн. III, М., Соцэкгиз, 1960, с. 182.
28. **ПСРЛ**, т. 30, с. 180.
29. **Соловьев**, кн. III, с. 432.
30. **ПРП**, вып. IV, с. 120.
31. **Соловьев**, кн. III, с. 689—690.
32. **ПРП**, вып. IV, с. 442.
33. **Гурлянд И. Я.** Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900, с. 123.
34. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 2, л. 2 об.
35. **ЦГАДА**, ф. 197. Портфели Малиновского, портф. 4, № 16, л. 2 об.
36. **Гурлянд И. Я.** Указ. соч. с. 122.
37. **ЦГАДА**, ф. 141. Приказные дела старых лет, 1642 г., д. 16, № 31.

38. **Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией** (далее — АИ), т. 1, Спб., 1841, № 113.
39. **ЦГАДА**, № 162. Почтовые дела, 6/г., д. 2, л. 3.
40. Там же, л. 4.
41. **Сытин П. В.** История планировки и застройки Москвы. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1950, вып. I, с. 60—61.
42. **Снегирев В.** Московские слободы. М., «Московский рабочий», 1956, с. 37—41.
43. **Богоявленский С. К.** Московские слободы и сотни в XVII веке.— «Труды общества изучения Московской губернии». М., вып. 2, 1928, с. 129—130.
44. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 132.
45. **Полное собрание законов Российской империи.** Собрание 1-е. Спб., 1830 (далее — ПСЗ), т. 1, № 518А.
46. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 242—243.
47. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, 6/г., д. 2, л. 2 об— 3.
48. **ПСЗ**, т. 1, № 1.
49. **Богомазов Д. Н.** Художественное мастерство тульских оружейников. Приокское кн. изд., Тула, 1967, с. 53.
50. **ПСЗ**, т. 1, № 68.
51. Там же, № 564.
52. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 378, л. 4—8, л. 138—143.
53. Там же, № 134, л. 261—263.
54. **ПСЗ**, т. II, № 1082.
55. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 308.
56. **Грамотки XVII — начала XVIII века** (далее — Гр-ки). М., «Наука», 1969, № 482.
57. **АИ**, т. III, № 78.
58. Там же, № 86.
59. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 239.
60. Там же, с. 240.
61. Там же, с. 241.
62. **АИ**, т. III, № 8.
63. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 296.
64. **Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией** (далее — ДАИ), т. IV, Спб., 1853, № 114.
65. **АИ**, т. I, № 147.
66. **Штаден Г.** О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, с. 89.
67. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 298.
68. **АИ**, т. II, № 36.
69. **Челобитная Григория Всполохова, дьяка Ямского приказа.** Изд. «Общества любителей древней письменности», М., 1897.
70. **АИ**, т. III, № 87.
71. **ПСЗ**, т. I, № 452.
72. **ЦГАДА**, № 141. Приказные дела старых лет, 1642 г., д. 153, № 91
73. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 318.
74. Там же, с. 321.
75. **Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией** (далее — РИБ), т. 9, Спб., с. 520—522.
76. **ПСЗ**, т. I, № 446.

77. **Снегирев И. М.** Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1873, т. 1, с. 179.
78. **Соловьев**, кн. V, М., Соцэкгиз, 1961, с. 179.
79. **Древние акты и грамоты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым.** Спб., 1854, с. 45—48.
80. **Шумаков С. А.** Угличские акты (1400—1749). М., 1899, № 22, 29, 43, 48, 72, 100.
81. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1702 г., д. 6, л. 3—4 об.
82. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 257.
83. **Яковлев А. И.** Засечная черта Московского государства в XVII веке М., 1916, с. 8.
84. **ЦГАДА**, ф. 197. Портфели Малиновского, порт. 5, № 18, л. 4 об.
85. Там же, л. 5.
86. **ЦГАДА**, ф. 120. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 160. л. 89, 89 об.
87. **АИ**, т. I, № 179.
88. **ЦГАДА**, № 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 135, л. 104.
89. Там же, л. 105.
90. **ПСЗ**, т. I, № 18.
91. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 128, л. 53.
92. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 128, на 199 л.
93. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, 1700 г., № 4, л. 1—2.
94. **Гр-ки**, № 72.
95. **ЦГАДА**, № 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 12, л. 515—518.
96. Там же, № 134, л. 310—311.
97. Там же, № 210, л. 663—664.
98. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Книги записные Московского стола, № 12, л. 84—84 об.
99. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 264, л. 429.
100. **Даль В. И.** Указ, соч., т. IV, с. 377.
101. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Книги записные Московского стола, № 11, л. 64 об.—65.
102. Там же, № 12, л. 84 об.
103. Там же, № 11, л. 65, 246.
104. Там же, л. 66—66 об.
105. См. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 264, л. 18, 23, 51—67, 318, 420, 429 № 325 л. 15, 44, 45, 118.
106. **ПСЗ**, т. I, № 251.
107. Там же, № 257.
108. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Книги записные Московского стола, № 11, л. 65—66.
109. Там же, л. 67 об.
110. Там же, л. 68.
111. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 325, л. 48, 193.
112. Там же, л. 51.
113. Там же, л. 54.
114. Там же, л. 425.

115. Там же, л. 7, 9, 425, 426.
116. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Книги записные Московского стола, № 11, л. 66 об.
117. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 325, л. 426.
118. Там же, л. 7—13, 36—38, 316, 425, 426, 800 и 801.
119. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Книги записные Московского стола, № 11, л. 63.
120. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 314, л. 502—504, № 325, л. 427.
121. Там же, № 314, л. 523—528.
122. Там же, № 365, л. 41—44.
123. **Алеппский Павел**. Записки... Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1897, кн. 4. с. 119—120, 134—135.
124. **Гурлянд И. Я.**, Указ соч., с. 259.
125. **Вести-куранты** 1642—1644 гг. М., «Наука», 1976, с. 198—199.

К разделу «Правильные почты»

1. **Ордин-Нащокин**. Ст. в Русском биографическом словаре, т. 9, Спб., 1905, с. 290.
2. **Ключевский В. О.** Ордин-Нащокин.— В кн.: Русская история. Ч. III. М., 1915, с. 427—439.
3. **Козловский И. П.** Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. 1, Варшава, 1913, с. 11—80.
4. **Соловьев С. М.** Указ. соч. кн. VI, М., Соцэкгиз, 1961, с. 399.
5. **Козловский И. П.** Указ, соч., т. 1, с. 137—138.
6. **РИБ**, т. 21, Спб., 1907, с. 217.
7. **Соловьев С. М.** Указ, соч., кн. VI, с. 404.
8. **Ордин-Нащокин**. Ст. в Русском биографическом словаре, с. 293.
9. Глава, кроме мест, оговоренных особо, написана по материалам книги: **Козловский И. П.** Указ, соч., т. I, с. 9—419; т. II, с. 3—206.
10. **Даль В. И.** Указ, соч., т. III, с. 494.
11. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, б/г, № 1, л. 38.
12. **Гр-ки**, № 173.
13. **Соловьев С. М.** Указ. соч. кн. VI, с. 509.
14. **ЦГАДА**, № 162. Почтовые дела, 1701 г., д. 2, л. 80.
15. **ЦГАДА**, ф. 124. Малороссийские дела, оп. 1, 1667 г., д. 35.
16. **ПСЗ**, т. 1, № 432.
17. **Ордин-Нащокин**. Ст. в Русском биографическом словаре, с. 291.
18. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 389 л. 410, 411.
19. **ПСЗ**, т. 1, № 447, ст. 8.
20. Там же, № 447, ст. 9.
21. Там же, № 447, ст. 10.
22. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. № 389 л. 168.
23. Там же, л. 168, 169.
24. Там же, л. 338.
25. Там же, л. 410, 412, 413.

26. **График гоньбы составлен на основе материалов ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 701 на 761 л.
27. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 389, л. 172.
28. Там же, л. 14.
29. Там же, л. 10—12.
30. **ПСЗ**, т. III, № 1546.
31. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, 1674, д. 1, л. 1.
32. **ПСЗ**, т. 1, № 573.
33. **ЦГАДА**, ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, № 958, л. 223—231.
34. **Закреевский Н. В.** Описание Киева, т. 1, М., 1868, с. 61.
35. **Козловский И. П.**, Указ, соч., т. 1, с. 510.
36. **ПСЗ**, т. III, № 1408.
37. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела. 1701 — 1702 гг., д. 4, л. 2.
38. Там же, 1703 г., д. 4, л. 1 об.
39. Там же, 1703 г., д. 4, л. 2 об.
40. **РИБ**, т. 2. Спб., 1876, № 47.
41. **Миллер Г. Ф.** Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. Спб., 1750, с. 352—353.
42. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 179.
43. **РИБ**, т. 2. № 181.
44. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, б./г., № 2, л. 4.
45. **АИ**, т. II, № 36.
46. **ЦГАДА**, ф. 197. Портфели Малиновского, портф. 4, № 16, л. 1—2.
47. **АИ**, т. II, № 51.
48. **АИ**, т. III, № 58.
49. **АИ**, т. IV, Спб., 1841, № 23.
50. **Соловьев С. М.** Указ. соч. кн. IV, М., Соцэкгиз, 1960, с. 375—376.
51. **АИ**, т. III, № 47.
52. **Лаппо-Данилевский А. С.** Поверстная и указная книга Ямского приказа. Журнал «Библиограф». Спб., 1890 (отдельный оттиск), 16 с.
53. **ПСЗ**, т. I, № 18.
54. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 186.
55. **АИ**, т. III, № 78.
56. Там же, № 234.
57. Там же, № 8.
58. **ПСЗ**, т. III, № 1486.
59. Там же, № 1525.
60. Там же, № 1602.
61. Там же, № 1579, ст. 44.
62. Там же, № 1568.
63. Там же, № 1585.
64. Там же, № 1654, ст. 22.
65. **АИ**, т. IV, № 104.
66. **ПСЗ**, т. III, № 1673.
67. **Русский вестник**, т. IV, Спб., 1841, с. 153—154.
68. **Козловский И. П.** Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641 — 1717), с. 26.
69. **ЦГАДА**, ф. 248. Сенат, кн. 666, л. 487.
70. **Tagebuch des Generalen Patrick Gordon**, bd. III, St -Petersburg 1852 s. 351.
71. **ЦГАДА**, ф. 214. Сибирский приказ, он. 3, № 48.

72. Там же, ф. 2, № 128, л. 18.

73. **ЦГАДА**, ф. 141. Приказные дела старых лет. 1699 г. № 85 (л. 2, 4—16), № 632 (л. 14—19, 21—23, 33—60, 63—69, 77—80); ф. 1278, Строгановы, оп. 2, ч. 1, № 18 (л. 13—19, 22—28), № 35 (л. 2—7, 41—43, 52-61).

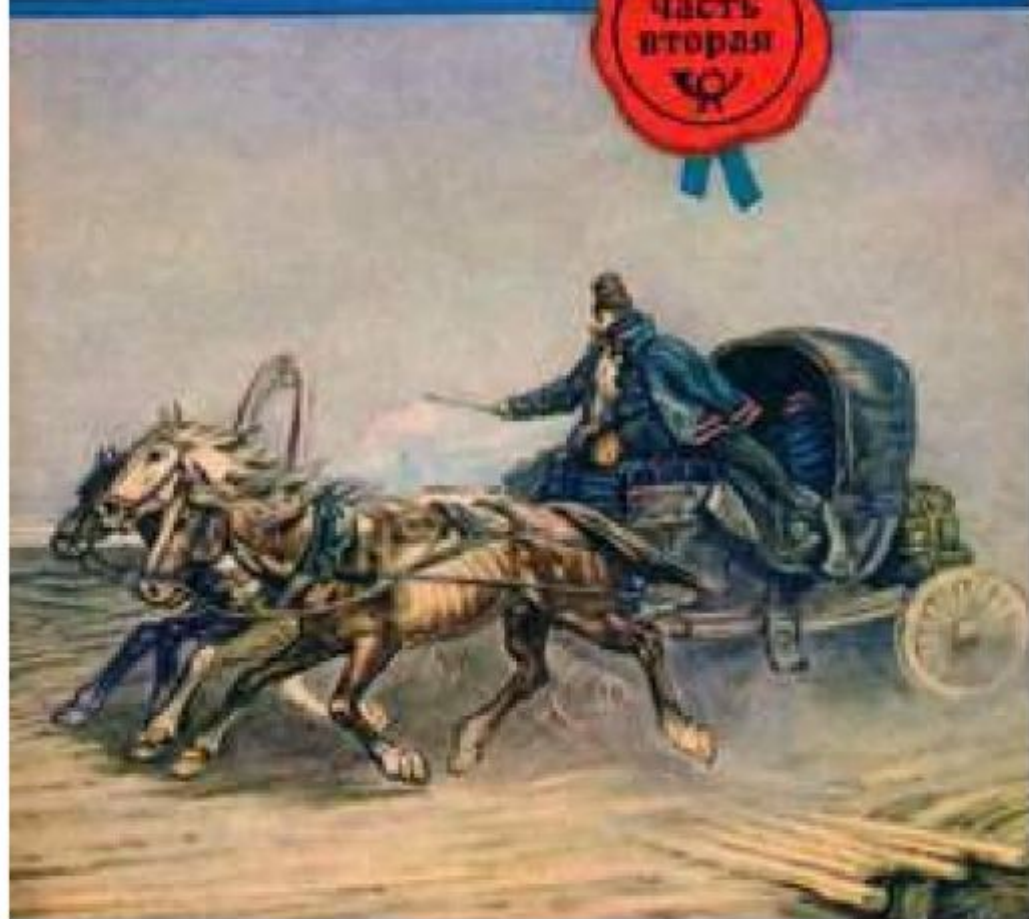
74. **Государственный Исторический музей**, ф. 17. Уваровы. Кн. VI, № 36 (л. 1—3); кн. VII, № 20, 23 (л. 5—9), 26.

75. **ЦГАДА**, ф. 1251. Лисовские, оп. 1, № 1 (л. 1—8), 2 (л. 3—6). 3 (л. 2-13), 4, 5 (л. 1-39), 6 (л. 1-3, 18-20).

¹ Некоторые отрывки из русских летописей цитируются в переводе Д. С. Лихачева по сборнику «Художественная проза Киевской Руси XI-XIII веков». М., Гослитиздат, 1957.

А. Н. ВИГНЛЕВ

История отечественной почты

Александр Николаевич В и г и л е в
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЧТЫ

Часть 2

Отв. редактор М. А. Л е в ш н я Худож. редактор Р. А. Клочков
Редактор С. А. Панасян Техн. редактор К. Г. Марком
Художник Г. А. Ком лев Корректор Л. Н. Лещева
Сдано в набор 22.03.79 г. Подп. в печ. 24.10.79 г. Т-04735. Формат 60X90¹/₁₈».
Бумага офсетная. Гарнитура академич. Офсет. Усл. печ. л. 10.0.
Уч.-изд. л. 12.67. Тираж 49000 экз. Изд. № 15517.
Зак. № 3713. Цена 1 р. 10 к. Заказное.
Издательство «Связь», Москва 101000, Чистопрудный бульвар, д. 2.
Типография издательства «Калининградская правда».
Калининград (обл.), ул. Карла Маркса. 18.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ФИЛАТЕЛИСТОВ

76.106 В41

Вигилев А. Н.

В41 История отечественной почты: Ч. 2/М.: Связь, 1979.— 160 с., ил.

1 р. 10 к.

Книга посвящена организации русской почты в конце XVII — второй половине XVIII вв. В этот период происходят упорядочение и дальнейшее расширение почтовой гоньбы. Делается попытка организовать доставку писем по самому длинному в мире почтовому тракту — из Петербурга на Камчатку. В начале XVIII в. создается институт военно-полевых почтальонов, начинается перевозка корреспонденции через Балтийское море.

Издание предназначено для широкого круга читателей и, прежде всего, филателистов, интересующихся историей почтового дела в России.

80300—172 без объявл. 4403020000 ББК 76. 106

* 045(01)—79 379, 45

Выпущено по заказу Министерства связи СССР

© Всесоюзное общество филателистов, 1979

К ЧИТАТЕЛЯМ

В 1977 г. издана первая часть книги А. Н. Вигилева «История отечественной почты», положительно встреченная читателем, в которой была изложена история развития средств связи в России с IX и до середины XVII века. Предлагаемая читателю вторая ее часть посвящена развитию средств связи нашей Родины в конце XVII — второй половине XVIII вв.

Во второй половине XVII в. создается русская регулярная общедоступная почта. Первые ее линии пошли за рубежи государства в «немецкие» страны, так иногда русские люди называли земли, где говорили на непонятных нашим предкам языках. Отсюда и пошло наименование почты в Ригу и Вильно ¹ — «немецкая», в отличие от ямской, обслуживающей внутренние линии. Термин «немецкая» сначала применялся только в устной речи, а с конца XVII в. перешел и в официальные документы. Рижскую и виленскую почты иногда именовали «купеческими», потому что на первых порах их деятельности основную массу корреспонденции, отправляемой за рубеж, составляли письма иностранных купцов. Подчинялась «немецкая» почта сначала Посольскому приказу, а после его ликвидации Коллегии иностранных дел. Кроме упомянутых линий связи в Ригу и Вильно существовали еще архангельская (с конца XVII в.), петербургская (с первой четверти XVIII в.) и смоленская (с середины XVIII в.) «немецкие» почты. В своей деятельности русская служба связи использовала многие организационные формы зарубежных почт. Однако «немецкую» почту от западноевропейских отличало, в первую очередь, то, что она была государственным учреждением, тогда как на Западе получила широкое распространение система доставки писем частными предприятиями, среди которых особого могущества достиг дом Турн-и-Таксис.

Не в пример «немецкой», сфера деятельности ямской почты распространялась по всей России. Только ее линии проходили в Сибири, юге страны, на Украине и в Белоруссии. Во многие города ямская почта ходила регулярно. В 30-х годах XVIII в. делается попытка создать силами ямщиков самый длинный в мире почтовый тракт из Петербурга в Охотск и далее на Камчатку. По нему должны были доставляться письма участникам Великой Сибирской экспедиции капитана-командора В. Беринга. И нет вины устроителей камчатской почты в том, что связь не удалось осуществить. Очень суровые природные условия не позволили организовать скорую гоньбу между Якутском и Охотском.

Существование параллельно двух почт — «немецкой» и ямской — создавало много неудобств и приводило порой к совершенно нелепым вещам. Например, одно время из Москвы в Петербург ходили две почты: «немецкая», доставлявшая только купеческие письма и правительственные бумаги, и ямская, возившая, кроме правительственной почты, корреспонденцию местных административных учреждений и грамотки дворян. Причем ямская служба связи брала за свои услуги с. отправителей писем денег значительно меньше, чем «немецкая». Такое положение дел нельзя было считать нормальным, поэтому с середины XVIII в. начинается слияние обеих почтовых служб.

Огромное значение для развития отечественной почты имело установление линий связи с губернскими городами. Впервые они организуются в 1712 г. для сношений Сената с наместниками отдельных областей. А спустя короткое время губернские почты переходят в подчинение Ямской канцелярии и становятся общедоступными. Ямской почтамт доставлял государственную и частную корреспонденцию по всей России — от Минска до Иркутска. Ему подчинялась также «фруктовая» почта, доставлявшая из Астрахани в Петербург не только письма, но и виноград, арбузы, дыни. Со второй половины XVIII в. начинают действовать почтовые линии с некоторыми уездными городами, особенно с теми, которые являлись промышленными центрами или местами добычи таких жизненно необходимых полезных ископаемых, как, например, поваренная соль или железная руда. На местных линиях почтальоны чаще всего от города до города ходили пешком.

С доставки ратных вестей началась русская почтовая связь, но военно-полевой почты, как таковой, долгое время не существовало. Перевозка военных сообщений выполнялась случайными людьми, ненадежны были дороги, зачастую отсутствовали средства передвижения. Если в районе боевых действий плохо обстояло дело с организацией почтовой гоньбы, это сказывалось порою и на ходе войны. Только с конца XVII в. в России начинает создаваться институт военных почтальонов, которые непосредственно входили в штаты полков и соединений действующей армии. Существование связи такого рода узаконил Воинский Устав Петра I, в который вошла статья «О чине полевой почты».

До конца XVII в. в России для запечатывания почты применялись различные печати: приказные, воеводские, таможенные, личные штемпеля почтмейстеров. На рубеже XVII—XVIII вв. вводятся специальные почтовые печати сначала на «немецкой», а затем и на ямской почтах. Закладываются основы унификации почтовых отправок, оформления их внешнего вида по единому образцу. Учитывая, что в наше время появилось большое количество фальсификатов домарочных писем, автор книги очень подробно описывает признаки, присущие отправлениям XVII—XVIII вв.

В этот же период начинается подготовка к введению единой почтовой документации. В конце XVII — начале XVIII вв. вся корреспонденция записывалась в почтмейстерских книгах. С 30-х годов

XVIII в. появляются специальные реестры на письма, которые мало чем отличались от записей в книгах начальников над почтами и составлялись по произвольной форме. На ямской почте продолжали сохраняться «проезжие столбцы», рождение которых относится к концу XVI в., и «загонные книги» — основной документ, по которому правительство рассчитывалось с ямщиками за совершенные поездки с почтой.

В начале 70-х годов XVIII в. прокладываются «образцовые» почтовые линии в Прибалтику и Белоруссию. С ними связан огромный по своей значимости документ — «Проект о заведении почтовых станций и о должности содержателей», на основе которого почти 80 лет составлялись правила организации почтовой гоньбы. На «образцовых» почтах впервые создается должность содержателя станции, известная впоследствии под названием «станционный смотритель». С 1773 г. русская почта начинает повсеместно принимать для пересылки векселя и деньги. В то же время появляются новые почтовые термины: эстафета, пост-пакет, куверт (конверт). Указы 1770 и 1772 гг. предусматривали создание линий почтовых дилижансов или, как их тогда называли, «тележной почты». Однако практического применения эти проекты не получили, так как доходы от почтовых фургонов не покрывали расходов на их содержание.

С почтой XVIII в. тесно связаны имена многих выдающихся государственных деятелей. Среди них дипломат П. П. Шафиров, историк и горный инженер В. Н. Татищев, полководец Б. П. Шереметев.

Автор проводит сравнение русской службы связи с доставкой корреспонденции в Англии и Швеции — странах наиболее в то время развитых в почтовом отношении.

Книга готовилась автором на протяжении многих лет, написана на основе архивных материалов, часть из которых публикуется впервые. Материал подан достоверно, интересно и по четкой системе, что позволяет достаточно ясно представить себе одну из страниц яркой истории многогранной культуры нашей великой Родины.

На международных филателистических выставках «Соцфилекс-78» в Сомбатхее (Венгрия), «Прага 1978» и «На страже мира и социализма» в Варшаве первая часть книги «История отечественной почты» была отмечена медалями.

Работа насыщена значительным фактическим материалом. Тем не менее книга не претендует на полноту изложения темы. На наш взгляд, она представит значительный интерес для широкого круга читателей и будет встречена им с одобрением.

¹ Теперешний Вильнюс.

МОСКОВСКИЙ «ПОЧТОВЫЙ» ДВОР И ЕГО ПОЧТМЕЙСТЕРЫ

Самый древний почтовый двор нашей столицы находился в Кремле и помещался не на каком-то вполне определенном месте, а занимал всю территорию крепости. Если уж быть совершенно точным, то и «почтамтов» было не один и даже не два, а несколько десятков.

До уничтожения на Руси царем Иваном Грозным уделов всякий мелкий князек имел в столице дом-подворье. Сам хозяин обычно пребывал в своем княжестве, а в Москве жила разная челядь и среди нее — гонцы. Точнее, гонцы не жили, а, как говорит летописец, «лежали на вестях» [1] [1](#).

Когда Москва стала столицей централизованного русского государства, в Кремле и вокруг него стали возводить здания приказов — учреждений, ведавших отдельными отраслями государственного управления — Посольского, Разрядного (занимавшегося военными делами), Монастырского, Ямского и прочих. Число приказов не было постоянным, в иные годы их бывало до 50. И до середины XVII в. каждый из приказов самостоятельно рассылал свою корреспонденцию, каждый имел свою почту.

Официально частные письма для пересылки по почте стали впервые приниматься в здании Посольского приказа. Оно находилось на Ивановской площади Кремля рядом с колокольней Ивана Великого. Здесь работали сотрудники приказа — первые русские почтмейстеры Ян фан Сведен, отец и сын Марселиусы, Андрей Андреевич Виниус.

Первым на время наш рассказ.

Андрей Андреевич Виниус (1641—1717) [2](#) был сыном голландского купца А. Д. Виниуса, который в 1632 г. приехал в Россию и занялся здесь железоделательной промышленностью. Им построен первый металлургический завод в Туле, на котором выплавлялись чугун и железо, изготовлялись из них пушки, котлы, пищали, холодное оружие. А. Д. Виниус не справлялся собственными силами с постройкой заводов и вошел в компанию с другими голландскими купцами, среди которых был Петр Марселиус — отец московского почтмейстера. Крупные железоделательные заводы были созданы в Кашире, близ Воронежа и на реке Ваге.

А. А. Виниус принял «заморские» почты будучи переводчиком Посольского приказа. Последнее было его званием. В действительности Виниус стоял более высоко на служебной лестнице. Он разработал проект создания галерного флота на Каспийском море и сделал географическое описание морского побережья. В 1672—1674 гг. по поручению русского правительства ездил в Англию, Францию и Испанию с предложением союза против турок. По возвращении был пожалован в московские дворяне. Виниус достаточно хорошо разбирался в естественных науках, поэтому ему поручили заняться изысканием полезных ископаемых — меди, железа, серебра. Он стал заведовать аптекарским делом. Петр I отличал Виниуса среди своих сподвижников и поручал ему военные заготовки, доставку и перевод иностранной литературы и, в первую очередь, — технической. Петр пожаловал своего любимца званием думного дьяка, что дало право Виниусу заседать в царской думе. Доверил ему Приказ артиллерии и Сибирский приказ, ведавшие также строительством первых уральских заводов. Виниус собрал большую по тем временам «аучную библиотеку (363 названия), которая после его смерти легла в основу библиотеки Российской Академии наук [2].

Но однажды все рухнуло. В 1703 г. царь избавил думного дьяка во взяточничестве, в медлительности снабжения армии и отстранил от всех занимаемых должностей. Виниус бежал в Голландию. Получив в 1708 г. прощение, он вернулся в Россию и занялся переводом книг военно-технического содержания.

А первый выговор от Петра I Виниус получил за плохое состояние почтового дела в России. 4 декабря 1675 г. А. А. Виниус принял от Марселиусов «заморскую» почту. После организации скорой гоньбы в Архангельск он отказался от управления почтовыми делами в пользу своего сына — стольника (существовал в старину такой придворный чин) Матвея Андреевича. Указ об этом был подписан 18 октября 1693 г. [3]. Передача почты Матвею Виниусу явилась формальным актом — Андрей Андреевич по-прежнему ведал этим доходным делом. Хотя в официальных документах московским почтмейстером называли М. А. Виниуса.

*А. А. Виниус — управляющий русской почты в XVII в.
(по рисунку Л. Гусикова, 1874 г.)*

Настал 1701 г., 16 марта. Огласили в тот день с Красного крыльца Кремлевского дворца, откуда объявляли только наиболее важные указы, такое распоряжение: «Великий государь указал: почты Виленскую и из города Архангельского, приемом и отпуском

которые ведал стольник Матвей Виниус, ведать ныне государственного Посольского приказу переводчику Петру Шафирову, а ему, Матвею, той почты не ведать» [4].

Что же произошло? Такой же вопрос задал царю и Андрей Виниус. 16 апреля Петр I написал бывшему почтмейстеру: «А взята она от вас не за иное что, только что она у вас была ни в какую пользу государству, но только вам, ибо сколько крат я говорил тебе о корреспонденции в иные места, но те мои слова тщетны». И как бы подслащая пилюлю, добавил: «Другая же, которая к Городу, на некоторое время оставлена у вас» [5]. Но это «некоторое время» длилось недолго, уже через два месяца Архангельская почта оказалась в руках Шафирова.

Теперь мы просим читателей вспомнить указ от 4 декабря 1675 г. о передаче «заморских почт» А. А. Виниусу: «почты виленскую и рижскую, которые ведал Петр Марселиус, ведать Посольского приказа переводчику Андрею Виниусу» по той причине, что «ныне те почты начали приходить в Москву не в указные дни, а приходят с опозданием в день или в два...» [6].

Обратите внимание на тот факт, что в распоряжении 1701 года отсутствует предлог для изъятия почты у Виниусов. Как это случилось? В бумагах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) хранится дело «О ведении Архангелогородской и Виленской почт государственного Посольского приказу переводчику Петру Шафирову вместо стольника Матвея Виниуса». Там находится черновик указа, на третьем листе которого вычеркнута такая фраза: «Потому что он Матвей, послан для ученья в немецкие государства» [7]. Это и был повод для передачи почтового дела в другие руки.

С этого указа начинается деятельность на почтовом поприще Петра Павловича Шафирова (1669—1739) — человека замечательного во всех отношениях. Сподвижник Петра Великого, крупнейший дипломат, автор первой русской мниги по международному праву [3](#), в которой «все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых актов и трактатов, тако ж и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиною» [8] — таким представляется Шафиров спустя двести с лишним лет после его смерти, сенатор, вице-канцлер (тогда это звание звучало проще — подканцлер), вице-президент Коллегии иностранных дел (так во времена Петра I называли Посольский приказ), президент Комерц-коллегии, которая ведала вопросами внутренней и внешней торговли. Когда в 1722 г. была опубликована «Табель о рангах» [4](#), Шафиров стал первым Генерал-почт-директором.

П. П. Шафиров очень много сделал для улучшения и развития почтовой службы в России, мы об этом еще неоднократно будем говорить, но именно с почтой связано дело, из-за которого он чуть было не лишился головы.

31 октября 1722 г. в Сенате слушался доклад о неполадках на почте. Дела такого рода неоднократно рассматривались и сенаторами и самим царем. Хотя русская почта к тому времени стала одной из лучших в мире, на ней случались неурядицы, которых терпеть не мог Петр I. Шафиров не присутствовал в начале разбирательства. По существующему положению сенаторы не принимали участия в рассмотрении дел, их касающихся. Но Генерал-почт-директор нарушил царский указ. Тогда обер-прокурор Сената Григорий Скорняков-Писарев потребовал, чтобы Шафиров удалился. Тот отказался. Начался скандал. Шафиров обозвал обер-прокурора «вором». Заседание закрыли, о случившемся доложили царю.

Петр I назначил комиссию для рассмотрения поведения Шафирова в Сенате. В ходе следствия открылись и другие проступки Шафирова — выдача лишнего жалования своему брату Михаилу, трата государственных денег на свои нужды во время пребывания за границей в 1717 г., взятие в залог деревни у полковника Воронцовского. Денег за нее сенатор не дал. Был назначен суд, который приговорил Шафирова к смертной казни [9].

П. П. Шафиров — управляющий русской почтой в начале XVIII в.

Приговор должны были привести в исполнение 15 февраля 1723 г. И в тот момент, когда Шафиров положил голову на плаху, пришел приказ о помиловании. Петр I,

памятуя прежние заслуги преступника, заменил ему смертную казнь ссылкой в Сибирь. Шафиров был амнистирован в 1725 г. по случаю смерти Петра.

В наказе, данном М. А. Виниусу 18 октября 1693 г., в частности, говорилось: «а приемом и отпуском той почты ведать ему, Матвею, на своем дворе» [3]. Так московский почтамт выехал из Кремля.

По переписным книгам московских дворов XVII в. дом Виниусов значился «в приходе церкви Марии Египетской, что в Сретенском монастыре, по правой стороне улицы Сретенки» [10]. Теперь на этом месте жилые дома, между улицами Дзержинского и Мархлевского, Лубянским проездом и Сретенским бульваром.

П. П. Шафирову тоже было велено держать почту на своем дворе у лесного ряда, «вышед из Мальцева переулка улицы Хомутовки за Земляным валом» [11]. Это на современной Садово-Черногрязской, между улицами Карла Маркса и Ново-Басманной.

После ссылки Шафирова все его имущество было конфисковано. Дом у лесного ряда передали почтовому ведомству. Новый почт-директор оставил в нем московский почтамт. После амнистии Шафирова почтовый двор сохранился в руках государства. За него владельцу была выплачена компенсация в размере 3500 руб. серебром.

29 мая 1737 г. во время московского пожара почтовый двор выгорел весь. В огне погиб богатейший архив почтамта. От старого шафировского дома совсем ничего не осталось, и Сенат постановил отдать московскому почтамту дом в Немецкой слободе (на современной Малой Почтовой улице), который раньше принадлежал сподвижнику Петра I адмиралу Корнелию Крейсу. Двор голландца тоже пострадал от пожара. Из описи 10 сентября 1737 г. видно, что как верхние, так и нижние палаты выходившего на улицу «апартамент» развалились после пожара. Железные оконные решетки и некоторые двери покособились от огня. Потрескались печные изразцы. Выгорели деревянные части каменной сводчатой конюшни. И почти не пострадало здание во дворе — «задний апартамент» с каменным крыльцом. В нем после «многой починки» московский почтамт помещался вплоть до 1742 г. [12].

Московский почтамт первое время ведал только пересылкой корреспонденции за рубеж страны, «к немцам», и поэтому сначала в народе, а затем и в официальных документах, получил название «немецкого», в отличие от Ямского почтового двора, находившегося в Большом Ивановском переулке (теперь улица Забелина).

Каковы были взаимоотношения московского почтового двора с Ямским приказом?

С 1693 по 1725 гг. связь этих организаций была наитеснейшая. Как нам известно, своих почтарей у московских почтмейстеров тогда еще не было и приходилось прибегать к услугам Ямского приказа, который присылал гонщиков сначала на двор Виниусов, а затем к Шафирову.

В 1693—1701 гг. отпуском и приемом почты на Сретенке занимался Гаврила Петров, человек без определенного титула, обычно именовавший себя в официальных бумагах «думного дьяка Андрея Андреева сына Виниуса человек ево Гаврилко Петров» [13]. Функции его сейчас известны — он не только вел записи в почтовых книгах, но по существу ведал всей практической стороной скорой гоньбы. Петров подписывал за Виниуса «скаска», сам подавал их в Посольский приказ, получал там деньги, сообщал о проступках ямщиков и даже рекомендовал Ямскому приказу меру наказания провинившимся, вел обширную переписку.

К числу обязанностей Гаврилы Петрова относилось заполнение и проверка, в тех случаях, когда это делал секретарь Виниуса Томас Фадемрехт, так называемых «записных тетрадей», куда заносилась вся корреспонденция, принимаемая в Москве. Почти на всех листах сохранившихся «тетрадей» можно найти автографы Петрова то в виде записи о сданных письмах, то просто пометки о времени отправления ямщика.

После 16 марта 1701 г. почтовыми делами в Москве занимался Томас Фадемрехт. Вскоре П. П. Шафиров оставил в его ведении только прием писем от иностранцев. Для

руководства практической стороной почтовой гоньбы и приема корреспонденции в различные города государства был назначен подъячий Меркул Правдин. Неизвестно, когда Правдин вступил в должность. В качестве управляющего московской почтой в документах он стал упоминаться с 1703 г. Несмотря на то, что подъячий нес всю тяжесть организации скорой гоньбы, после утверждения в 1722 г. петровской «Табели о рангах» он стал чиновником четырнадцатого класса — московскому почтмейстеру отводилась самая нижняя ступенька на российской иерархической лестнице [14].

Что же представлял собой почтовый двор той поры? Он ничем не отличался от усадьбы богатого человека конца XVII в. Крепкий частокол из еловых, а иногда и дубовых бревен с не менее солидными, накрепко запертыми воротами или глухими, без окон, стенами хозяйственных построек, окружал усадьбу. На дворе располагались жилые и хозяйственные постройки. Перед домом почтмейстера был «чистый», вымощенный красным кирпичом «в елочку» двор. В хорошую погоду на нем, а в ненастье в сенях собирались люди, пришедшие получить или сдать корреспонденцию. Здесь за небольшую плату писец мог написать письмо или челобитную. К услугам посетителей всегда были бумага, воск и сургуч различных цветов. В почтовые дни на почтамте собиралось много народа. Хотя знатым людям корреспонденция доставлялась домой, некоторые из них приезжали сами послушать и обсудить новости. Ведь почтари узнавали последние известия раньше самого царя. Кроме того, А. А. Виниус был интересным собеседником и отличался большим остроумием.

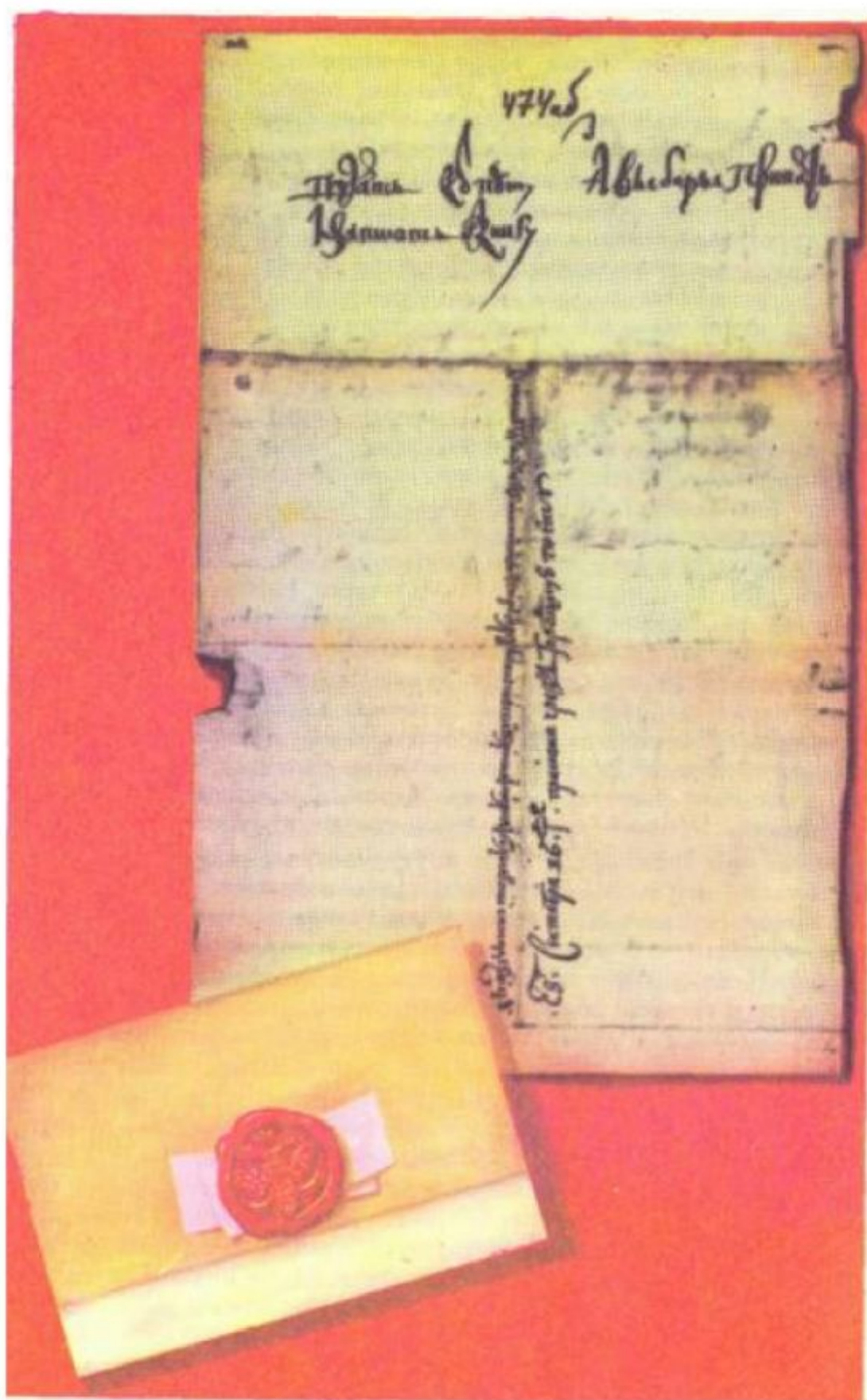
Почтарь подъезжал к воротам усадьбы... Случалось, если почта запаздывала, нетерпеливые корреспонденты избивали почтаря. Подъячий, ведавший отпуском и приемом почты, записывал, какого числа и в каком часу пришла почта, в каком она состоянии и сколько в ней писем. Царские указы требовали, чтобы те же сведения записывались на обороте каждого письма, но это не всегда выполнялось. Когда все формальности были закончены, почтарь отправлялся на отдых в свою слободу. Начиналась раздача писем.

В старину не существовало каких-либо правил для указания почтовых адресов. Писали, как кому вздумается. Корреспонденция на имя царя надписывалась его полным титулом. Канцлер Г. И. Головкин получал письма с таким адресом: «Всемиловитому государю кавалеру и графу Гавриле Ивановичу» [15]. А Петр I однажды отправил с архангельской почтой грамоту своей матери царице Наталье Нарышкиной, на которой начертал: «Поднести матушке» [16]. Некий Афонка Зыков так подписал свое письмо: «Приятелю моему Федору Васильевичу» [17]. Бывали и более полные адреса: «Отдати ся грамотка на Москве у пушешного двора на Ражественке Суздаля Покровскова девичья монастыря стряпчему Гавриле Воронину» [18]. Или еще письмо из Великого Новгорода: «Отдати ся грамотка на Москве на Новгороцком подворье Сафейского дому стряпчему Богдану Сафронтьевичу Неелову, а ему пожаловать отдат не задержав и не по рукам (т. е. не через вторые руки) Федоту Тихановичу». Но даже с таким полным адресом письмо пришлось получать на почтамте, на его обороте сделана приписка: «206 (1697) году сентября в 14 де пришла грамотка через почту на почтарной двор, а на почтарном дворе взял Парфеней Степанов сын Шамшев и мне отдал» [19].

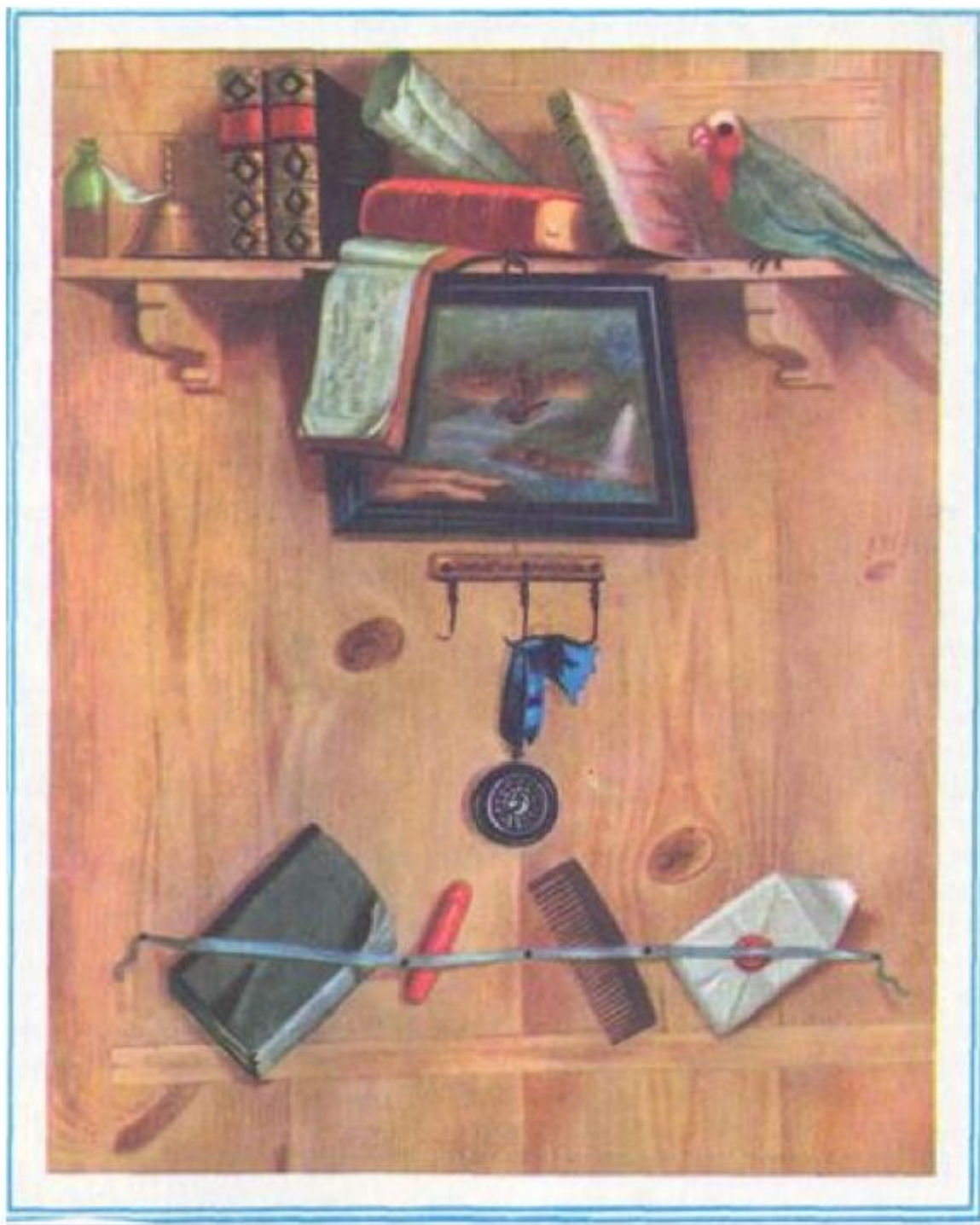
Прежде чем письмо сдать на почту, его запечатывали. В старину применялось два способа упаковки писем пакетом и конвертом. Первый, наиболее старый, состоял в следующем: столбец складывали таким образом, что получался квадрат, который затем перегибали пополам. Края прямоугольника протыкали ножом и в прорези вставляли тонкую полоску бумаги. Для этого применялась бумага более тонкая, чем писчая. Края вставки укладывали крест-накрест и запечатывали печатью отправителя.

Летом 1695 г. Петр I прислал А. А. Виниусу письмо из Царицына. Теперь оно хранится в ЦГАДА в бумагах «Кабинета Петра Великого». Чем интересна эта грамотка? Написана она на квадратном листке бумаги, углы которого загнуты в сторону текста. Получился конверт. Для соединения углов на них с помощью капелек сургуча наклеен

прямоугольный листочек красной бумаги — облатка. Сверху облатку от повреждений защищает кустодия - полоска белой бумаги [20]. Такой способ упаковки писем был распространен мало, для запечатывания писем тогда применялись в основном перстни-печатки. Оттиск получался маленьким и не мог скрепить углы письма. В начале XVIII столетия способ запечатывания корреспонденции конвертом применялся в основном правительственными учреждениями, использовавшими печати большого диаметра. В музее-усадьбе XVIII в. «Кусково» сохранились натюрморты той поры, на которых изображены письма, сложенные конвертами.

Письмо конца XVII в. Личная печать отправителя

*1737 г. Государственный музей-усадьба «Кусково»
Т. Н. Теплое. «Натюрморт с нотами и попугаем».*

Кроме перстней-печаток применялось все, что под руку подвернется. Например, ямской староста Василий Родионов запечатал свою челобитную концом перочинного ножа.

Теперь, когда письмо запечатано, его можно сдать на почту. Почтмейстер заносил каждую грамотку в специальную «записную» книгу. Для каждой почты отводилась целая страница. Наверху писали номер почты, год и день ее отправления. Затем расчерчивали страницу на несколько колонок, в которые записывали фамилию отправителя, вес письма и стоимость пересылки. После частных писем помещали казенную корреспонденцию. Для

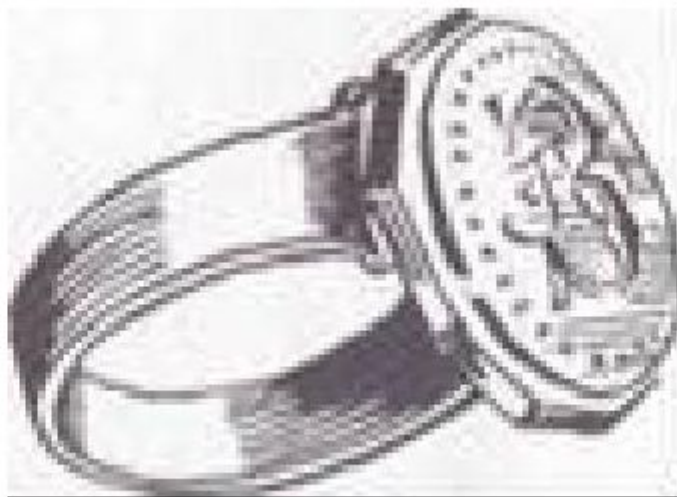
нее вес и стоимость не указывали, зато помечали, от кого, куда и кому она направлена. Когда почта уходила, в книге делалась последняя запись: какой почтарь и в котором часу погнал с письмами. Не всегда графы в почтмейстерских книгах заполнялись полностью. Например, Виниусы почти никогда не записывали стоимость пересылки писем. Редко указывалось и время отправления почтаря [21].

Принятую корреспонденцию заворачивали в бумагу и перевязывали веревкой, получался, как тогда говорили, «связок». На нем указывались те же сведения, что и в «записной» книге: номер почты, количество писем, их вес, дата и час отправления, кто повез. Если письма были адресованы в разные места, то делалось столько связков, сколько было городов, в которые они предназначались. Корреспонденция за рубеж увязывалась вся в одной упаковке. На каждом связке делалась надпись, указывающая, куда направляется почта. Пачки писем, так же как и почтовая сума, запечатывались красной сургучной печатью.

Русские почтовые штемпеля пошли от обычных приказных и городских воеводских печатей. Ими на заре скорой гоньбы запечатывали связки писем и сумки почтарей. Тогда не обращали особого внимания на то, какая это печать. Требовалось лишь, чтобы она была одной и той же во время работы почтовой линии. Положение несколько изменилось в октябре 1693 г., когда московскому почтмейстеру Матвею Виниусу было указано, «печатать те почтовые суммы и почтовые связки ему, Матвею, своею одною печатью» [22]. Спустя несколько лет, в 1701 г., аналогичный наказ был дан и Петру Шафирову.

Неизвестно, что собой представляли «свои» печати московских почтмейстеров. Вероятнее всего, они не отличались от личных штемпелей должностных лиц XVII — начала XVIII вв. Эти печати были различны по сюжетам. На них воспроизводились то птица, то дерево, то человеческая, то львиная голова. Часто для таких печатей использовались античные геммы. Так, один из вождей народного ополчения Козьма Минин применял в качестве личного штемпеля римскую гемму II—III вв. н. э. На ней изображена фигура человека, сидящего на стуле с чашей в руках. На некоторых печатях вместо полных надписей помещались начальные буквы тех слов, какие следовало поместить на штемпеле. Например, у главы Ямского приказа Константина Осиповича Щербатова в 1696 г. была печать, в центре которой изображался щит, над ним корона, по бокам орнамент. На щите — четыре буквы: П. К. К. Щ., что значит: «Печать князя Константина Щербатова» [23]. Осенью 1969 г., разбирая в ЦГАДА документы фонда Почтовых дел, я обратил внимание на прекрасно сохранившуюся подорожную, выданную 4 сентября 1708 г. подьячему Малороссийского приказа Афанасию Инихову. Скрепляла ее «полковая (здесь — в смысле военная) почтовая печать» 1241. Инихов был послан для установления почты от Калуги через Киев в европейские страны. В пути ему приходилось пользоваться услугами военно-полевой почты, работавшей на всем пути от Москвы до украинских городов. Этим объясняется наличие военной почтовой печати на подорожной сугубо гражданского лица.

Перстень-печатка XVIII в.

Что же представляет собой одна из первых русских почтовых печатей? Круглый оттиск на красном сургуче диаметром 26 мм с текстом в три строки: «почта—смосквы—вполки» [24]. Надпись заключена в круг из точек.

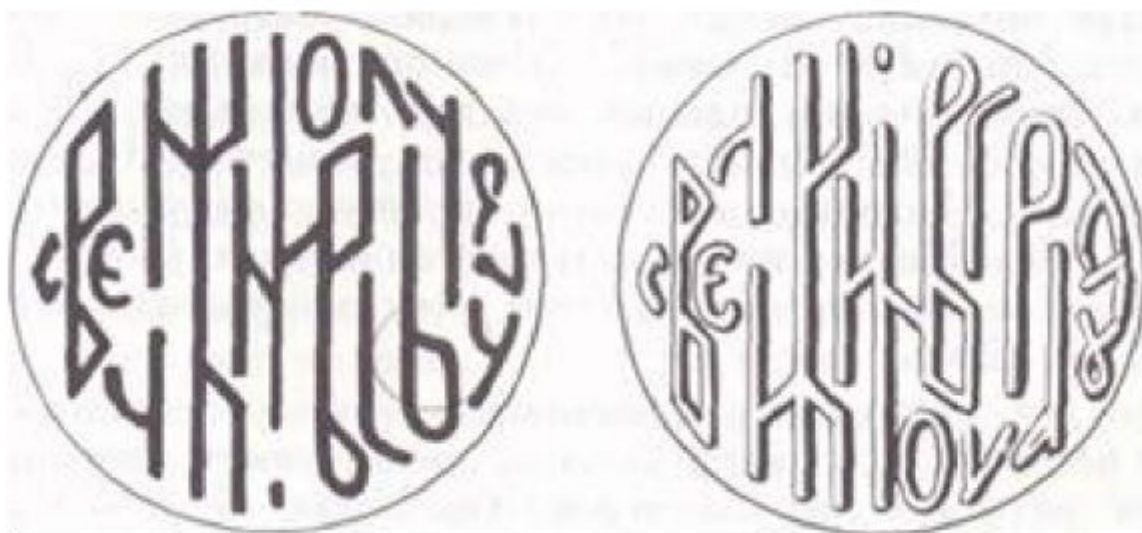
Где искать почтовые печати? Упаковка связков разрывалась и выбрасывалась. Не сохранились печати на почтовых сумах. Штемпель ставили и на подорожных. Вот они-то и сохранились в архивах нашей страны. К сожалению, в большинстве своем это очень ветхий материал. Быстротечное время не пощадило ни бумагу, ни тем более хрупкие сургучные оттиски: от некоторых из них не осталось даже следа.

Но среди истертых обрывков скрываются подлинные жемчужины. Взять хотя бы подорожную новгородского почтаря Степана Ершова: «1706-го, июля в 21 день, в 8 часу дни, в 3 четверти отпущена почта из Великого Новгорода к Москве... в холщовом мешке за почтовою псковскою печатью красного сургуча, да в бумажном пакете за новгородскою почтовою печатью красного сургуча, ж» [25]. Самым ценным в документе было то, что скрепляла его «Новгородская почтовая печать». Ее диаметр был тоже 26 мм, текст написан славянской вязью. Но и эти две печати, псковская и новгородская, не были первыми.

Запись о более раннем штемпеле можно найти в делах Оружейной палаты за 1703 г.: «Ноября в 28 день. По указу великого государя отдано из мастерские палаты серебряного ряду фряжских резных дел мастеру серебрянику Василью Андрееву зделать почтовые печати медные для городской (т. е. Архангельской) почты против обрасца из государственного Посольского приказу. А зделав ему Василю те печати декабря в восьмом числе 1703-го года объявить к Посольскому приказу господину тайному секретарю Петру Павловичу Шафирову» [26].

Новгородская почтовая печать 1706

Характерно, что резал печати искусный гравер Василий Андреев. Он работал в конце XVII — начале XVIII вв. в Московской Оружейной палате. Еще в бытность свою учеником известного резчика Афанасия Трухменского в 1685—1687 гг. он много гравировал с рисунков знаменитого иконописца Симона Ушакова. Около трех десятков этих работ сохранилось в коллекциях советских музеев и библиотек. Одновременно Андреев резал различные печати. До нас дошла «домовая двойная печать», изготовленная им в 1697 г. для патриарха Андриана. К сожалению, оттиск с упоминаемой нами печати Архангельской почты обнаружить пока не удалось.

После 1701 г., когда число регулярных почтовых линий в России резко возросло, для опечатывания связок с письмами стали применять специальные почтовые печати, разные для каждого направления. В 1703—1704 гг. свою печать получила Архангельская почта.

Найденные штемпеля не имеют календарных вставок, возможно, потому, что дата отпуска почты отмечалась на упаковке. Но это вовсе не значит, что в России той поры не были известны календарные штемпеля. Наоборот, они широко применялись в таможенной практике как обязательные со второй половины XVII в., когда началось их массовое изготовление в связи с проведением таможенных реформ 50—60-х годов. Календарные штемпеля были двух типов: годовые и месячные. Первые содержали надпись с указанием года. Известны печати Вологодской таможни, в центре которых помещалась надпись «Вологда 166 (1658) году» или «Вологда 204 (1699) году», а по краю: «Печать таможенная». Такие штемпеля требовали ежегодной замены, они просуществовали в Вологде до начала XVIII в. Месячных печатей в каждой таможне было по числу месяцев — 12. Примером месячной печати может служить штемпель Двинской таможни. На ободке его помещен текст: «Печать двинская таможенная», а в центре название месяца: «мц август», т. е. «месяц август». Такой тип надписей был характерен почти для всех месячных печатей до середины XVIII в. Известны месячные штемпеля таможен Архангельска, Мезени, Нерехты, Холмогор, Муром. На некоторых печатях не указывалось названия таможни. Они обычно имели надпись в четыре строки: «месяц ген/вар печ/ать тамо/женная». Оттиски такого вида ставились на документах в Соликамске и Калуге. И совсем незначительное число печатей имели в центре название месяца, вырезанное вязью. Такие печати применялись в Москве в Большой и Мытной таможнях. К 40-м годам XVIII в. употребление годовых печатей сократилось. В это время

известны только три годовых таможенных печати — Ярославля, Кяхты и Майны. Месячные штемпеля продолжали употребляться до конца XVIII в. Но вид их значительно изменился. С 1707 г. на многих печатях появилось изображение государственного герба — двуглавого орла [28].

Нет никаких сведений о применении печатей, подобных таможенным, на почте. Однако не исключена возможность, что аналогичные штемпеля были и у почтмейстеров. Тем более, что в XVII в. таможенные печати иногда употреблялись для запечатывания сумок.

¹ Здесь и далее цифры в квадратных скобках обозначают номер ссылки на источники.

² На стр. 8 воспроизведен портрет А. А. Виниуса. Он выполнен в 1874 г. художником Л. Гусиковым по гравюре, хранящейся в Государственном историческом музее. Однако на гравюре изображен отец московского почтмейстера, Андрей Денисович. Портрет А. А. Виннуса не обнаружен.

³ Трактат Шафирова увидел свет в Петербурге в 1717 г. и назывался «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр I к начатию войны против короля Карла XII шведского в 1700 году имел, и кто из сих обоих потентантов, во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и раззорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена».

⁴ В те времена слово «табель» было женского рода.

К БЕРЕГАМ БЕЛОГО МОРЯ

Поморье, старинные русские земли... Еще в глубокой древности ходили новгородские промышленники в устье Северной Двины за «мягкой казной» — драгоценными мехами северных зверей. Сюда с середины XVI в. стали приплывать из-за моря английские и голландские торговые корабли. Росли и хорошели двинские города Колмогоры (Холмогоры) и Архангельск. Быстрое развитие края настоятельно требовало установления надежной регулярной связи Севера с центральной Россией.

Холмогорский тракт с ямской гоньбой известен с конца XV в. Но освоена была только часть его — до Вологды. Севернее на сотни верст расстился необжитый край, где каждое небольшое поселение было обнесено крепостной стеной и называлось городом. Долог и тяжел был путь от Москвы к морю. Только купеческие обозы тянулись по нему, да иногда проскачет гонец с царской грамотой или боярской отпиской.

В августе 1668 г. А. Л. Ордин-Нащокин обратился к царю с письмом об учреждении регулярной почты в Архангельск. Целью этого была организация более быстрой доставки правительственных распоряжений в северные города и получения ответов на них от местных воевод. По этой линии связи «грамоты с Москвы и из городов отписки и в приход корабельной всякие ведомости и посылочные торговые письма учнут доходить с поспешением» [29]. Так что канцлер заботился не только о государственной корреспонденции, но и частных «посылочных торговых письмах». В то время некоторые бояре пытались внушить царю, что регулярная почта не под силу ямщикам. Она заставляет их всегда быть наготове, скакать во весь опор в любую погоду, в любое время дня и ночи, тогда как для нарочных гонцов они только выделяют лошадей. Так сказать, работают, не слезая с печи. Ордин-Нащокин учел и это обстоятельство: «а ямщиком та летом 1 еженедельная почта в гоньбе не тягостна, и торговым людям в посылке скорой их торговых писем великое вспомогательство будет» [30]. Причины молчания царя как на эту челобитную, так и на следующую, поданную в апреле 1669 г., не известны.

Но Ордин-Нащокин на этом не успокоился. Он порекомендовал Л. П. Марселиусу обратиться к царю с аналогичной просьбой. Тот подал челобитную, повторяющую основные положения писем «посольских дел сберегателя»:

— корреспонденция возится не круглый год, а только во время прихода кораблей иностранных купцов с 1 мая до 1 октября еженедельно;

— царские грамоты и бумаги государственных приказов доставляются бесплатно, а с торговых людей за пересылку писем брать столько, чтобы им «лишней тягости не было»;

— между Вологдой и Архангельском Марселиус своими силами строит дополнительно 5 почтовых станов, нанимает на них гонщиков и снабжает их всем необходимым [31].

Челобитная осталась без ответа.

В том же 1669 г. били челом торговые иноземцы, которые собирались ехать на ярмарку в Архангельск и беспокоились, что письма, приходящие к ним из-за границы, будут залеживаться в Москве. А если им понадобится писать из Архангельска о приходе кораблей и о нужных товарах, то такой возможности не будет. Поэтому просят они учредить почту к Белому морю. В Посольском приказе навели справки о пяти иноземцах, подписавших челобитную. Оказалось, что трое из них были ранее изобличены в попытках тайно пересылать золото с заграничной почтой. Такая характеристика испортила все дело. Купцы и Марселиус, который поддержал их просьбу, получили ответ: «Великий государь к Городу 2 почте по той дороге не указал быть» [29]. Так продолжалось до 1693 г., когда молодой царь Петр Алексеевич отпросился у матери своей в Архангельск посмотреть море и корабли.

Незадолго до его отъезда на Север, 8 июня, от имени правивших тогда царей Ивана и Петра был оглашен указ об устройстве с 1 июля 1693 г. постоянной почтовой

гоньбы между столицей и Поморьем. «Поставить от Москвы, — говорилось в указе, — по городам на ямах до Архангельского города и назад до Москвы почту, а гонять с тою почтою выборным почтарям Московским и городовым ямщикам с Москвы с их великих государей грамотами и со всякими иноземных и торговых людей грамотками» [32].

Путь почтарей проходил через посад Троицкого монастыря, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Данилов, Вологду и далее вдоль рек Вага и Северная Двина через города Вельск, Шенкурск, Холмогоры. Скакали они, «переменяясь по ямам наскоро, днем и ночью с великим поспешением». Царский указ совершенно точно определил скорость доставки почты: «перебегать с Москвы до Архангельского города добрым летним и зимним путем в восьмой и з девятый день, а вешним и осенним путем в десятый и одиннадцатый день... И приказать тем выборным почтарям и с великим подкреплением, чтоб они с тою почтою гоняли наскоро в час верст 3 по девяти и по десяти» [32]. Ямщики с почтой должны были прибывать на станы в строго определенные часы.

К тому времени у русской почтовой администрации накопился достаточно большой опыт регистрации прохождения корреспонденции. «А для подлинной ведомости, по ямам с Москвы до Города и от Города до Москвы расписываться на порозжих (проезжих) столбцах, в котором числе и часу и который ямщик на который ям прибежит и кто имянем, и в котором часу иной ямщик почтовые письма примет и побезит» [32]. Проезжие столбцы — длинные полосы бумаги шириной 17—18 сантиметров — были заведены на каждом стане. Их подклеивали один к другому, получалась лента в несколько метров длиной. На обороте каждой склейки староста яма ставил свою подпись. Точнее, не подпись, а свой полный титул: «Такого-то яма ямской староста имя рек». Склеенные и скрепленные подписью столбцы отсылались в Москву.

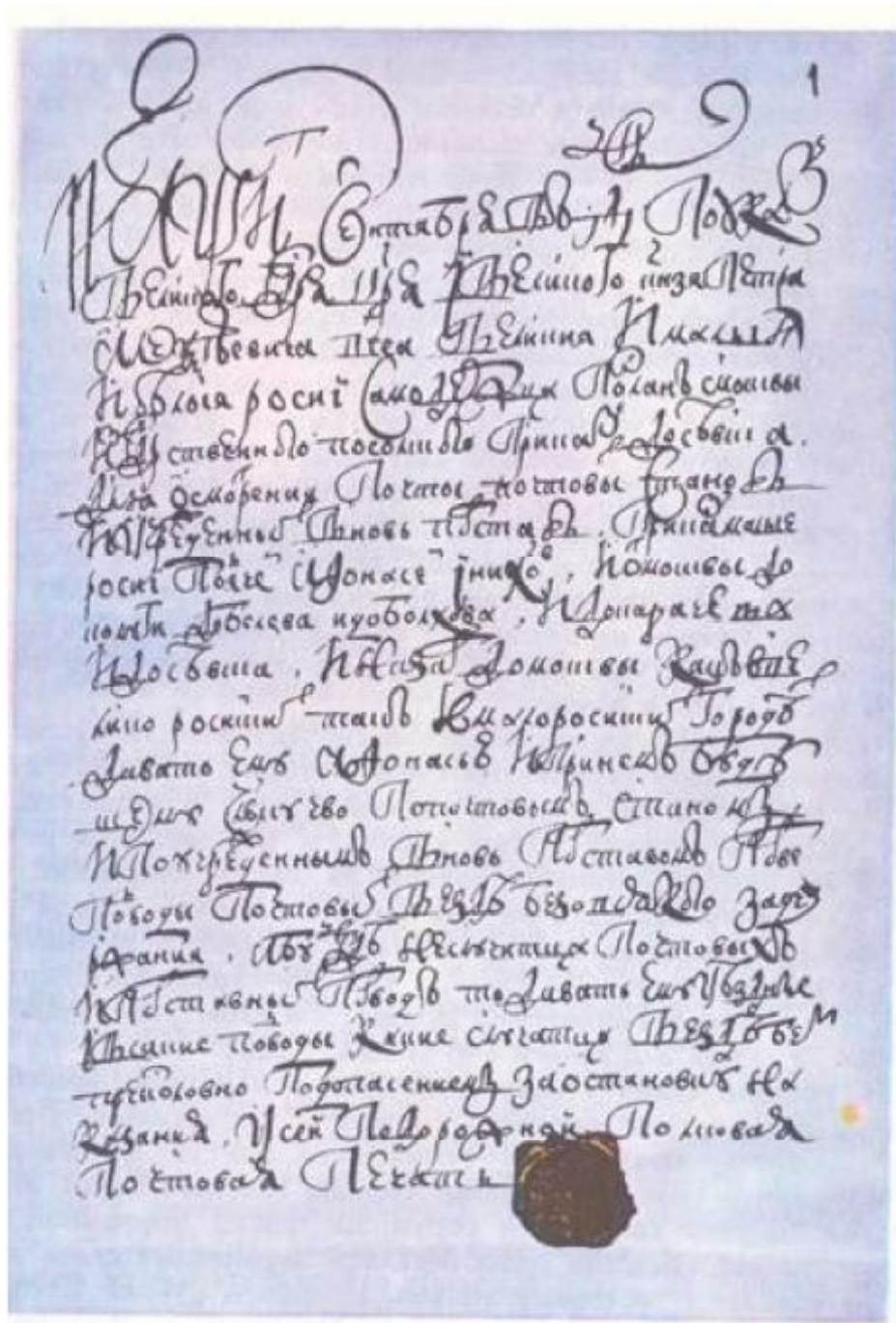
Для архангельской линии велено было «купить 15 сумок кожаных (имеются в виду переметные сумы, которые в старину применялись для перевозки на лошадях мелкой клади) и разрезать их на двое и подшить верхние концы кожею ж и привязать ремни, да для той же почтовой гоньбы купить 30 листов жестяных болшой руки и для знаку написать на них орлы из масла». Орлов рисовал золотописец Оружейной палаты Матвей Андреев с группой учеников. Указ о сумах отдали 16 июня, а уже 20 — тридцать сумок с эмблемой были сданы в Посольский приказ. За свою работу художники получили 15 алтын и 2 деньги (46 копеек) [33].

Здесь уместно сказать несколько слов о приказах, принимавших участие в организации почтовой гоньбы в Архангельск. Все расходы по устройству почты нес Новгородский приказ, в ведении которого находились северные русские города. Из него были отпущены деньги на покупку лошадей и сбруи, на пошив форменной одежды почтарям, на его средства приобретались переметные сумы и платили за изготовление почтовых знаков. И десять рублей Степану Часовникову, устройтелю станов между Вологдой и Архангельском, заплатил Новгородский приказ [34]. По его указанию Ямской приказ выделил людей на должность почтальонов, обеспечил их зелеными суконными кафтанами. Его сотрудники купили на Украине 23 лошади и перегнали их на Север, по дороге были закуплены телеги и сбруя. Ямской приказ нашел мастеров и материалы для починки станов.

Организацией почтовой гоньбы ведал Посольский приказ, которому подчинялась русская почта.

Все приказы действовали на редкость слаженно и не пытались переложить, как это случалось обычно, свою работу на другое ведомство.

Подорожная грамота 1708 г. с печатью почты «с Москвы в полки»

Отдельные мелкие поручения по царским указам давались приказам Большого двorca и Монастырскому. Большую работу проделали городские воеводы. Все это позволило за очень короткий срок (три недели) открыть гоньбу на колоссальной по протяженности почтовой линии, равной которой не было в Европе. Длина Архангелогородского тракта превышала 1200 верст.

Для устройства почты 12 июня на Двину был послан подьячий Посольского приказа Степан Часовников. Обгоняя его, мчался по тракту гонец Анисим Сорокин со строгими наказами «слушаться» подьячего и во всем помогать ему. До начала регулярной гоньбы Часовникову предписывалось решить множество организационных вопросов. Это прежде всего — благоустройство дороги и создание станов между Вологодой и Архангельском. Восемьсот пять верст разделяло эти города, а ямских станций было очень мало, и находились они в ужасном состоянии. Буквально за несколько дней по городам и деревням вдоль Ваги и Северной Двины организовали 26 станов, замостили топкие места, построили семь мостов через ручьи и реки. Кроме того, Часовникову вменялось «под Троицким Сергиевым монастырем на посаде и в том монастыре учинить почтарям стан, потому что от Москвы до Переславля Залесского переезд дален» [4](#) [35]. На обратной дороге из Архангельска подьячий должен был взять у ямских старост и почтарей поручительство и проверить выполнение царского наказа: «на ямех для почты поставить по три мерина самых добрых со всей гоньбой рухлядью» [37].

В царских указах и наказах устроителям почты предписывалось уделять особое внимание сохранности корреспонденции. Прежде всего для гоньбы выбирали «ямщиков добрых непьяниц» с хорошими лошадьми. Письма и грамоты должно было везти «бережно в мешках под пазухой, чтоб от дождя не измочить и дорогой пьянством не потерять» [32]. За потерю или порчу почты ямщику грозила пытка.

На вновь устраиваемых станах почтарями ставили в основном крестьян из близлежащих деревень. Среди выбранных оказалось очень мало опытных ямщиков — шестеро из 80 человек. По Ваге и Северной Двине вообще было мало ямщиков, и поэтому администрация решила их в почтари не брать, чтобы не ослабить транспорт края. Все восемьдесят человек выбранных были грамотные, они сами расписались на обороте листа с присягой.

В Москве почту принимали и отпускали в Посольском приказе. Однако еще до начала регулярной гоньбы, в конце июня 1693 г., последовал указ: «ведать почту... с июля месяца по октябрь (т. е. на время пребывания Петра I в Архангельске) в селе Преображенском стольнику Артамону Михайловичу Головину» [38]. Такое же указание дали Головину и летом 1694 г. во время второго путешествия царя в Поморскую землю. Для чего это было сделано — неизвестно. Возможно, Петр I боялся, что его переписку просматривают клеветы царевны Софьи, и поэтому поставил во главе московской почты своего сторонника А. М. Головина. Возможно, тут сыграл какую-то роль тот факт, что мать царя — Наталья Нарышкина — чаще жила в Преображенском, чем в Кремле. Не будем гадать. Пока очевидно одно: почта на Север служила прежде всего интересам правительства и административного аппарата.

⁷ Подъячий, заведовавший почтой, рассортировывал пачку с надписью «Вологда» и записывал всю корреспонденцию в особую книгу. Местные письма оставлял в приказной избе, остальную почту рассылал далее с нарочными гонцами. Как правило, гонцы из Вологды выезжали в день прихода московского почтаря. Время убытия и прибытия гонцов регистрировалось как в Вологде, так и в «близких» городах [42].

Таким же образом более северные города — Кевроль, Мезень и Пустозерск — получали почту из Архангельска. Дорога шла по реке Пинеге через большое торговое село Кимжу и далее через Малую Немнюгу на Мезень. Вероятно, именно по ней везли зимой в мезенскую ссылку «еретика» протопопа Аввакума. В 1667 г. протопоп Аввакум с «соузниками» проследовал в свою последнюю ссылку в Пустозерск, «место тундряное, студеное и безлесное».

Одновременно было запрещено, чтобы не было убытку казне от лишнего расхода прогонных денег, отправлять нарочных гонцов с воеводскими грамотами из мест, лежащих по дороге почтовой гоньбы. Ямским старостам было вменено в обязанность не давать лошадей и подвод па воеводским подорожным. Исключение было сделано для Архангельска, а с 1694 г. — и для Двинска [43].

Почтарь вез с собой две сумы. В одной была почта, адресованная только в Архангельск и «близкие» северные города; распечатывать ее в дороге не разрешалось. В другую сумку сдавали письма города, находившиеся на почтовом тракте. Она вскрывалась, по мере надобности, городскими воеводами. При вложении местных писем на связке делалась надпись: кто, где и когда его отправил. Затем суму закрывали и накладывали воеводскую или таможенную печать ⁸. Воеводам приказали опечатывать почту только красным сургучом. Почтарям нельзя было задерживаться на станах более чем на час, поэтому в каждом городе корреспонденцию готовили заранее.

Каждому почтарю давался список городов, в которые были адресованы письма из второй сумы. Без надобности почту вскрывать запрещалось. Почтальон обязан был сдавать корреспонденцию по месту назначения. Если он забывал это делать, его штрафовали. Размер пени составлял двойную стоимость проезда за лишнее расстояние, на которое провезли почту. Такие случаи были крайне редки — один раз в несколько лет. Но все же в 1697 г. ямщика Федора Никифорова оштрафовали на 18 алтын и 4 деньги (56 копеек), так как по его вине письма провезли лишние 140 верст. Две грамоты, которые нужно было сдать воеводе в Шенкурске, обнаружили только в Усть-Морже.

Царские указы категорически запрещали почтарям отдавать корреспонденцию другим лицам для доставки ее по назначению. И лишь в крайних случаях разрешалась передача писем в чужие руки. Но для этого необходимо было привести новое доверенное лицо к присяге, что делалось в присутствии священника и, самое меньшее, двух свидетелей. Практически должна была быть повторена процедура выбора почтаря. Тем не менее ямщики сплошь да рядом передавали почту без крестного целования. Нарушения обычно открывались только благодаря какой-нибудь случайности.

Вот как обнаружился факт передачи почты ямщиком Рогожской слободы Оничком (Анисимом) Гавриловым.

10 июля 1695 г. приготовлена была к отправке в Архангельск почта с письмами к стольнику Ф. М. Апраксину, а также с грамотками иноземных и русских торговых людей в двойных запечатанных сумах. Отправление принял гонщик Гаврилов, но сам с почтой не поехал, а отдал ее охотнику из Переславля-Залесского Семену Кокушкину. Последний приехал в Москву в надежде подыскать какой-нибудь извозный заработок. С Гаврилова переславец взял 11 алтын 4 деньги (35 копеек). Дело было для Кокушкина не новое. Он и раньше за него брался, и все обходилось благополучно. Но на этот раз случилось несчастье. Есть за Троицким монастырем Сватковская роща. Ямщик въехал в нее под вечер. Здесь налетели на него два разбойника и ограбили. Вместе с почтовой сумой отняли у охотника пять рублей собственных денег, которые он выручил в Москве от продажи холстов. Почтарь поехал обратно, явился на двор Винууса и рассказал о

случившемся. Кокушкина и Гаврилова били батогами, а затем вместе с ямщиком Константиновым послали в Сватковскую рощу искать украденную суму [44]. Конец дела неизвестен.

Гонцы из «близких» городов гоняли примерно с такой же скоростью, как и регулярная почта. Письмо Петра I из Тотьмы (около 200 верст от Вологды) пришло в Москву на шестой день. Причем это произошло в весеннюю распутицу 1702 г., когда, как писал царь стольнику Т. Н. Стрешневу, дорога до столицы была «вельми худа» [45].

Первая почта по новой линии ушла из Архангельска в субботу 1 июля 1693 г. В Москве же гоньбу начали только с утра 4-го числа, так как неизвестна была точная дата выезда Петра I на север, а без сообщений о дне отъезда царя не имело смысла отпускать почту.

Далее ритм гоньбы определялся следующим образом: «почту отпускать... впредь до их, великих государей, указа через день; а впредь отпускать в неделю, или смотря по времени, буде нужды нет, в две недели одиножды» [32]. Через день, и то не всегда, почта отправлялась только во время поездки Петра в Архангельск с 4 июля по 19 сентября. Далее письма отпускались раз в неделю, и даже раз в три недели. Это существенно отличало первую внутригосударственную регулярную гоньбу от международной почтовой линии, где почтарь должен был отправляться в путь в точно назначенный день даже без писем в суме.

Не обходилось без курьезов. В 1701 г. иноземец Андрей Эль, на дворе которого в Архангельске принимали и отпускали почту, жаловался М. А. Виниусу, что воевода Алексей Прозоровский запретил ему отправлять корреспонденцию, потому что в ней не было воеводских отписок, а у него, Эля, накопилось уже шесть писем торговых людей. Виниус донес царю, и Прозоровскому попало [46].

Этот факт показывает, как осуществлялся правительственный контроль над почтой. Хотя письма сдавались на дворе почтмейстера, ямщик с корреспонденцией мог уехать только с ведома воеводы, который запечатывал почтовые суммы своей печатью. Исключение составляли московские почтмейстеры, закрывавшие почту личными штемпелями.

Содержание почты прибавило государству лишние заботы. Поэтому уже через несколько месяцев после начала регулярной гоньбы указом от 18 октября 1693 г. она была передана московскому почтмейстеру стольнику Матвею Андреевичу Виниусу на следующих условиях [47]:

1. Вozить письма «с апреля и по декабрь месяц всего восемь месяцев по вся недели одиножды, а в зимние месяца в две недели одиножды». При необходимости срочной доставки правительственных грамот наряжалась «чрезвычайная почта», которая уезжала из Москвы и в непочтовые дни.

2. Государственную почту доставлять бесплатно, а с торговых людей брать такую плату, чтобы им «тягиости лишней не было».

3. Почту от Вологды до Архангельска гонять «по обычаю» без прогонов, ничего не платя ямщикам, а между Москвой и Вологдой почтмейстеру платить прогоны из своих денег. Царский указ определил, что почтари приезжают в Москву раз в полгода с росписями, сколько и в какие числа почты провозили. Виниус должен был им выплатить прогоны «безволокитно».

Казалось бы, что условия слишком обременительные. Но Виниусы не жаловались на свою Судьбу хотя бы потому, что в том случае, если плата за отправленные письма была меньше полагающихся ямщикам прогонных денег, Посольский приказ выдавал разницу «по ево Матвеевой скаске». И действительно, чуть ли не ежегодно Виниус выставлял правительству счет рублей на 70—80.

Сейчас мы увидим, что это было обыкновенное жульничество. В ЦГАДА почти целиком сохранились «записные тетради» за 1699—1701 гг., куда заносилась вся частная корреспонденция, принимаемая в Москве. Записи в книге сделаны очень неряшливо,

большое количество исправлений и помарок. Из них можно понять, что письма, как правило, весили 2—3 золотника ⁹ но случалось, что пакеты весили до 50 золотников. Ежегодно через почту проходило не менее 3000 писем. В их число не входит корреспонденция, отправляемая Виниусом и его помощниками. Из хозяйственных книг А. А. Виниуса, в которых сохранились черновики и есть упоминание о его переписке, можно заключить, что с каждой почтой он и его сын отсылали 10—15 писем. Примерно столько же приходило ответов [21]. Попутно скажем, в 1715 г. архангельские почтари перевозили уже свыше 5000 частных писем в год.

Теперь займемся арифметикой. В 1700 г. из Москвы в Архангельск было 53 почты, а обратно 42 ¹⁰. Такая разница объясняется тем, что из столицы ходила еще и «чрезвычайная почта». В тот же год через почту прошло, по «записным тетрадам», 2831 письмо общим весом 8963 золотника (в среднем меньше 3 золотников письмо). Какая такса была у Виниуса за пересылку писем в Архангельск — неизвестно. Но если посмотреть, во что обходилась пересылка корреспонденции на зарубежных линиях, то меньше 9 копеек за золотник Виниус брать никак не мог. Тогда за все письма было получено 906 рублей 67 копеек. А сколько заплатили почтарям? На Архангельской линии до Вологды Виниус платил щедро — 4 копейки за 10 верст пути. Правда, прогоны ямщику давали только тогда, когда он вез почту. Домой он возвращался бесплатно. За Вологодой почтари получали «государево жалование» и с Виниусом денежных дел не имели. До Вологды тогда считалось 430 верст. За 83 почты было заплачено прогонов 163 рубля 40 копеек. Значит, чистая прибыль Виниусов 743 рубля 27 копеек. Кроме того, по фиктивным счетам, якобы за переплату прогонных денег, было получено из Посольского приказа еще 76 рублей 3 алтына и 4 деньги. Не слишком ли высокая плата за прием и выдачу корреспонденции, а также за содержание двух помощников на линии: Дениса Гоутевала — в Архангельске да некоего Ивана Борисовича (неизвестны ни его звание, ни фамилия) в Шенкурске на Ваге?

Северная почта двигалась чуть ли не втрое быстрее ямских обозов, не уступая по скорости царскому поезду.

В 1783 г. в университетской типографии Н. И. Новикова вышла весьма любопытная книга с длиннейшим, по обычаю того времени, названием: «О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующего града Москва на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости». В ней очень подробно, день за днем, описано путешествие Петра и его свиты. Книга поможет нам сравнить скорость передвижения царского поезда, почты и ямских подвод.

1 июля 1693 г. из столицы на ямских подводах выехал Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский. Спустя несколько дней, четвертого, в дорогу пустился и царь. «И благополучным путешествием, — повествуется в книге, — прииде на Вологду июля 8 в субботу; а преосвященный архиепископ прииде на Вологду 9 числа в неделю (воскресенье)» [48].

Дорога до Вологды — треть северного тракта. Архиепископ Афанасий проехал ее за восемь суток, Петр Алексеевич — за трое. С такой же скоростью, по указу, скакали почтари: в летние месяцы они должны были пробегать этот путь за двое-трое суток. Далее до Архангельска почта проходила оставшиеся 805 верст за 5 суток 4 часа и зимой по хорошей дороге, в мокрогодицу же — за восемь суток [49]. Почта на Север могла соперничать по скорости даже с гонцами. Уже известный нам Анисим Сорокин только на десятый день прибыл в Архангельск. Это был рекордный пробег: обычно гонцы скакали до устья Северной Двины суток двенадцать.

Легко проверить, что график гоньбы выдерживался более или менее точно. Много указаний на работу почты той поры можно найти в бумагах Петра Великого и его

сподвижников. Генерал Патрик Гордон, бывший летом 1694 г. в Архангельске, отмечал в своих дневниках, что корреспонденцию из Москвы он получал на седьмой день [50]. В 1702 г. из Новгорода на Двину писали Яков Брюс и Тихон Стрешнев, их письма доставили через 13 дней, сколько же времени шла грамота из Азова. Попутно следует отметить, что примерно такой же была скорость доставки корреспонденции на дорогах Бранденбурга и «почтовой империи» Турн-и-Таксисов. Письма из Берлина в Кенигсберг (около 600 верст) шли четверо суток.

Но даже такая сравнительно высокая скорость доставки корреспонденции не устраивала Петра I, тем более, что весной и осенью бывали случаи задержки почты. Летом 1701 г. последовал грозный указ: «Гоняют посыльщики мешкотно, и за тем та почта приходит к Москве недели в две слишком, и в скорых и в нужных делах чинится мешкота большая... Под жестоким страхом и под смертною казнью велеть с тою почтою гонять с великим радением и поспешением днем и ночью, ни где не мотчав (не задерживаясь) ни часу, и последовать от города к Москве, против прежнего, в шестой день» [51].

Через несколько месяцев оказалось, что обещание жестокого страха и смертной казни не улучшило положения дел. Выяснилось, что не хватает лошадей, мало людей. Новый указ в декабре того же года приказал — по челобитной важских почтарей, — чтобы в почтовой повинности вдоль Ваги участвовали «близкие» города Каргополь, Турчасово, Устюг Великий, Тотьма, Чаранда и Устьянские волости. Жителям этих городов велено было выставить по ямам на Ваге 325 подвод — лошадей со всей сбруей, с телегами и саними. Девяносто из этих подвод должны находиться на полном обеспечении местного населения. Во-первых, оно должно было выбрать из своей среды почтаря и, во-вторых, обеспечивать кормами лошадей в течение самого неопределенного срока. Об остальных подводах заботился Ямской приказ, он также выдавал жалование нововыбранным ямщикам [51].

Эти указы оказали малое влияние на ускорение гоньбы: почта продолжала задерживаться. А работы ямщикам прибавлялось с каждым днем. В связи с военным временем рос поток писем и грузов, пересылаемых по почте, участились случаи посылки «чрезвычайных» почт, а это не могло не отразиться на работе регулярной линии.

И все же выход был найден. Уже в 1701 г. во время третьего путешествия Петра I в Архангельск была учреждена (помимо обычной) почта для срочной доставки царских писем. Опыт этой временной линии был использован в сентябре 1706 г. при организации постоянной гоньбы со спешной корреспонденцией. Тогда было дано указание в Ямской приказ стольнику М. А. Головину, чтобы на Смоленском и Архангельском трактах на каждом стане содержать по четыре ямщика «во всякой готовности» для чрезвычайных скорых посылок только с царскими грамотами. Им приказывалось пробегать летом и зимой по 15 верст в час, а весной и осенью — по десяти. Велено было «впредь с тех почтарей в иные рассылки не спрашивать и не посылать» [52]. Так родилась в России **курьерская почта**.

Теперь ритм регулярной почты перестал нарушаться из-за спешных государственных пакетов. Правда, на шестой день в Архангельск почта приходила редко, в основном она проделывала свой путь за семь суток.

Особое значение имела Архангельская почта для сношений с другими государствами. В ходе Северной войны шведы неоднократно прерывали рижскую «заморскую» линию, захватывали письма и почтарей. Поэтому Петр стремился изыскать новые пути для доставки корреспонденции. По указу царя с 15 апреля 1704 г. началась регулярная почтовая гоньба от Архангельска через Кольский острог ¹ до «Дацкого рубежа». Для организации почты на Кольский полуостров был послан капитан Никита Басаргин. Под его руководством было устроено 64 стана на пути в 1124 версты. На каждом стане разместили по два Кольских стрельца для скорой почтовой гоньбы. Условия доставки почты были ужасные. Дикими необжитыми землями ехали русские почтари. «А в тех местах мхи великие, и грязи, и места теплые», — докладывал царю архангельский

воевода Ф. А. Головин. Тучи комаров и мошки не давали покоя ни днем, ни ночью. Начались болезни. На станах не хватало кормов для лошадей. На оленях, как это делало местное население, можно было ездить только зимой, и то не везде. Поэтому стрельцы почту несли летом пешком, а зимой — на лыжах. И все же, несмотря на нечеловеческие условия гоньбы, письма от Архангельска до пограничного города Вардегуз (ныне — г. Варде в норвежской области Финмарк) шли менее трех недель [53].

Самая северная в мире почта за время своего существования отправлялась всего 32 раза, почти каждую неделю. Она носила не только грамоты Петра I к датскому королю

Христиану, но и письма частных лиц. О работе Кольской почты известно только из доклада Федора Головина, больше никаких документов не сохранилось. Поэтому сейчас невозможно ответить на вопрос, как оплачивалась пересылка частной корреспонденции — ведь только по территории России путь почты увеличился чуть ли не втрое.

Лето 1704 г. ознаменовалось для России многими счастливыми событиями. Быдо успешно отражено нападение шведских кораблей на только что воздвигнутую крепость Кронштадт, русские войска штурмом взяли Нарву и Дерпт (Юрьев-Ливонский), продолжалось строительство Санкт-Петербурга. Сам шведский король Карл XII, по словам Петра, «завяз в Польше». Все это дало возможность возобновить почтовую гоньбу за рубеж по старым, более удобным трактам. В связи с этим 26 января 1705 г. последовал царский указ о снятии почтарей-стрельцов со станов и прекращении доставки писем от Колы до датской границы. Разорять станы запрещалось, «чтоб впредь возможно было тое почту немедленно поставить» [54].

В 1710 г. была упорядочена оплата частной корреспонденции. Инициатива исходила от подьячих Степана и Семена Ключаревых, ведавших почтой в Вологде. Они составили почтовый тариф, который и был утвержден указом: «имать с Вологды к городу и от Города к Вологде по два алтына (6 коп.), с Ярославских по четыре деньги (2 коп.), с Важских по шести денег (3 коп.) с золотника» [55]. Пересылка письма в Москву обходилась в 3 копейки с золотника.

Через пятнадцать лет настолько улучшилось почтовое дело и настолько увеличился объем корреспонденции, что правительство решило с 17 декабря 1725 г. установить новые почтовые тарифы. Теперь за письма с каждого золотника брали от Москвы до Вологды копейку, а до Архангельска — две.

Первоначально почта в Архангельск из Москвы уходила по субботам. С 5 сентября 1712 г. график гоньбы несколько изменился, велено было «присылать из ямщиков по одному почтарю, а именно по всякой недели для заморской почты по четвергам, а для городской по пятницам» [56].

Почтовая гоньба тяжелым бременем ложилась на жителей ямских слобод и окрестное население. Особенно туго приходилось почтарям, гонявшим без прогонов от Вологды до Архангельска. В почтовых архивах много челобитных царю с просьбами уменьшить расходы на гоньбу, много жалоб на неправильное взимание податей.

В апреле 1694 г. подали челобитье почтари Вакоминского яма на Двине. Почту им приходится гонять на хороших лошадях, которые стоят рублей по десяти и более. Все время они проводят на стане и поэтому лишены возможности зарабатывать себе средства на прожитие извозом и побочными промыслами. И хотя почтари сами гоняют почту, им все равно приходится платить ямские и мирские подати разные, а за недоимки их ставят на правож. «А которые у них старые лошади и те все выбиты и многие от скорой гоньбы пали и они от тех податей и всяких ямских и мирских издержек раззорились в конец» [57]. Вакоминский ям царским указом был освобожден от ямских податей, и недоимку почтарям простили.

Произошли некоторые изменения и в самой организации почтовой гоньбы. Если первоначально на стане находилось по пяти ямщиков, то с 1696 г. их число уменьшили до двух. И самое главное, что определил указ: платить почтарям прогонные деньги по 2 алтына (6 копеек) за 15 верст пути и «никаких иных дел, кроме той почтовой гоньбы, с них не спрашивать» [58].

Но не всегда ямщики добивались удовлетворения своих требований. Почти в то же время, что и жители Вакоминского стана, били челом двиняне о том, что посадские люди города Архангельска, освобожденные по царскому указу от ямской повинности, не участвуют в их расходах, а жители Холмогорского посада вместо того, чтобы нести великое тягло и платить поборы, бегут в Архангельск. И с каждым годом ямщикам приходится платить податей все больше и больше. Такое положение дел, — говорили

далее ямщики, — вынуждает их собратьев бросить дворы свои и деревни и «брести врозь». Жалоба двинян осталась без последствий [59].

В начале XVIII в. важским и двинским почтарям все-таки удалось освободиться от всех повинностей и добиться платежа прогонных денег по четыре копейки за каждые 10 верст. В 1738 г. правительство представило ямщикам еще одну льготу. Им было разрешено торговать вином на всех станах между Вологдой и Архангельском. Цена на крепкие напитки была установлена по указу «вдвое против государева» [60].

В начале XVIII в. почта до Города становится образцовой. По ее образу и подобию создаются регулярные почтовые линии в «знатные» губернские города. При их организации широко использовался опыт архангельской скорой гоньбы. Даже многие указы почти слово в слово были списаны с документов 1693—1718 г.

С архангельской почтой связаны первые обмеры дорог русского государства. 18 мая 1702 г. Петр I приказал устроить большую дорогу от Москвы до Вологды. Предварительно следовало «летнем временем описать и измерить» старый тракт. Все лето офицеры Матвеев, Хазаров, Лагорин, Феопнетов, Битяговский и Охшевский с солдатскими командами выполняли царский наказ. Результаты обмеров составили весьма солидный том, хранящийся ныне в Центральном государственном архиве древних актов. В нем подробно описаны вся дорога, мосты, гати, топкие места. Особое внимание уделялось тем частям тракта, где его ширина была менее установленных 20 саженей и 3 аршин (41 метр). «А где та московская большая дорога пространством по двадцати сажен в ширину не явится, — говорилось в указе, — и тое дорогу возможно учинить проездом мимо сел и деревень гумнами и иными какими свободными ближними местами» [61]. Нормальной ширины дорога проходила от Москвы до Троицкого монастыря, затем она сужалась. Чаще всего геодезисты в отчете назначали места, по которым можно провести окружную дорогу. Но иногда оказывалось, что это не везде осуществимо без предварительных инженерных работ, так как, — писал один из участников обмера, Максим Матвеев, — «селом улица узка, а на поле грязь» [62]. В таких случаях давалась рекомендация, что необходимо сделать — произвести подсыпку грунта или загатить тракт.

¹ В начале своего письма Ордин-Нащокин предлагал установить почту только на летние месяцы: с мая по сентябрь.

² В то время Архангельск называли просто Городом.

³ Верста = 500 саженям = 1066,8 м.

⁴ Устройство стана под Троицким монастырем (теперь — город Загорск) возлагалось также на Гаврилу Федоровича Деревнина, думного дьяка приказа Большого дворца. Он вел переговоры с монахами о кормлении почтарей и приюте их в ночное время [36].

⁵ Это здание сохранилось до сих пор на современной Почтовой улице.

⁶ В ЦГАДА хранится рукописная книга 1807 г. «Выписка о первоначальном заведении и дальнейшем распространении почт в России», в которой указано, что почта в Переславле-Залесском была поставлена на Невской улице [39]. Это не соответствует действительности, так как почтовый двор переехал туда только в 1722 г.

⁷ Такой вид отправления назывался «почтой в двойных запечатанных сумах» [41].

⁸ Кроме этих печатей применялись и другие. В Шенкурске, например, почтовые сумки запечатывали штемпелем съезжей избы.

⁹ Золотник = 4,266 грамма.

¹⁰ В «записных тетрадях» Виниусов указаны только 42 почты из Москвы на Север и 41 — обратно. Чрезвычайные посылки почтмейстер не записывал.

¹¹ Кольский острог — сейчас город Кола неподалеку от Мурманска.

ПОЧТА ЗА КАМЕНЬ

Каменный пояс Уральских гор делит нашу страну на две неравные части. Он стоял на пути смельчаков, дерзнувших шагнуть из Европейской России на беспредельную ширь Сибири. За Камнем, так называли Урал наши предки, лежали богатейшие земли, непроходимые леса, многоводные реки. В недрах этой земли таились неисчислимые богатства. Каждый куст, каждое дерево давали пристанище «красному» зверю. А рыбы было столько, что она во время нереста, как плотина, перегораживала реки. И вода, бессильная прорвать живую запруду, поднималась, выходила из берегов и заливала окрестные луга и леса.

Походы русских в Сибирь начались в середине XVI в. в годы царствования Ивана IV Васильевича. Одновременно предпринимались попытки организовать переписку между Москвой и зауральскими землями. В Государственном историческом музее СССР хранится памятник древнерусской литературы — Кунгурская летопись. Среди украшающих ее рисунков есть изображение посольства атамана Ермака Тимофеевича в Москву. В декабре 1582 г. вместе с драгоценными сибирскими мехами казаки везли царю Ивану Грозному грамоту своего предводителя с сообщением о разгроме войск татарских ханов и о присоединении восточных земель к русскому государству. Большую часть пути посланные проделали на собаках. Так летописец зафиксировал первый случай посылки письма из Сибири в Центральную Россию.

Конечно, поездку Ивана Кольцо, так звали атамана, доставившего в Москву грамоту Ермака Тимофеевича, нельзя называть почтой. Она носила случайный характер, совершалась однажды, осуществлена только силами самих казаков, потому что тогда не только не существовало службы связи Зауралья, но и сам край был населен весьма слабо.

Исследователю старинной русской почты И. Я. Гурлянду свыше семидесяти лет назад удалось обнаружить документы о времени учреждения первых сибирских ямов. Их начали создавать между 1598—1600 гг. До 1598 г. дорога из Сибири шла только по воде: от Тюмени вниз реками Турою, Тоболом, затем вверх Тавдою и опять вниз Вишерой, мимо города Чердыни до Соликамска. Здесь ямской стан существовал еще в середине XVI в. Через него проходил главный путь. Им везли из Сибири чудесные меха, «царскую соболиную казну», а обратно — денежную казну и хлебное жалование служилым людям. Дорога по рекам была очень длинной. Зимой по ним ездили на санях, а после вскрытия вод плавали на лодках. Весной, в половодье, и осенью, пока не ударят лютые сибирские морозы и реки не покроются прочным ледовым панцирем, движение по ним прекращалось.

Поэтому уже в семидесятых годах XVI в. делаются попытки проложить сухопутный тракт в Сибирь. Но осуществить это удалось только в 1598 г., когда Артемий Бабинов устроил почтовую дорогу от Соликамска на Верхотурье и Тюмень и организовал тюменский ям. В те времена до Верхотурья от Соликамска считалось 250 верст ¹ и от Верхотурья до Тюмени — около семисот. На всем протяжении ямского тракта между Соликамском и Тюменью не было ни одного стана. В 1599 г. создается ям в Верхотурье, а в начале следующего года специально для обеспечения скорой гоньбы строится Туринский острог [63].

В конце XVI в. ямскую гоньбу в Сибирь хотели устроить на основе подводной повинности местного населения, как это осуществлялось в тех местах России, где не было ямских станов. Для этой цели по указу царя Бориса Годунова лялинским вогулам ², жившим вдоль нового почтового тракта, пригнали лошадей из Центральной России, снабдили санями, телегами, дугами, сбруей и другой «гонейной рухлядью». Местные жители с трудом содержали ямскую гоньбу. Все мужское население уральских стойбищ составляло только 30 человек, а за 1598 г. они пустили в гон 320 лошадей до Соликамска, Пельма, Тюмени и Тавды. Кроме почтовой повинности на вогулов налагалась дань — ясак. За исполнение ямской гоньбы местные жители просили убавить ясак, так как две

повинности одновременно они выполнять не в силах. Особой грамотой 1599 г. предписывалось дань в виде звериных шкур брать с них в меньшем размере, а от гоньбы не освобождать ни под каким видом [64].

Попытка устроить ямскую гоньбу по сибирским дорогам силами местного населения окончилась неудачей. Лялинские вогулы не привыкли управляться с лошадьми, не могли отказаться от охотничьего промысла и не хотели без дела, как им казалось, разъезжать по дороге. Бывали случаи, когда ямщик, возвращаясь порожняком в зимнее время, бросал на дороге лошадь, а сам отправлялся на звериный промысел. Поэтому в 1600 г. правительство указало русским воеводам «сибирских бы есте всяких ясашных людей велели беречи и ласку, и привет к ним держали и их ничем не жесточили». Царь Борис Годунов распорядился призвать в Верхотурье татарского царька Епанчу и лучших людей его племени, воеводе выйти к ним в цветном платье в сопровождении почетной стражи, под ноги туземному владыке постелить царский жалованный ковер и сказать ласковое «государево слово»: «Мы жалуя его, Епанчу, и всех сибирских людей, которые около его юрта живут, велели устроить ям и пашенных людей поселить, приискав место, а их пашень и всяких угодий имати у них и вступаться ни во что и впредь у них подвод имати не велели» [65]. В «благодарность» за царскую милость местное население должно было помочь русским выстроить город. Такую крепость вскоре поставили на высоком берегу реки Туры. Первое время поселение называли Туринск и Епанчин в честь правителя сибирских татар. Город Туринск строился как опорный пункт ямской гоньбы за Камнем.

Точно неизвестно, как организовался стан в городе Туринске. Никаких документов об этом не найдено [3](#). Возможно, в этом случае поступили так же, как при создании почтовых станов по сургутской дороге в 1601—1608 гг. Ямщиков на тракт Тобольск—Сургут «выкликали» в городах европейской части России. Для этой цели в Вологду, Устюг Великий, Яренск, Соль Вычегодскую, Чердынь, Ярославль, Пермь и Соль Камскую послали детей боярских Федора Скрыбина и Ивана Погожего. Им приказали набрать 100 охотников на Демьяновский (Тобольский уезд) и Самаровский [4](#) (Сургутский уезд) станы. Вновь выбранным гонщикам давали «подмоги» по 5 рублей «на брата». Они снабжались специальными подорожными, по которым при проезде к месту службы им вместе с домочадцами бесплатно предоставлялся транспорт: у кого семья 7—8 человек — 4 подводы; 5—6 человек — 3; а сам третий—2. Государство бесплатно же выдавало ямщикам по 3 лошади со всем необходимым для гоньбы «припасом». Деньги на снаряжение и переселение ямщика брались из четвертных «тутошних» доходов (обычно они употреблялись для местных нужд — устройства застав, мощения улиц и т. д.) тех мест, откуда выбран охотник. Затем по «скаскам» городов эти деньги им возвращались из казны приказа Казанского дворца, в подчинении которого находилась тогда Сибирь [67]. Некоторые сведения о льготах для вновь поверстанных ямщиков заимствованы из документов 1630—1636 гг., но, очевидно, на тех же условиях создавались сибирские ямы и в конце XVI — начале XVII вв., потому что во всех сохранившихся бумагах есть ссылки на «прежние государевы указы» Бориса Годунова.

Число охотников на сибирских станах росло год от года. В точности неизвестно, сколько их было в самом начале XVII в. — сохранившиеся сведения отрывочны и противоречивы. Только с 1615 г. Ямской приказ начинает более или менее верно учитывать жителей почтовых станов. В Тобольске, например, в 1620 г. на четырех дорогах (Ишимской, Тюменской, Сургутской и Тарской) стояли ямские слободы, в которых проживало 250 охотников с семьями [68]. В бумагах 1620 г. записано всего 39 верхотурских ямщиков, а через год их стало 50. И. Я. Гурлянд определяет численность гонщиков первой четверти XVII в. две тысячи человек [69].

Условия почтовой гоньбы в Сибири были невероятно тяжелые. Среди местных жителей мало находилось охотников выполнять ее. Поэтому в гонщики набирались люди всех чинов и сословий, в том числе и стрельцы, и казаки, и торговые люди, «которые

своею охотою пожелают служить ту ямскую службу» [70]. В других местностях России этого не допускалось. Упрощалась и формальная сторона выборов ямщиков. По существующей системе за нового охотника ручались все или, по крайней мере, большая часть его односельчан. Для сибирской же гоньбы добропорядочность кандидата гарантировалась священником того прихода, в котором он жил. Священник подписывал «излюбленный список» в том, что будущий ямщик — «человек добр, семьянист и непьяница и животом прожиточен и государеву ямскую гоньбу ему гонять мочно» [71]. Формула добропорядочности ямщика была едина для всей России.

Кроме «подмоги» и бесплатного проезда в Сибирь, новым охотникам предоставили еще ряд льгот. Их на три года освободили от платежа всех старых долгов, взносов в царскую казну и местных налогов. Послаблениями пользовались также и работники ямщиков. Около 1605 г. верхотурский воевода Л. Никитин пытался привлечь наемных рабочих к выполнению некоторых повинностей, в частности, велел собирать с них деньги на содержание бань. Ямщики пожаловались в Москву. Они писали, что наймитов держат для выполнения сельскохозяйственных работ. Прислуга занимается хлебопашеством, сенокошением и, если ее оторвать для отбывания городских повинностей, этими делами придется заняться самим ямщикам, «отчего будет скорой гоньбе задержание». Москва согласилась с доводами охотников, и воеводе приказали «наймитов ни в какие изделия не собирать» [72]. В 1615 г. верхотурские ямщики добились еще одной льготы: их освободили от платежа «сенных денег» [5](#) в тех случаях, если, оправляясь из Верхотурья со служилыми людьми или с почтой, на обратном пути они шли по вольному найму с товарами торговых людей. «Сенные деньги» тогда только взимались, когда и из Верхотурья ямщики ездили «своей волею нарочно», т. е. по найму [73]. В 1648 г. верхотурские и тобольские ямщики добились освобождения от сбора «выдельного хлеба» [6](#) со своих пашен. В следующем году правительство спохватилось и предписало местным воеводам выяснить, у кого из ямщиков пашни выше установленной нормы, и брать «выдельный хлеб» со сверхокладной земли [74]. И все же, несмотря на такое ограничение, ямщики не остались в накладе: как тогда говорили, земелька в Сибири сама родит, а добрая земля — полная мошна.

В Сибири начала XVII в. не существовало никакой промышленности. Поэтому многие изделия, особенно металлические, приходилось доставлять из западных областей России. И стоили они очень дорого. Из Соликамска ямщики привозили всевозможные хозяйственные товары и выменивали их на меха у туземного населения. Хотя по существующему положению десятая самая лучшая шкурка бесплатно сдавалась в царскую казну, торговля мехами приносила гонщикам большие деньги. За эту статью дохода они постоянно боролись с приезжими купцами. В 1604 г. бил челом верхотурский ямской охотник Глазунов: торгует-де на Верхотурье торговый пришлый человек Аучанин всякими товарами с вогуличами; у кого сведает про какой хороший мех, перекупает, а младшим людям, в том числе и ямщикам, никакого меха купить не дает, только самые плохие шкурки достаются местным торговцам. Борис Годунов написал воеводе: не велеть Лучанину перекупать меха, чтобы «верхотурским всяким людям в том нужды и тесноты не было» [75]. В течение всего XVII в. известны указы, дававшие ямщикам преимущественное право торговли с коренным населением Сибири.

Все больше и больше русских поселений строилось в Зауралье, но их жители не принимали никакого участия в устройстве скорой гоньбы. Даже расчищать дороги и ремонтировать на них мосты продолжали сами охотники. В 1615 г. последовал указ, который исходя из жалобы ямских охотников предписывал впредь «частить и бродить» дорогу пашенным и торговым людям «наравне с ямщиками» [76]. Однако еще до 30-х годов XVII в. встречаются жалобы ямщиков на неурядицы при распределении работ по благоустройству трактов.

При создании Верхотурского яма гонщики получали по 20 рублей на пай [7](#) и по 12 четвертей [8](#) ржи и овса. Туринским и тюменским охотникам, у которых разгоны были

меньше, меньше и платили — 15 рублей на пай при том же количестве зерна. Сибирские ямщики получали денежное жалование ненамного меньше своих собратьев, ездивших из Москвы в Новгород и Псков, причем гонять им приходилось раз в 10 реже ⁹. Простым ямщикам на всех станах нарезали по 15—20 четвертей ¹⁰ пахотной земли, старосты получали вдвое больше. Размеры покосов и других угодий вообще определялись «на глаз». Устроители сибирских ямов раздавали пашни щедрою рукой. Когда в 1649 г. правительство издало указ о взимании «выдельного хлеба» со сверхокладной пашни, все угодья перемерили и оказалось (хотя ревизию производили тоже весьма приблизительно), что почти у всех ямщиков пашни втрое больше нормы, а на Самаровском стане даже в пять раз. Правда, здесь земля родила хлеб хуже, чем в районе Верхотурья или Туринска.

В 20-х годах XVII в. правительство сделало попытку вдвое уменьшить денежное жалование и совсем не давать хлеба, ссылаясь на то, что охотники и так получают много зерна со своих пашен. Результат немедленно сказался — ямщики начали разбегаться. Пришлось не только вернуться к прежним нормам, но и систематически увеличивать их из года в год до тех пор, пока в конце XVII в. верхотурские охотники не стали получать по 28 рублей на пай при прежнем хлебном содержании.

8 марта 1627 г. по рекомендации знаменитого русского военачальника Д. М. Пожарского, который тогда стоял во главе Ямского приказа, утверждена «Роспись, кому сколько подвод давати». Первоначально положения «Росписи о подводах» распространялись и на Сибирь. Но уже 12 мая того же года в нее вводятся некоторые ограничения. Указали детям боярским давать летним путем из Москвы в Сибирь 2 подводы, а зимой 2 саней с проводником, вместо 4 по распоряжению от 8 марта. От этого получилась огромная экономия, потому что почту тогда в основном перевозили дети боярские. С 21 января следующего года стали давать всем воеводам, приказным людям и письменным головам, едущим в Сибирь, под их запасы 6 подвод, если по росписи от 8 марта им полагалось 10, 7 вместо 12, и 8, а не 15 [77]. В годы царствования Михаила Федоровича (1613—1645) ¹¹ обнародывается еще один указ о проезде в Сибирь. По этому документу боярам, направленным в Тобольск, полагалось 20 подвод, их товарищам — 15, в другие же города они добирались на 12—14 телегах. Письменным головам давали 10 подвод. Остальные чины получали средства передвижения по росписи от 8 марта 1627 г. Сверх того было указано духовенству не давать транспорт вовсе, кроме лиц, ехавших для «государевых дел». Облегчая условия скорой гоньбы в Сибири, правительство одновременно стремилось ее упорядочить. Категорически запрещалось посылать лишних гонцов. За нарушение этого распоряжения строго взыскивалось с лица, отправившего человека с «неважными вестями» [78]. Но, пользуясь полнейшей бесконтрольностью, некоторые выезжавшие из Сибири запасались еще 2—3 подорожными на чужое имя.

До 1687 г. в Сибири версты были немерены, что вызывало бесконечные споры из-за прогонов. Наконец, правительство решило положить конец жалобам как от ямщиков, так и от проезжающих. В Сибирское царство послали боярского сына Андреева с подьячим и двумя целовальниками. Им приказали вымерить все «проезжие дороги, на которых ямщики поставлены» [79], «указной» верстой по 1000 сажений ¹². На следующий год комиссия привезла в Москву роспись сибирских трактов — документ, весьма приблизительно отражавший географию путей этого еще мало обжитого края. Тем не менее, он лег в основу исчисления прогонов при скорой гоньбе.

Как же новая система оплаты труда сказалась на заработках сибирских ямщиков?

В то время за каждые 10 верст пути охотнику полагались прогоны в размере полутора копеек. Например, раньше за проезд от Соликамска до Верхотурья (500 верст ¹³) ему платили 75 копеек. Боярский сын Андреев определил расстояние между этими городами в 140 верст, следовательно, теперь прогоны составили всего 21 копейку. Разумеется, что такие меры никоим образом не повышали благосостояния ямщиков. Среди гонщиков начался ропот, увеличилось число побегов со станов. Наконец, на исходе XVII в. правительство решило платить сибирским охотникам двойные прогоны. Эта мера

преумножила доходы ямщиков, но не покрыла полностью убытков, понесенных ими вследствие перемера зауральских дорог.

Сибирские тракты находились в очень плохом состоянии. В одной из челобитных 1619 г. верхотурские охотники так описывали дорогу на Соликамск: «У них те лошади с надсады и от великие нужи (горькой жизни, голода) помирают, потому что мосты все погнили и по рекам водою поносило и коренья стоптались, а снега на Камени падут рано и дорогу заломит лесами большими» [80]. По такому пути, особенно летом, много груза не провезешь. Поэтому ямщики просили «государева указа» об ограничении клади у проезжающих. Правительство пошло им навстречу: служилым людям и всем выезжающим из Сибири по своей надобности предписывалось зимой класть на подводы не свыше 15 пудов (240 кг) груза, а летом — не более четырех. Если на подводу садился сам путешественник, то, кроме епанчи (широкий плащ) и пищи, «чем сыту быть», брать с собой он больше ничего не имел права. Вес клади обычно определялся со слов проезжающих, поэтому они всячески старались его занижить. В 1627 г. князь Д. М. Пожарский составил указ, разрешавший ямщикам самим взвешивать груз ездовых. Из последующих документов известно, что иногда при определении размера клади между охотниками и путниками случались рукопашные схватки, которые всегда кончались в пользу гонщиков — в случае победы они заставляли проезжающих оплачивать лишний груз, а при поражении ямщики собирали лошадей и убегали со стана. Гонщики возвращались лишь после того, как путники соглашались взвесить и оплатить кладь. Спустя несколько лет, 18 декабря 1644 г., был оглашен еще один ограничительный указ «О неотпуске из Верхотурья казны и гонцов в Соль Каменскую от 1 сентября до первого зимнего пути, а в Туринск от 25 марта до вскрытия вод» [81]. Этим распоряжением прерывалась всякая связь Сибири с Москвой в осеннее и весеннее время. Указ действовал до конца XVII в. Правда, известна ямская челобитная 1723 г., в которой на него имеется ссылка. Из-за сильного паводка на реках в апреле того года прекратилась связь с Сибирью, и многие важные грузы доставили с большим опозданием.

Доставка царских грамот в Сибирь осуществлялась не ахти как быстро. До середины XVII в. считалось нормальным, если корреспонденция из Москвы до Верхотурья (около 3500 верст) шла 2 месяца хорошим летним или зимним путем. Зимой 1614 г. устанавливается своеобразный рекорд скорости доставки почты в Верхотурье: из Москвы она ехала всего 32 дня с 25 января по 26 февраля [82]. Причем особого повода для спешки не было.

С первого дня существования скорой гоньбы в Сибирь доставка официальной корреспонденции производилась бесплатно. За это, собственно, ямщики получали хлебное и денежное жалование. Интересно отметить, что крайне редки челобитные о проезде того или иного лица без прогонов. На сибирских трактах в XVII в. таким правом никто, кроме гонцов, не пользовался. А если и случалось подобное беззаконие, то ямщики сами отказывались везти клиента. Благосостояние сибирских охотников находилось в прямой зависимости от тех прогонов, которые им выплачивали проезжающие.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, который, очевидно, возник у читателей, когда мы заговорили о расстоянии от Москвы до Верхотурья. Как получилось, что расстояние между этими городами определяли примерно в 3500 верст? Ведь достаточно взглянуть на географическую карту и сразу станет ясно, что эта цифра завышена почти вдвое. Тем не менее в старинных документах нет ошибки. Дело в том, что до конца XVII в. в Сибирь вело два пути: зимний и летний. Первый из них был долгим и кружным: Москва—Переславль-Залесский—Ярославль—Вологда—Шуйский ям на реке Сухоне—Тотьма—Великий Устюг—Яренск—Пелым—Соликамск—Верхотурье. Летняя дорога, более короткая, шла гораздо южнее: из Москвы на Владимир—Муром—Нижний Новгород—Козьмодемьянск—Казань—Ижевск—Егоршино ¹⁴—река Чусовая—верховье реки Туры [83]. Зимний тракт был более приспособлен для нужд скорой гоньбы: здесь чаще стояли станы, больше проживало ямщиков. Дорога на Север стала осваиваться

особенно интенсивно со второй половины XVI в., когда в устье Северной Двины возник порт Архангельск. После присоединения к России Западной Сибири оживилось движение на старом тракте между Соликамском и берегом Белого моря. Драгоценную зауральскую пушнину зимой вывозили прямо в Архангельск, минуя Москву. Давно была известна водная артерия по Сухоне и Вычегде, по которой ездили из Вологды в Яренск. Так из трех старых дорог сложился новый тракт из Москвы в Верхотурье.

Сибирь являлась единственной областью России, куда официально запрещалась пересылка частных писем. Особенно строго за этим стали следить в конце XVII в. 24 декабря 1695 г. отправили наказ таможенному голове на Верхотурье: «На заставе всех воевод, которые в Сибирь и из Сибирских городов поедут, и жен, и детей, и знакомцев, и людей их, и торговых, и служивых, и всяких чинов людей осматривать накрепко с великим радением... нет ли у них каких воеводских пожитков или писем или грамот; а буде есть, и они б те пожитки и грамотки и письма объявляли и не таили... А письма и грамотки за таможенной печатью отдавали на Верхотурье воеводам с роспискою, а воеводам то посылать к Москве в Сибирский приказ за таможенной печатью» [84]. Чем была вызвана такая строгость в отношении частных писем, ни один из документов той поры не объясняет. Спустя два года огласили указ «Об осмотре приезжающих из Москвы и Сибири на Устюге», в котором, в частности, говорилось: «а письма всякие б и грамотки у них иметь и, завязав в лист, класть в те же кладовые возы, и в роспись те связки записывать же, чтоб были явны» [85]. Здесь: кладовые возы — повозки, в которые складывали не дозволенные к перевозке товары: меха, драгоценные металлы и камни, заморские узорчатые ткани. На изъятые товары составлялась особая роспись, в которую заносились и задержанные письма. Следует подчеркнуть, что ограничительные указы на пересылку частных писем известны только для Сибири. Во всех остальных местах Русского государства корреспонденция разных чинов людей перевозилась беспрепятственно даже в тех случаях, когда правительство и не выпускало специальных указов по этому поводу. Вспомним, как это было в Туле, Мценске и других городах засечной черты ¹⁵.

Сибирские ямщики, пожалуй, чаще, чем гонщики других районов Русского государства, писали жалобы на царское имя. В основном они ходатайствовали об уменьшении числа разгонов. Хотя быстротечное время истребило колоссальное количество ямских челобитных, ничтожная часть их, хранящаяся в фондах приказов Казанского дворца, Сибирского и Разрядного Центрального государственного архива древних актов, исчисляется сотнями. В ответ на поток претензий правительство выпустило несколько указов, в какой-то степени способствовавших облегчению труда ямщиков в Зауралье.

Особенно круто взялся за наведение порядка в гоньбе Петр I.

В первую очередь он распорядился резко сократить число проезжающих. Никто не имел права получать лошадей без особого на то распоряжения из Москвы. В середине 1696 г. казанский воевода князь Львов получил такое предписание: «Чтоб в Казани сибирским и иных городов воеводам, которые поедут из Москвы в Сибирь и в иные города или из тех городов по подорожным московским и городским, сухим путем подвод, а водяным путем кормщиков и гребцов и судов с прогоны и без прогонов без послушных грамот из приказа Казанского дворца отнюдь никому давать не велено, также и их посыльщикам» [86]. Документ по стилю весьма характерный для того времени. К нему не требуется никаких комментариев.

Дело доходило до абсурда. В конце 1696 г. все функции по управлению Сибирью передаются из приказа Казанского дворца в Сибирский. В декабре того же года вырезается новая печать для Сибирского приказа. Тотчас же появилось распоряжение о том, что на всех проездных документах за Камень должен стоять этот штампель. Предписание до сведения всех заинтересованных лиц доводил Ямской приказ. Он разослал во все центральные и местные учреждения, ямским приказчикам и старостам памяти «с подкреплением», которые заканчивались такими словами: «во всех городах и

ямах по подорожным из Сибирского приказа за вышеписанною великого государя Сибирского приказу печатью подводы безо всякого ослушания и остановки давали и... всякого чина людей пропускали и слушали, а по подорожным из Ямского приказа...», — далее следовала известная нам стереотипная формула, — «отнюдь никому давать (подводы) не велено» [87]. Даже сам Ямской приказ, посылая своих чиновников для проверки деятельности зауральских станов, обращался за подорожными в Сибирский приказ.

К концу XVII в. прокладывается новый путь из Тюмени через Пышму, Утку ¹⁶ и Кунгур на Егоршино. На Нем создали ямские подставы. Но этой дорогой никто не ездил, потому что на ней отсутствовала таможня, а без досмотра сибирские грузы в Центральную Россию не пропускались. Только 1 сентября 1697 г. тобольскому воеводе князю Черкасскому отправили наказ о посылке по этому тракту гонцов со спешными вестями. «А буде в летнее время лучится о каких нужных делах отписки к великому государю послать, и велеть послать дву человек добрых служилых людей через Тюмень и в Тюмени у воеводы, буде прилучатся, взять отписки ж и ехать на Кунгур и Казань до Москвы... А опричь скорых нужных дел и гонцов чрез Казань не посылать... и никаких людей по иным дорогам с Тюмени, кроме Верхотурья, не отпускать же» [88].

Таким образом, на исходе XVII в. мы видим весьма любопытную картину: частные письма в Сибирь не только не пропускаются, но и конфискуются, число проезжающих строго ограничивается. Вместе с тем непрерывно растет русское население на вновь открытых землях. За Камень к далекой китайской границе уходят купеческие караваны. Прокладывается самый короткий путь из Европы в Китай.

Все острее ощущается необходимость регулярного обмена сообщениями между Европой и Азией, необходимость регулярной почты.

В это время и появилось распоряжение Петра I о создании регулярной почты за Камень с приемом частных писем. Дело поручалось тогдашнему главе Сибирского приказа думному дьяку А. А. Виниусу. Виниус не стал тянуть с выполнением царского предписания и через несколько дней, 12 ноября 1698 г., отправил воеводам сибирских городов наказ «О сборе в сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин» — документ, на первый взгляд, никакого отношения к почте не имевший. Но среди многих пунктов наказа был один — двадцать второй — об организации регулярной ямской гоньбы во все сибирские города. С него-то и началась регулярная доставка писем в Сибирь.

Почта устанавливалась только на летние месяцы, три отправления за сезон. Письма частных лиц ею принимались без ограничения. «И будучи им, торговым людям, в тех сибирских городах в дома своя и к хозяевам грамотки, также и хозяевам из домов к ним писать свободно» [89]. По своей организации почта за Камень мало чем отличалась от Архангельской. Многие распоряжения по почтовой части для Сибири почти слово в слово повторяли указы, данные Архангельской скорой гоньбе. Да, это и понятно — тогда почта к Архангельскому городу бралась в качестве образца при организации новых линий связи.

У сибирских ямщиков имелись такие же почтовые суммы с орлом. Так же предписывалось гонщикам бережно обращаться с корреспонденцией и нигде не медлить ни часу. Запрещалось обмениваться письмами в дороге, посылать вместо себя работников и малых детей, доверять корреспонденцию случайным лицам. Всем, кто задерживал почту, полагалось строгое наказание вплоть до битья батогами и смертной казни.

Вместе с тем существовали некоторые, весьма существенные, отличия в организации почт Центральной России и за Уральским хребтом.

Прежде всего в Сибири специально не назначали почтарей. Корреспонденцию мог возить любой ямщик. Он не принимал никакой особой присяги, обязывавшей его своевременно доставлять письма, не терять и не портить их в дороге. Другими словами, за Уралом не существовало института почтарей. Тем не менее сохранившиеся бумаги

Сибирского приказа не регистрируют случаев утраты грамоток. Возможно, таковых и не происходило.

На рижской и архангельской почтовых линиях корреспонденция принималась и выдавалась воеводами или специально поставленными чиновниками. Наказ 1698 г. возлагал в сибирских городах эти функции на таможенных голов: «А с тех (купеческих) грамоток таможенным головам иметь пошлину с весу со всякой грамотки по Уставу, как ниже в росписи написано, и те деньги, голове приняв, записать в книгу особою статьею, коего числа, с кого и со скольких охотников (здесь: желающих отправить письма) взято имянно; и на той же грамотке подписав, где и сколько провозу взято, и связав в связок и запечатав, посылать к Москве с отписками вместе» [89]. Если письмо из Сибири адресовывалось в поморские города, то его везли до Верхотурья, а отсюда доставляли в Архангельск через Соль Каменскую—Чердынь—Усть-Кулому—Яренск—Соль Вычегодскую.

К наказу прилагалась «Роспись платежная грамоткам»: от Москвы до Верхотурья, Тюмени и Тобольска — 6 алтын; до Березова, Сургута, Томска, Енисейска, Красноярска и Мангезеи — 10 алтын; до Илимска, Якутска, Иркутска и Нерчинска — по 13 алтын и 2 деньги с золотника веса. «А буде с Верхотурья, или Тобольска начнет кто писать в те низовые города, и им московский провоз до Верхотурья и до Тобольска зачитывать» [89]. Категорически запрещалось дважды брать деньги за пересылку писем. Корреспонденцию оплачивал отправитель. Посылка грамотки такого же веса, как наше простое письмо (20 граммов), до Якутска обходилась тогда 1 рубль 80 копеек. Следует заметить, что ямскую лошадь можно было купить за 4 рубля.

Все связки с письмами штемпелевались красными сургучными печатями. Каких-либо специальных почтовых печатей для сибирской почты XVII—первой половины XVIII вв. не существовало. Скрепляли корреспонденцию городскими или таможенными печатями. Обычно такой штемпель имел по кругу надпись типа: «Печать царства Сибирского города Тобольска» или «Печать государевой земли Сибирской Сургутского города таможенная». В середине оттиска помещался герб города. На тобольском гербе изображались «два соболя; меж ими стрела», на верхотурском — соболю под деревом, на обдорском — лисица держала стрелу, на мангазейском — олень, на тюменском — лисица с бобром, на туринском — росомаха, на сургутском — «две лисицы, а меж ими соболю», на кузнецком — волк и так далее ¹⁷. В некоторых городах гербы на городских и таможенных печатях отличались друг от друга. Например, «на великой реке Лене печать, орел поймал соболя, а около печати вырезано: «печать Государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене». На ленской таможенной печати барс поймал соболя, а около вырезано: «печать сибирская Государева великия реки Лены таможенная» [90].

И, наконец, последнее, чем сибирская почта отличалась от всех остальных. **Здесь впервые** в истории отечественной службы связи **правительство гарантировало тайну переписки**. «И отнюдь ни чей грамотки,— говорилось в указе 1698 г. — не распечатывать и не смотреть, чтоб всяк, заплатя достойную заплату, был обнадежен, что его грамотка в дом к нему дойдет» [89].

После установления регулярной почты в Сибирь всем московским приказам дается предписание посылать корреспонденцию за Камень только по официальным каналам связи, ни под каким видом не отправлять гонцов, «чтоб от лишних посыльных людей в даче государеной казны и в подводах лишних расходов не было» [91]. Нарочных разрешалось снаряжать только с «очень нужными делами» немногим из московских приказов.

Принимались решительные меры к убыстрению гоньбы. Местным воеводам приказывалось отписки готовить заранее до прихода почты, чтобы ее по возможности не задерживать. Почтаря следовало отпустить в тот же день или «в силах» на другой. С 1699 г. начинает входить в практику назначение почтарей из числа служилых людей — стрельцов или детей боярских, как это было в европейской части России. Если раньше

ямщик вез почту только от стана до стана, то служивый доставлял ее на ямских лошадях уже от города до города, от одного таможенного головы к другому. Возможно, что при этом несколько повышалась скорость доставки корреспонденции, так как служилый человек больше, чем ямщик, был заинтересован скорее прибыть в конечный пункт своего путешествия, сдать письма и скорее вернуться домой.

Благоустройство сибирского тракта, увеличение числа станов на нем началось задолго до открытия регулярной гоньбы в Зауралье. Такую инициативу проявил глава русского правительства А. Л. Ордин-Нащокин, и указы по этому поводу появились уже в 1671 г. Возможно, первые распоряжения по улучшению организации ямской гоньбы в Сибири должны были в конечном итоге способствовать созданию регулярной почты. Но после удаления от дел Ордин-Нащокина его идеи почти тридцать лет оставались неосуществленными.

И все же сибирский тракт со скорой почтовой гоньбой создали. Яркое описание этой дороги оставил французский тайный дипломатический агент де ла Невиль, который сам в Сибири не был и пользовался рассказом русского посла в Китае Николая Спафари ¹⁸: «От Москвы до Тобольска, главного города Сибири, устроили по несколько деревянных домов на каждом десяти милях ¹⁹ и населили в них крестьян, отведя им земли, с условием, что каждый дом должен содержать по три лошади для проезжающих, взимая за то плату в свою пользу по три деньги за десять верст. По всей сибирской дороге, так же как по всей Московии, поставили столбы с означением пути и числа верст. Там, где снега столь глубоки, что лошади не могут идти, так же построили дома и поселили в них осужденных на вечное изгнание, снабжая их припасами и заведя у них больших собак, на которых можно ездить по снегам в санях» [92]. Между прочим, «Записки» де ла Невилля — единственный источник, в котором указывается наличие верстовых столбов в Сибири.

Встав во главе Сибирского приказа, Виниус предложил Петру I использовать в Зауралье труд преступников и военнопленных турок: «И чем таким вора и полоняникам, которых по тюрьмам бывает много, втуне провиант давать, и они бы на каторге хлеб зарабатывали». Идея пришлась по нраву царю, стремившемуся всеми силами ускорить развитие отечественной экономики, и он приказал «употреблять» ссыльных «для всяких дел», в том числе и для перевозки почтарей по рекам. Каторжников сажали «для гребли в цепях, чтобы не разбежались и зла никакого не учиняли» [93]. Каторжники использовались в Сибири для перевозки почты и грузов только до 1707 г. С развитием горнорудной промышленности преступников и пленных стали использовать на рудниках и заводах.

А. А. Виниус проявлял громадный интерес к сибирским дорогам. По свидетельству историка И. П. Козловского, в сентябре 1699 г. думный дьяк послал в Сибирь распоряжение о разыскании «Ремезовых чертежей».

Что это за «Ремезовы чертежи»? В XVII в. Сибирь пересекают маршруты отважных русских землепроходцев. Семен Дежнев огибает северо-восточную оконечность Азии, проходит со своими казаками от реки Анадырь до Колымы. Михаил Стадухин достигает берегов Охотского моря, Василий Поярков проникает в район рек Шилки и Зеи, отряд Ерофея Хабарова ставит крепости по Амуру. Из походов землепроходцы привозили подробные «рописи» пути и чертежи. На основании этих материалов тобольский служилый человек Семен Ульянович Ремезов вместе с сыновьями Леонтием, Семеном и Иваном составил в конце XVII в. «Чертеж всех сибирских градов и земель» — грандиозную карту, содержащую свыше пяти тысяч географических объектов, в том числе: города, мосты, дороги, ямские станы. Расстояния между населенными пунктами обозначались в верстах или днях пути — ход различался пеший, конный, на оленях, собаках, сухим путем или водным.

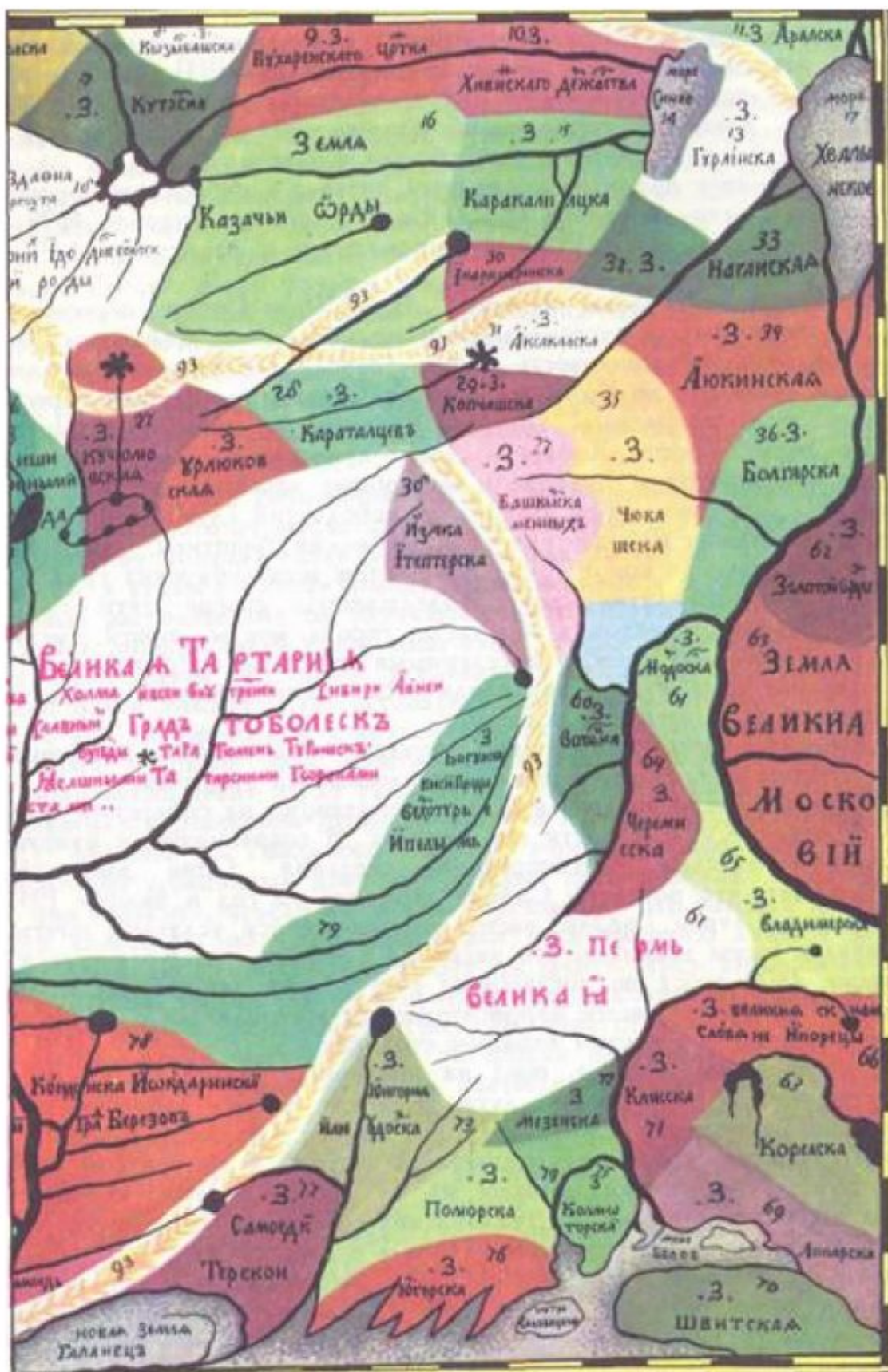
По мнению Виниуса, «чертежная книга» Ремезова могла послужить для лучшего исчисления прогонов, полагавшихся ямщикам.

Данных о скорости доставки корреспонденции на сибирских трактах в конце XVII в. почти нет никаких. В сохранившихся бумагах содержатся весьма противоречивые сведения. Одни документы утверждают, что почта из Сибири доходила «в год и больше» [94]. А генерал Патрик Гордон, часто пользовавшийся услугами почты, отмечал в своем дневнике, что письма от Тобольска до Архангельска (свыше 2400 верст по тогдашнему счету) шли два месяца и два дня [95]. Вероятнее всего корреспонденция доставлялась с такой же скоростью, как и в первой половине столетия.

С нетерпением ждал я, пока из хранилища Центрального государственного архива древних актов принесут «Книгу записную почтам, отправляемым в Сибирь» [96]. Наконец, документ у меня на столе. Толстая, хорошо сохранившаяся тетрадь в матерчатом переплете, сшита суровыми нитками из 64 листов плотной сероватой бумаги с водяными знаками голландских бумажных мануфактур. Записей очень мало — всего восемь. Пять — о корреспонденции, отправленной из Москвы, и три — о письмах, пришедших из Сибири. Последняя почта помечена июлем 1700 г. Частные письма принимались только у купцов. Другие сословия не пользовались правом пересылки писем по почте.

Первый почтарь уехал из Москвы 8 января 1699 г., менее чем через 2 месяца со дня появления наказа об учреждении сибирской почты. Он вез 28 царских указов воеводам и таможенным головам различных городов Урала и Сибири и только 12 частных писем от купцов. Купеческие грамотки имели адреса: пять — в Иркутск, две — в Тобольск и по одной — в Тюмень, Нерчинск, Илимский острог, Якутск и Сургут. За их пересылку всего было получено 21 рубль 3 алтына и 4 деньги.

«Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири»
из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова, 1701 г.

Судя по записям, сибирская почта приносила очень малый доход и являлась убыточным предприятием. Достаточно сказать, что только оплата ямщикам прогонов в один конец до Иркутска составляла 15 рублей 44 алтына 2 деньги, а за все восемь почт выручили 179 рублей 22 алтына 8 денег. Ссылаясь на записи в своей книге, Виниус доносил царю Петру I в октябре 1700 г., что от «тое почты денег в приходе нет» [97].

Но интересная вещь обнаруживается, если посмотреть письма из Сибири в фондах Центрального государственного архива древних актов и Государственного исторического музея. Они сами свидетельствуют о прохождении через почту — на многих из них почтовыми работниками или адресатами сделаны пометки такого рода: «с сибирскою почтою», «получено чрез почту», «прислано через почту в звязка (связке) из Сибирского приказу» [98, 99]. И таких пометок я насчитал 186. А ведь мне удалось просмотреть далеко не все купеческие письма, хранящиеся только в московских собраниях.

Всего в «Записную книгу» внесено 137 частных писем. Но, очевидно, этот список не полный. В ЦГАДА есть особый фонд, в котором хранятся бумаги сибирских хлебопромышленников Лисовских. Около 80 писем (почти на всех есть почтовые отметки) написал и получил один из них в 1699—1700 гг. Тогда как в почтовой книге только 4 раза упоминается фамилия С. Г. Лисовского и по одному разу записаны его корреспонденты Данилов, Скурихин, Волчков, Каменщиков и Качанов. В действительности, авторов грамоток к купцу было больше (семнадцать человек), писали они чаще — только один «Федька Качанов» отправил хозяину 3 письма [100].

Можно с уверенностью сказать — «Книга записная почтам, отправляемым в Сибирь» не является полноценным источником по истории почты. Она только фиксирует наличие регулярной связи с Зауральем, но не отражает ее объема. Попутно следует отметить, что записи в тетради велись крайне небрежно.

По современным понятиям, почту в Сибирь весьма условно можно назвать регулярной — первого числа каждого летнего месяца она уходила из Москвы, и далее ее продвижение практически никак не регламентировалось. Тем не менее при Виниусе хорошая ли, плохая ли связь с Зауральем существовала. После бегства думного дьяка в Голландию сибирская почта начала хиреть. Письма стали доставляться раз в месяц только до Тобольска. Лишь незадолго до победы над Швецией в Северной войне 1700—1721 гг. Петр I возвращается к сибирским делам. Разрабатываются планы изучения и освоения природных богатств восточных окраин государства, снаряжаются сухопутные и морские экспедиции, восстанавливается и расширяется регулярная почтовая связь.

¹ В конце XVI в. верста была в 500 саженей — 977,9 м.

² Вогулами в старину называли народность манси.

³ В книге И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века» упоминается, что ямщиков в Туринск набирали из Казани и Верхотурья [66].

⁴ С 1950 г. село Самарово входит в состав города Ханты-Мансийска.

Система организации станов, принятая в конце XVI в., оказалась приемлемой как для правительства, так и для ямских охотников, и сохранялась в Сибири до 30-х годов XVIII в. А в Якутии даже в XIX в. деятельность ямских учреждений регламентировалась правилами, похожими на те, которые действовали в XVI—XVII вв.

⁵ Сенные деньги — стоимость корма для лошадей, взимаемая в тех случаях, когда ямщик ехал по вольному найму с седоком без подорожной.

⁶ Выдельный хлеб — род натуральной повинности в России, при которой определенное количество урожая сдавалось в казну.

⁷ Обычно на семью ямщика приходился один пай. Если в семье гоньбу отправляли два или три человека, то на нее давали такое же количество паев.

⁸ Четверть — старинная мера объема сыпучих тел, равная 209,91 литра.

⁹ О заработках ямщиков в других частях Русского государства и о размерах их земельных участков подробнее смотрите в «Истории отечественной почты», часть I, М., «Связь», 1977, с. 63—64, 67—68. I

¹⁰ Четверть — старинная мера площади, которая зависела от качества почвы. На плодородных землях она составляла полдесятины. Для худших земель ее размер увеличивался иногда до полутора десятин. Десятина— 1,0925 га.

¹¹ Более точной даты назвать невозможно, так как известна только ссылка на этот указ в позднейших документах.

¹² Тысячесаженная верста (1955,8 м) для измерения почтовых дорог России введена Соборным уложением 1649 г. Ее называли «указная» (от слова «указ»). Эта мера длины применялась одновременно с верстой в 500 саженой. Во времена Петра I была проведена реформа системы мер: версту приняли в 500 саженой (1066,8 м) и сама сажень стала чуть длиннее — 2,1336 м.

¹³ В конце XVI в расстояние между Верхотурьем и Соликамском принималось в 250 верст. В 20-х годах следующего столетия, по челобитной ямщиков, его увеличили до 350 верст. А спустя пятьдесят лет в официальных документах появилась цифра «500». Обоснования для такого удлинения пути из Верхотурья в Соликамск не найдено.

¹⁴ Ныне — город Артемовский Свердловской области.

¹⁵ Подробнее смотрите «История отечественной почты», часть I, М., «Связь», 1977, с. 95—102.

¹⁶ Ныне — г. Новоуткинск.

¹⁷ Следует заметить, что после создания во второй половине XVIII в. гербов для всех русских городов некоторые сибирские эмблемы претерпели существенные изменения.

¹⁸ Спафари ездил в Китай в 1675—1678 гг.

¹⁹ Здесь имеется в виду голландская миля, равная 3,556 км.

ДЛЯ ВОЙНЫ С КРЫМСКИМ ХАНОМ

Все дальше в ковыльные степи уходили границы русского государства. Вокруг старинных крепостей вырастали посады с торговым и ремесленным населением. Сторожевые города все больше приобретали мирный облик. Один из центров засечной черты, Тула, стала городом оружейников. Другой город, Воронеж, становится мировым поставщиком селитры.

Но набеги крымских татар на русские земли все еще продолжались. Ниоткуда крымцы не брали столько пленных, как из нашей страны. Россия платила хану дань, но это не спасало порубежные города от разорения, а русских послов и гонцов — от бесчестия. Осенью 1686 г. был «сказан» ратным людям поход на Крым. Во главе сотысячного войска выступил «большого полка дворовый воевода, царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель» и наместник новгородский, князь В. В. Голицын. С первого дня его замыслы были обречены на неудачу: сбор ратных людей проходил очень медленно, среди военачальников не было единства, и, наконец, когда армия подошла к урочищу Большой Луг, татары подожгли степь, и пожар заставил русских повернуть вспять.

Для связи с войсками 30 марта 1687 г. велено было «учинить от Москвы до Ахтырска 1 и до Коломака 2 почту в 17 местах. А поставить на станех конюшенного чину да стрельцов по четыре человека, для гоньбы дать им по две лошади человеку» [101]. Первый стан был в Москве на Житном дворе, он обслуживался почтмейстером Виниусом. Следующие девять ямов (на реках Пахре, Лопасне, Скниге и Локне, в городах Серпухове, Туле, Мценске, Орле и Татине) занимали стрельцы из полков Сухарева, Жукова, Цыклера, Ефимьева и Дементьева. И на последние семь подстав назначили конюхов и стряпчих.

Эта почта была так же плохо организована, как и весь поход. От последнего стана на реке Коломак до действующей армии было свыше трехсот верст ненаселенной степи, в которой рыскали татарские разъезды. В. В. Голицын не позаботился обеспечить почтарей лошадьми, и получилась весьма странная картина. Когда на Коломак приезжал человек с почтой, то он пользовался всеми правами, какие ему давала принадлежность к службе связи — на стане его кормили, ухаживали за конем, он мог отдыхать до прибытия московской почты. Эти преимущества не распространялись на личных гонцов В. В. Голицына, а таковых князь за полгода послал свыше 60 человек. На Коломаке им ничего не давали — самим не хватало! Измученному посыльному приходилось ехать еще сорок верст до Ахтырска и там в съезжей избе получать все необходимое. Взять у почтарей силой коня и пищу княжеский гонец не мог — их было больше, могли и побить. Законного основания у него не было — регламент ахтырской почты не предусматривал проезд гонцов, а закон о запрещении отправлять посыльных помимо почты все еще действовал.

Когда просматриваешь бумаги об Ахтырской почте в делах Разрядного приказа ЦГАДА, создается впечатление, что почтари, кроме драк с гонцами, ничем больше не занимались — столь велико количество челобитных на эту тему.

Возвращаясь из похода, В. В. Голицын распорядился снять почтарей и, когда весной 1689 г. началась новая война против Крыма, для отправки вестей была использована почтовая линия засечной черты до Обояни. Количество людей на станех оставалось прежним, но им заранее дали по две лошади дополнительно. Были учтены ошибки Ахтырской почты. Указом от 28 декабря 1688 г. было велено почтарям обеспечивать спешных гонцов из войска и от городских воевод лошадьми и кормами [102].

Этим распоряжением мгновенно воспользовались городские воеводы. Их гонцы буквально наводнили дорогу между Обоянью и Москвой. Всякий градоначальник предпочитал послать в столицу «своего» пробивного человека, чем безмолвную грамоту. Все это отразилось на почтарях, опять увеличились разгоны, опять падали лошади,

загнанные лихими гонцами, опять начали разбегаться ямщики и почтари. Восемь лет длилась война на обояньской дороге, восемь лет летели в столицу челобитные с почтовых станов. И только осенью 1696 г. Петр I категорически запретил посылать нарочных гонцов по тем дорогам, «на которых почта поставлена».

Преобразования Петра Великого коснулись и городов засечной черты, В 1696 г., готовясь ко второму походу на турецкую крепость Азов, царь приказал строить флот на воронежских верфях. А годом раньше через Воронеж стали регулярно доставляться письма и пакеты для участников первого азовского похода. Сначала решили письма из Воронежа в действующую армию возить через город Валуйки. Но оказалось, что на этом пути почтарей встречают татарские разъезды и отнимают корреспонденцию. Поэтому Петр указал всю почту из Москвы в Азов отправлять кружным путем через Царицын, а всевозможные инструменты и песочные часы посылать «через Воронеж водою с нарошным человеком, чтоб бережно довез» [103]. Первая Азовская почта работала сравнительно недолго, с июля по август 1695.

Указ 1695 г. о создании почты определил цели этого учреждения: «для великих государей (тогда в России правили два царя — Иван и Петр) службы для скорые посылки и гоньбы с грамотами на Воронеж о струговом деле и о зборе хлебных запасов и для отпуска тех запасов с Воронежа в плавную на Дон». «А стоять на той почте, — читаем мы далее, — московским и городovým ямщикам в указных местах (в Москве, Туле, Ельце и Воронеже). А рядовые гоньбы (всякие непочтовые посылки) им, ямщикам, которые поставлены будут для той почтовой гоньбы, с своей братьею с иными ямщиками не гонять» [104].

В эти годы впервые была применена новая система оплаты труда ямщиков. Сведения о ней относятся к 17 февраля 1696 г. Послал Разрядный приказ-напоминание в Денежный стол: «С указу великого государя, каков прислан в Разряд из Ямского приказу, послать грамоту к ямским прикащикам, чтоб они... ямским подводам велели учинить загонные книги... и те книги с перечневой выпискою со всякою подлинною ведомостью за дьячею приписью прислать в Разряд» [105]. Собственно, в этом сообщении нет ничего нового: сведения о количестве поездок ямщиков — «загонные книги», или, как их еще называли в некоторых указах, «проезжие столбцы» — известны с конца XVI — начала XVII вв. Обычно они присылались в столицу для оплаты раз в три месяца или в полгода. Теперь же порядок выплаты прогонов стал иным. В «памяти» из Разрядного приказа в Ямской писалось, что московским ямщикам до Тулы давать прогонные деньги, как и прежде, раз в полгода, от Тулы же тульским, елецким и воронежским ямщикам «до полков» (в действующую армию) «велено гонять без прогонов, а даны им будут те прогонные деньги по окончании почтовой гоньбы, из Разряда по загонным записным книгам» [106]. Такая система на воронежской линии просуществовала до 1708 г.

Судостроение повлекло за собой создание для связи Воронежа с Москвой почтовой линии. Из указа, оглашенного по этому поводу в феврале 1696 г., видно, что доставка писем носила временный характер. «Той почте быть, покамест ратные люди с Воронежа под Азов пойдут» [107]. 3 мая войска и «морской караван», как называли построенный Петром I флот, отправились в поход. Город опустел. Только иногда проносилась нарочная почта со спешными посылками. Хотя основную массу писем возили через Царицын, почтарей, поставленных на линии Москва—Воронеж—Азов, не снимали до конца похода.

14 августа через Воронеж проскакал почтарь из-под Азова. В его суме среди прочей корреспонденции было письмо Петра I к управляющему русской почтой А. А. Виниусу: «Почты отсель болше не будет, для того что, слава богу, все зделано и писать не о чем; а последнюю почту отпустят в тот день, как отступят» [108]. Азов пал, войска уходили в Россию, почта больше была не нужна. В конце сентября был обнародован указ о ликвидации от Москвы до Воронежа «подвод ради азовской службы». Так закончился второй этап работы регулярной воронежской почты.

Созданием почтовой линии до Азова руководил Т. Н. Стрешнев, начальник Разрядного приказа. Это было центральное правительственное учреждение тогдашней России, ведавшее служилыми людьми, военными делами и управлением южных областей. Разрядный приказ, или попросту Разряд, руководил боевыми действиями войск, обеспечивал их всем необходимым, организовывал связь с полками. После первого неудачного похода под Азов Стрешнев в октябре 1695 г. представил Петру I два варианта почтовых линий до устья Дона: один — через Тулу, Новосиль, Ливны, Старый и Новый Оскол, Валуйки; другой — от Тулы до Воронежа и далее через Коротояк на Валуйки. Царь одобрил второй проект, который был осуществлен в феврале следующего года.

Пока не удалось обнаружить оригиналы указов об организации почтовой гоньбы до Воронежа и Азова в 1695—1696 гг. Но в бумагах об установлении почты до Воронежа в 1700 г. можно найти отрывки из этих документов. Основным источником сведений о почте служит переписка Петра I со своими приближенными.

Эти письма подтверждают, что работа почты находилась под неусыпным контролем Петра. Боярин Т. Н. Стрешнев просил царя в 1696 г.: «Прикажи писать и почты посылать как установлены» [109]. А установлено было, это подтверждают и даты на письмах, что почта из Москвы уходит в четверг, а приходит в пятницу. Кроме официальных бумаг, пересылалась и частная корреспонденция.

В переписке царя много любопытных фактов о тогдашней почтовой гоньбе. Начальник Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский получил однажды из Азова письмо Петра: «Писать изволишь, что почты урочным днем не бывали: и тому учинися препону недосужество, потому что многие знатные в воинских трудах люди за оными писем своих писать не успели... Не сомневайтесь о почтах, что замешкиваются; истинно за недосужеством» [110]. Царь и его приближенные «за недосужеством» (они штурмовали первоклассую по тем временам крепость) не успевали писать письма и, чтобы «лишнего расхода не было», почтари без царских писем не отпускались. Из Москвы же почта уходила еженедельно.

Тому же Ромодановскому царь сообщал через несколько дней, что получил от него два письма. «Первое через почту сентября 3 дня, другое с стольником з Дементьем Новосильцевым писанные» [111]. Обычно Петр строго выговаривал своим подчиненным за посылку грамот с нарочными гонцами. Должно быть Новосильцев привез очень важное тайное сообщение, которое никак нельзя было доверять почте.

Царь Петр еще несколько раз посещал Воронеж в 1698—1699 гг. Сведений о том, как работала почта во время его пребывания в городе, почти не сохранилось. Но можно найти много подтверждений тому, что «ссылка» письмами была.

Почтовая связь в 1698—1699 гг., в первую очередь, была создана для сношений Петра I с Москвой. Это типичный пример, как тогда говорили, установления «подвод ради шествия великого государя». Правда, кроме официальной корреспонденции, почтари возили и письма частных лиц. Секретарь австрийского посольства в России Иоганн Корб в своем дневнике отмечал, что Петр фон Памбург, капитан русского корабля «Крепость», отправлял с «русской почтой» письма в Голландию из Воронежа и Таганрога.

В делах Разрядного приказа ЦГАДА сохранились отрывочные сведения о том, что почту между Азовом и Валуйками возили казаки Гундоровской станицы [3](#). К концу 1698 г. казаки от гоньбы отказались, несмотря на то, что азовский воевода П. И. Прозоровский предложил им на следующий год более выгодные условия оплаты труда — 130 рублей в год вместо 100, выдаваемых правительством. Не все благополучно было и на линии Воронеж—Валуйки. И тогда Петр I решил отдать на откуп почту от Воронежа до Азова. Это единственный в истории русской почты случай, когда государственная линия скорой гоньбы передавалась в руки частного лица. Торги состоялись 19 августа 1700 г. в Азове. Исходная сумма государственной дотации на содержание почты была 280 рублей. В аукционе участвовали полковник азовских казаков Николай Васильев, пятидесятник Иван Волков и житель Азова банщик Григорий Зайцев. Первый просил за доставку почты 240

рублей, второй — 260, а третий — 245. Гоньба была отдана Васильеву, который сверх означенной суммы получил еще «премию» в 25 четвертей ржаной муки и овса [112]. Полковнику дали наказ по управлению почтой, повторявший аналогичные документы, полученные в свое время Марселиусами и Виниусом. Неизвестно, сколько лет Васильев управлял почтой в Азове.

1700 г. Россия готовится к войне со Швецией. Петр Великий лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что для успешного развития промышленности и культуры необходим выход к морю, необходимо «окно в Европу». Царь знал, что без флота одолеть могущественную морскую державу, какой являлась Швеция, невозможно. Свой флот Россия строила тогда в Воронеже. Для лучшей организации работ на верфях была нужна надежная, постоянно действующая связь, была нужна почта.

И за полгода до начала шведской кампании, 12 февраля, царь издает указ: «Учинить от Москвы почту по станом до Молоди, до Серпухова, до Вошан, до Тулы, до Дедилова, до Богородицкого, до Никицкого, до Ефремова, до Ельца, до Дону, до Хлевно, до Воронежа. И гонять тое почтовую гоньбу город от города, стан от стану в указанные числа и часы безо всякого замедления». Указ не устанавливал определенного дня для начала работы почты. Но конец распоряжения не оставлял никаких сомнений в том, что Петр без пощады расправится с тем, кто хоть на день задержит начало почтовой гоньбы: «И чинить сие со всяким поспешением, как скоро возможно, под опасением за неисправление великого государя гнева» [113].

Для установления почты из Москвы был послан офицер Василий Бочаров. Запомним его фамилию. Он один из тех людей, которые способствовали развитию русской регулярной почты. Возможно, деятельность Бочарова на этом поприще началась именно с воронежской почтовой линии. Спустя несколько лет, в 1708 г., вновь встретим это имя на страницах официальных документов. Тогда Бочарову будет поручено учредить почту от Москвы через Калугу и Брянск в действующую армию.

Василия Бочарова снабдили наказами к воеводам из Разрядного приказа и подорожной; на расходы выдали 5 рублей. Посланный должен был проверить, на все ли станы, которые были созданы несколько десятков лет назад для ямской гоньбы, выделены новые гонщики, взяты ли с них поручные записи. Везде ли держат на станах специально для почты по «два мерина самых добрых со всякой гонебной рухлядью» [113].

Те, кого выделили на станы, не должны были возить пакеты с почтой. В их обязанности входило по хорошей дороге доставлять почтаря на санях или в телеге, а в распутицу представлять ему верховую лошадь. Почтари, по два человека, назначались из низших служилых чинов в городах Москве, Туле, Ефремове и Воронеже. Бочарову приказывалось взять у воевод описки этих людей.

Петровский указ определил, что почту должны гонять посадские люди и другие «градские» жители. Разрядный приказ стал выяснять о живущих в южных городах по переписным книгам, но «ревизские скаски» оказались старые — еще за 1678 г., пришлось наводить справки на местах. Уже 22 февраля все справки были собраны и к городским воеводам послали грамоты о том, что необходимо сделать в городах для почтовой гоньбы. Вез эти наказы Василий Бочаров, на обратной дороге в Москву он проверил их исполнение.

В Ефремове велено почту возить драгунам «из двора самым добрым людям», потому что в городе «посацких не написано». Ефремовский воевода назначил четверых, двое из которых должны были ехать на стан в село Никитское. Но драгуны, ссылаясь на то, что у них в Ефремовке хозяйство и семья, уезжать из города отказались. «Не на войну идем, а навсегда насиженные места покинуть надо», — говорили они. Воевода Толмачев приказал непокорных солдат Евстигнея Фомина и Семена Рожина «вкинуть в тюрьму до его великого государя указа» [114] и отписал о том в столицу. Из Разрядного приказа пришло распоряжение виновных наказать батогами, а вместо их на стан в Никитское выбрать других драгунов, которые бы подчинялись указам и «не воровали».

В других городах выборы гонщиков прошли без осложнений. Только елецкие посадские долго не могли решить, кого направить на донской стан. Выбрать надо было двоих, а добровольцев объявилось семь человек.

Уж через два месяца все елецкие добровольцы «гоньбу покинули» и отказались нести почтовую службу сначала на стане на Дону, а затем и в городе. Воевода Фадей Тютчев отписал в Москву, что в Ельце почту держать некому, потому что желающих стоять на станах нет и у него «в людях печаль великая». 26 апреля из Разрядного приказа пришло распоряжение «стоять на Ельце и на Дону из уезда лучшим людям». Гонщиков нашли в Талицах, что в 17 верстах от Ельца, — Федора Курбатова «с товарищи». Несколько месяцев из Ельца не поступало никаких жалоб. Но в один из октябрьских дней почта доставила в Разрядный приказ челобитье талицких детей боярских на то, что их с подводами «держат на Ельце без отпуску и ровняют против иных стольных (здесь — в смысле «больших») городов и уездов». «А у нас в Талецком, — писал Курбатов, — уезду нет, а в Талецком всяких чинов жителей малое число» [115]. Из Разряда напомнили про указ, что «на почте больше трех месяцев (людей) не держать» [116], а давать им отдых, и добавили, что Тютчев нечист на руку, «мздоимством промышляет». Оказалось, что он до сих пор не вернул детям боярским из Старого Оскола их лошадей, взятых «под подводы» еще в мае. С обещанием «великого государя гнева» воеводе приказали талицких детей боярских отпустить, лошадей старооскольцам вернуть, и «чтобы незабывался», взяли штраф 50 рублей.

Почтарей и ямщиков на станы у Житного двора в Москве, в Молоди и Серпухове выбрали из жителей Иверской, Переславской и Рогожских ямских слобод.

Одновременно с установлением регулярной почты до Воронежа проводилась работа по организации почтовых станов в Валуйках, Паншине, Азове и Таганроге. Было указано, чтобы ямщики там были «по всяк час наготове». Однако пересылка писем носила случайный характер, хотя тоже называлась почтой и даже была установлена такса для частной корреспонденции: брать из Азова и Таганрога до Москвы по 4 алтына (12 копеек) с каждого золотника.

На воронежской почте действовали те же правила, что и на архангельской линии. Ямщикам велено было гонять «наскоро в час верст до десяти и по одиннадцати». Почтари должны прибывать на станции в строго определенные дни и часы, «расписываться в проезжих столбцах, в котором числе и часу и который почтарь с почтаю на стан прибежит и кто именем» [117]. На смену лошадей почтарям давалось только полчаса, тогда как на архангельской линии допускалась часовая остановка.

Такой высокий темп гоньбы изнурял почтарей. В пути они сменялись трижды: московский гонец вез письма до Тулы, здесь его заменял тульчанин и гнал в Ефремов, ефремовский почтарь доставлял корреспонденцию в конечный пункт. Так продолжалось до июля 1700 г., когда после многочисленных жалоб воевод, что «почтари расбежались и твою, великого государя, службу забросили» [118], Петр I распорядился сменять гонщиков еще и в Серпухове, Богородицке, Ельце и Хлевном. Темп гоньбы от этого почти не увеличился, потому что ямщики, возившие почтальонов, менялись в тех местах, что и до июльского указа, но сообщения такого рода, как «почтарь Васька Букин уснул и письма к тебе, великому государю, в реке утопил», прекратились.

Неизвестно, с какого числа началась регулярная пересылка писем в Воронеж. В указах эта дата не названа. Но в делах Разрядного приказа Центрального государственного архива древних актов сохранилась обширная переписка Разряда с боярином Т. Н. Стрешневым, который с февраля 1700 г. находился то в Воронеже, то в Паншине. Среди писем есть такое: «Милостивый государь Тихон Никитич, сего марта 15-го дня в 4-м да 6-м часе присланы из Пскова две отписки о Рижских делах... и послали (их) к милости твоей через почту сегож 15-го дня в 11-м часу» [119]. Это — первое сообщение о посылке письма в Воронеж в 1700 г. Возможно, 15 марта и есть дата начала регулярной почтовой гоньбы.

Первоначально почта в Воронеж ходила через день. Так продолжалось до 17 июня, пока Т. Н. Стрешнев находился на юге страны. Как посылалась корреспонденция в последующие месяцы, неизвестно из официальных документов — указ от 12 февраля не устанавливал режим работы почты, нет никаких следов и в делах Разрядного приказа.

Сохранился еще один источник, позволяющий определить ритм работы почты после 17 июня. Это — «Записные тетради» Московского почтмейстера Матвея Винуса. Первая запись частных писем, отправленных в Воронеж, Азов и Таганрог, появилась в книге в среду 21 марта. Следующий раз отсылка почты была помечена 29 марта, четвергом. Затем опять среда... Так, чередование среды с четвергом продолжалось в полном соответствии с отправкой государственной корреспонденции до 13 июня. Очередная запись, вопреки ожиданиям, появилась опять в среду 20 июня. С этого дня в книгах Винуса все отметки об отправлении почты в Воронеж делались только по средам. Остается предположить, что и Разрядный приказ в те же дни отсылал государственную почту.

По указу почтари должны были преодолевать расстояние от Москвы до Воронежа (472 версты) за 48—53 часа. В действительности, как это видно из переписки Т. Н. Стрешнева с Разрядным приказом, почта доставлялась медленнее — за 55—64 часа. Это обстоятельство вызвало распоряжение Разряда о том, что «гоняют посыльщики медленно и потому в важных и нужных государевых делах чинится мешкота великая... Под жестоким страхом и под смертной казнью велеть с тое почтою гонять с великим

поспешением днем и ночью» [120]. Воеводы ссылались на плохие дороги, на то, что «лошади изгонены». Дело с места не двигалось, темп гоньбы практически не увеличивался. С 15 марта по 17 июня только одна почта, отправленная из Москвы 4 мая, уложилась в указанный срок — 52 часа.

Смена почтарей происходила в приказной избе. Приехавший гонщик сдавал почтовую сумку подъячему, тот проверял целостность печатей и записывал приехавшего в столбец. Новый посыльный принимал корреспонденцию, и почта мчалась дальше. Если что-то нужно было вынуть или вложить в сумку, то ее вскрывали в присутствии воеводы. Письма, адресованные в город, забирали, сумку запечатывали воеводской печатью. Правом открыть почту пользовались только воеводы Тулы и Воронежа. Корреспонденцию из промежуточных городов почтари везли в отдельном свертке, который вкладывался в суму только в указанных выше местах.

Все расходы по организации почтовой гоньбы в Воронеж нес Разрядный приказ. Он платил прогоны ямщикам — 2 копейки за 10 верст пути, заготавливал корма лошадям, снабжал почтарей форменными зелеными кафтанами, шубами, «сапогами чесанными» (валенками) и прочим. Московский почтмейстер М. А. Виниус никакого отношения к созданию Воронежской почты не имел и в расходы не входил. Он должен был принимать в Москве письма у частных лиц и взимать плату за их пересылку — «весовые деньги». К этому его обязывал указ от 15 февраля 1700 г., в котором говорилось: принимать у «иноземных и торговых людей грамотки ему стольнику Матвею Виниусу в Москве на своем дворе, а в иных городах воеводам в приказной избе» [121]. Письма почтмейстер сдавал в Разрядный приказ в свертке, запечатанном «его Матвея Виниуса собственной печатью», с описью, в которой указывалось, сколько писем в связке, фамилии их отправителей, вес каждого письма и стоимость пересылки. Раз в три месяца Виниус и городские воеводы должны были сдавать «весовые деньги» в Разряд.

За пересылку писем взималась плата в зависимости от их веса и расстояния, на которое они посылались. С корреспонденции, адресованной в Воронеж, брали 2 алтына (6 копеек) с золотника, в Азов, как уже говорилось, письмо стоило вдвое дороже. С каждой почтой уходило около 30 частных отправок, вес каждого из них, как правило, составлял 3—4 золотника, хотя случались пакеты и по 50 и более золотников. Недельный доход от частных писем иногда превышал 10 рублей. Этих денег с трудом хватало на покрытие расходов в те месяцы, когда почта в Воронеж ходила через день — только разовая оплата прогонов ямщикам в один конец составляла 95 копеек. Когда пересылка стала еженедельной, рентабельность линии значительно повысилась. Из «Записных тетрадей» видно, что с 21 марта до конца 1700 г. М. А. Виниус получил за частную корреспонденцию 396 рублей.

А во что обходилась государству скорая гоньба из столицы до Воронежа? Дела Разрядного приказа сохранили большое количество отписок должностных лиц из разных городов. Все они похожи одна на другую как две капли воды. Меняются названия городов, а содержание и даже многие цифры расходов — одинаковые. Например, в Ефремове было истрачено в 1700 г. на покупку лошадей, телег, саней, сена, овса, хомутов и «на иную мелочь, что в гоньбу тем лошадям надобно» [122] 102 рубля с копейками. Правда, сюда же входят расходы по организации стана в селе Никитском, создание которого поручалось ефремовскому воеводе. Таким образом, не считая «прогонных денег», скорая гоньба по всем станам стоила в год чуть более 660 рублей.

В такую, сравнительно небольшую сумму, удалось уложиться благодаря петровским указам о необходимости бережного отношения к лошадям и конским кормам. Ямщикам приказывалось «тех лошадей и корму конского, сена и овса, беречь накрепко, чтоб лошади без корму николи не были, безкормицы и небережением не померли. И корму бы напрасные истери никуды не было» [122].

Экономило государство и на прогонах ямщикам. В 1700 г. почта из Москвы до Воронежа ходила семьдесят шесть раз. Нам известно, что плата гонщикам в один конец

составляла 95 копеек. С помощью нехитрых вычислений определим сумму прогонных денег за год — 144 рубля 40 копеек. Теперь остается выяснить, заплатили ли ямщикам сполна за их службу — ведь известны случаи, когда государство под тем или иным предлогом уклонялось от уплаты. В бумагах Денежного стола открылись странные вещи. Тем гонщикам, которые стояли на станах в Москве, Молоди и Серпухове (московским ямщикам) выдали деньги за все поездки из расчета 2 копейки за 10 верст. Тульским, дедиловским, ефремовским и воронежским ямщикам заплатили за то же расстояние по 3 деньги (1,5 копейки).

А чем кончилось дело в Ельце, так и не удалось выяснить. Разрядный приказ в начале 1701 г. указал елецкому воеводе Тютчеву выдать ямщикам «за бывшие в прошлом 1700-м годе почтовые гоньбы 23 рубля, 6 алтын и 3 деньги... из таможенных и кабацких доходов» [123]. Написали и забыли. Однако в мае 1701 г. в приказ пришло челобитье от уже известных нам Федора Курбатова «с товарищи» о том, что елецкий воевода не платит прогонных денег. Через некоторое время пожаловался о том же стрелец Никита Арзамасов. Всего в делах Разрядного приказа таких челобитных шесть от всех ямщиков елецкого и донского станов. Получается, что Тютчев полушки медной не заплатил за почтовую гоньбу. Разряд распорядился рассчитаться с ямщиками. А воевода заявил, что платить ему нечем, так как таможенные и кабацкие деньги он истратил «для отпуска хлебных запасов по его, великого государя, указу» [123]. Так что он-де здесь не виноват. Переписка тянулась до 1703 г. и, кажется, так ничем и не кончилась.

Но допустим, что Ф. В. Тютчев заплатил ямщикам. По записям Денежного стола известен расход прогонных денег в других городах. Сложим все вместе. Получим 152 рубля, 16 копеек и 1 деньгу. Совершенно непонятная цифра! За гоньбу платили меньше установленного, а расход прогонных денег оказался больше.

В чем дело? Столбцы Московского стола сохранили черновик подорожной 1700 г.: «Сего мая в 19 день по указу (царский титул) Петра Алексеевича письма нужные посланы с Москвы из Разряду через почту к боярину к Тихону Никитичу Стрешневу наскоро Переславской ямской слободы с ямщиком Серешкой Пантелеевым до Тулы, а с Тулы те письма вести почтарям до Воронежа, переменяясь в городах на почтах днем и ночью с великим поспешением и бережением. А на Воронеже те письма подать стольнику и воеводе Еремею Хрущеву. А с Воронежа те письма, ему, Еремею, послать наскоро ж того ж числа и часа, в котором числе поддаты будут, чрез почту водяным путем реками Вороной и Доном до Паншина или где съедут (здесь в смысле — встретят) боярина Тихона Никитича. А съехав, те посланные письма подать ему, боярину Тихону Никитичу, а опричь ево, боярина Тихона Никитича, те письма никому не отдавать и не распечатывать» [124]. Эта подорожная удивляет своей необычностью. В первую очередь, надо обратить внимание на дату отъезда гонщика—19 мая, в тот день, по графику, почта не ходила. И, второе, — требование доставить корреспонденцию лично Т. Н. Стрешневу. Из архивной записи известно, что почта состояла из восьми отписок из разных городов и, очевидно, носила секретный характер. Отправление такого рода носило название «чрезвычайной», или «необыкновенной», почты и отпускалось вне графика,

Первые сведения о чрезвычайных почтах относятся к 1695 г., когда в Азов были доставлены «кумпасы и иные часы». Посылку везли в «суме с орлом», из Москвы ее отправили 21 августа. Письма в суме отсутствовали [125]. Можно рассчитать число чрезвычайных почт в 1700 г. Их было не менее 21. Точнее сказать невозможно, так как неизвестна дата начала почтовой гоньбы до Воронежа.

Петр I принимал непосредственное участие в создании воронежской почты. Он сам читал проекты указов по этому вопросу, правил их собственной рукой или давал указания секретарям. К сожалению, не сохранилось черновиков распоряжений 1700 г., и трудно сказать, что изменил Петр в первоначальных вариантах. Возможно, его правка в корне меняла смысл документа, как это получилось с одной бумагой 1708 г. Тогда в ноябре курьер Михаил Хитров должен был выехать из Глухова в Воронеж для

«установления», как написал по старинке подьячий, «подвод ради шествия великого государя». Царь вычеркнул эти слова из наказа; жирное перо рассыпало созвездие клякс по бумаге и вписало «почту». Вместо фразы о том, что на почту надо подобрать хороших лошадей «по рассмотрению», Петр указал, «а на тех станах поставить по 12 лошадей добрых» [126].

«Под жестоким страхом и под смертною казнью» должны были беречь почту посыльные. И когда почтарь Василий Букин под Дедиловым свалился вместе с корреспонденцией в реку, думали, что ему несладко придется. В черновике указа по этому поводу говорилось «тово почтаря бить батоги и сослать в Азов с женою и детьми, буде такие есть, навечно» [127]. В следующем году ефремовский воевода доносил, что на «стрельца Василия Осипова сына Букина» (обратите внимание на величание по отчеству) напали «два татя с дубьем» и хотели отнять почту. Но почтарь оказался не робкого десятка, избил грабителей плетью, а одного затоптал конем насмерть. В списке людей, которым Разрядный приказ в 1701 г. «дал по шапке» [4](#), значится фамилия ефремовского стрельца В. О. Букина [128].

Ни на одной почтовой линии России так строго не наказывали за оскорбление почтарей и остановку гоньбы, как на воронежско-азовской. Беспрецедентный случай произошел в 1700 г., когда краснокутский воевода был посажен на три дня в тюрьму по приказу Ромодановского. Воевода провинился тем, что на полдня задержал почтаря, ехавшего из Таганрога. Формально Ромодановский был не прав, он не мог наказывать без царского указа. Воевода послал жалобу царю. Петр I рассмотрел челобитную и приказал бить воеводу батогами, чтоб впредь неповадно было останавливать почту.

Не избегали наказания и любимые царем иностранцы. В 1696 г. сотник Крюгер, немец на русской службе, отколотил «почтового стрельца», а его жена сорвала с почтаря знак его должности, медную бляху с гербом — двуглавым орлом — и бросила его в «непристойное место». Сотник и его жена были раздеты до нага и биты до бесчувствия батогами при большом стечении народа. Им прочитали указ, что за оскорбление почтаря они заслуживают смертной казни и лишь ради их «иноземства» великий государь смягчает кару [129].

Происходили грабежи гонцов даже в самой Москве. Иоганн Корб в своем дневнике рассказывал о нападении летом 1698 г. на почтаря, посланного в Воронеж. Почта относилась к «чрезвычайным». Гонец выехал из города ночью. Вез он несколько писем и очень дорогие корабельные инструменты. Утром на Каменном мосту нашли разбросанные письма, инструменты, а сам почтарь исчез без следа.

Чтобы почта доставлялась без задержек, дороги старались поддерживать в хорошем состоянии. Стоял на реке Сосне за Ельцом мост. В свое время его по царскому указу отдали Знаменскому женскому монастырю «на свечи и на ладан и им на пропитание» (напомним читателям, что в старину при проезде через мост брали особый налог «мостовщику»). Мост уже давно требовал ремонта, а починить его некому, нет у монастыря ни крестьян, ни бобылей. Весной 1696 г. во время ледохода талые воды подняли накат моста и поплыл он вниз по Сосне. Тогда елецкий воевода А. И. Ознобишин «но великой нужде» приказал устроить две гати через реку для переправы почты, царской казны и разных военных припасов. Нельзя было переправляться и через Дон, потому что, по словам воеводы, «от берегу льды отопрели и переезжать не мочно». Пришлось и тут настелить три гати. Обычно в половодье через Дон и Сосну устраивали перевоз на паромов. Но Ознобишин, осмотрев эти «суда», решил, что они слишком малы и плохи и для казенной надобности не подойдут. Стали искать у местных жителей «у кого объявятся комяги и лодки со всякими припасы» [130]. И хотя средства для переправы нашли, Разрядный приказ счел распоряжения воеводы недостаточными и велел силами ельчан построить мост через реку Сосну.

Воронежский почтовый тракт в таком виде, каким он был в 1702 г., описал голландский художник Корнель де Бруин. Дорога исправна. На ней поставлены столбы, на которых написано «1701 году». Столбы выкрашены красной краской. По обе стороны дороги между «верстами» посажены деревья, иногда по три-четыре вместе. Их ветви переплелись между собой и создали надежный заслон от снежных бурь. Художник насчитал на тракте 552 столба [5](#) и не менее 200 тысяч деревьев. Де Бруин не сообщает, где стояли почтовые станции, зато пишет, что через каждые 20 верст на этой дороге находился «царев кабак». В деревнях ночью крестьяне выходили за ворота с пучками зажженной соломы для освещения пути [131].

К сожалению, нет документального подтверждения существования верстовых столбов по воронежской дороге. Хотя о первых путевых вешках известно еще из Судебника 1589 г., который в статье 224 предписывал землевладельцам: «А где в осень дороги живут (проходят)..., и по той дороге ставить вехи, до кех мест чья земля имеет. А хто не ставит по дороге вех, и что над кем учинитца, и то взяти на том (кто забыл поставить вехи) весь убыток» [132]. В XIX в. называли дорогу, вдоль которой тянулись верстовые столбы, столбовой.

Неизвестно, была ли в начале XVIII в. установлена форменная одежда для лиц, привозивших корреспонденцию в Азов и Воронеж. Единственным источником, из которого можно установить внешний вид «почтового стрелца», является дело сотника Крюгера и его жены. На него мы уже ссылались. Однако из дела ясно только то, что на груди почтаря висела медная бляха с государственным гербом.

Петр I уделял внимание не только тракту до Воронежа, но и дальше — на Азов. 21 июля 1700 г. на Дон «к войсковому атаману к Илье Григорьеву и ко всему войску Донскому» послали грамоту о поселении казаков по двум дорогам от Валук и Рыбного до Азова. Велено было разместить казаков по урочищам и по речкам, «в котором месте пристойно, чтоб те оба пути впредь были населены и жилы» [133]. Переселенцев перевели с рек Хопер и Медведица. Указом предусматривалось, что казаки должны за определенную плату перевозить почту.

С 1700 г. почтовая гоньба до Воронежа не прерывалась. Она изменялась, совершенствовалась, на станах ставили по двенадцать и даже по двадцать лошадей, то снова уменьшали их до двух. Несмотря на некоторые недостатки и упущения в организации почтовой гоньбы, она была достаточно быстрой и могла служить примером для международных линий того времени, где на те же расстояния почта доставлялась чуть ли не вдвое медленнее [134].

Почта в Воронеж и Азов создавалась как военная линия связи. Это сказалось и на подчиненности почтовой гоньбы. Сначала ею ведал Разрядный приказ, управлявший всеми гражданскими и военными делами на юге и юго-западе русского государства. С 1718 г. в России создаются коллегии, центральные государственные учреждения, возглавлявшие отдельные ведомства. Воронеж и Азов, в том числе их почтовые линии, попали в подчинение Адмиралтейств-коллегий.

¹ Ныне — город Ахтырка Сумской области.

² Город на территории современной Харьковской области.

³ Теперь — город Гундоровка Ростовской области.

⁴ «Дать по шапке» в старину звучало совсем не так, как теперь. Шапка из «красного зверя» — волка, бобра, куницы — тогда была наградным знаком, чем-то вроде ордена или медали, отличавшего героя от остального населения, которое обычно ходило в заячьих «треухах».

⁵ В действительности от Москвы до Воронежа насчитывалось 472 версты. Приписка 80 верст была сделана для облегчения условий гоньбы.

«ПОЧТА С МОСКВЫ В ПОЛКИ»

19 августа 1700 г. Петр I объявил войну Швеции. Началась изнурительная борьба за овладение Россией выходом к Балтийскому морю. Эта война была обусловлена всем ходом экономического и политического развития Русского государства. Развитие экономики страны требовало выхода к мировым торговым путям. Иначе это грозило России полным закабалением со стороны развитых европейских государств, дальнейшим пребыванием в состоянии застоя и спячки. Выход на Балтику не только укреплял международное значение нашего государства, но и являлся толчком для развития внутренних экономических сил, для развития русской культуры.

К войне Россия готовилась в глубочайшей тайне. Было очень важно, чтобы сведения о военных приготовлениях не просочились через рубежи государства. Поэтому в марте 1700 г., впервые в мире, была установлена **гласная цензура частных писем**. Черновик указа хранится в Центральном государственном архиве древних актов. Этим документом определено, что на почтовых дворах вся корреспонденция принимается незапечатанной, каждую грамотку внимательно прочитывают и «высматривают в них подлинно» сообщения военного характера. «А буде такие грамотки явятца, — наказывал Петр I, — и их за море не посылать, а присылать в государев Посольский приказ» [135]. Распоряжение царя было вывешено на почтовых дворах, доведено до сведения всех иностранцев, живших в России, и вынудило их прекратить пересылку военных вестей. Принятые меры оказались очень эффективными — для шведов начало войны явилось полнейшей неожиданностью.

Первая баталия со шведами кончилась полным конфузом для русских. После этого Петр I провел перестройку армии и экономики. Реформы коснулись и русской почты. Интенсивно реорганизуются старые тракты, прокладываются почтовые линии в действующую армию, «в полки» и в места предполагаемых военных действий.

Особенно бурно военно-полевая почта начала развиваться с 1701 г. По первоначальному замыслу Петра I предполагалось улучшить работу старых и проложить новые почтовые линии из Москвы в Новгород, Киев, Витебск и Воронеж. И указы об этом направили П. П. Шафирову. Но вот 21 октября 1703 г. царь получил письмо из действующей армии от стольника Ф. А. Головина. «И надлежит и о том попечение имети, — писал Федор Алексеевич, — дабы меж обеими войсками порядочная почта установлена была, чтоб скорую и частую пересылку иметь возможно» [136]. Совет будущего генерал-адмирала оказался не так уж и плох, и царь тотчас распорядился установить спешную почту между армиями Б. П. Шереметева и П. М. Апраксина, которые в то время громили шведские гарнизоны на землях Лифляндии и Ингрии [1](#).

Почта была установлена между крепостями Санкт-Петербурх [2](#) и Нарвой. Первые два года она работала очень нерегулярно. В 1706 г. линию реорганизовали.

Пока Петр I занимался строительством кораблей в Воронеже, на дороге до Пскова опять начался разброд среди ямских охотников и почтарей. Некоторые из них убегали и записывались в ямщики на архангельскую и воронежскую дороги, где условия труда были гораздо лучше. Многие вообще бросили гоньбу и перешли в кабалу к монастырям, помещикам и вотчинникам. Монастыри, особенно новгородские, прибирали к рукам и ямские земли. К концу 1700 г. ямщиков на тракте стало вчетверо меньше по сравнению с 1680 г.

Возвращаясь после поражения под Нарвой, царь обратил внимание на неурядицы в ямской и почтовой гоньбе. Особенно его возмутил самовольный захват монастырями и помещиками земель гонщиков. Он попытался тут же на месте восстановить справедливость, но это оказалось не так просто. Трудно было сразу определить права той или другой стороны на владение земельными угодьями. И ямщики и их противники подтверждали свои права документами чуть ли не двухсотлетней давности. А это ни в коей мере не способствовало установлению истины.

И только в Москве 28 января 1701 г. Петр I подписал указ об устройстве ямских станов от Москвы до Новгорода и оттуда до Пскова и Орешка по «строельным» книгам 1586 г., а почтовой гоньбы — по книгам 1680 г. Кроме того, «по нынешнему военному случаю» приказывалось увеличить число ямщиков, по 3 выти 3 на каждом стане. А всего их должно быть в Новгороде в двух слободах — 100 вытей, на остальных станах — по 30.

Указ предлагал «прибратъ в ямщики» тех лиц, которые прежде служили на тракте, а затем перешли в кабалу. Но и этих людей не хватило для скорой гоньбы. Кликнули охотников из вольных людей. И опять ямщиков не хватило. Тогда Петр распорядился прибегнуть к секуляризации — из монастырских крестьян набрали 129 вытей ямщиков и наделили их пахотными землями, санными покосами и всякими угодами из церковных владений. Больше всех из духовных феодалов пострадали Иверский монастырь и новгородский Софийский собор.

Ямщики получили большие льготы и привилегии. Например, ладожские почтари были освобождены от платежей недоимок, которые у них накопились с 1680 г. Но, давая всяческие блага, царь требовал и службу. «Гоньба была бы неприменна,— говорилось в указе,— и никогда б в гоньбе никакой остановки и мотчания не было. А буде тех вышписанных всех ямов ямщики с указанных вытей гоньбу гонять не учнут, и в гоньбе остановку и мотчание учнут чинить, и им за то учинена будет смертная казнь, а жены их и дети сосланы будут в Азов на вечное жилье» [137].

Указ 1701 г. способствовал увеличению числа ямщиков на новгородской дороге. К середине лета гоньбу отправляло столько людей, сколько требовал Петр I.

Но развитие военных действий в Прибалтике нуждалось в еще более интенсивных почтовых сношениях. Поэтому 18 мая 1702 г. последовало распоряжение о приписке по три новых выти к Мшанскому, Бронницкому, Крестецкому и Вышневолоцкому станам. Зимнегорскому яму отдали село Валдай и слободу Валдайского монастыря «со всеми людьми и землями».

С указом 1701 г. не могли примириться и помещики. Они требовали возвращения своих крепостных. Наконец, исходя из того, что «помещики сами бесприменно бывают на службе и всякие подати с крестьян своих платят неотложно», в феврале 1703 г. по новгородской дороге послали «дворян самых добрых и разумных» и приказали «без всякие поноворки, никому ни в чем не дружа, разобрать в правду под опасением себе от великого государя опалы, чтоб впредь ни от кого спору не челобитья не было». Ревизоры установили, кто из ямщиков в прошлом числился за помещиком, исключили их из числа гонщиков, а вместо выбывших набрали новых из крестьян, принадлежавших духовенству. Кроме того, на пяти станах — Бронницком, Крестецком, Хотеловском, Вышневолоцком и Пшанском — на каждую ямскую выть придали по одному человеку для работы — уборки конюшен, расчистки снега и прочих хозяйственных дел. Этих людей также набрали «из митрополичьих и из монастырских крестьян» [138].

О требованиях, предъявляемых к новгородской почте, и о скорости ее передвижения лучше всего рассказывает подорожная, которая уже частично рассмотрена на стр. 18.

«1706-го июля в 21 день в 8-м часу дни в 3 четверти отпущена почта из Великого Новгорода к Москве в Новгородский приказ Новгородские слободы с ямщиком Степаном Ершевым в холщовом мешке за почтовою псковскою печатью красного сургуча да в бумажном пакете за новгородскою почтовою печатью красного сургуча ж. А ехать ему и иным почтарям по почтовым станом переменяясь наскоро денно и ночью нигде не мешкая ни четверти часа. А в час ехалиб по пятнадцати верст. В приемке и в подаче и в целости печати почтарем друг от друга по ямам и по станом расписыватца имьянем. А буде который почтарь в пути будет ехать медленно или оплошно и в указные часы неспеет или письма подмочит или утерять и за то таким почтарям по указу великого Государя учинена будет смертная казнь. Внизу печать: Великого Новгорода почтовая печать» [24].

На обороте подорожной сохранилась отметка о прибытии почты в Москву: «Июля в 23 день в 13 часу дни». Значит, корреспонденция находилась в пути всего 52 часа 15 минут.

1708 г. знаменуется подготовкой Карлом XII вторжения на территорию России. По замыслу короля, шведы должны были пройти Польшу и через Витебск и Смоленск наступать на Москву. Как известно, планам этим не суждено было осуществиться — недалеко от Смоленска враг был остановлен и повернул на Украину.

До начала шведского наступления, 16 марта 1708 г., Петр I отдает распоряжение увеличить число почтовых лошадей между Смоленском и Витебском. Приказ царя мотивировался ухудшением связи с Европой. Но не это было главным — хорошая почта требовалась для более быстрого обмена сообщениями с русской армией.

В Витебске на почте стояло всего шесть мещанских лошадей. Петр I распорядился поляков [4](#) от гоньбы отставить, заменив их русскими солдатами. Дело возложили на капитана Ивана Мельгунова, поручиков Василия Кондаурова, Григория Алабина и Федора Торопчина. Им выделили команду из 4 урядников, 3 писарей и 130 драгун [139].

Между Смоленском и Витебском И. Мельгунов устроил 5 станций на расстоянии примерно 20 верст одна от другой. На каждую подставу назначили по 10 солдат и 20 лошадей. На опорных пунктах линии в городах, кроме 12 солдат, находились урядник и писарь. Капитану Мельгунову царским указом давались широкие полномочия — он не только определял место расположения станов и их количество, но и «по рассмотрению» мог назначать начальников над почтами. В Смоленске он поставил поручика В. Кондаурова, в Витебске управлял Г. Алабин. Федор Торопчин с двумя урядниками, писарем и 52 драгунами отправился в Полоцк. К этому его обязывал указ от 21 марта. У капитана И. Мельгунова не было постоянной штаб-квартиры. Он с четырьмя драгунами разъезжал по линии, контролировал ее работу [140].

Поручик Ф. Торопчин на 4 станах до Полоцка поставил по 15 лошадей и при них 10 драгун. Сам он ведал приемом почты в Полоцке. Одновременно с Торопчиным из Витебска выехал капитан Иван Горлевский. Ему поручалось «установить почты и составить почтовым станам роспись от Витебска до Великих Лук летнею прямою дорогою, стан от стана по двадцати верст». Роспись Горлевского сохранилась в Почтовых делах Центрального государственного архива древних актов. Подставы он расположил в деревнях Заволани, Лапоток, Щербова, Степановка, Талуева, Табаки, Сораквашина. На каждой почте было 10 драгун с 20 лошадьми. В архивных бумагах сохранились сведения о скорости доставки корреспонденции. 12 апреля 1708 г. письмо из села Поречья в Витебск (130 верст) шло 10 часов [141].

Несколькими месяцами раньше, 1 декабря 1707 г., открыли еще один почтовый тракт из Борисова в Быхов. Он проходил через города Копысь и Могилев. Прокладывал его капитан Григорий Зазевитов. В отличие от других почтовых дорог здесь на каждом стане «для управления» присутствовал офицер в звании прапорщика или поручика. Для чего так было сделано — выяснить не удалось [142]. В сентябре — октябре 1708 г. увеличили число лошадей и почтарей на старых трактах от Брянска до Калуги, из Глухова через Севск и Курск на Воронеж, от Сум до Курска. Реорганизацию почтовой гоньбы поручили людям, чьи имена до этого неоднократно встречались в почтовых документах, — офицеру Василию Бочарову, подъячим Малороссийского приказа Федоту Рогову и Афанасию Инихову. К концу 1708 г. почта соединила Новгород с Великими Луками, Витебск с Копысью и Быхов с Черниговым через Гомель. Сейчас по этим дорогам проходит шоссе Новгород—Киев.

Первоначально вся корреспонденция в действующую армию, как государственная, так и частная, отправлялась по пятницам со двора П. П. Шафирова. Такую пересылку в тогдашних документах называли «почтой из государственного Посольского приказу». С 1703 г., после образования Ингерманландской канцелярии,

ведавшей делами возвращенных русских земель, «в полки» стали ходить две почты: по вторникам — из новой канцелярии (она возила только государственную корреспонденцию) и по пятницам — из Посольского приказа с частными грамотками [143]. Был четко очерчен круг лиц, имевших право давать подорожные на ямские и почтовые подводы: из армии — Б. П. Шереметев и П. М. Апрашкин; из тыла — А. Д. Меншиков, главный министр Г. И. Головкин, вице-канцлер П. П. Шафиров и смоленский воевода П. С. Салтыков. Категорически запрещалось выдавать для проезда так называемые открытые листы — подорожные, в которых не вписаны имена путешественников [144].

Не везде создание почтовых станов проходило гладко. Военная почта обычно прокладывалась в местах, разоренных войной. Ее устроителям приходилось забирать последнее, что не успела взять армия — последнюю лошадь, последние корма, — а это вызывало у жителей особое озлобление. Терпели почтари и от проезжающих.

В феврале 1704 г. по царскому указу у помещика Б. М. Скрыплева взяли лошадь для почтовой гоньбы на стан в деревне Фирос. Что происходило дальше, рассказывает бурмистр Зимнегородского яма, которому подчинялись ямщики из Фироса, Василий Радионов: «Борис Марков сын Скрыплева приехал к тем ямским охотникам в деревню Фирос, взял насильно лошадь. И для той лошади я нижеимянованный раб твой, потому что я был на Зимнегородском яму у ямских охотников бурмистром, и с иными ямщиками к нему Борису Скрыплеву в усадьбу ездили. И приехав, стали в той ево усадьбе на людцом дворе и послали к нему, Борису, задворного ево человека. И он, Борис Скрыплев, собрався с людьми своими и со крестьянами, меня нижеимянованного раба твоего и выборного бил дубьем смертным боем и после того без твоего, государь, указа, сняв порты, бил нас на козле кнутом и после батоги. И от его Борисовых побоев я нижеимянованный раб твой и выборный и два человека ямских охотников лежал при смерти» [145].

Получив челобитье бурмистра, царь пришел в неописуемую ярость и распорядился Скрыплева схватить, отправить в Преображенский приказ и там «допросить подлинно по чьему он, Борька, наущенью своровал против великого государя». Особенно возмутил Петра факт битья батогами — такой казни в России подвергались преступники, и то только по царскому указу.

Нападения на почтарей случались не только на мелких станциях. 8 мая 1708 г. жители Витебска наблюдали такую сцену. В тот день для адъютанта князя Волконского, следовавшего из Витебска в Оршу, оправили с почтового двора три подводы. Но только выехал ямщик за ворота, как какой-то прохожий, «мимошедший человек», стащил его с лошади и начал бить и топтать ногами. Услышав крик своего товарища, из здания почтовой станции выскочили писарь и несколько драгун, поймали обидчика и повели на допрос. А подводчик тем временем лошадей бросил, убежал и больше на службу не возвращался.

Избивший сначала назвался солдатом полка М. Б. Шереметева, а потом сказал, что он денщик капитана Еропкина. До выяснения личности и до указа Петра I, которому тотчас же сообщили о происшествии, преступника заперли в «холодную». Через некоторое время от Еропкина пришли два человека и стали увещевать писаря отпустить виновного. Оказалось, что задержанный — капитанский повар. Писарь просителей прогнал. Под вечер, когда на почтовом дворе не было драгун, пришли три солдата, стали кричать на писаря, а затем кинулись его бить. Но чиновник оказался скор на ногу, выскочил в окно и припустился бежать. Преследователи гнались за ним до тех пор, пока он не спрятался во дворе шляхтича Сухороцкого. По указу царя солдат, нападавших на почтарей, били кнутом до полусмерти [146].

15 апреля 1708 г. крестьяне деревни Судниково Смоленского уезда напали на капитана Мельгунова, писаря Чуева и драгун, когда они устраивали почтовую станцию. Мужики отбили у солдат телеги с их имуществом, а самих прогнали. Из Москвы пришел капитану указ: «Ты б тем всем крестьяном, которые драгун били и грабили, учинил

жестокое наказание; велел бить батоги нещадно и, грабеж драгунский весь на них доправя, отдал тем драгуном». Вместе с тем устроителю почты сделали выговор: «И то все чинитца твоею оплошкою и несмотрением, за что доведешься ты наказанья» [147].

Не удалось выяснить, как был наказан Иван Мельгунов. В мае 1708 г. капитана отстранили от занимаемой должности. Вместо него почту от Смоленска до Полоцка и Великих Лук принял поручик Григорий Алабин. Ему тоже пришлось выдержать бои с местным населением. Каких трудов стоило Алабину наладить нормальную почтовую гоньбу, явствует из его рапорта канцлеру Г. И. Толовкину.

Когда устраивали ям на реке Ловати в деревне Табаки, приехал к Алабину солдат Преображенского полка Пятюна от капитана Г. И. Кошелева. Распорядился капитан, чтобы из близлежащих сел не брать для почты ни лошадей, ни сена, ни кормов, потому что здесь находится на постое его рота. И еще велел капитан добавить: «Если из вас которого поймает за рекой Ловатью в своей фатере (в месте постоя) за лошадьми поедите или за сеном, то сами увидите, что вам будет» [148]. Нельзя было снарядить стан и за счет других деревень, там тоже располагались войска. Потребовалось вмешательство Г. И. Головкина и фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Хотя канцлер Головкин лично отвечал перед царем за работу почты в зоне боевых действий, это не мешало ему отправлять устроителям скорой гоньбы такие распоряжения:

«Порутчику Василию Кондаурову. По получению сего письма, с маестности пани Адамовичевой деревни Добрыни на почтовые станции лошадей иметь не велено. Також и обид и озлобления никакова той маестности крестьянам не чинить, понеже та маестность в моей квартире» [149].

Скорые посылки в армию специально никак не называли: почта и почта. С начала XVIII в. появился речевой оборот: «почта в полки». Термин «полевая почта» в документах впервые промелькнул в 1712 г., но в русском языке не прижился. Право гражданства это выражение получило только после 30 марта 1716 г., когда был опубликован петровский Воинский Устав, глава XXXV которого так и называлась «О чине полевой почты».

Через полевую почту проходило много различной корреспонденции: главнокомандующий доносит о своих действиях царю, «Главному от войска» посылают рапорты командиры отдельных частей и получают его распоряжения, идет переписка между армиями, «господа офицеры» отправляют свои грамотки родным и знакомым, большое количество писем идет в полки из столицы. Вооруженные силы не всегда квартируются в местах, где проходят линии государственной почты, как говорилось в Уставе, «иногда войско в пустой земле и далеко от городов стоять принуждено» [150]. Для сношений армии с уже существующими, стационарными отделениями связи и учреждалась полевая почта.

Полевая почта существенно отличалась от «почты в полки». Последняя в большинстве случаев прокладывалась вновь в том направлении, куда пошли войска. На почте устраивались ямы с определенным числом гонщиков и лошадей. Они возили корреспонденцию «от стана до стана». До 1716 г. на новые станции чаще всего брали коней и корма у местного населения. Полевая почта обходилась только армейскими резервами. В большинстве случаев почтальон, не говоря уже о курьере, вез корреспонденцию из полка до ближайшей почты, меняя на промежуточных станах только лошадей. Это было вызвано тем, что полевая почта имела сравнительно небольшой радиус действия, редко свыше 100 верст.

Рождение института полевых письменосцев знаменует собой новый этап в развитии отечественной связи. Примерно к 1711 г. выявилась нерентабельность «почты в полки», когда на очень короткий срок прокладывалась новая или реорганизовывалась старая почтовая линия. В большинстве случаев это делалось силами армии и отнимало большое количество солдат, преимущественно кавалеристов. Например, только на линии Смоленск—Витебск—Великие Луки—Новгород работало 8 офицеров, 12 писарей, 26

урядников и 370 драгун [151], А всего временные военные линии обслуживало не менее 6 тысяч всадников.

Указом от 14 августа 1711 г. прекращается доставка корреспонденции между городами Витебском и Лепелем. С этого дня начинается коренная перестройка «почты в полки». На линиях Великие Луки—Витебск—Могилев—Гомель; Смоленск—Витебск—Полоцк—Рига; Смоленск—Орша—Минск; Могилев—Бобруйск—Минск и ряде других солдаты заменяются ямщиками. Другими словами, временные, созданные для военных нужд, почты становятся постоянными, гражданскими. Ямщиков на них набрали как из местного населения, так и переселяли добровольно из других областей России [152].

В крупных военных соединениях и в отдельно действующих полках создаются полевые почтовые отделения. В состав службы связи входили: почтмейстер, два писаря и несколько почтальонов. Первый ведал приемом и отправлением корреспонденции, писари ее регистрировали, почтальоны стояли на временных станах и развозили письма. Кроме перечисленных лиц в штат полевой почты входили полевые курьеры, которых отправляли только к царю или в Военную коллегию.

По своей структуре воинская почта практически ничем не отличалась от гражданской. К ней предъявлялись те же требования по сохранности писем и скорости их доставки. «Почтальоны, — говорилось в Уставе, — «осторожно и поспешно поступать должны» [150].

Военные почтари принимали непосредственное участие в боевых действиях.

18 августа 1708 г. почтовый курьер сержант Андрей Корзин и двое сопровождающих были отправлены фельдмаршалом Б. П. Шереметевым с «нужными и важными письмами» в Москву. Из армии курьер ехал на Оршу к ближайшей почтовой станции. Всадники проскакали уже много верст, и лошади притомились. Вдруг впереди показался столб пыли — навстречу мчался шведский разъезд. Почтари повернули назад. Но лошади шведов были резвее, и они стали нагонять русских. Корзин понял, что от погони не уйти, и решил принять бой. Солдаты спешили, залегли и, как только противник приблизился, встретили его залпом из мушкетов. Один швед упал, шестеро обратились в бегство. Почтари продолжали свой путь [153].

Спустя некоторое время, Петр I замечал Шереметеву, что военным почтарям нужно давать самых резвых лошадей.

По своему внешнему виду служащие полевой почты ничем не отличались от остальной массы солдат. Они носили форму своих частей, которая дополнялась небольшой черной сумкой через плечо. На крышке ее был жестяной орел. На груди у военных почтальонов висела медная бляха с государственным гербом. Курьеры возили письма за обшлагом мундира, поэтому им сумка не выдавалась. Лишь с 1732 г. чинов военной связи всех родов войск одевают в зеленые суконные мундиры одного покроя. Тогда же ликвидируются полковые почтовые отделения, служба доставки корреспонденции остается только при штабах армий.

Сотрудникам полевой почты выдавали порции (пищу для людей) и рационы (лошадиный корм). Почтмейстерской команде полагалось в день 21 порцион и 12 рационов, курьеры, которые по Уставу были «молодые и твердые люди», получали 6 порционов и 2 рациона. Порцион на день составлял: хлеб — 2 фунта, мясо — 1 фунт, вино — 2 чарки, пиво — 1 гарнец [5](#). На месяц: соль — 2 фунта, крупы — полтора гарнца. «Сверх того в квартирах дается сервиз, то есть уксус, дрова, свечи, постеля. А по случаю прибавляются и прочие употребляемые вещи к пище». Лошади на сутки получали: овса — 2 гарнца, сена — 16 фунтов, сечки — 2 гарнца, соломы — 1 сноп [154]. С изданием Воинского Устава в русском языке появился термин «почтальон» — в тогдашней транскрипции «постильон». С тех пор слово «почтарь» все реже и реже встречается в официальных документах и после 1725 г. исчезает совсем.

В годы Северной войны продолжала действовать цензура частных писем, посылаемых за рубеж. Запрещалось сообщать сведения военного характера и передавать

какую-либо иностранную корреспонденцию шведских военнопленных «под потеряннем живота и отнятием всего их (нарушителей) движимого и недвижимого имения». Между тем «всякая корреспонденция, касающаяся корабельного ходу купечества, ижедения и промысла, також каждого о приватных делах да будет по-прежнему вольно» [155]. Эти положения публиковались для всеобщего сведения в 1701, 1716 и 1718 гг.

¹ Ингрия, Ижорская земля, Ингерманландия — исконные русские земли по берегам Невы и побережью Финского залива от устья Невы до устья Нарвы. С 1719 г. входила в Санкт-Петербургскую губернию.

² Так первоначально называлась будущая столица России.

³ Выть — мелкая податная единица в старой России. Выть не имела постоянной величины. Чаще всего в нее входило четыре семьи. Если считать, что в «средней» семье XVIII в. было семеро мужчин, то ямская выть состояла из 28 охотников.

⁴ Тогда Витебск принадлежал Польше.

⁵ Фунт = 409,5 г; чарка = 122,99 мл; гарнец = 3,28 л.

ПИСЬМА В НОВУЮ СТОЛИЦУ

В апреле 1703 г. русские войска вышли в устье Невы. 16 мая на одном из невских островков начали рубить деревянную крепость и назвали ее Санкт-Питербурх — город святого Петра.

В год основания Петербурга начала работать почта между городом на Неве и Москвой. Вплоть до 1714 г. скорая гоньба в Ингрию существовала как «почта в полки», т. е. была приспособлена в основном для нужд армии и строительства русского флота. В некоторых документах той поры она так и называлась. Например, в книгах Кремлевской оружейной палаты сохранилась запись 1708 г. о посылке мелкого оружия «в Питербурх с почтой с Москвы в полки» [156]. Поэтому управление скорой гоньбы находилось в руках военных и в первую очередь моряков, хотя формально она подчинялась губернатору А. Д. Меншикову, впрочем, тоже человеку военному.

Почтовую гоньбу организовали сравнительно быстро — за какие-нибудь две недели. Тракт между Москвой и Новгородом был достаточно хорошо освоен. Оставалось создать два стана на дороге от Новгорода до Петербургской крепости. «Те ямы в довольном месте устроить пристойнее, разделя поровну и смеря верстами, чтоб был ям от яму в равенственном числе мерою» [157]. На каждой станции должно находиться по 10 вытей ямщиков. Такой приказ получил подьячий Новгородской приказной палаты Юрий Водиллов. Стройщик разместил на 217-верстовом пути (потом оказалось, что он приписал 12 верст «лишку») станы в Передельском погосте и деревне Заречье.

На следующий год число станов увеличили до семи. Подьячий Евстафий Игнатъев из Новгорода построил остановочные пункты в деревне Менюши, Передельском погосте, деревнях Турово, Васильково, Тозеро, Заречье, Ушеницы. Дорога между ямами не везде была хорошей и сухой. Приходилось делать гати, чинить старые мосты, возводить новые, а через реку Лугу около деревни Турово поставили новый плот, который ходил от берега до берега на канатах. Случалась и другая неприятность. Не у всех охотников имелись лошади. Гонщики из Копорья, которых направили в деревню Васильково «сказали, что де у них лошади померли сея зимы от бескормицы и ходят они с почтами пешие» [158]. В помощь этим почтарям Игнатъев приставил пшанского ямщика с 2 лошадьми и дал денег из отпущенных ему средств «на лошадиную покупку». На вновь организованных ямах стояли охотники из Новгорода, Копорья, Пшанска и Ладоги. Причем по невыясненным причинам копорских ямщиков в официальных документах называли «казаками».

Как видно из документов, по новой почтовой дороге ездили преимущественно верхом. Возможно, тракт был не совсем удобен для передвижения больших обозов и громоздких экипажей. Поэтому грузы и путешественники добирались до Петербурга из Новгорода по круговой ямской дороге: по реке Волхов, через Ладогу и Шлиссельбург [1](#). Часть ее, до города Волхова, проходила по старому олонечскому пути конца XVI в.

Первые годы существования почтового тракта Петербург—Новгород были годами поисков оптимального размещения на нем необходимого числа станций и почтарей. Поэтому и направление движения, и расстояния между ямами, и количество лошадей на них менялись ежегодно, а иногда и по два раза в год.

17 октября 1707 г. Ландрихтер [2](#) Я. Н. Римский-Корсаков доносил адмиралу П. М. Апраксину, что он учредил от Петербурга до Новгорода станы для почтовой гоньбы, «на каждом стану по 10 лошадей, и стан от стана расстоянием по 2 мили [3](#)» [159]. Через несколько лет, в 1710 г., по случаю морового поветрия была проложена большая почтовая дорога в Москву через Ладогу, Тихвин, Устюжну и Кашин. Ее обмерял и организовал по ней гоньбу капитан С. Т. Охшевский, один из устроителей вологодского тракта. На многих участках этого пути, например между Тихвином и Устюжной, никогда не строили станы. Поэтому здесь почтовые лошади содержались уездными обывателями. А чтобы не разорить последних частой гоньбой, подводы на новой дороге разрешалось давать только

курьерам, ехавшим с «нужными государевыми письмами» [160]. Почтари получали подорожные, составленные примерно по той же форме, что и для гонцов в города засечной черты. Им разрешалось брать лошадей не только на станциях, но и в любом населенном пункте у любого жителя [161]. Курьерская гоньба новым трактом продолжалась меньше года, до весны 1711 г. В последующих документах даже не упоминается о доставке почты в Петербург по этому маршруту.

1711 г. начался для русской почты с распоряжения об устройстве дороги через Волоколамск, Ржев, Старую Руссу. Одновременно с этим приказали, чтобы «через Тихвин и на Тверь посылать никого не велено» 11621. Из-за малой населенности этих мест число подвод, выдаваемых курьерам, стали ограничивать до 3. Но, кажется, указ от 23 января не был выполнен. Уже весной почта из Москвы приходила в Петербург через Новгород, а между Ржевом и Старой Руссой до сих пор нет прямой дороги.

Итак, было установлено, что наилучшая, самая короткая и самая удобная, дорога для почтовой гоньбы в Москву проходит через Новгород и Тверь. Ее и стали осваивать в дальнейшем.

С 1707 г. начинается прокладка от Петербурга и других почтовых путей. По распоряжению А. Д. Меншикова организуются станы по дорогам до Олонца, Старой Руссы, Великих Лук, Торопца и рубежей петербургской провинции. Причем подобно тому, как и от берегов Невы до Новгорода, расстояние между ямами определяется в 2 мили, и на каждом должно быть по 10 лошадей для скорой гоньбы. Кроме того, не позже 21 марта 1708 г. [4](#) начала ходить почта к польской границе через Копорье, Нарву, Псков и Великие Луки. Здесь на каждой станции находилось по 12 подвод.

После присоединения Курляндии начала работать русская почта между Ригой и Петербургом. Гоньба производилась через Дерпт и Нарву. «По завоевании города Риги (июль 1710 г.), — читаем в архивной записи, — по предуготовлению генерал-поручика Боура, от одного подполковника учреждено было и на подставы мужицкие лошади сбираны, а потом по порядочной репортиции (распределению) из земли [5](#) выписаны и через уреченное время сменялись. А в 1712 г. прислан из Санкт-Петербурга почт-мейстер [6](#) Тарбеев оныя подставы учредить, чтобы на каждой подставе по 20 лошадей непременно стояло, и потому по равно учиненной репортиции вся земля с местностей своих на тех лошадей надлежащее дать принуждены были и от того времени постоянно содержались, токмо на первую (от Риги) подставу пять лошадей прибавлено за трудным песчаным путем. На тех лошадей фураж на каждую подставу зимою из земли привозился» [164]. Организация рижской почтовой линии имела для России особое значение — по ней впоследствии доставлялась корреспонденция в зарубежные государства. Но первоначально, до 1714 г., все письма за границу шли через Мемель [7](#) до прусского рубежа.

И наконец, 2 октября 1712 г. открылось почтовое сообщение из Петербурга в Каргополь. Жители Каргопольского, Олонецкого, Белозерского и Чарондского уездов поставили по большой дороге «в пристойных местах, где и ранее бывали почтовые и ямские станы», по 3 почтовых и по 9 ямских подвод. Так было положено начало тракту Петербург—Архангельск. Практически уже в то время имелась возможность обмениваться письмами с берегом Белого моря, потому что ямские станы между Архангельском и Каргополем существовали с конца XVI в. Петербургско-каргопольский тракт был организован исключительно силами морского ведомства и находился в его подчинении. Лошадей почтари давали только тем лицам, которые ехали по подорожным Адмиралтейской канцелярии, подписанным адмиралом П. М. Апраксиным или адмиралтейским советником А. В. Кикиным, «а окромя оных подорожных, — говорилось в указе об установлении почты, — ни по каким подорожным подвод не давать [165].

Первые почтовые линии из Петербурга, как мы уже говорили, относились к военно-полевым почтам. Пока в непрерывных сношениях с каким-либо районом страны была необходимость по тем или иным государственным соображениям, поддерживалась в

надлежащем порядке и скорая гоньба. Но как только надобность в этом отпадала, приходил в упадок и почтовый тракт. От многих некогда оживленных дорог сейчас не осталось и следа, сохранились лишь те, которые приобрели общегосударственное и торговое значение, такие, как Москва—Петербург, Петербург—Рига. Нам ничего неизвестно о режиме работы петербургской почты того времени — об этом не говорит ни один документ. Очевидно, гоньба была нерегулярной, потому что почтари возили в основном официальные бумаги, которые требовалось доставлять как можно скорее, в нарушение установленного графика.

Петербургская почта вобрала в себя все лучшее, что применялось на почтовых трактах России: организацию самой гоньбы и контроль за ее осуществлением, способы запечатывания писем и почтовые печати. Вместе с тем она сделала и свой вклад в развитие отечественной службы связи.

«Для оберегательства подвод», надзора за порядком отправления гоньбы, осмотра и подписания подорожных, приема прогонов и ведения записных книг на почтовые станции Петербургской губернии по указу 1707 г. назначили особых лиц из военных, дворян «или из каких чинов пристойно добрых» [166]. В 1708 г. на подставы от Петербурга до польской границы послали для надзора офицеров, каждого с командой из шести солдат. Им велели: «тем надзирателям на тех станах посланным курьерам давать почтовые лошади по подорожным с расписками, а которые курьеры грамоте не умеют, тех записывать в книги имянно, в которых месяцах и числах и по чьим подорожным почтовые лошади даны будут, и для того на всяком стану каждому надзирателю иметь записные книги» [167]. Так родилась особая должность «станционный смотритель». Строго говоря, до рождения термина оставалось еще почти сто лет. Но по сути «комиссар», их еще и так называли, выполнял те же функции, что и его собрат в конце XVIII в. К слову, «станционный смотритель» и «почтовый надзиратель» были синонимами еще в начале прошлого века. В указах 1712—1714 гг. четко очерчен круг обязанностей надзирателей. Он «долженствовал почтовый двор и лошадей надзирать и на тех лошадей фураж принимать и выдавать и проезжающим курьерам и другим чрезвычайно едущим по подорожным до постав лошади отправлять и надлежащее при том старание иметь» [168].

Кроме того, в обязанности надзирателей входило «оберегательство подвод». В начале XVIII в. езда по дорогам России была далеко небезопасной. Шайки из беглых солдат и крестьян хозяйничали на трактах. В Петербургской губернии для охраны почты на каждом стане находились солдаты, которые сопровождали почтаря от подставы до подставы. С 1712 г. солдат с почты сняли, а вместо них надзирателям приказали привлечь на каждую станцию «по пяти мужиков для караула». С них взяли клятву, что они будут честно исполнять свой долг и сами на почту нападать не станут.

Особенно славился разбойничьими нападениями переезд через Смыковский ручей неподалеку от Торжка. Старожилы этих мест рассказывают о разбойнике Зенце, слава о котором далеко разнеслась за пределами Новоторжского уезда. По преданию, разбойники собирались, смыкались, около моста под высокой столетней сосной. В народе ее так и называли сосной Зенца, она украшала близлежащий Митинский лес до 1960 г. Против Зенца и других разбойников, орудовавших на большой дороге, по именному указу Петра I в 1711 г. был направлен полковник Козин с командой солдат. Ему было разрешено «осудить и казнить за убийство — смертью, а за ограбление — ссылатъ на каторгу с вырезанной ноздрей» [169]. Легенда утверждает, что Зенцу удалось скрыться от карателей. Так это или нет, но указы о поимке разбойников на почтовой дороге из Петербурга в Москву многократно издавались и в последующие годы ⁸.

На петербургских почтовых линиях впервые в России начинает вводиться строгое разграничение понятий «почтарь» и «ямщик». Примерно с 1710—1712 гг. в указах ямские лошади постоянно противопоставляются почтовым, что, однако, на практике не мешало использовать первых для скорой гоньбы. Наиболее точное определение различий между двумя видами транспортных средств дал обер-камергер герцога голштинского Берхгольц,

живший в России в 1721—1725 гг. Запись относится к 1721 г. «Разница между ямскими лошадьми и обыкновенными разгонными ⁹ заключается в том, что с первыми нужно было ехать три и четыре станции, тогда как последние менялись на каждой станции» [170]. Берхгольц называл ямщиков также «извозчиками». Через несколько страниц мы столкнемся с понятиями: езда «на долгих», т. е. от места до места на ямских лошадях, и «на перекладных» — через почтовые станции.

Как уже говорилось, петербургская почта в первые годы своего существования была нерегулярной, что требовало колоссального количества транспортных средств. Поэтому строжайшим образом ограничивался проезд людей на почтовых подводах, ими могли пользоваться только курьеры и узкий круг лиц, близких к царю. Указы от 17 октября 1707, 17 ноября 1710 и 27 ноября 1713 гг. предписывали нанимать подводы «под всякие припасы повольней ценою» [171] у ямщиков или у любого человека, изъявившего желание перевезти груз. Вместе с тем распоряжение от 2 января 1711 г. разрешало давать курьерам только по две подводы, вместо трех.

Наряду с ограничением почтовых разгонов принимались меры по увеличению количества транспортных средств и улучшению жизни ямщиков. Интенсивно увеличивалось количество ямов в Петербургской губернии. Для этого в 1711 г. в Ямской приказ послали распоряжение со станов, «через которое в нынешние случаи езды мало случается, выбрать ямщиков 100 вытей с женами и детьми и с лошадьми, сколько подлежить на выть» [172]. С этого указа начинается длинная цепь уложений о переселении охотников на возвращенные русские земли.

В петровскую эпоху у ямщиков стало больше разгонов, но никоим образом не ухудшилось их материальное положение. Они продолжали получать от правительства денежное и хлебное жалование, сохранили за собой прежние земельные наделы. Ямщики освобождались от новых налогов, пошлин и повинностей. Например, при установлении в 1713 г. гривенной пошлыны с лошадей, велено было у ямщиков «лошадей не переписывать и гривенных денег не иметь, для того, что они всякие полковые припасы возят и с посланными ямскую гоньбу гоняют и на станциях для почты стоят непрестанно ¹⁰ и против прежних лет с излишеством и чтоб им той ямской гоньбы не оставить». Ямские охотники не освобождались только от рекрутчины. Петр I распорядился «употреблять их в драгуны» [173].

Для улучшения материального положения гонщиков правительство распорядилось, чтобы количество прогонных денег, следуемых ямщикам, записывалось в подорожных. Почтовые надзиратели обязаны были требовать с проезжающих прогоны полностью. Если кто-то из курьеров или служилых людей уклонялся от уплаты денег, смотритель доносил о всех нарушителях начальству и с провинившегося взыскивали прогоны вдвое. Первый указ о платном проезде в Петербургской губернии относится к 1707 г. 1 июля 1710 г. это положение подтвердили вновь. В дополнение к этим законам 27 ноября 1713 г. вышел новый, повелевавший прогонные деньги давать «в руки ямщиков, а не в приказ или комиссарам» [174]. Новый указ значительно сокращал делопроизводство и предупреждал возможность злоупотреблений со стороны приказных, выдававших жалование ямщикам. Следует отметить, что суть распоряжения 1713 г. оказалась очень живучей. Во-первых, сам указ действовал почти сто лет до 1807 г. Во-вторых, его основное положение - выдавать прогоны в руки ямщиков просуществовало в русских законах до Великой Октябрьской социалистической революции.

Теперь наш рассказ вступает в полосу сплошных противоречий. Разговор пойдет о величине прогонных денег, а источники по этому вопросу не только содержат много неясного, но и зачастую противоречат друг другу.

Мы уже неоднократно говорили, что в допетровскую эпоху прогонная такса составляла 3 деньги на 10 верст за каждую ямскую лошадь, причем на некоторых трактах прогоны не платились. С начала XVIII в. положение несколько изменилось. В частности, был введен другой принцип оплаты труда ямщиков, ездивших между Москвой и

Новгородом. Они стали получать «кормовых» по 6 денег в день на каждую подводку независимо от того, бывают охотники в разгонах или нет. При устройстве в 1707 г. петербургской почты А. Д. Меншиков приказал платить прогоны за почтовую подводку в размере 3 алтын 2 денег (10 копеек) за каждые 5 верст пути. Причем если курьера или почту сопровождал проводник на лошади, то за нее плата не взималась. Приказ петербургского губернатора категорически запрещал безденежный проезд: «а не взяв тех денег (прогонов), никому ни по каким подорожным, кто и за рукою его светлости (Меншикова) объявит, отнюдь не давать и везде жестокими указами запретить, а ежели кто силою возьмет, и тот без всякого милосердия казнен будет смертью» [175]. Петр I подтвердил категорическое и строгое предписание своего любимца, но уже через несколько месяцев 31 марта 1708 г. именным указом повелел давать курьерам, посланным из Петербурга к польской границе, лошадей без платежа прогонов. Еще через несколько дней, 17 апреля, именным же указом было определено, какие лица имеют право выдавать подорожные о безденежной даче почтовых подвод из Петербурга в армию и из армии в Петербург.

С 1710 г. по всей петербургско-московской дороге устанавливается единая величина прогона — 1 деньга с версты как за ямскую, так и за почтовую лошадь. Бесплатно могли проезжать только курьеры царя и его приближенных — Меншикова, Шереметева, Апраксина и Головкина. В следующем году сенатскими указами от 10 апреля и 5 сентября предписывалось всем ямщикам между Москвой и Новгородом, возившим и не возившим почту, установить оплату по старому образцу — 3 деньга за 10 верст, «для того, что ямщикам дается годовое жалованье и за ними ж есть земли, а Санкт-Петербургской губернии ямы им не в образец» [176]. А 22 февраля 1712 г. московский губернатор И. Ф. Ромодановский с разрешения Петра I, вопреки решению Сената, приговорил за почтовую подводку давать прогон по деньге за версту. И такая неразбериха продолжалась еще несколько лет.

Порой случались курьезы. Например, есть очень интересный сенатский указ от 12 ноября 1712 г. В нем говорится о посылке людей по почте от царя, цариц, царевича и от Сената с письмами, разными другими вещами, припасами и денежной казной. Было приказано с посланных «ймать на ямские подводки прогонные деньги по прежнему указу по 3 деньга на 10 верст, а почтовые давать безденежно, а поверстных денег по прежним указам как на ямские, так и на почтовые подводки до указа не иметь для того, что от таких посылок те деньга даются из Его Царского Величества казны» [177]. Сопоставим этот указ с теми, о которых только что говорили. Первое, что бросается в глаза, — противоречие положению, согласно которому прогоны за почтовые перевозки были выше, чем за ямские. И второе, царские курьеры вообще не платили поверстных денег ни за один вид транспорта. Кроме того, сенатский приговор противоречил именному указу Петра I, по которому на дороге до Каргополя и дальше до Архангельска прогоны за почтовую лошадь составляли 2 деньга на версту, а за ямскую — деньгу.

С 1712 г. Петербург становится столицей Русского государства, но регулярной почты к нему еще не существовало. Письма по определенному графику доставлялись только из Москвы до Новгорода. Гонцы же в новую столицу отправлялись без регламента. Бывали случаи, когда в один и тот же день из Москвы одновременно выезжали два посыльных: почтарь с новгородской корреспонденцией и курьер в Петербург.

Ниже приведена выдержка, правда несколько более ранняя по времени, из записной книги московского почтмейстера Правдина. Обратите внимание на то, какая путаница получалась из-за существования двух почт — регулярной и курьерской. «1709 года апреля в 15 день отпущена почта с Москвы из Государственного посольского приказа в Великий Новгород и в прочие города, и в тверские слободы с почтарем с Иваном Никитиным в холщевом меху (мешке) за полковою почтовою печатью красного сургуча, а с ней ландрихтера Якова Римскова-Корсакова с денщиком со Львом Каменевым на почтовых на двух подводах з грамоты: одна в Новгород, коменданту Татищеву И. Ю., две

во Псков К. А. Нарышкину, указ в Ладугу провиант-мейстеру Г. И. Бестужеву; пакет из Адмиралтейского приказа дьяку Т. Долгово при Санкт-Петербурге; пакет в Стокгольм Я. Ф. Долгорукову; тоже и туда И. Ю. Трубецкому; письмо туда же А. М. Головину; посылка в холстинной обертке в Санкт-Петербург в дом князя Алексея Михайловича Черкасского человеку его Василью; пакет писем из Дворцовой Канцелярии в Новгород дьяку Андрею Семеновичу Юдину; письмо в Санкт-Петербург оберкоменданту Я. В. Брюсу; грамота в Великий Новгород коменданту И. Ю. Татищеву из Разряда о шведах. Таковые почтовые письма и посылки принял Лев Каменев и расписался» [178]. Почтари, попутчики курьера, менялись время от времени, а он ехал, ни на шаг не обгоняя почту ¹.

1714 год. Он знаменуется для петербургской почты переселением ямщиков на тракты, установлением регулярных почт между Петербургом и окрестными городами и учреждением городского почтамта.

Строго говоря, все это началось несколько раньше, 27 ноября 1713 г., когда Петр I собственноручно написал указ об устройстве в Петербургской губернии станов и поселении на них ямщиков из других мест России. Нам уже известно, какого рода указы издавались при устройстве почтовой гоньбы. Отметим некоторые особенности, отличавшие петербургскую почту от всех остальных.

Дорога от столицы до Новгорода была разделена на две части, границей которых был город Чудово. На всем пути поселили 216 вытей ямщиков из Московской, Рижской, Ярославской, Азовской, Киевской, Казанской и Архангелогородской провинций. Из Сибири охотников не брали — слишком далеко. Но зато сибиряки платили денежный оклад на устройство новой почтовой дороги по 10 рублей с выти, тогда как с их собратьев из Европейской России брали только по пяти. В течение 1714 г. были окончены работы по устройству ямов: построены жилые дома, конюшни, распределены пахотные земли и покосы. По первому зимнему пути началось переселение самих ямщиков.

Устройство ямских станов и слобод по петербургской дороге легло тяжким бременем на всех охотников России. Нелегко приходилось и переселенцам. Хотя им «для первого случая» выдали на обзаведение: гонщикам между Чудовым и Петербургом — по 60 рублей на выть, остальным, осевшим в местах, где жизнь была дешевле, — по 40. Этих денег на долго не хватило. Петербургский губернатор А. Д. Меншиков, которому вменялось в обязанность устройство гонщиков, только отмахивался от челобитных ямщиков. Бесконечная гоньба изнуряла охотников, тем более что, как выяснилось впоследствии, в Петербург «высланы были самые маломочные». Скандал разразился 16 июня 1720 г. В тот день Сенат заслушал доклад о положении на почтовом тракте Петербург—Новгород. Отмечалось, что регулярная почта работает более или менее нормально. Зато с перевозкой грузов дело обстоит из рук вон плохо. Выяснилось, что основные положения царского указа 1713 г. не были выполнены: ямщиков поселили меньше положенного, недодали денег на обзаведение, нарушались ограничительные законы о выдаче подорожных. Прямым следствием неурядиц явилось полное разорение охотников и бегство их со станций. Так, на Тосненском яме из 55 переселенных вытей вымерло и разбежалось 45, на Волховском было еще хуже: из 56 вытей его покинули 52. Бежавшие в основной своей массе шли в ямщики на другие тракты, записывались в слободы или к вотчинникам. Некоторые же выходили на большую дорогу грабить проезжающих [179].

Сенатский приговор предлагал решительные меры для улучшения гоньбы: дослать из губерний и провинций недостающих ямщиков, сыскать и вернуть на прежние места всех беглых, а также послать из Ямской канцелярии «определенных дворян» для осмотра и переписи по всем дорогам населения вновь учрежденных ямских и почтовых станов. Так началось закрепощение ямщиков. Через два года перепись была проведена уже по всей европейской части России. Посланным «для переписки и свидетельства мужеска пола душ» приказали: «ежели явятся из тех ямов выходцы в дворцовые и в синодальные (церковные) волости или в слободы и к вотчинникам, и таких из тех мест с

женами и с детьми и со всеми животы высылать на прежния их жилища немедленно» [180].

Хотя указы 1720 и 1722 гг. навечно закрепили определенное число людей за скорой гоньбой, положение ямщиков было гораздо лучше, чем остальных государственных крепостных. Петр I и его сотрудники прекрасно понимали, какую роль играет почта в развитии военного и экономического могущества России. Поэтому к 1720 — 1725 гг. относится целый ряд распоряжений по улучшению условий гоньбы и материального благосостояния ямщиков. Охотникам категорически запретили заниматься какими-либо промыслами, кроме извоза и торговли на станах кормом и съестными припасами. Ямщики перестали возить рекрутов и воинские припасы.

К концу царствования Петра I вводится единообразная такса для проезда из Петербурга в Москву. Прежде всего надо сказать, что еще в 1714 г. было определено право частных лиц пользоваться ямскими и почтовыми подводами. Поэтому в указе Сената от 27 марта 1717 г. прогонная плата была установлена отдельно для едущих по казенной надобности и для частных лиц. Последние платили двойные прогоны — это положение сохранилось до конца XIX века. Для казенных людей были установлены прогоны: за ямские подводы — 6 денег за 10 верст, а почтовые — по деньге за версту [181]. Этот указ нарушал основное правило выплаты прогонных денег на петербургско-московском тракте, установленное еще в 1707 г.: на участке Петербург—Новгород платили больше, чем по всей остальной дороге. Причина, по словам Берхгольца, «была та, что крестьяне между Петербургом и Новгородом большей частью были недавно поселены там, почему их всячески щадили, желая дать им возможность лучше устроиться» [182]. Это положение было вновь изменено распоряжением от 24 мая 1720 г., согласно которому за почтовые подводы от Петербурга до Новгорода платили по 2 деньги, от Новгорода до Москвы — по деньге за лошадь на версту. Для ямского транспорта — соответственно по деньге на версту и по 6 денег на 10 верст [183].

22 июня 1714 г. Сенат объявил о начале регулярной гоньбы между старой и новой столицами: «учинить обыкновенную ¹² почту, в неделю 2 дни, а именно: в понедельник и пятницу, для того что без установленной почты нужнейшие государевы указы и письма посылкою медлятся» [184]. Спустя четыре месяца, 24 сентября, аналогичное распоряжение было издано и для почты в Ригу, Ревель (Таллин) и Пернов (Пярну).

Хотя указ о создании регулярной почты в Москву по времени был оглашен раньше распоряжения от 24 сентября, первой начала организовываться почта Петербург—Рига. По замыслу П. П. Шафирова, она должна была стать образцом для трех остальных. Дело было поручено новому петербургскому почтмейстеру Генриху Готлибу Крауссу ¹³.

Прежде всего, по желанию царя, который хотел видеть всю Россию одетой в «немецкое» платье, указом от 30 декабря 1714 г. велено было приготовить почтарям новую форму. Почтальонов одели в зеленые ¹⁴ английского сукна кафтаны с красными обшлагами и отворотами и с медными пуговицами, сарцуты (род плаща) с васильковыми обшлагами и отворотами, а головной убор с верхом из английского зеленого сукна с Красными отворотами. На грудь почтальона вешалась медная бляха с орлом. Такая одежда была заказана для 20 гонщиков [185].

Почтарям предписывалось извещать о своем прибытии и отправлении звуками рожка. Но русские не умели пользоваться этим инструментом. Тогда из Мемеля (теперь — Клайпеда) пригласили почтальона для обучения петербургских коллег игре на рожке. Однако новшество прививалось с трудом. Полковник Вебер, находившийся на русской службе, рассказывал, что один из почтарей опоил себя «из злости» крепкой водкой, предпочитая умереть, чем приставить к губам немецкий инструмент. Рожок не прижился у русских гонщиков. Современники сообщают, что по дорогам мчались почтовые и курьерские подводы с лихим посвистом и криками: «Эй, родимые, грабят!» Ямщиков пытались наказывать, их штрафовали. Выдропужский охотник Николай Логинов в 1721 г.

за свист был бит батогами. Все бесполезно. Рожок так и остался неприменяемым атрибутом русской почтовой гоньбы [186].

Собственно говоря, в то время из официальных документов изгнали русские почтовые термины, такие как «почтовая гоньба», «почтарь», «гонец». Им на смену пришли: «почтамт (в тогдашней транскрипции — «пост-амт»», «почт-контора», «почтальон», «эстафета» (старое название — «нарочная почта»), «экспедиция», «пост-пакет» (почтовый пакет с письмами), «реестр» и другие. Несколько другое значение имело и слово «корреспонденция». Тогда под ним понимали пересылку писем или вообще почтовые сообщения.

Но вернемся к Крауссу. 20 сентября 1714 г. почтмейстер представил Шафирову ¹⁵ доклад о проделанной работе. Почту предлагалось из-за плохого состояния дороги устроить верховую. На рижскую линию петербургская почтовая контора выделяла три лошади с конюхами, которые гоняли от Петербурга до первой почтовой станции. Раньше она находилась в 30 верстах от города в Дудергофе (ныне — город Можайский). Краузе решил, что лошадям будет тяжело, особенно в плохую погоду, делать по тридцать верст в оба конца, и перенес первую подставу ближе к столице в Горелый Кабачок (теперь Горелово). Здесь он поставил 18 лошадей ¹⁶. Таким образом, между Горелым Кабачком и следующей станцией в Новой Буре (ныне Новая) получился очень большой перегон — 44 версты. Почтмейстер разделил его пополам и на мызе Кипень устроил станцию с 20 лошадьми. Следующие за Новой Бурей станы находились друг от друга на расстоянии свыше 20 верст. Их Краусс оставил на своих местах. Схема почтовых подстав между Петербургом и Нарвой теперь выглядела следующим образом: Петербург (24 версты) — Горелый Кабачок (21 верста) — Мыза Кипень (23 версты) — Новая Буря (25 верст) — Копорье (25 верст) — Мыза Пилава (22 версты) — Ямбург (25 верст) — Нарва.

Далее за Нарвой почтовый тракт проходил через Дерпт и Валк. Здесь станции были организованы еще в 1707 г. На них находились по два крестьянина для гоньбы и по одному унтер-комиссару, надзиравшему за лошадьми. От Риги до Доблена (сейчас — Добеле) ходила государственная почта, а дальше к прусскому рубежу корреспонденцию доставляло частное лицо. В бумагах приказа Ямских дел сохранилось «Известие о состоянии почт в Рижской губернии», в котором есть следующее сообщение: «немецкая почта утверждена по прежнему шведскому порядку и с некоторым иноземцем в Курляндии именем Урбаном контракт учинен, по которому он обязан подставы и почтальоны между Добленом и Мемелем содержать и почтовые суммы верно отправлять». За работу Урбану «генерал почт правитель несколько денег определил». Эти «несколько денег» составили 520 талеров (менее 250 рублей) в год [187].

Сложнее дело обстояло с лошадьми. На Пилавской мызе Краусс нашел 15 не ахти каких хороших лошадей. В Ямбурге стояло 16. А в Нарве получилось совсем плохо. Восемь лошадей на почтовой станции совсем не могли возить ни почту, ни проезжающих, до того они были заезжены.

Мы уже говорили, что с 24 сентября 1714 г. начала работать почта в Лифляндии. Это не совсем верно: почтальон уехал только на другой день. А двадцать четвертого был объявлен Регламент о скорой гоньбе между Петербургом, Ригой, Ревелем и Перновым. Почта устанавливалась двух видов — верховая (ординарная) и для перевозки проезжающих. Вновь учрежденной почте и ее служащим давались большие привилегии. Запрещалось всем и каждому задерживать почту в пути или причинять почтовым работникам какой-либо вред или чинить насилие.

Для соблюдения государственных интересов на каждые два перегона назначался особый унтер-комиссар. Его распоряжения должны были неукоснительно исполнять не только подчиненные ему солдаты, но и все проезжающие. Унтер-комиссары строго следили за тем, чтобы верховая почта отправлялась без замедления, часы ее прихода и ухода записывались с точностью в проездные документы. Курьерам он давал самых лучших лошадей, напоминал о необходимости следовать без задержки и взыскивать

прогоны за взятые подводы. В то время часто жаловались на курьеров за то, что они, задержавшись где-то в пути, безжалостно гнали лошадей так, что последние, не выдержав бешеной скачки, нередко падали в дороге. Если же проводник, пытаясь удержать курьера, указывал ему на недопустимость такой езды, то оказывался битым сам. Регламент запретил курьерам впредь творить подобное беззаконие и предписывал им ездить сзади проводников со скоростью 8 верст в час ¹⁷. Если посыльный нарушал это постановление, комиссар доносил о случившемся в Петербургский почтамт и с виновного взыскивалась стоимость загубленной лошади. Все прочие проезжающие могли получить подводы только по подорожной с взиманием установленных прогонов. Любой проезжающий, будь то почтарь, курьер или путешественник по своей нужде, не мог проезжать на казенных лошадях больше одного перегона. Для защиты почты и путешественников от нападения «безбожных людей» на каждой станции находился солдатский караул. С его помощью и при поддержке местных крестьян унтер-комиссар должен был задерживать и заключать под стражу злоумышленников, донося о них петербургскому почтамту. «Наше... высокое намерение», — говорится в заключительной части Регламента, — «состоит в том, чтобы оказать публике услугу устройством верной и безопасной перевозки почты, то еще раз строго наказывается каждому о том, чтобы им исполнялись все предписанные выше постановления или чтобы, в противном случае, он ожидал себе наказания за нарушение их, как телесно, так и отнятием жизни, чести и имущества, по важности его проступка; для того-же, чтобы никто не мог отговариваться незнанием Регламента, предписывается опубликовать его во всеобщее сведение на каждой почтовой станции». Оттиски Регламента были вывешены на самых видных местах [188].

Почта в Ригу начала работать с 25 сентября 1714 г. Это верно только наполовину, так как с этого дня стали возить лишь частную корреспонденцию. А правительственные распоряжения в Ригу доставлялись еще раньше со вторника 24 февраля. Первое время дни отъезда почтаря из Петербурга были вторник и суббота. 25 сентября регламент работы почты сменился: она стала уходить из столицы по понедельникам и пятницам. Верховая почта находилась в дороге четыре дня и прибывала в Ригу в пятницу и вторник, что не было согласовано с графиком заграничной почты, отправляемой в Мемель в воскресенье и четверг, вследствие чего корреспонденция, идущая за рубеж, бесполезно лежала в Риге два дня. Поэтому в декабре 1723 г. вернулись к старому времени выезда почтальонов из Петербурга: вторник и суббота [189].

В 1722 г. между Россией и Пруссией начались переговоры об устройстве, помимо легкой верховой, еще тяжелой почты для перевозки посылок и денежных отправлений. Почти год обменивались мнениями по этому вопросу генерал-почт-директор А. И. Дашков и прусский посланник в Петербурге фон Мардефельд. Переговоры кончились ничем, так как стороны не могли разрешить вопроса об ответственности за сохранность денежных отправлений.

На петербургско-рижской линии впервые в России вводится новый принцип оплаты частных почтовых отправлений: в качестве весовой единицы был принят не золотник, а лот ¹⁸. Такса почтовой оплаты была следующей: от Петербурга до Нарвы — 5, до Дерпта — 8, до Ревеля — 10, до Риги — 15, до Митавы (Елгава) — 18 копеек за лот. Эта такса оставалась неизменной в течение 20 лет. Почтмейстер Краусс определил стоимость пересылки зарубежных писем. Он определил ее из стоимости провоза письма до Риги — 15 копеек за лот, 12 копеек — за пересылку его от Риги до Мемеля и заграничного почтового сбора (так называемого «порто») за дальнейший транзит до места назначения. При этом Краусс проделал одну нехитрую операцию. Он получал плату за пересылку заграничного письма в копейках, а расплачивался за него с немецкими почтмейстерами в прусских грошах, курс которых был ниже. Таким образом, в доход петербургского почтового двора шла разница в курсе, что составляло, по мнению авторитетного исследователя русских финансовых связей с границей М. И. Чулкова, для каждого письма в Голландию 5 копеек с лота [190].

Первоначально почта перевозилась из Петербурга в Ригу на крестьянских лошадях без платежа прогонов. В 1718 г. лифляндские ландраты ¹⁹ обратились к П. П. Шафирову с требованием оплачивать их расходы за доставку корреспонденции. В противном случае они грозили остановить почтовую гоньбу. Поэтому Шафиров вынужден был повысить таксу за иностранные отправления, потому что «из почтовой казны за малым сбором платить было невозможно». Она стала почти в два с половиной раза выше. Теперь почтовый сбор за письмо от Петербурга до Мемеля составлял 69 копеек вместо прежних 27 [191].

Почтовые сборы за иностранную корреспонденцию составляли колоссальные по тем временам суммы. Так, с 1 июля 1720 г. по 1 июля 1723 г. петербургская почтовая контора получила 7614 рублей 9 копеек. Вместе с тем очень много приходилось платить так называемых «ремизов» — денег за пересылку русской корреспонденции за границу. Только за письма в царских «интересах писанные» в 1720г. пришлось перевести мемельскому почтамту 3163 рубля 78 копеек.

Рижская почта создавалась как образцовая. По ее подобию в 1715 г. реорганизуется московско-петербургская гоньба. 6 июля и 13 сентября командировали в Петербург из Посольской канцелярии подьячих Федосия Ряховского и Ивана Юрьева, которые устроили новую почту. Здесь принцип организации рижской почты соблюдался в точности. Вместе с тем были и отличия: за перевозку «почтовых заморских писем» почтарям платили поверстные деньги. На всех ямских станах велись особые книги, в которые записывали все проходящие почты. В конце года книги отправляли в Петербург к Шафирову, который выдавал прогоны выборным от почтовых станов. И еще одна небольшая деталь: почтари московского тракта, в отличие от своих рижских собратьев, возили почтовые суммы без сопровождающих [192, 193, 194].

Пересылка «немецкой» почты из Москвы в Петербург через вновь учрежденные станции началась 2 февраля 1716 г. Первоначально на каждой станции находилось по 4 почтовых и 10 курьерских лошадей. Через год число почтовых подвод уменьшили до трех. Содержание по 13 лошадей на стане причиняло ямщикам «великие убытки и разорение». Поэтому Сенат 8 июля 1723 г. распорядился «от Петербурга до Новгорода на почтовых станах быть по 6 лошадей, а прочим с дальних ямов почтовым и кои стоят для заморской почты не быть» [195]. Одновременно указали, что казенная корреспонденция пересылается через учрежденные почты, а не через нарочных посыльщиков и курьерами. Таким образом, на московской линии произошло слияние почтовых и курьерских подвод.

От Петербурга до Москвы плата за пересылку писем исчислялась еще по-старому, с золотника: от Москвы до Клина — 3, до Твери — 4, до Торжка — 5, Вышнего Волочка — 6, до Новгорода — 7 и до Петербурга — 10 копеек за золотник. Если из столицы посылали письмо по Архангельскому тракту, то оно сначала доставлялось в Москву и уже оттуда на Север. Отправка письма из Петербурга в Архангельск обходилась 20, в Вологду—15, в Ярославль—13 копеек с золотника веса.

Казалось бы, из Петербурга в Архангельск письма проще возить через Каргополь. Но эта почта подчинялась Ямской канцелярии и купеческие письма для пересылки не принимала. Она доставляла только дворянскую и солдатскую корреспонденцию, а также грамотки русских промышленников. Такая почта называлась **ямской**.

Первый петербургский почтамт или, как тогда говорили, «почтовый двор», возможно, был открыт в 1714 г. [196]. Это была маленькая мазанка, такая же, как сотни «дворцов» в юной столице. Она стояла около Троицкой пристани ²⁰ на Неве. Почти прямо от почтового двора начиналась «перспективная» дорога на Москву — современный Невский проспект. 20 мая 1715 г. Петром I был утвержден проект застройки Миллионной ²¹ улицы (ныне улица Халтурина). Почтовый дом построили на месте современного Мраморного дворца. Большое двухэтажное здание было возведено в следующем году.

На почтамте не только производились почтовые операции, но и жили приезжающие, устраивались большие увеселения. Петр I здесь «многократно отправлял

некоторым праздникам и викториям торжества», бывал на свадьбах у своих приближенных. Это сообщает, ссылаясь на очевидцев, И. И. Голиков, автор многотомных «Деяний Петра Великого». По его словам, в почтовом доме Петр «повелел одну залу убрать наилучше, в коей потом... имел со своими министрами, генералами и офицерами публичные ассамблеи и другие большие для увеселения всех собрания; сей дом избрал монарх для собраний таковых, как кажется, для того, чтобы участниками онаго были и чужестранцы» [197]. Рассказу Голикова противоречит сообщение известного нам Берхгольца: «В почтовом доме обыкновенно останавливаются все пассажиры до приискания квартир, потому что гостиниц, где бы можно было остановиться, здесь нет, кроме этого дома, который тем неудобен, что все должны выбираться оттуда, если царь угощает в нем; а это очень часто случается зимою и в дурную погоду (как зимний, так и летний дворцы царя очень малы, потому что он не может жить в большом доме; следовательно в них не довольно места для таких случаев, повторяющихся здесь почти еженедельно). Летом почтовый дом очень приятен: из него чудесный вид, но зимою там, говорят, почти нельзя жить от холода» [198].

Штат почтамта был невелик. Кроме охраны и служителей в нем состояли почтмейстер, секретарь, переводчик и три почтальона.

Петербургский почтовый двор в 1714 г. получил свою печать, сохранилось ее описание. Этот штемпель оттискивался на сургуче. Его диаметр — 28 мм. В середине изображен государственный герб России — двуглавый орел, по кругу сделана надпись «St. Pietersburgs Post-comp-toir — «Санкт-Петербургская почтовая контора».

В 1716 г. почтмейстер Краусс был изобличен в неблагоприятных поступках и отдан под суд за незаконную выдачу подорожных, получение из-за границы золота и драгоценностей, за мздоимство. На его место назначили Федора (Фридриха) Юрьевича Аша.

Ф. Ю. Аш (1683—1783), немец по происхождению, поступил на русскую службу в 1707 г. Принимал участие в Полтавском сражении и Прутском походе в качестве начальника армейской почты. Петр I оценил честность, исполнительность и аккуратность Аша и пожаловал ему 1000 рублей. В 1714 г. Аш назначается сначала секретарем, а после отстранения Краусса первым почт-директором ² петербургского почтамта. В этой должности он состоял 76 лет вплоть до самой смерти [199]. Несмотря на все свои положительные качества, Аш был безынициативным человеком. Обычно все идеи об улучшении почтовой гоньбы и о прокладке новых линий исходили от генерал-почт-директоров или московского почтамта, Аш же воплощал их в жизнь с необыкновенной пунктуальностью. В историю русской почты петербургский почт-директор вошел как беззастенчивый перлюстратор чужих писем. В архивах Москвы и Ленинграда можно найти много частных посланий, скопированных Ашем. Например, в ЦГАДА хранится дело «с приложением от разных иностранных при Российском дворе Министров (послов) на почте посланных писем» [200].

¹ Шлиссельбург (Шлюхтенбург) — ныне Петрохрепость.

² В 1708 г. при делении России на губернии были учреждены суды, во главе которых стояли ландрихтеры — земельные судьи.

³ Русская сухопутная миля равнялась 7 верстам или 7,4676 км.

⁴ Точнее даты назвать нельзя. Этим числом помечена роспись почтовой дороги к польской границе, хранящаяся в делах Воинского морского приказа в Центральном государственном военно-морском архиве. В росписи говорится о почте в Польшу, как о давно существующей. О ямском же тракте до ТМРВЫ известно из ноябрьских записей Походного журнала Петра I за 1704 г. [163].

⁵ Здесь под словом «земля» имеются в виду районы Курляндии, расположенные вдоль тракта.

⁶ Цитируемая запись датирована 5 сентября 1722 г., когда слово «почтмейстер» стало привычным. А в 1712 г. организаторов почты так еще не называли.

⁷ Ныне — г. Клайпеда.

⁸ Легенда о Зенце и документы о грабежах на почтовой дороге сообщены автору старейшим новоторжским краеведом А. А. Сусловым.

⁹ Кроме почтовых лошадей для обыкновенных разгонов, на станах находились также подводы, предоставляемые только курьерам.

¹⁰ Приведенный указ противоречит сказанному выше. Это объясняется тем, что правительство всячески пыталось реорганизовать русскую почту на европейский манер, но огромное число посылок не позволило разделить почту от ямской гоньбы. К услугам последней прибегали чаще, чем хотелось.

¹¹ Именной указ от 12 июля 1708 г. рекомендовал по причине частых нападений на почту отправлять курьеров вместе с почтарами.

¹² Почтовая связь, организованная по принципу Рижской и Архангельской почт, в отличие от спешной курьерской называлась обыкновенной. В документах той поры можно встретить еще такие названия: «ординарная» и «ординальная», произведенные от немецкого «ordinar» — обыкновенный.

¹³ Эта фамилия известна и в другой транскрипции — «Краузе».

¹⁴ Зеленый цвет форменного мундира являлся отличием почтового ведомства и в XIX в.

¹⁵ П. П. Шафиров официально принял петербургскую почту только в январе 1715 г. Но с самого начала скорой гоньбы в Петербург он постоянно интересовался ее работой. С 1714 г. Шафирову передавались все доклады столичных почтмейстеров.

¹⁶ Ямщики между Петербургом и Нарвой снабжали лошадьми почтарей, ехавших в Псков, Ригу и Ревель, поэтому на этом участке ставили по 20 подвод. Лошадей покупали по 10 рублей из доходов Петербургской губернии.

¹⁷ Это правило относилось только к почтовым лошадям. Указы 1715 и 1722 г., изданные в развитие Регламента, требовали, чтобы посыльные на особых курьерских лошадях проезжали в час по хорошей дороге до 15 верст.

¹⁸ Лот = 3 золотникам = 12,797 г.

¹⁹ Ландрат — в России в 1713—1719 гг. выборный от дворян уезда советник. Ведал судом и гражданским управлением в уезде.

²⁰ Эту пристань в те времена иногда называли Почтовой.

²¹ На некоторых старинных планах эта улица называется еще Немецкой.

²² Краусс носил звание почтмейстера.

ПО ЛЬДУ И ПО ВОДЕ

После возведения в 1704 г. на острове Котлин крепости Кронштадт (на тогдашнем языке — Кроншлот) встал вопрос о надежной связи гарнизона цитадели с Петербургом. Петр I придавал огромное значение Кронштадту как крепости и торговому порту, и поэтому не только приказывал: «оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело» [201], но и требовал от адмиралов установления почты на остров.

Первые сведения о доставке писем в Кронштадт весьма скудны и только приблизительно описывают состояние почтовой связи. Известно, что курьеров направляли из Адмиралтейства на весельных и парусных ботах [1](#).

А первые почтовые перевозки по морю начались в Швеции — наиболее развитом в морском отношении государстве той поры. Корабли с письмами из Стокгольма в Германию стали курсировать в начале 30-х годов XVII в. В 1638 г. первая регулярная почта по воде отправилась в Нарву через Або (Турку) и Гельсингфорс (Хельсинки). Позже были учреждены еще два маршрута на Восток: один — вокруг Ботнического залива, другой — до Риги через Аландский архипелаг и Або с заходом в Финский залив. Для регулярной пересылки почты из Швеции в Ригу к стокгольмскому порту были приписаны парусные почтовые яхты. Установлено, что летом 1708 г. на линии находилось три таких корабля. Введение регулярных рейсов почтовых яхт благоприятно сказалось на расширении к началу XVIII в. почтовых услуг. Почта в Швеции стала пересылаться два раза в неделю. Увеличение объема корреспонденции побудило почтовую администрацию усовершенствовать систему обработки и регистрации писем. К этому времени в Англии и Нидерландах стали применять почтовые штемпеля. С 1685 г. на стокгольмском почтамте на письма ставился знак франкировки частных писем, буква «В» — прообраз современной почтовой марки. В 1708 г. рижский и ревельский почтамты получили штемпеля с наименованием города. Они просуществовали два года вплоть до присоединения Ливонии и Эстонии к России.

С 1707 г. начинается строительство новой крепости на Котлине. Надзор за работами Петр I поручает А. Д. Меншикову. По его указанию организуется почтовый тракт до Ораниенбаума (ныне — город Ломоносов), ближайшего к Кронштадту порта на побережье Финского залива. Весь сорокаверстный путь от Петербурга до взморья курьеры проезжали без смены лошадей. Почтовая станция находилась еще в Петергофе (ныне — Петродворец), но здесь лошади стояли только для «его царского величества нужд» и получить их мог только курьер, отправлявшийся из Петергофа — летней резиденции Петра I. Число подвод на ораниенбаумском стане не было постоянным. Сначала здесь их находилось 10, а в 1714 г. — стало только 2 [202].

Добравшись до Ораниенбаума, посыльный отправлялся дальше через залив: летом — на шлюпке, а зимой — пешком по льду в сопровождении двух матросов. Курьеры получали подорожные и прогонные деньги на общих основаниях из военноморского ведомства. Как изменялась величина прогонов, знаем из предыдущей главы и останавливаться здесь на этом не будем.

Через Финский залив посыльных переправляли бесплатно. Возможно, что и на суше курьеры ездили так же. Их чаще всего отправляли или царь, или Меншиков, или адмирал Апраксин, чьи посыльные пользовались правом езды без прогонов. Это подтверждается сенатским указом 1708 г., когда ямщикам из Ораниенбаума установили постоянное жалование 40 рублей в год сверх назначенных ранее 25 рублей годовых [203].

В 1716 г. заканчивается строительство кронштадтской гавани, пристаней и складов. В это же время теряются следы почты на Котлин. Должно быть, ямщиков из Ораниенбаума сняли, и правительственные пакеты стали направлять прямо из Адмиралтейства на ботах или буерах [2](#).

В 1721 г. адмирал П. М. Апраксин доносил Сенату: «Августа дня его царское величество, будучи в Адмиралтейской коллегии, указал именным своим указом для всяких посылаемых о его государевых делах указов и писем, которые надлежит посылать на Котлиш остров, для скорости учредить почту до Котлина острова от Санкт-Петербурга и поставите по 3 почтовые лошади» [202]. По царскому слову Ямская канцелярия нарядила по три подводы в Стрельне и Ораниенбауме.

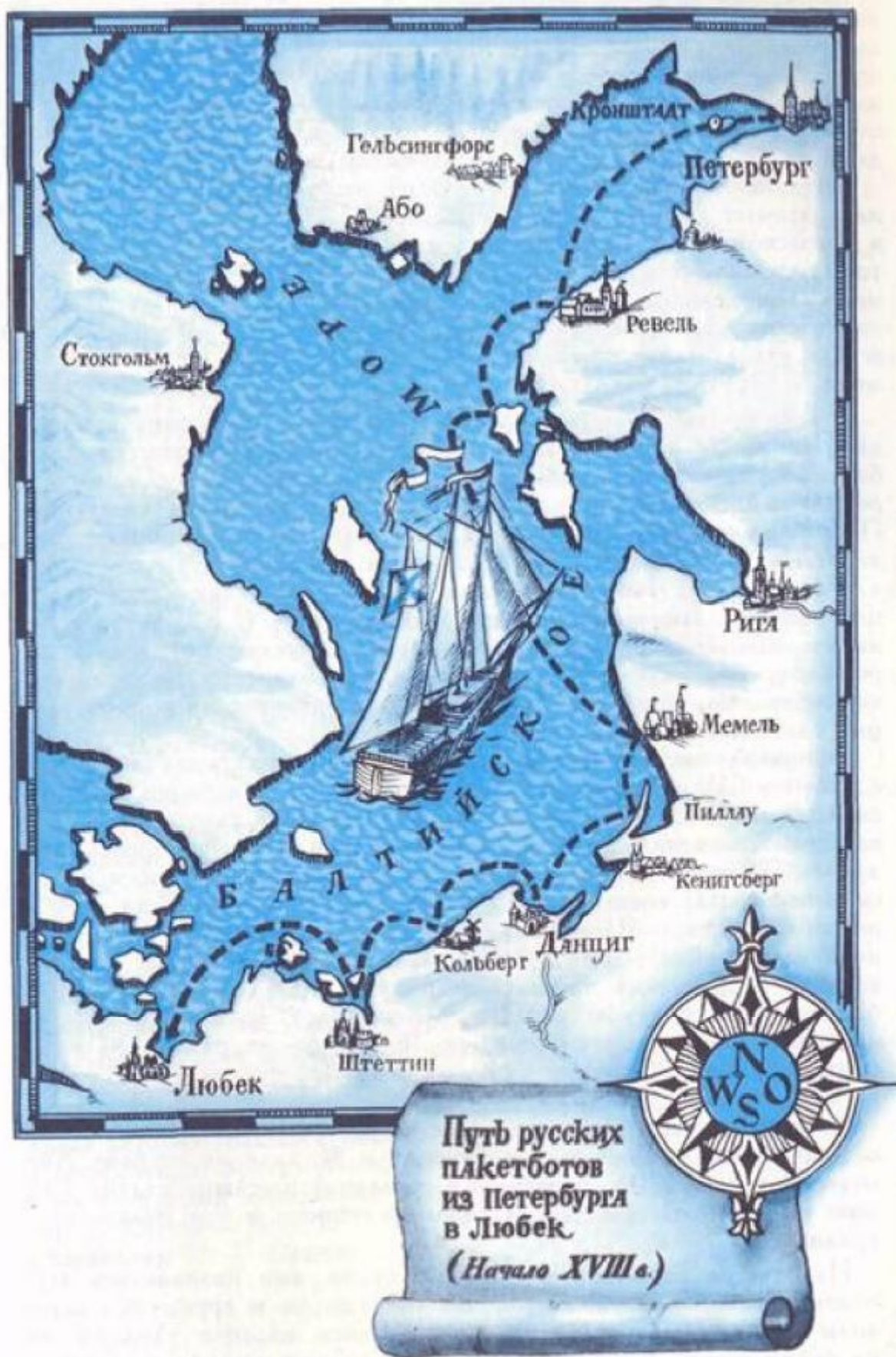
Новая почтовая линия была курьерской и отличалась от почты, созданной в 1707 г., только тем, что подорожные на нее выдавались Ямской канцелярией и кронштадтскими командирами. Такой порядок был установлен «для того, чтоб под образом куриеров не проезжали другие люди, которым на тех почтовых лошадях ездить не надлежит» [204]. За перевозку почты ямщики на Ораниенбаумском тракте получали по 2 деньги на версту за лошадь. Со следующего года порядок содержания кронштадтской почты переменился: Адмиралтейство стало платить Ямской канцелярии по 25 копеек за каждую лошадь в сутки.

Скорая гоньба в Кронштадт не очень изнуряла ямщиков. «Посылок было мало и ямщики с лошадьми стояли праздно», — говорилось в резолюции Адмиралтейской коллегии от 14 апреля 1725 г., по которой упразднялась сухопутная кронштадтская почта и предписывалось все указы и письма отправлять на Котлин с ординарными шлюпками. Под последним понятием имелись в виду буера [204].

Частные письма в Кронштадт стали возить только с 1727 г., когда на Котлин был назначен особый «почтовый управитель», подчиненный петербургскому почтмейстеру. Летом корреспонденция доставлялась малыми судами, а зимой — по суше до Ораниенбаума и далее пешком по льду. Но 1 декабря 1732 г. петербургская почтовая контора приказала «зимним временем почту из Кронштадта до Санкт-Петербурга не отправлять, понеже почтовой казне за малыми партикулярными письмами не без убытку будет, а впредь отправляться будет по вскрытии вод» [204]. Это распоряжение действовало до начала XIX в. Официальная же почта переносилась зимой пешими матросами. Кронштадтская почта имела большое значение и для международных отношений.

7 февраля 1724 г. Петр I дал указание Адмиралтейской коллегии построить для морских почтовых перевозок восемь пакетботов и назвать их «Почт-Горн», «Почт-Ваген», «Флигель Дефам», «Куриер», «Постильон», «Меркуриус», «Фортуна» и «Ласка» [3](#). Суда изготовлялись на Олонецкой верфи Ладожского озера. А пока новые суда спускались на воду, решили приспособить для почты два старых фрегата «Святой Яков» и «Принц Александр». Скоро к ним присоединились еще шесть небольших двухмачтовых корабликов. Из документов известно, что «Фортуна» и «Ласка» не были построены, и на Балтийском море курсировало только восемь русских пакетботов [205].

Первые в мире регулярные почтово-пассажирские морские перевозки начались 3 апреля 1724 г., когда фрегат «Святой Яков» вышел из Кронштадта и взял курс на немецкий порт Любек. Суда ухали в Германию еженедельно по пятницам. По словам Берхгольца, корабль «Святой Яков» находился в пути пять дней, достигая значительных, по тем временам, скоростей. После спуска на воду остальных кораблей график перевозок несколько изменился. В июле был открыт рейс в Данциг. Теперь из Кронштадта одновременно выходили четыре пакетбота: два — в Любек и два — в Данциг.

Объявления об отплытии кораблей вывешивались в Петербурге на почтамте, у кирхи адмирала Крейса, у Литейного двора, у кирхи в Греческой слободе и у Мытного двора. С 1725 г. сообщения о почтовых рейсах печатались в «Ведомостях» Петербургской Академии наук. Так делалось потому, что, хотя почтовое ведомство и Адмиралтейство стремились отправлять пакетботы по графику, это не всегда удавалось из-за навигационных особенностей судов того времени.

В день отплытия судна почту и пассажиров от Троицкой пристани Петербурга перевозили на буерах и ботах в Кронштадт. Свой багаж путешественники обязаны были сдавать заранее. Порядок пересылки письменной корреспонденции устанавливался следующим: Петербургский почтмейстер принимал почту от иностранных купцов, записывал ее и запечатывал в два мешка. На одном делалась надпись «Любек», на другом — «Данциг». На мешки накладывался сургучный штемпель петербургской почтовой конторы. В Кронштадте мешки сдавались под расписку почтовому управителю. Тот, в свою очередь, переправлял мешки на суда, в их получении расписывались командиры кораблей. По прибытии в порт назначения корреспонденция сдавалась местным почтмейстерам [206].

Официальных документов о морских почтовых тарифах в период с 1724 по 1727 гг. не сохранилось. Исследователь истории петербургской почты Н. И. Соколов считает, что они были такого же размера, как и за пересылку иностранной корреспонденции по суше. Начиная с 1728 г. плата за морской транзит купеческих писем на русских пакетботах составляла до Данцига — 20, а до Любека — 40 копеек за лот веса. За перевозку же пассажиров брали до Данцига по 3 ефимка (1 рубль 92 копейки) с человека. Каждому путешественнику разрешалось провезти бесплатно 100 фунтов (около 40 кг) багажа. Если груз был больше положенного, то за излишек устанавливалась следующая такса: от 10 фунтов до пуда — 30 копеек, свыше пуда до 100 фунтов — 40, а свыше 100 фунтов — по 12 копеек за каждый, даже неполный, пуд [207].

Пакетботы, курсировавшие между Кронштадтом и Данцигом, заходили в Ревель и Дагерорт (ныне — г. Кярдла на острове Хийумаа Эстонской ССР). За проезд в последний пассажир платил 1 ефимок. Сведений о тарифах за пересылку писем в эти города не сохранилось.

Из отчетов командиров почтовых судов, ими назначались лейтенанты русского флота, видно, что пассажиров и грузы они перевозили сравнительно редко. Во многие рейсы корабли уходили, имея на борту только почту, среди которой значительное место занимали денежные пакеты. Прусский посланник фон Мардефельд доносил своему королю в 1727 г., что русские пакетботы были предназначены больше для перевозки устриц, морской рыбы, фруктов и других продуктов, выписываемых из Гамбурга для нужд царского двора, чем для почтовых сообщений. Это высказывание не имеет под собой реальной основы, так как тот же фон Мардефельд в 1728 г. от имени прусского короля начал переговоры с генерал-почт-директором А. И. Остерманом о расширении географии русских почтовых перевозок. Немецкая сторона предлагала сделать два дополнительных остановочных пункта или в Кенигсберге (Калининград) и Штеттине (Щецин), или в Пилау (Балтийск) и Кольберге (Колобжег). Немецкий проект не встретил сочувствия у Остермана. Любек и Данциг (Гданьск) были наиболее значительными торговыми городами на Балтике, а заход пакетботов в другие порты мог нарушить и без того ненадежный график почтовых перевозок.

Весь доход от морской почты петербургский почтамт брал себе. Адмиралтейство же, начиная с 1727 г., стало использовать пакетботы как учебные суда. Весной команда кораблей комплектовалась из новобранцев, а к концу навигации они становились заправскими матросами. Этим объясняется, почему в первую половину морского почтового сезона график доставки писем часто нарушался. Бывали случаи, что суда из Кронштадта уходили через 8—12 дней вместо 7 по расписанию. Такая практика была отменена только в середине XVIII в.

Военные моряки обслуживали гражданскую почту до первой четверти XIX в. Для посылочной службы строились быстроходные хорошо вооруженные корабли. Многие из них принимали активное участие в боевых действиях русского флота. Золотыми буквами в морскую историю нашей страны вписан подвиг восемнадцатипушечного посылочного брига «Меркурий», несколько часов сражавшегося с двумя турецкими линейными кораблями в проливе Босфор 14 мая 1829 г. В Хиосском бою 1770 г. отличился фрегат «Почтальон» под командованием И. Т. Овцина.

¹ Бот — одномачтовое, обычно плоскодонное, судно, предназначенное для перевозки по морю клади и людей.

² Буер - однопалубное, одномачтовое морское суденышко.

³ С тех пор вошло в традицию на русском флоте называть почтовые и посыльные суда «Курьер», «Почтальон», «Меркурий».

РОД ПЕСТЕЛЕЙ

Первый штат московской почтовой конторы был утвержден 24 декабря 1724 г. Служащим почтамтов, Ямского и «Немецкого», назначили жалованье: чиновникам — 345 рублей в год, почтальонам, служителям, рассыльщикам, сторожам и на канцелярские расходы — 1227 рублей 52 копейки. По сенатскому определению, «почт-директорской канцелярии со всеми подчиненными почтмейстерскими конторами получать жалованья из сбора почтовых денег» [208]. Доходы ямской почты в то время были незначительные. Свое содержание ямская почтовая контора получала из прибылей «немецкой» почты. В 1722 г. место Меркула Правдина, ушедшего со службы по старости, занял Фадеврехт. Секретарем почтамта стал его сын. В производстве почтовых операций Фадеврехту помогал канцлярист. Ему же поручали контролировать работу почтарей и выплачивать им жалование. В конторе был и секретарь-переводчик с немецкого Вольфганг фон Пестель. Впрочем, он предпочитал называть себя на русский манер Владимиром Пестелем.

О начале карьеры фон Пестеля сохранилось сравнительно немного сведений. Точно неизвестно, когда он поступил на русскую службу, когда был направлен в московскую почтовую контору. Его фамилия впервые встречается в 1722 г. в списках сотрудников Коллегии иностранных дел. Не позднее 26 сентября 1724 г. он назначается «Генерального почтамта секретарем».

С 19 февраля 1725 г. «немецкой» почте в Москве официально присваивается название «почтамт», что, впрочем, не помешало именовать его в казенных бумагах вплоть до конца XVIII в. и почтовым двором, и почтовой конторой, и «немецкой» почтой, и генеральным почтамтом, хотя до 1725 г. под последним названием понималась ямская и «немецкая» конторы в Москве, а после — только петербургский почтамт.

Указом от 19 февраля 1725 г. Владимир Пестель был «пожалован» в почт-директоры и оставался в этой должности до самой своей смерти, последовавшей 26 апреля 1763 г. Но, по иронии судьбы, несмотря на столь громкий титул, который отсутствовал в «Табеле о рангах», Пестель продолжал носить звание «чиновника четырнадцатого класса». Только 15 июля 1744 г. ему вместе с петербургским почт-директором Ф. Ашем присваивается чин подполковника, а еще через шестнадцать лет они поднялись ступенькой выше — в статские советники.

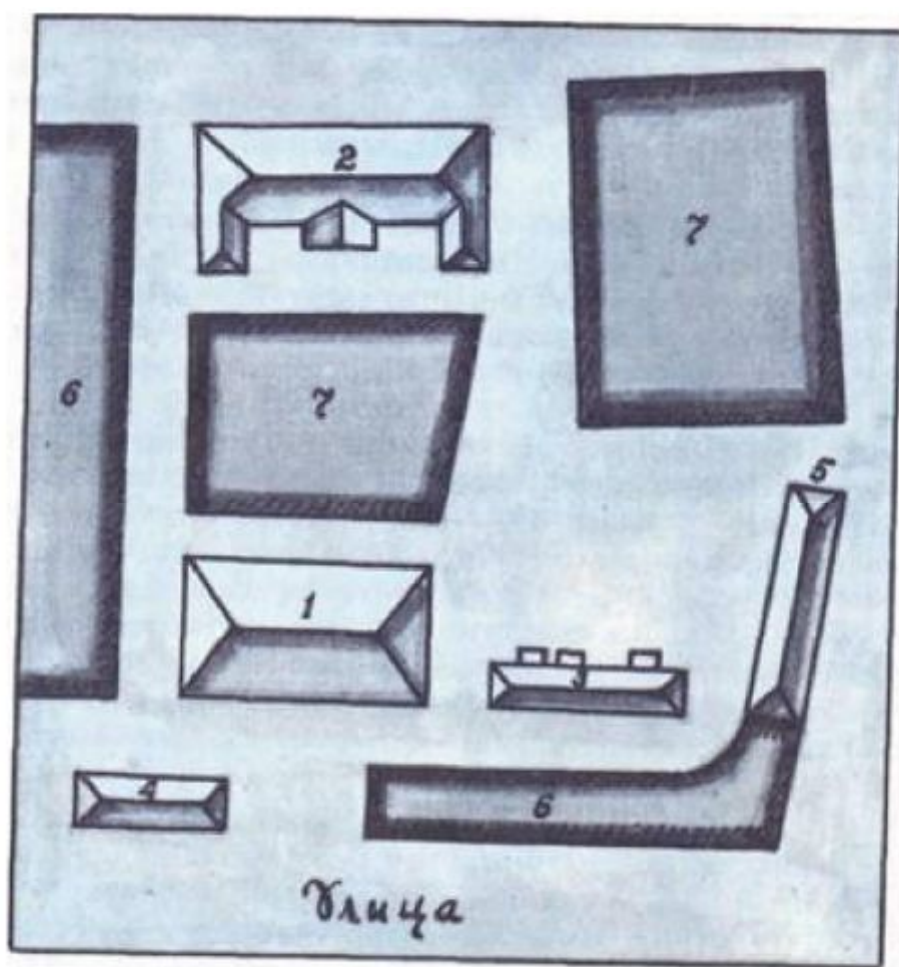
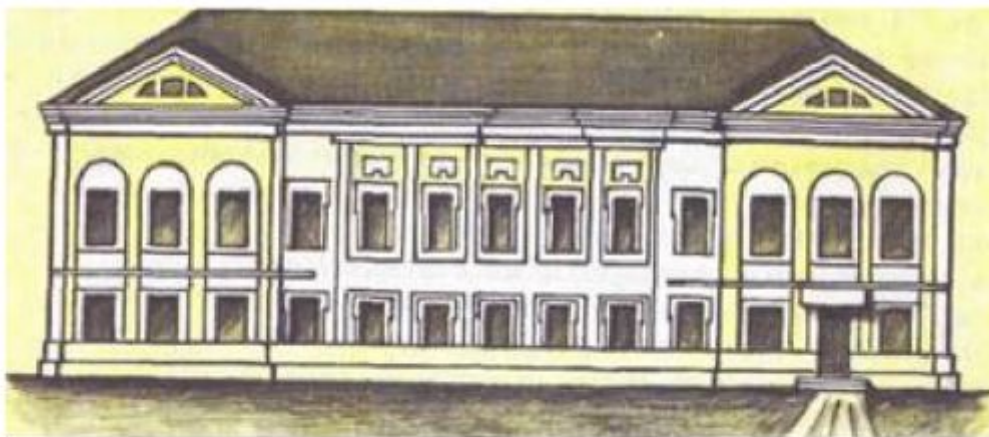
Должность московского почт-директора стала наследственной в семье Пестелей. Они руководили московскими почтарями до 1798 г., когда внук «Генерального почтамта секретаря» Иван Борисович был назначен петербургским почт-директором.

Московскому почтамту было неуютно в доме Крейса: трескались стены, протекала крыша, провисал и грозил рухнуть потолок. Сквозь щели в окнах холодный ветер гнал в комнату стужу и сырость. 18 марта 1742 г. объявили указ императрицы Елизаветы Петровны генерал-почт-директору Бестужеву-Рюмину: «не упуская времени для московского почтамта добрый дом купить и, заплатя из почтовых доходов денег, немедленно туда перевести» [209]. Не успели выполнить это повеление, как за ним, 4 апреля, последовало новое: отдать почтамту подворье покойного новгородского митрополита Феофана Прокоповича. Оно находилось в Белом городе между Сретенскими и Мясницкими воротами. Сейчас это место ограничено Сретенским бульваром, улицей Мархлевского, Бобровым и Фроловым переулками.

По приказу Бестужева-Рюмина в Москву отправился обер-архитектор В. В. Растрелли. Ему поручалось осмотреть подворье и определить его пригодность для немедленного перевода туда почтамта. 11 апреля архитектор доносил, что на дворе стоят только два жилых дома, нет ни конюшен, ни погреба, ни других служб. Местность вокруг болотистая, нездоровая. Подвалы обоих домов полны воды. Внутри постройки сильно повреждены. По мнению Растрелли, необходимо сделать новую крышу, печи, двери, оконные рамы, полы, потолки, лестницы и забор вокруг двора. Стоимость капитального ремонта была определена им в 8000 рублей без малого. Простой же ремонт, считал

знаменитый архитектор, обойдется в шесть тысяч рублей. Времени на текущую починку потребуется семь-восемь месяцев, полная перестройка займет год. Со своей стороны, Растрелли предлагал приобрести для московского почтамта дом барона Соловьева — здание более удобное и вместительное. Хозяин просил за свой двор 12000 рублей.

Генерал-почт-директор схватился за голову. Таких денег у почтового ведомства не было. Да и сроки поджимали. Бестужев-Рюмин обратился в Сенат. Сенат не согласился с мнением В. В. Растрелли, нашел, что суммы на ремонт, указанные архитектором, сильно завышены, и перепоручил это дело московскому зодчему Ивану Мичурину.

Московский почтамт 1742 г. и план «почтового двора» (по чертежам И. Мичурина)

И. Ф. Мичурин составил новое, более подробное, описание подворья новгородского митрополита [1](#). Из него видно, что дом, который стоял «в линию, что от города» (по современной улице Мархлевского), был одноэтажный [1]. Внизу находился погреб, над ним жилые покои из семи палат и одной «палатки» (небольшой комнаты). «Задний апартament» [2] представлял собой двухэтажный дом на каменном подклете с глубокими погребами, 28 июня 1742 г. архитектор представил Сенату смету на капитальный ремонт всех домов в размере 2461 рубля 30 копеек. 7 июля она была утверждена, и Мичурина назначили «к смотрению» за починкой подворья.

11 июля архитектор собрал старост строительных артелей и устроил торги, кто меньше возьмет за ремонт. Подряд за 2410 рублей достался Петру Нестерову. Ремонтные работы закончились в последних числах сентября. В августе Дмитрий Чекалев для осушения подвалов «чрез Белый город воды канал и деревянную трубу сделал». За эту работу почтамт заплатил 50 рублей. До наступления зимних холодов тот же Петр Нестеров за 1100 рублей срубил на почтовом дворе избу с каморкой для канцеляриста и под одной крышей с ней еще две избы для почтальонов [3]. Все помещения имели отдельные выходы, что отмечено на плане И. Ф. Мичурина. За те же деньги артель Нестерова построила караульную, ледник, кухню для почтовых служащих [4], сарай и конюшню на 10 стойл [5]. Двор обнесли забором. На территории усадьбы разбили цветники [6] и два фруктовых сада [7]. И, наконец, крестьянин Степан Иванов с «товарищи» за 30 рублей вырыл во дворе колодец. Таким образом, ремонт зданий почтамта и дополнительные постройки на дворе обошлись всего в 3590 рублей [210].

Уже в 1742 г. каменные дома новгородского подворья поступили в ведение московского почтамта, по выражению архитектора И. Ф. Мичурина, «с сединами». Поэтому, по ветхости своей, они не могли долго простоять. В 1760 г. «задний апартament» был сломан до основания, и на его месте построили в 1765 г. новый деревянный дом со службами и каменными погребами. Здесь жили Пестели. Через двадцать лет семья почт-директора переехала на Мясницкую (ныне — улица Кирова) в новое здание почтамта. В бывшем новгородском подворье осталось жить несколько чиновников и служителей.

В 1785 г. для московского почтамта сняли усадьбу И. Л. Лазарева на Мясницкой улице. Сейчас на этом месте стоят здания Главного почтамта и его экспедиций. Аренда была заключена на четыре года с ежегодной платой 4000 рублей. По истечении срока договор возобновили, но платить хозяину стали меньше — 3000 рублей. Содержание Московского почтамта обходилось государству недешево. Кроме внесения арендной платы, казна за свой счет делала ежегодный ремонт зданий. Поэтому почт-директор Б. В. Пестель уже в сентябре 1789 г. предложил купить для почтамта собственный дом. Выбор пал на тот же двор Лазарева, и 10 августа 1792 г. его приобрели в казну за 50000 рублей «с каменным и деревянным всяким строением, с землей с садом и с фруктовыми в них деревьями, со всем без остатку» [210]. Во владении почтового двора оказалось два каменных дома и несколько деревянных. Главное здание было трехэтажное, крыто тесом. Прием и выдача почты производились во втором этаже. Дом служил почтамтом до начала XX в.

В последней четверти XVIII в. московский почтамт стал сложным предприятием связи. Его служащие кроме писем принимали к пересылке деньги и посылки. Увеличение объема корреспонденции потребовало разделения почтамта на несколько отделов — экспедиций. Надо сказать, что московский почтамт расчленили на специализированные подразделения раньше других отделений связи России. В Петербурге и Риге это произошло несколько позже. Указом от 26 марта 1777 г. в Москве было образовано пять экспедиций. Через двадцать лет их стало восемь: 1 — канцелярия почтамта; 2 — счетная; 3 — приема и отправления денег и посылок; 4 — раздачи денежных кувертов; 5 — отправления почт; 6 — разборки почт и раздачи простой корреспонденции; 7 — иностранная (ведала приемом и раздачей всех видов отправлений за границу) и 8 —

секретная. Простые письма принимались пятой экспедицией. Во главе отдела стоял экспедитор. Канцелярия почтамта находилась в непосредственном подчинении у почт-директора.

Чиновников на почтамте служило около 60 человек. Кроме того, два цензора проверяли содержание иностранных газет и журналов, четыре офицера контролировали работу почтовых станций, подчиненных почтамту. В штат служащих входили: архитектор, его помощник, — «архитектурный ученик», садовник и два лекаря. «Почтальонская команда» состояла из трех унтер-офицеров и 60 письмоносцев. Караул на почтовом дворе несла «инвалидная команда» в количестве 63 человек. Убирали двор и помещения пятнадцать сторожей. Посетителей почтамта встречали два швейцара.

В старину письма обычно на дом не доставлялись. Только по указу от 19 августа 1746 г. в Петербурге и Москве приказано для развозки частной корреспонденции выделять по одному «ямщику с лошадей... в каждой неделе одни сутки, в те дни, когда имеет приходить почта» [211]. За развозку почты почтальоны не получали никакого жалования, довольствуясь «доброхотным приношением» адресатов. Доставка писем на дом считалась доходным промыслом, поэтому ее по очереди выполняли ямщики и почтовые служащие.

«Сфера влияния» московского почтамта первоначально была очень велика. Его начальник контролировал все отделения связи по рижскому и архангельскому трактам. В 1714 г, после создания петербургского почтамта ему передали дорогу от новой столицы до Новгорода. По указу 1725 г. московские почтари стали ездить по рижскому тракту до Торжка, а по архангельскому — до Шалотей. Всеми остальными станциями стал весть столичный почт-директор.

В 1767 г. ликвидируется ямская почта между Москвой и Смоленском. Скоро в ведение «немецкого» почтамта поступила и пересылка писем в Тулу. К 1782 г. все почтовые линии на юг и восток России перешли в подчинение московской конторе. У Ямской канцелярии осталась только служба связи Сибири.

Главное внимание Московский почтамт уделял своевременной доставке корреспонденции и правильному сбору «весовых денег» с частных писем.

Сенатским указом 1742 г. предписывалось за каждую лишнюю половину золотника брать, как за целый золотник веса письма. Но на местах не всегда точно соблюдали букву закона. Получался недобор «весовых денег». В этом случае почтмейстеру выговаривалось так же, как Парамону Конищеву из Ярославля. «Понеже, — писал ему В. Пестель 26 марта 1743 г., — по присланным из Ярославля от тебя, почтмейстера Конищева, партикулярным письмам картам усмотрено в то числе: марта от 19 дня сего 1743 года по карте писано Ивану Баташову, весом в письме два с половиною золотника, за которые взято две копейки с половиною, а надлежит взять три копейки; также и в прочих именах за те письма деньги браны с недобором, отчего в денежной казне имеется утрата (целых 15 копеек), а в счетах полугодовых немалое помешательство» [212].

Раз в три месяца почтамт устраивал ревизии. Из Москвы по тракту посылался один из офицеров. Ему приказывали проверить на станциях: наличие и состояние лошадей, сбруи, подвод, как ведутся записи в ямских книгах, правильно ли выплачиваются прогоны. В губернских почтовых конторах контролер сличал записи в почтмейстерских ведомостях с картами, присылаемыми в Москву. Офицеру-ревизору давалось право при обнаружении злостных нарушений сместить почтмейстера и временно назначить на его место секретаря.

Каковы были доходы «немецкой» почты до 1722 г., точно сказать невозможно: Марселиусы, Винусы и П. П. Шафиров смотрели на скорую гоньбу как на свою собственность. В этом отношении характерна «память» из Посольского приказа в приказ Большой казны от 21 апреля 1691 г.: «а сколько у дьяка Андрея Винуса за присланные с Москвы за море, также и из-за моря к Москве письма денег собирается того в Посольском

приказе неведомо» [213]. Сведения о доходах московской почтовой конторы той поры носят случайный, отрывочный характер: кое-что записано в тетрадах Виниусов, кое-что проскальзывает в некоторых «скасах».

После смещения Шафирова ведомости о доходах московского почтамта стали поступать регулярно. Первым был рапорт В. Пестеля. Он доносил, что наличный остаток с 1 июля 1722 г. по 30 июня 1724 г. составил 11445 рублей 8 копеек и 1 деньгу. Новый генерал-почт-директор Дашков сообщал Сенату, что в Москве с 1 июля 1722 г. по 1 января 1723 г. «в приходе 4457 рублей 13 копеек».

Ф. Кампореци. Тверская застава в Москве. Конец XVIII в.

Прибыль от московской почты росла год от года. В 1771 г. доход только от смоленской и тульской контор превысил 1180 рублей. Еще через несколько лет, в 1795 г., московский почтамт дал казне 28405 рублей [214].

С середины XVIII в. за рубежом все чаще и чаще начинают применять штемпеля для писем. Русская почта встретила это новшество более чем холодно. Возможно потому, что первые зарубежные печати не имели календарных вставок, на них вырезали только название города, в котором находилось отделение связи. В России же было принято отмечать время прибытия письма в пункт назначения. И все-таки в семидесятых годах русская почтовая администрация разработала проекты штемпелей для ряда городов. Некоторые из образцов хранятся в Центральном государственном архиве древних актов. На московской печати было написано по-немецки «Moskau», длина текста — 39 мм. Штемпель, по словам историка Г. Ф. Миллера, вводился с 11 сентября 1770 г. для корреспонденции, отправляемой за границу [215]. Но применялся ли он на практике — неизвестно. Писем с такой печатью обнаружить не удалось. Ни один из официальных документов той поры ни слова не говорит о введении печати подобного типа.

¹ По окончании ремонта Мичурин составил новый план почтового двора (рис. на стр. 106). Далее мы ссылаемся на номера этого плана.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ

Северная война со Швецией близилась к победоносному завершению. Теперь можно было подумать и о других делах. И Россия обратила взор к восточным окраинам государства. 2 января 1719 г. Петр I собственноручно пишет инструкцию геодезистам И. М. Евреинову и Ф. Ф. Лужину: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых; доехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать таможенные места, сошлася ль Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать» [216]. Результаты экспедиции не удовлетворили царя: путешественники не ответили на вопрос, «сошлася ль Америка с Азией?» В 1725 г. к Тихому океану отправляется отряд моряков под командованием капитана-командора Витуса Ионссена Беринга [1](#). На реке Камчатке в новой крепости Нижне-Камчатской Беринг и его соратники построили корабль «Святой Гавриил», на котором 13 июля 1728 г. отправились в плавание. Беринг прошел на Север вдоль берегов Камчатки. Обогнув Чукотку, Первая Камчатская экспедиция отыскала пролив между Америкой и Азией, названный впоследствии Беринговым, составила подробную карту восточного побережья Камчатки и Чукотки и собрала обширные сведения о туземном населении. 1 сентября 1728 г. экспедиция вернулась в Нижне-Камчатский острог. Однако одна из основных задач — отыскание морского пути в Америку — оказалась нерешенной. В 1733 г. новые отряды ученых направляются для исследования Сибири и Дальнего Востока. В. Беринг и А. Чириков едут на Камчатку, С. Малыгин, Д. Овцын, И. Кошелев, В. Прончищев, С. Челюскин, Х. Лаптев и Д. Лаптев — на побережье Северного Ледовитого океана. По мысли организатора и руководителя Великой Северной экспедиции, президента Адмиралтейств-коллегии, адмирала Н. Ф. Головина, отдельные отряды исследователей должны были быть связаны с Петербургом почтой.

Так было положено начало самому длинному в мире сухопутному почтовому тракту от Петербурга до Охотска. Его длина в то время определялась в 12745 верст.

При первом отправлении Беринга на Камчатку в 1725 г. ему был дан наказ, в котором ни слова не говорится о почте, хотя среди всевозможных распоряжений было и такое: «что у вас будет во исправлении оной экспедиции чинится, иметь вам журнал и в Адмиралтейскую коллегия присылать рапорты помесечно». Во сколько могла обойтись такая посылка, видно хотя бы из того, что Беринг и его товарищи получили на прогоны только от Вологды до Тобольска 1000 рублей. Ехали они на «ямских и уездных подводах» [217].

На Камчатку тогда не только почта не ходила, не было даже более или менее приличной дороги. 18 января 1727 г. Сенат доносил Екатерине I, что, по предложению якутского воеводы Елчина, «изыскан другой путь безопасной и ближе, до Охотска верст с тысячу» [218]: от Якутска — Леною, затем вниз — Алданом, реками Маею и Юдомою — вверх до Юдомского волока, а через волок до реки Урак — на лошадях, Урак же впадает в Охотское море. Предлагалось населить эти дикие места русскими людьми, для чего «сибирскому губернатору приложить старание, дабы показать путь как возможно учредить и во удовольствие проезжающих зимовья и другое пристойное по возможности строение сделать» [219].

Сочинение проектов об устройстве дороги в Охотск стало модным среди высших чиновников России в конце двадцатых — начале тридцатых годов XVIII в. Генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский, например, составил «При первом случае о Охотске рассуждение». Это был обширный, очень дельный план освоения побережья Охотского моря и дороги к нему от Якутска. В частности, там говорилось: «Новопоселенным (людям) для новозаводства дать льготы в податях и подводах года на четыре. А ежели когда нужда позовет в проезде служилых людей с казною и понадобятся лошади, то определить плату достойную, чтоб с охотою могли возить, а не из-за палки». Далее предлагалось бесплатно снабдить переселенцев лошадьми, «потому что там ничего нет»,

изыскать места, где мог бы родиться хлеб [220]. К сожалению, проект Ягужинского не встретил поддержки у правительства: в инструкции, данной охотскому воеводе Г. Г. Скорнякову-Писареву 2 30 июня 1731 г., говорится об освоении побережья, о кораблях, кабаках, церквях, но ни слова не сказано о дороге между Охотском и Якутском.

Правда, и сам Скорняков-Писарев, еще не выехав из Петербурга, подал «Покорное предложение о пути» от Тобольска до Охотска: «От Табо́льска вниз рекою Ирты́шем до Самаровского яму. От Самаровского яму вверх реками Обью и Кетью до Маковского острога. От Маковского сухим путем до города Енисейска. От Енисейска до Илимска, через Енисей реку и вверх реками Тунгуской 3 и Илимом. От Илимска сухим путем до реки Лены и по оной реке вниз до Якутска». Далее нужно следовать по маршруту, предложенному Елчиным. Воевода описывает все трудности дороги до Охотска: «Ураком рекою, ежели судном плыть, то немалой труд возымеет, понеже она не в дождливое время бывает весьма маловодна... А от Якуцка летним временем сухим путем на лошадях верхами можно переехать до Охоцкого острога, а зимним временем ездят на собаках от Алдан реки до Охоцка» [221]. «Покорное предложение» Писарева было использовано Сенатом в 1733 г. при составлении инструкции по перевозке грузов Камчатской экспедиции к берегам Охотского моря.

16 марта 1733 г., прежде чем отправиться в дорогу, Беринг получил из Сената инструкцию о том, что ему надлежит исполнять как при сухопутном, так и при морском путешествии. В документе 25 пунктов, первые пять посвящены установлению и работе почты от Москвы до Охотска [222]. Спустя восемь лет, 18 апреля 1741 г., Беринг и его помощники составили обстоятельную ведомость, «что по оной инструкции исполнено и чего не исполнено». Из отчета видно, каков вклад Беринга в устройство самого длинного почтового тракта.

Первый пункт сенатского наказа предписывал вести частую посылку писем и рапортов как от Беринга, так и от начальников других экспедиций. «А как известно, что не токмо за Табо́льским, но и до Табо́льска отсюда (из Петербурга) установочной почты нет, и затем в пути долго мешкают, а с нарочными всегда посылать — то убыток казенный произойдет» [223]. Поэтому необходимо Сибирскому приказу снести с Ямским и выяснить, на каких условиях была создана почта в Зауралье во времена А. А. Виниуса. Узнав это, учредить почту от Москвы до Тобольска, «чтоб в каждой месяц дважды чрез ту почту письма отправляемы были» [223].

Беринг отвечал, что 8 января 1734 г. сибирский губернатор князь Черкасский распорядился немедленно установить почту от Тобольска до Соликамска. Губернатор приказал послать ямских выборных в Тюмень, Туринск и Верхотурье с распоряжениями к местным воеводам срочно выделить для почты людей и лошадей и поставить их в подходящих для гоньбы местах. Из Ямской канцелярии и Сибирского приказа указания об организации почты были посланы в Нижегородскую и Казанскую губернии, в Соликамскую и Вятскую провинции. «А учреждена ль почта от Москвы до Табо́льска, — писал Беринг, — и в которые дни из Табо́льска отпускается и в указные дни и часы доходит ли, о том при экспедиции неизвестно» [223]. Сибирский губернатор по инструкции должен был сообщить Берингу об устройстве почты, но он почему-то этого не сделал.

Далее инструкция требовала, чтобы почта ходила от Тобольска через Енисейск до Якутска раз в месяц, а до Охотска — в два месяца раз. Так как Беринг уже побывал на Камчатке и знал туда дорогу, то ему предлагалось помочь воеводам найти между Якутском и морем места, удобные для поселения ямщиков. Самим же воеводам приказывалось изыскать средства для поселения охотников на большой дороге. Тяжело было найти желающих для почтовой гоньбы в этом малонаселенном краю, поэтому правительство разрешило устраивать на охотской дороге как русские, так и якутские деревни.

Тогда же, 8 января 1734 г., сибирская губернская канцелярия определила, где должны находиться станы от Тобольска до китайской границы и от Илимска до Якутска. Было решено, по сколько почтарей поставить в каждом месте и в какие дни они должны ездить с корреспонденцией. Расписание станов по всем дорогам в точности повторяло схему конца XVII в. Сложнее обстояло дело с размещением ямщиков на Охотском тракте — места здесь были гористые, угрюмые, и никаких поселений во век не стояло. Для устройства почты от Тобольска до Ускупской слободы (ныне город Усть-Кут на Лене) Берингом 24 января 1734 г. был послан лейтенант Михаил Плаутин. «Велено ему следовать оною дорогою, изыскивать безубыточный и нетрудный способы, дабы где пустые и нежилые места, как удобно почту содержать и впредь в которых местах и какими людьми оныя места обселить» [224]. Плаутин исполнил указание капитан-командора и представил «экстракт», в котором подробно описал, где и какими силами следует организовать почту. Копию рапорта Плаутина Беринг переслал сибирскому губернатору для устройства по его рекомендациям скорой гоньбы. Между Ускупской слободой и Якутском почтовую линию прокладывал геодезист Дмитрий Баскаков. На станциях поселялись якуты, каждому из них дали по две казенных лошади. Произошло это в 1735 г. На следующий год Беринг со своей командой ехал в Якутск и заметил, что все почтари стоят на своих местах. Дальше к морю почты не существовало, хотя тем же Баскаковым была населена и охотская дорога. В 1737 г. Беринг писал: «на многих станциях якутов уже не было, а сказывали якуты ж, что они разбежались» [225].

Путь от Якутска до Охотска был не только труден, но и опасен. Между этими городами бродили отряды «немирных чукчей». На почтовой дороге поставили на каждом яме по 2—4 якута. Маленькая кучка людей не могла противостоять чукотским воинам, и почтари разбежались при их приближении. Из Якутска к морю посланные «проезжают с великим страхом и с конвоем, которых оберегая провозят ясашные иноземцы разными путями» [226].

И все-таки почта ходила между Якутском и Охотском. Отвечая на третий пункт инструкции, Беринг писал: «Письма по экспедиции отправлялись с прилучившимися ездоками и чрез канцелярии, а иногда с нарочными посыльщиками до Таболска и Иркутска, а иныя только до Илимска и из Охотска до Якуцка, понеже попутчики не всегда случались быть, а о самых нужных делах и прямо до Санкт-Петербурга нарочныя посылались з дачею под них подвод с прогонными и поверстными деньгами» [227]. Зимой до Майской пристани (ныне — Усть-Мая) от Охотска посланный шел на лыжах. Это — даже «короткой» дорогой через Юдомский Крест (ныне — поселок Юдома-Крестовская) — почти 600 верст. Летом ездили на лошади. В зимнее время лошадей на охотском тракте не держали — очень тяжело было с кормами: сена не хватало, яровой хлеб был посеян и «рос нарочито, токмо и тот до морозов созреть не мог и побит зеленой морозом» [228]. Для людей, живших в этом краю, продукты привозили «нартами на себе» или зимой на оленях.

Посылку нарочных гонцов Беринг объяснял тем, что кругом «места пустые и до жилых русских деревень разстояние далное» [227]. Ямщики-якуты не всегда стояли на почте и могли прекратить гоньбу при малейшей опасности со стороны своих воинственных соседей и, чтобы «письма по экспедиции нужные» не затерялись в дороге, их часто отправляли прямо до Илимска со специальным человеком.

Как работала почта, выдерживался ли заданный график гоньбы, Беринг не знал и ответить на этот вопрос не мог, хотя ответ находился в доставке самого запроса: он был подписан в Петербурге 14 апреля 1740 г. и менее чем через полгода, 24 августа, доставлен в Охотск [229]. Таким образом, средняя скорость перевозки почты составляла около 5 верст в час, что вполне прилично для условий полнейшего бездорожья. Спустя почти сто пятьдесят лет А. А. Игнатьев, автор книги «Пятьдесят лет в строю», назвал некоторые участки иркутского тракта «сплошным кошмаром». А как же тогда можно назвать дорогу, по которой до этого никто никогда не ездил?

**Фрагмент «Карты уезда города Якуцка» (около 1750 г.),
на которой впервые был указан путь из Якутска в Охотск**

Беринг ничего не ответил на четвертый и пятый пункты инструкции, в которых говорилось о платеже прогонных денег ямщикам, выдаче товаров туземному населению, отправлявшему гоньбу, и о стоимости пересылки частных писем. Как была выполнена инструкция капитан-командор не знал, потому что «о том при экспедиции известия не имеется».

Предполагалось, что почтовые отправления будут и от других отрядов Великой Северной экспедиции. К сожалению, сведений об этом почти никаких не сохранилось. В 1735 г. лейтенант Д. Л. Овчин построил в Тобольске бот «Обь-Почтальон», который предназначался для почтовых перевозок между устьями рек Оби и Енисея. Два года пытался пройти этим маршрутом Овчин и только в 1737 г. достиг устья Енисея. В своем отчете исследователь ничего не мог сказать о том, как работает почта. Но в том, что скорая гоньба на Север организована сравнительно неплохо, он скоро убедился на собственном опыте. Зимой 1736—1737 гг. Овчин проводил в Березове, где познакомился с государственным преступником князем И. А. Долгоруким. Сообщение об этом поступило по почте в петербургскую Тайную канцелярию. И не успел Овчин прибыть в Енисейск, как был арестован, предан суду и послан простым матросом в команду Беринга [230].

Расскажем теперь о том, чего не знал Беринг — об организации почты в Сибири.

21 апреля 1733 г. Сенат послал в Сибирский приказ «разсуждение», как устроить почту на Камчатку. В качестве образца предлагалось взять скорую гоньбу из Москвы в Архангельск. Особое внимание рекомендовалось обратить на то, что в некоторых местах архангельского тракта почту «возят выбранные по дороге живущия государственные крестьяне добровольно из определенных за перевоз той почты поверстных денег, кои им отдаются погодно» [231]. В прошлом году, указывал далее Сенат, комиссар нерчинских серебряных заводов Тимофей Бурцев доносил об учреждении им почтовых станций между Удинском (теперь — Улан-Удэ) и Нерчинском. Рапорт Бурцева Сенат приложил к своему распоряжению.

По образу и подобию нерчинских были организованы почти все сибирские почтовые станции. Некоторые из них — например, по реке Лене — просуществовали в таком виде до конца XIX в. Бурцев писал: «На всяком станце надобно построить изб, понеже место нежилое... хотяб по одному двору. А быть на станце по 3 человека и выдать им по 5 лошадей да и sprawy. А чтоб им без нужды иметь пропитание, брать с проезжих поверстные деньги. Да, кроме того, чтоб купецкие люди в подводы под себя и под товары никого кроме тех станцев от Удинска до Читы не наймowali, токмо положив определенную цену против ямских прогонов вдвое или по рассмотрению, и от того купецким людям тягости не будет. А ямщики могут без задержки управлять, понеже станцы недалекие. А на те станцы надлежит взять из служилых от семей и не скудных, да им же надлежит дать для лутчаго установления на несколько годов держать пиво ради проезжих без откупу без возбранения, и от того интересу потеряться нельзя, понеже кабаков в близости нет и преж не бывало. А ежели не таким порядком, то ничем будет на станцах их держать и охотников не сыщется. А силою принудить — разбегутца» [232]. Бурцев предлагал на участке Удинск—Нерчинск поставить как служилых людей, так и местных жителей, которые за определенные прогоны давали б проезжающим подводы.

Почту по сибирским трактам возили как русские ямщики, так и представители малых народностей — ханты, манси, буряты, якуты. В тех местах, где не было ямов, жители расположенных по тракту городов и деревень по очереди выделяли для гоньбы по четыре человека с лошадьми и со всей необходимой сбруей. Прогоны для Сибири были определены по 3 копейки на почтовую лошадь на 10 верст пути [233]. Русское население получало прогоны деньгами, туземцы — товарами: сукном, изделиями из металла. Правительственные указы категорически запрещали обижать «ясащных иноземцев» и, чтоб от них не поступало никаких жалоб, было приказано те товары «по прошествии года

развозить по всем станам и отдавать самим тем, кто возить будет, в руки с росписками» [234].

Такса за перевозку частной корреспонденции была определена московским почтамтом такой же, как и в конце XVII в. Добавлен был только один пункт — за пересылку письма из Петербурга в Охотск брали по 60 копеек с золотника.

Тарифы, установленные для Сибири московским почтамтом не вступили в силу. Скорую гоньбу стал осуществлять Ямской приказ, а у него такса за пересылку писем была совершенно другой. В 1735 г. приказ установил смехотворно маленькую цену за провоз корреспонденции от Москвы до Иркутска — 7 копеек за лот! 28 августа 1770 г. иркутский губернатор Бриль на свой страх и риск предписал брать с частных писем до Москвы, Тобольска, Якутска, Охотска и Камчатки по 50 копеек за лот. Во все остальные места грамотки отправляли, собирая за лот по 2 копейки на сто верст. Решение губернатора объявили всем жителям. Сбор весовых денег поручили в Иркутске почтовой экспедиции, а в других городах — воеводам и комендантам. 31 мая 1772 г. Бриль доносил в Сенат «о собрании с начала учреждения сбора в тамошней Губернии с партикулярных писем весовых деньгах 482 рубля и 41 3/4 копейки» [235]. Высший государственный орган одобрил инициативу губернатора и приказал «о собираемых весовых деньгах присылать в Сенат ведомости ежегодно».

Все частные письма от участников Великой Северной экспедиции проходили обязательную цензуру. Сенат мотивировал свое распоряжение тем, «чтоб в чюжих краях прежде здешняго уведано не было» [236] о русских открытиях на Камчатке и в Америке. Письма профессоров-иностранцев можно было отправлять за границу лишь после того, как содержащиеся в них сведения экономического и географического характера будут опубликованы в научных изданиях Петербургской Академии наук. Таким образом был защищен приоритет России на многие географические открытия. Это указание Сената объявили участникам экспедиции под расписку.

Почта из Якутска в Охотск была снята с окончанием Второй Камчатской экспедиции. Сейчас старинную почтовую дорогу могут показать только местные старожилы — ее нет ни на одной географической Карте. В другие же города Сибири письма продолжали доставляться. И год от года их поток все увеличивался. Все чаще начинают ездить из Тобольска в Европейскую Россию через Ирбит и Екатеринбург (ныне — Свердловск). Открытие на Урале золота, меди, железа превратило район Екатеринбурга в основной металл-производящий центр страны. В 1754 г. ликвидируется таможня в Верхотурье, и почтовый тракт переносится южнее: письма в Тобольск стали доставляться через Казань—Кунгур—Екатеринбург—Ирбит—Туринск [237].

Большую роль в развитии почты Урала сыграл Василий Никитич Татищев — крупнейший ученый, видный государственный и общественный деятель. Весной 1719 г. капитан Татищев получает предписание ехать «в Сибирскую губернию на Кунгур и прочие места для осмотра рудных мест и строения заводов». Уже через два года, в феврале 1721 г., Татищев посылает в Берг-коллегию проект преобразования огромного и богатого края. Он предлагал построить на реке Исети новый город-завод [4](#), возвести в нем не только доменные и медеплавильные печи, но и разные фабрики-мануфактуры, производящие сталь, проволоку, инструменты. По замыслу Татищева, город должен стать центром горного дела на Урале, связать воедино все рассыпанные по Каменному поясу государственные заводы. Будущий город-завод представлялся ему и как торговый центр Урала и Сибири. Татищев задумал перевести сюда ярмарку из Ирбита и проложить здесь дорогу в Сибирь [238]. В развитие последнего предложения в 1726 г. Татищев подает проект об устройстве сибирских дорог до Кяхты. Он предлагает организовать судоходство через озеро Байкал, «где путь в Китай и из Китая», взорвать пороги на реке Ангаре, расчистить и замостить волок между городом Енисейском и рекой Кетью, построить на всем пути гостиницы и постоялые дворы для купцов. Некоторые из этих подворий должны были находиться при почтовых станциях, которые предполагалось расположить

через каждые 30 верст. Одним из важнейших дел Татищев считал прокладку более короткой дороги через Урал и Западную Сибирь. Татищев надеялся, что если его предложения будут одобрены, то его самого назначат исполнителем этих гигантских работ. Однако проект о сибирских дорогах оставили без внимания [239].

В 1727—1734 гг. В. Н. Татищев занимается то восстановлением московского монетного двора, то составляет описание коронации императрицы Анны Ивановны, то пишет устав Кадетского корпуса и проект создания Академии ремесел. Наконец, в мае 1734 г. Татищев выезжает на Урал. В пути он встречается с казанским губернатором и советует ему «учинить» более удобную дорогу от Казани до Екатеринбурга [240]. Спустя несколько месяцев после прибытия Татищева в Екатеринбург, в городе начала работать почта. Первый почтарь отправился в Казань через Кунгур и Пермь 8 сентября 1734 г. По распоряжению Татищева на четырехсотверстном пути от Екатеринбурга до Перми через каждые 25—30 верст построили почтовые станы. Далее путь почты проходил по известной дороге. Татищев сделал попытку пустить почту в Ирбит и далее, в Сибирь. Но этого ему не разрешила Берг-коллегия, которая ведала не только уральскими заводами, но и всем распорядком жизни Каменного пояса: таможни нет ни в Ирбите, ни в Екатеринбурге, а без таможенного досмотра выезд из Сибири запрещен [241]. Сквозной ход почты через Екатеринбург начался только после смерти В. Н. Татищева в 1754г.

В. Н. Татищев (по гравюре А. Осипова, XVIII в.)

Своим крутым и властным характером Татищев нажил себе много врагов. По наветам недругов 29 мая 1739 г. его отстранили от всех дел и отправили в Астрахань губернатором. С 1746 г. ему разрешают поселиться в его подмосковной деревне Болдино. Но и здесь Татищев продолжал работать над проектами экономического преобразования страны. В частности, им была составлена почтовая книга России [242].

¹ Витус Ионссен Беринг (1681—1741), датчанин по происхождению, в 1704 г. поступил мичманом на русскую морскую службу и находился на ней до последнего дня своей жизни.

² После осуждения П. П. Шафирова обер-прокурор Сената Г. Г. Скорняков-Писарев «за неприличное поведение» был разжалован в солдаты и определен для надзора за строительством Ладожского канала. В 1731 г. назначается охотским воеводой. Скорняков-Писарев — автор первой русской книги по теоретической механике «Наука статическая или механика», изданной в 1723 г. петербургской типографией.

³ Так в старину называлась Ангара.

⁴ Современный Свердловск.

В ГУБЕРНИЯХ И УЕЗДАХ

Первые почты в губернских городах начали действовать в 1712 г. для сношений Сената с наместниками отдельных областей. Идея принадлежала фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Он предложил учредить скорую гоньбу, «дабы в послании писем остановки не было, понеже то самое первое и нужное дело и без того обойтись не можно» [244]. Проект полководца Сенат рассмотрел на заседании 28 марта и одобрил. «Послать во все губернии указы, — говорилось в приговоре, — которые комиссары при Сенате быть определены, и к тем комиссарам о настоящих делах против посланных из канцелярии Правительствующего Сената указов, что в губерниях управлено и чего зачем не управлено, присылать сведения о всем по вся недели через почту и для того учинить во всех губерниях нарочные почты, чтоб те комиссары Правительствующему Сенату во всяких делах могли ответствовать» [245]. Комиссарами в России той поры называли должностных лиц, облеченных особыми полномочиями и подчиненных непосредственно Сенату, в обязанность которых входило наблюдение за действиями воевод и приказных лиц. Некоторые комиссары назначались военной коллегией для сбора в губерниях провианта и снабжения армии одеждой. Они не пользовались правами сенатских комиссаров. Каждому комиссару для скорых посылок придали по 10 солдат. Ямскому приказу было предписано давать лицам, посланным с подорожными от губернских комиссаров, по две подводы без задержки. Эта почта возила только государственную корреспонденцию, частные письма на нее не принимались.

Спустя шесть лет, 11 июня 1718 г., секретарь фельдмаршала Я. В. Брюса иноземец Фик подал мемориал об устройстве регулярной верховой почты «чрез все главные города и губернии». Петр I, ознакомившись с письмом Фика, наложил на него следующую резолюцию: «Почту устроить перво от Санкт-Питербурха до всех главных городов, где Губернаторы обретаются ныне, а потом управителю почты, говоря с Губернаторы, определить от тех городов в дальние их города, куда нужно, а в ближние посыльщиков посылать» [246]. Эта резолюция почти слово в слово была повторена в 1719 г. в указе П. П. Шафирову «об учреждении от Петербурга обыкновенной почты до всех знатных, то-есть губернских городов» [247]. Окончательно скорая гоньба в провинцию была установлена указом Сената от 15 мая 1723 г.

Вновь учрежденные почты подчинялись Ямской канцелярии и московскому ямскому почтамту. Они перевозили, кроме государственной корреспонденции, письма дворян и солдат. Купеческие грамоты **ямская почта**, (так стали называть, в отличие от уже существовавшей «немецкой», новое учреждение) не доставляла. Таксы ямских почт были значительно ниже, чем на «немецкой» почте. Например, пересылка письма из Москвы в Петербург обходилась всего по одной деньге с золотника. Такая дешевизна объяснялась тем, что корреспонденция отправлялась как попутный груз с любым ехавшим в нужном направлении ямщиком. На следующей станции он передавал письма без всякой расписки другому гонщику. За перевозку ямской почты прогоны охотникам не платились. Отсутствие регистрации корреспонденции не способствовало ее сохранности. Письма пропадали в дороге, за это никто не нес никаких наказаний. Ямщик мог забыть передать связку с письмами своему товарищу, мог провезти мимо города, куда они были адресованы. Ямской староста, если считал нужным, в целях сохранности корреспонденции при плохой погоде задерживал ее на яме.

После смерти Петра I наступает один из самых мрачных периодов русской истории, когда судьбы государства вершили всевластные временщики, а на русском троне сидело, по словам современника, «много лиц, царей не слишком много, а более цариц». Это в какой-то мере отразилось и на работе почты. На дорогах умножилось количество нарочных посыльных. Они, как правило, не платили прогонов, хотя это и полагалось, и самым жестоким образом обходились с ямщиками. По словам современника, «лошади, не имея отдыха, убиваемы были скорою гоньбою. Люди, не только те, которым доставалось отправлять с круга и везти злого седока, но часто и навстречу попадавшие, должны были безвинно сносить побои. Негде искать управы и защиты!» [243]. Ямщики и почтари бросали гоньбу и разбегались. За беглецами отряжались солдатские команды, их ловили, били кнутом, клеймили, вырывали ноздри раскаленными клещами и ссылали в Якутию. В 40-х годах почтовое дело опять начинает налаживаться, издаются указы по улучшению гоньбы и защите ямщиков от грубостей проезжающих.

В середине XVIII в. Московская ямская контора, так тогда называли ямской почтамт, отправляла почты по киевскому и смоленскому трактам в понедельник, по петербургскому — во вторник, по казанскому в Оренбург и Сибирь — в среду, по белгородскому и воронежскому — в четверг, в Астрахань через Рязск и Тамбов — в пятницу.

Раздвоение государственной почты на две самостоятельные организации представляло много неудобств. Особенно от этого страдали торговые люди. Например, для того чтобы послать письмо из Архангельска в Воронеж, его сначала отправляли с «немецкой» почтой до Москвы. Там его надо было кому-то получить, а затем передать в ямскую контору. В июле 1758 г. русские купцы, заводчики и фабриканты обратились в Коллегию иностранных дел с прошением о том, чтобы частные письма принимали во всех городах для прямой пересылки до места назначения без переприемки их в Москве. Так как нет прямых почт из Петербурга в Астрахань, Казань, Оренбург, Сибирь и другие провинциальные города, им, просителям, приходится отправлять свою корреспонденцию через знакомых, проживающих в Москве, из-за чего коммерсанты терпят затруднение в переписке [248].

Коллегия иностранных дел поручила Московскому и Петербургскому почтамтам договориться с Ямской канцелярией по этому вопросу. Однако возникли непреодолимые практические затруднения. Московский почт-директор Владимир Пестель доносил, что у почтамта есть всего два транзитных почтовых учреждения в Ярославле и Вологде. Установление же особых почт потребует новых расходов, которые не могут окупиться сбором весовых денег из-за малого количества корреспонденции, отсылаемой по другим направлениям (два, три, много четыре частных письма с каждой почтой), и не могут быть покрыты доходами подведомственных московскому почтамту линий. Этих доходов и так еле хватало для уплаты жалованья служителям и прогонов ямщикам. Кроме того, по

трактам за Москвой нет присяжных писарей (лица, которых через определенные промежутки времени вызывали в Москву, где они присягали честно нести почтовую службу, строго следить за сохранностью писем, не утаивать «весовых денег» за них; нарушение присяги рассматривалось как государственное преступление, караемое по всей строгости закона), которым можно доверить прием корреспонденции и сбор денег за нее, а есть лишь ямские управители и назначенные Ямской канцелярией писаря, не заслуживающие никакого доверия [249].

6 октября 1763 г. вице-президенту Военной коллегии генерал-аншефу З. Г. Чернышеву и главе Ямской канцелярии генерал-поручику Н. Н. Овцыну было поручено «установить и поправить почту по всему государству» [250]. Для начала чиновники обследовали работу «немецкой» почты и обнаружили, что не только почтамты, но и семнадцать «почтовых мест», ведавших ямской гоньбой, не удовлетворяли своему назначению: район их деятельности крайне ограничен, условия пользования их услугами для большинства населения затруднительны, а для некоторых из-за высоких тарифов и вовсе невозможны. В почтовых зданиях — теснота, отсутствуют какие-либо подсобные помещения. Личный состав почтамтов незначителен, все должности заняты исключительно немцами. «Почтовые места» состоят из одного почтмейстера. Только в немногих городах, таких, как Тула, Смоленск, Казань, у них есть помощники. В обязанность этим лицам вменяется не только заниматься пересылкой писем, но и принимать государственные грузы, доставляемые ямщиками. График почтовой гоньбы постоянно нарушается, у ямской же почты, кроме дня отправления корреспонденции из начального пункта, вообще нет никакого расписания. Из доклада Чернышева и Овцына следовало, что за короткий срок наладить почтовую гоньбу в губернские и уездные города практически невозможно.

Тогда решили начать с малого. Именным указом от 21 февраля 1767 г. в ведение московского почтамта поступает смоленская линия. Было приказано отправлять корреспонденцию из Москвы в Польшу и другие зарубежные страны прямо на Смоленск, а не на Петербург и Митаву, как это делалось раньше. Причем московский почтамт становился единственным хозяином на смоленском тракте: в его подчинение передавался не только почтмейстер, но и ямские управители и ямщики. Только он мог выдавать подорожные на проезд от Москвы до Смоленска. Новая почта начала свою работу в марте того же года. Отправлялись почтари еженедельно по средам. Скорость перевозки корреспонденции назначили более чем скромную — семь верст в час. Зимой почтальон ездил в санях, запряженных одной лошадью, а весной, летом и осенью — в телеге на 2 лошадах. Если собиралось немного писем и их могли запечатать в одну суму, посланный ехал верхом. По расписанию почта из Москвы в Смоленск приходила на третий день, а из Смоленска в Варшаву — через 6 суток и 3 часа [251]. Каких трудов Московскому почтамту стоило наладить гоньбу по смоленской дороге, видно хотя бы из того, что на некоторых станциях тракта не только не набиралось положенного количества лошадей, но нельзя было найти даже и одной лошади, из-за чего курьерам с государственной корреспонденцией приходилось ходить пешком.

Ямская гоньба из Москвы в Тулу производилась еще в XVI в., но корреспонденцию торговцев и промышленников она не доставляла. Письма этих людей отправлялись с оказией. В 1762 г. группа тульских купцов обратилась к Екатерине II с прошением организовать почту в Тулу своими средствами. Разрешение было дано, и возникла единственная в истории русской почты частная линия для доставки купеческой корреспонденции. Сведений о работе этой почты практически не сохранилось никаких. Известно, что промышленники наняли возчика, выработали правила о пересылке с ним писем и поручили управление московскому купцу Сапельникову [252].

В 1768 г. частная почта в Тулу ликвидируется, а вместо нее создается регулярная гоньба два раза в неделю. Основой тульской почты стали охотники, переданные Московскому почтамту из Ямской канцелярии. Первоначально в Тулу учреждалась только

верховая перевозка корреспонденции. Это диктовалось тем, что в городе по штату не полагалось почтмейстера и все операции по обработке писем временно производились приказными местного магистрата.

В начале 1769 г. генерал-почт-директор Н. И. Панин обратился к правительству с предложением передать Московскому почтамту белгородскую, воронежскую и киевскую ямские почты. При этом предлагалась новая структура управленческого аппарата. На почтовые станции назначались писаря, в небольших городах их называли почтмейстерами, у них обычно имелись помощники. В больших и губернских городах отправкой корреспонденции ведал обер-почтмейстер, у него был штат из трех-четырех чиновников. Обер-почтмейстеру подчинялись почтмейстеры и писаря станций, расположенных на территории его уезда, губернии или даже всего тракта. В зависимости от того, кто стоял во главе станции, они стали подразделяться на почтовые правления, почтовые и обер-почтовые конторы [253]. Такие новшества были приняты только на трактах, подчиненных Московскому почтамту. В петербургском округе все оставалось по-прежнему. Первые обер-почтовые конторы открылись в 1769—1770 гг. в Туле, Воронеже, Белгороде, Киеве и Смоленске.

Среди многих причин, побудивших Петра I организовать почту в Астрахань, были виноградники, разведенные в этом городе венгерскими виноградарями. Для доставки фруктов и арбузов в северную столицу в 1723 г. создали скорую гоньбу в низовье Волги. Из документов ничего неизвестно о пересылке частной корреспонденции в Астрахань, хотя для этого существовала определенная такса — 3 копейки с золотника веса [254]. «Фруктовая» почта действовала плохо, и по инициативе генерал-почт-директора А. П. Бестужева-Рюмина в 1754 г. ее реконструировали, добавили ямщиков на станы, но дело, кажется, не улучшилось. Доходило до того, что товары, отправляемые в Москву с обозами, приходили раньше, чем посланные по почте извещения об их отсылке. Сообщения о прибытии в Астрахань персидских кораблей доставлялись московским купцам по почте за 5—6 недель. Поэтому и предпочитали посылать письма с оказией, что получалось вдвое быстрее. В 1772 г. московские купцы подали докладную записку почт-директору Пестелю о крайней неисправности и медлительности астраханской почты. Они, в частности, писали, что письма или вовсе не доходят по назначению, или доставляются разорванными на клочки. По рапорту Пестеля Сенат постановил изъять гоньбу в Астрахань из ведения Ямской канцелярии и передать ее Коллегии иностранных дел, а для лучшей работы линии назначить почтмейстеров в Коломну, Скопин, Ряжск, Козлов, Тамбов, Новохоперскую крепость, Усть-Медведицкий городок и Царицын и обер-почтмейстера в Астрахань. Последнему подчинялись все почтмейстеры на тракте от Москвы до дельты Волги. Изменилась и такса за пересылку корреспонденции. Она устанавливалась из расчета 2 копейки с лота на 100 верст пересылки, это составляло, например, от Москвы до Коломны — 2 копейки, Скопина — 6, Ряжска — 8, Тамбова — 12, Царицына — 22 и до Астрахани — 30 [255].

Лошади и ямщики по астраханскому тракту остались в ведении московской Ямской конторы. Но это продолжалось недолго. 11 июня 1775 г. огласили указ: «Во всех городах, где нет почтамтов, заведены почтовые конторы, в тех отправлении ямских почт сим уничтожается, и по тем трактам стоящих на станциях для возки почт и эстафетов почтовых лошадей равномерно отдать в точное ведомство того из почтамтов Московского и Санкт-Петербургского, у которого в управлении каждая из почтовых контор ныне состоит» [256]. В результате всех преобразований была ликвидирована московская Ямская контора. Вместо нее учредили должность ямского почтмейстера при местной губернской канцелярии. В его подчинении оставались сибирская и грузовая петербургская почты. Их передали почтамту 21 января 1782 г. Так в Москве перестала существовать ямская почта.

Сосредоточение всех московских почт в одних руках послужило не только к улучшению и развитию почтовых отношений, но и к увеличению доходов казны.

Например, когда смоленская и тульская почты находились в ведении Ямской конторы, обе приносили в год не более 20 рублей дохода. С передачей их Московскому почтамту первая из них дала в 1771 г. доход 580 рублей 33 копейки, а вторая — 601 рубль 79 копеек [257].

Для связи уездных городов с губернскими часто использовались пешие почтальоны. Такой способ доставки корреспонденции описан в повести Н. С. Лескова «Однодум». Ее герой Алексашка Рыжов с юных лет «смелою рукою взял почтовую суму, взвалил ее на плечи и стал таскать из Соличалича в Чухлому и обратно» — всего 50 верст. «Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора в месяц» на своих харчах и при своей обуви». По словам писателя, Рыжов взялся за свою работу около 1770 г. Галич, Чухлома и Солигалич — старинные промышленные и торговые города.

И действительно, 1 ноября 1770 г. Сенат докладывал Екатерине II об учреждении пешей почты для ношения пакетов из Галича в Вологду. К архангельскому губернатору Головцыну, в административном подчинении у которого находились оба эти города, обратился Галичский магистрат с просьбой учредить силами солдат почту. При этом галичане ссылались на петровский указ от 15 мая 1723 г. и распоряжение Главного магистрата от 14 апреля 1745 г., приказывавшего передавать письма из уездных городов «для прикладывания к отходящим почтам». А у него, губернатора, «воинская штатная команда весьма малолюдная, умалчивая, что она ж употребляется в розсылки, к отвозу денежной казны, к поимке воров и разбойников, на караулы и к осмотрам». Кроме того, одному человеку невозможно нести такой груз 170 верст, отделявшие Галич от Вологды. «В Галиче, — писал Головцын, — 2985 купцов, и они могли бы нанять людей для ношения корреспонденции по очереди с солдатами. От этого обеим сторонам «никакого отягощения не будет». С мнением губернатора магистрат не был согласен и обратился в Сенат. Тот принял проект Головцына, полагая, что купечество не понесет убытков от доставки корреспонденции, наоборот, это расширит и укрепит коммерческие связи местных предпринимателей. Поэтому Екатерина II утвердила решение Сената о создании пешей почты из Галича в Вологду, которая послужит примером на другие места» [258].

Пешая почта получила широкое распространение в конце XVIII в. Переноска казенных пакетов пешими курьерами производилась между Псковом и северной столицей даже в начале следующего столетия [259].

«ЧУМНАЯ» ПОЧТА

В 1770 г. Россия воевала с Турцией. Весной армия фельдмаршала П. А. Румянцева вступила в Молдавию и встретила там врага более опасного, чем турки, — чуму. В конце лета эпидемия перешла русскую границу и в декабре обнаружилась в Москве [260]. Русским правительством был принят ряд мер предосторожности от «прилипчивой горячки», так тогда называли эту болезнь.

27 августа 1770 г. киевский генерал-губернатор Ф. Воейков получил указание о том, что следует делать, чтобы чума, по возможности, не распространялась дальше. Среди прочих мер предосторожности были правила проезда курьеров и Молдавии и Валахии. Приказывалось личные вещи посыльного «и все будущий при нем депеши и другия пакеты надлежащим образом в уксусе обмачивать и потом на огне курением обсушивать» [261]. Курьеров, направленных непосредственно к императорскому двору, запрещалось задерживать в карантине свыше трех часов. Их только осматривали на предмет «неприкосновенности болезни» и свободно пропускали. Всех прочих посыльных задерживали в «карантинном доме» на шесть недель.

Сенатским указом подписывалось, каким образом следует обрабатывать пришедшие из армии письма. Недостаточно только снаружи облить уксусом упаковку. Бумагу во всем свете, как говорилось в распоряжении, «почитают за вещь самую способнейшую к принятию заразы» [262], поэтому нельзя оставить без внимания вложенную в пакет корреспонденцию, которая может являться переносчиком чумы. Приказывалось все письма, приходящие из зараженной местности, вскрывать и дезинфицировать. Человек, которому это поручено, должен надеть перчатки, сделанные из вошанки [1](#), и с помощью пинцета и ножниц вскрыть письма. Упаковка отправления тут же сжигалась. Содержимое пакета окуривалось в густом дыму. Если в конверте оказывалась тетрадь, прошитая нитками или перевязанная лентой, ее следовало расшить, а ленту и нитки сжечь. Уничтожались и все посторонние вложения в пакеты, какой бы ценности они не были. Операцию по обработке писем производили на мраморном или деревянном столе. Продезинфицированную корреспонденцию запечатывали в новую бумагу, надписывали адрес и отправляли по назначению. Правительство создало специальную комиссию по борьбе с чумой. В число различных мероприятий, осуществленных ею, было изобретение курительного порошка для дезинфекции. Указом Сената от 10 декабря 1771 г. предписывалось повсеместно применять новое защитное средство и давался его рецепт: «Взять можжевеловых иголок намелко изрубленных, ягод можжевеловых толченых, пшеничных отрубей, тертого дерева бакаута [2](#), каждого по 6 фунтов; селитры простой толченой 8 фунтов; серы горючей толченой 6 фунтов, смолы, называемой смирна или мирра, 2 фунта; и смешав все оныя снадобья хорошенько будет крепкого курительного порошка пуд» [263]. Запах у этого снадобья был довольно ядовитый, так что некоторые из тех, кто обрабатывал письма, нередко теряли сознание. Но лучшего средства не изобрели.

С января 1771 г. запрещается проезд курьеров из армии в Петербург. Для дальнейшей пересылки корреспонденции в Торжке устроили заставу, на которой член Ямской канцелярии Языков принимал письма как от нарочных, так и от регулярной почты. Языкову дали для посылок 15 курьеров. Кроме того, он имел право пересылать корреспонденцию с людьми, отправленными из столицы в армию, но задержанными в Торжке. Языков и два его помощника обрабатывали прибывшие из зачумленных районов письма, записывали их в реестр, упаковывали в чистую бумагу, укладывали в новые чемоданы и отправляли по назначению.

Застава находилась в поле на окраине Торжка. Она представляла собой обыкновенную палатку, обнесенную забором. Почту, прибывшую из Москвы, вынимали из чемоданов на улице, на ее место вкладывалась столичная корреспонденция, и чемоданы сразу же выставлялись за забор. Палатка разделялась на два помещения: в одном

дезинфицировали письма, в другом их записывали и упаковывали. Чтобы процесс обеззараживания проходил быстрее и чтобы корреспонденцию было проще распечатывать, частным лицам, живущим в зараженной зоне, рекомендовали, а губернским, уездным и воеводским канцеляриям приказали письма нитками не сшивать, а только нумеровать листы, запрещалось заворачивать пакеты в холст [264]. Заставы, подобные новоторжской, были созданы в других городах и деревнях. В частности, они были по московской дороге в Твери, Вышнем Волочке, Бронницах, Тосне, Славянке, по старорусской — на Мшанском яме, по смоленской — в деревне Бежаницах, по тихвинской — в деревне Шелдихе и в самом Тихвине.

Карантинные смотрители имели право задерживать любого курьера, не взирая на то, кем он послан. Разreshалось (пропускать нарочных «не из опасных мест» и тех, у кого на подорожных будут отметки смотрителей о прохождении карантина. Подписание подорожных ввели для того, чтобы предупредить возможность проезда мимо застав. Задержанным в карантине разрешалось отправлять письмо и курьеров. Их корреспонденция проходила установленную обработку и отправлялась почтой на общих основаниях. Гонцов же посылали «из туточных жителей, кого добровольно наймут, или из вашей (смотрителей) команды нарочных на их коште (здесь, в смысле — питании) и прогонах» [265].

К осени 1771 г. болезнь была локализована в районе Москвы. Город со всех сторон окружили карантинные заставы. Теперь не имело смысла посылать почту и курьеров прямо через Москву. Именным указом от 23 сентября Екатерина II установила для того, чтобы курьеры из армии в Петербург не ездили через Москву, «от Торжка до Серпухова, через Старицу и Можайск, Боровск учредить станции от 20 до 25 верст, поставив по 15 лошадей на каждой» [266].

Спустя неделю, 30 сентября, Сенат приказал перевести на новые места не только курьерские, но и почтовые подводы. Были несколько изменены маршруты почты. По предложению главного судьи Ямской канцелярии Щербачева центром сбора почты на петербургской дороге сделали Клин. Сенат утвердил следующие объездные пути вокруг Москвы. Корреспонденция, прибывающая из Сибири, Казани, Оренбурга, Нижнего Новгорода и Саратова, довозится только до Владимира, а отсюда через Троицкую лавру и Дмитров — в Клин. Из Астрахани, Воронежа, Белгорода, Киева почта доходила до Коломны или Серпухова и далее через Боровск и Можайск — в Клин. Письма по смоленской дороге возили до Можайска, а по архангело-городской — до Троицкой Лавры. Все посыльные из Москвы ездили только до Клина. Сенатский указ предусмотрел возможность случайной вспышки эпидемии в одном из пунктов кольцевого пути: «велеть едущей почте объезжать то место, и поворачивать паки на прямую дорогу удобным и безопасным по близости трактом» [267]. В Клину учреждалась почтовая экспедиция. В ее состав входили чиновник московской Ямской конторы и четыре канцеляриста. Клинский почтамт был первым в России учреждением, объединившим обе существовавшие почты — «немецкую» и ямскую. Московский почтамт не имел в Клину представителя, поэтому пересылкой купеческой корреспонденции занималась Ямская контора. Временная экспедиция выполняла те же функции, что и любое отделение связи той поры. Единственное, что ей категорически запрещалось, смешивать вместе письма, идущие из Москвы и из незараженных мест. Первые нужно было укладывать в особый чемодан и отправлять далее.

К осени 1772 г. «прилипчивая горячка» в Москве была ликвидирована, и вместе с ней по указу от 30 ноября прекратил свое существование кольцевой тракт с Клинским почтамтом. Письма стали свободно проходить через Москву. Только в Серпухове задерживалась и дезинфицировалась корреспонденция, приходящая из Приазовья и с юга Украины. Серпуховская карантинная застава, которой командовал майор Авросимов, выполняла ту же работу что и новоторжская [268].

¹ Вошанка — род клеенки, ткань, пропитанная воском.

² Бакаут — железное дерево, вечнозеленое южноамериканское растение. В старину применялось в медицине.

НОВЫЕ «ОБРАЗЦОВЫЕ»

Шестидесятые — начало семидесятых годов XVIII в. знаменовались подъемом общественной мысли в России, русское оружие прославило себя под Кагулом, Чесмой и Туртукаем, петербургские дипломаты одерживали блестящие победы на внешнеполитической арене, невиданный скачок совершила национальная экономика: существенно увеличилось производство железа, меди, сукна, хлопчатобумажных изделий. Вместе с тем продолжалось расширение и улучшение почтового дела. Один за другим следуют указы, содержавшие конкретные распоряжения по устройству почты. В сентябре 1769 г. генерал-прокурор Сената (это была одна из высших административных должностей России) А. А. Вяземский получает императорский рескрипт, обязывавший его лично следить за приумножением линий почтовой связи, созданием новых трактов и станций, в первую очередь на Украине, Белоруссии и в русской части Прибалтики.

В государственных архивах СССР хранятся десятки дел с бумагами по этому вопросу: проекты указов, доклады, мнения сенаторов, жалобы простых людей. Все документы похожи друг на друга, как родные братья. Меняются названия городов и деревень, содержание указов остается прежним: «На таком-то почтовом стане содержать...» и так далее. Наибольшее количество бумаг относится к организации регулярной почтовой линии между Петербургом и Нарвой. Она стала первой в ряду почт, созданных в России последней четверти XVIII в.

Проект организации почтовой связи с Нарвой опубликован в XIX томе Полного собрания законов Российской империи. Здесь же напечатаны многие документы, описывающие работу новой почты. Она создавалась как «образцовая». По ее образу и подобию рекомендовалось устраивать скорую гоньбу и по другим трактам.

А. А. Вяземский начал свою деятельность с того, что рекомендовал правительству создать должность «главного над Нарвскими почтами смотрителя» и назначить на нее полковника А. М. Волкова, который в то время являлся главным судьей Канцелярии строения государственных дорог. На плечи полковника легла вся тяжесть организации почты. Волков блестяще справился со своими обязанностями. Он и его помощники создали образцовую почтовую службу. Многие из того, что делалось на нарвской дороге, было новинкой для России. Перестройка работы нарвской почты происходила на ходу: еще действовала старая служба, которая, хотя и с большими опозданиями, продолжала доставлять письма.

Последнее обстоятельство не позволяет определить точную дату начала работы новой почты в Нарву. Очевидно, это произошло не позже 11 марта 1770 г., дня, которым полковник Волков датировал свое донесение в Сенат об учреждении линии для пересылки корреспонденции. Нет сведений о начале скорой гоньбы и в докладе А. А. Вяземского Екатерине II. Он начинается словами: «От Санкт-Петербурга до Нарвы учреждены ныне от уезда 6 почтовых станов...».

В своем докладе генерал-прокурор Сената дал обзор существующей системы пересылки писем в Нарву: до сего времени уездные жители, которые были обязаны держать гоньбу, весьма редко стоят на почте, а «большею частию вместо себя нанимают (людей), а дают на каждую лошадь в год деньгами от 40 до 50 рублей, а хлебом до 10 четвертей, что и учинится всего деньгами от 55 до 65 рублей» [269]. Далее Вяземский исчислял, во сколько обойдется содержание нарвской почты. Оказалось, что в 9450 рублей. В то же время подушный налог на содержание почты 1 с жителей, близких к почтовому тракту уездов, составляет 10595 рублей 60 копеек. Но выяснилось, что можно содержать гоньбу и более дешевым способом, учредив вольную почту. Тогда следует выделить на каждый стан по 1000 рублей для починки существующих станционных зданий, покупки 25 лошадей и т. д. Деньги давались взаимообразно без процентов сроком на десять лет. Кроме того, содержателю каждой станции необходимо по 170 рублей в год на покупку кормов. Вяземский определил, что за счет только подушного налога, не считая

доходов от пересылки частных писем, истраченные на устройство почты деньги вернутся в казну через три года. Из подушного налога глава Сената предложил ежегодно откладывать по 500 рублей, тогда через 20 лет соберется значительная сумма, которую можно будет употребить на строительство новых зданий почтовых станций.

К докладу А. А. Вяземского приложен «Проект о заведении почтовых станов и о должности содержателей». Этот документ имеет огромное значение для дальнейшего развития русской почты: около 80 лет на его основе составлялись правила по содержанию почты. Проект Вяземского был одобрен Екатериной II и почти без изменений внедрен в жизнь.

Первый пункт проекта требовал, чтобы содержатели почтовых станов чинили построенные казной дома, конюшни и содержали все в исправном состоянии. «При всяком почтовом стану содержать: 1. По 25 добрых и к почтовой езде годных лошадей, из которых бы каждая стоила не меньше 20 рублей. 2. По 10 человек почтальонов, способных к той должности, а не малолетних. 3. По одной крепко сделанной фуре для ординарной еженедельной почты и проезжающих. 4. По 10 ропусков 2 с кибитками, с окованными колесами и железными сердечниками. 5. По 10 саней с кибитками. 6. По 6 хороших седел. 7. Чемоданы и переметные сумы кожаные. 8. Почтовую ливрею на 10 человек. 9. Хомуты, узды и прочую конскую упряжку, крепкую и надежную. И все сие осматривать по два раза в год осенью и весною, кому приказано будет» [269]. Далее очень подробно расписывалось, сколько следует платить за овес и сено для лошадей, за изготовление почтовой фуры, кибиток, саней, упряжи.

Три следующих пункта определяли порядок сдачи на содержание почтовых станций. Их нельзя было откупать на срок менее 15 лет. Содержателями станов могли быть лица любого звания, которые должны представить поручительство в том, что если они окажутся непригодным к отправлению своей должности, то полученные от правительства деньги содержатель немедленно вернет. Раз в 15 лет должны устраиваться торги. Победителями считаются те, «которые уступят более из фуражных денег, однако ж прежде бывшие и содержащие (станцию) в порядке преимущество иметь всегда будут» [269].

Пункты 6 и 7 предоставляли содержателям почтовых станций преимущественное право продавать проезжающим съестные припасы по рыночным ценам, сено, овес, конскую упряжь и прочее необходимое путешественникам. Им было разрешено «продавать в чарки и рюмки вейновую и французскую водки, виноградные вина, английское пиво и все то, что в городах в трактирах продается на том же основании» [269]. Разрешалось пускать на ночлег в почтовые станции людей любых званий.

Проезжающие обязаны были платить установленные прогоны по 12 копеек за 10 верст. Эти деньги собственно и являлись платой за работу содержателям. Они также расходовались на приобретение почтового инвентаря, на поддержание в порядке здания станции. Если путешественнику требовалось 20—25 лошадей, он мог их получить за двойные прогоны, заплатив деньги за сутки вперед. А кому будет необходимо 50 и более лошадей, тот должен за неделю сообщить о своей поездке, чтобы смотритель мог нанять транспорт у обывателей «по вольным ценам». Нанятых лошадей запрещалось свыше суток держать на станции, в противном случае проезжающие должны платить «простойные деньги» по 25 копеек на лошадь.

Порядку скорой гоньбы было посвящено четыре пункта.

Во избежание задержки почты каждому содержателю предписывалось иметь на станции по 6 запряженных лошадей и по два почтальона, готовых к немедленному отъезду. Запрещалось задерживать курьеров и чемоданы с ординарной почтой более чем на 10 минут. Летом и зимой курьеров и обыкновенную почту возили со скоростью 12 верст в час, а осенью и весной — одиннадцать. Прочих путешественников доставляли соответственно со скоростью 10 и 8 верст в час. Такая резвость стала возможна потому, что еще в 1718 г. для того, чтобы привести в порядок полотно петербургско-наровской

дороги, Петр I повелел замостить ее гладко обтесанными бревнами и засыпать сверху песком [270].

Всех проезжающих как с подорожными, так и без них, записывали на станциях в книги. При этом указывалось, сколько кому дано лошадей и за какие прогоны. Для почты отмечалось время ее прибытия и отправления, а также от кого она принята и с кем отпущена. По прошествии года книги отсылались в Петербург Главному над почтами смотрителю. Среди прочих обязанностей содержателя было наблюдение за сохранностью чемодана с корреспонденцией. «Чтобы он от дождя укрыт был и не поврежден» [269].

Особый интерес представляет пункт 13 правил для смотрителя почтовой станции: «Содержатель наблюдает также и того, чтоб почталионы были всегда опрятны, отправляли бы подводы в почтовой ливрее и конечно бы носили кожаную обувь» [269]. Последнее напоминание было далеко не лишним. Частенько в жаркий летний день почтарь снимал сапоги и ехал босой. По этому поводу издавались правительственные распоряжения, но все было тщетным — почталыоны продолжали ездить босиком и в последующие годы.

Содержатели почтовых станов имели право нанимать на должность почталыонов людей любых званий, в том числе и крепостных. Процедура зачисления на службу упрощалась до предела: от претендента на должность почтаря требовался только паспорт установленной формы или свидетельство от помещика о том, что крепостной отпущен им на оброк.

Для почталыонов вводилась форма нового образца — красный суконный кафтан с белым поясом. Мундир надевался поверх обыкновенного платья. Картузы тоже были красные. Почтарь обязан носить на груди медную бляху с государственным гербом, а через плечо гарусный [3](#) шнурок с рожком. На курьерских и почтовых лошадях под дугой висел колокольчик. Категорически запрещалось под страхом жестокого наказания пользоваться колокольчиком лицам, не имеющим отношения к почте.

Так в России был официально признан новый почтовый атрибут — колокольчик. С рождением колокольчика родилась и легенда о нем чудесная сказка, каких много на Руси.

Несколько столетий раздавался над Великим Новгородом звон вечеревого колокола. Он сзывал посадский люд на собрания, под его голос выбирали князей, вершили всякие неотложные дела. 15 января 1478 г., после присоединения Новгорода к Московскому государству, жителям объявили: «Вечу и колоколу в Новгороде не быть». Многопудового гиганта сбросили со звоницы, погрузили на сани и повезли в Москву. Около села Валдая колокол проломил сани и и рассыпался на тысячи колокольчиков, которые голосисто звенят под дугами почтовых лошадей и разносят славу о Новгороде по всей русской земле. В начале XIX в. какой-то предприимчивый мастер начал отливать почтовые колокольчики с надписью «Дар Валдая».

Содержатели почтовых станций должны были относиться к путешественникам «ласково и учтиво, и никаких грубостей отнюдь им не делать, також и проезжающим их не обижать и ничем не притеснять» [269]. Если смотритель начнет грубить путникам, давать плохих лошадей и ненадежную упряжь, то его следует от почты отстранить, имущество конфисковать и продать с торгов. В случаях нехватки вырученных денег для покрытия государственного долга содержателя недостающие взыскать с него самого или с его поручителей. Путешественники могли жаловаться на содержателей станций наравскому обер-коменданту или в Петербург главному смотрителю над почтами. «А кто из проезжающих какия-либо причиняют обиды содержателям почтовых станов, или станет их почталыонов бить, на таковых представлять прямо Правительствующему Сенату» [269].

Почтовые сборы за письма, посылки и провозку пассажиров на специальных фурах шли в доход государству и передавались в Петербургский почтамт. Прогонная

плата курьеров и проезжающих на почтовых в собственном экипаже поступала в пользу станционного смотрителя, на его содержание.

В знак того, что почта — государственное учреждение, над дверью станции прибывался герб России. К семидесятым годам XVIII в. станционный смотритель стоял на более высокой ступеньке служебной лестницы, чем его предшественники в начале века. Он был отнесен к чиновникам двенадцатого класса и носил звание коллежского регистратора. В официальных бумагах содержатель почтового стана именовался «Пост-Комиссар» [4](#).

Пункты 19—21 положения о почтовых станах содержат описание конструкции почтовых фур и правила проезда на них.

Фура представляла собой повозку, обтянутую крашеной парусиной. На трех ее сторонах рисовался герб. Летом к фуре приделывали колеса, а зимой ее ставили на полозья. В повозку садилось шесть человек с тремя пудами багажа. Кроме того, было предусмотрено место для шести пудов посылок. В фуру впрягалась четверка лошадей. Этот транспорт отправлялся еженедельно из Петербурга по понедельникам, в час дня. Из Нарвы фура уходила по четвергам в то же время. Весь путь из города в город повозки проезжали за сутки. Желаящие путешествовать на фуре должны были заранее оплатить стоимость проезда — 1 рубль. За эти деньги они могли провезти поклажи 20 фунтов (8 килограммов), «только б то было уютное и негромоздкое». С фурами можно было переслать и посылки весом не свыше 6 пудов. За их доставку взималось по 2 копейки за фунт. Деньги за проезд на фуре и пересылку багажа принимались в Петербурге на почтамте, а в Нарве — на почтовом дворе. Из Нарвы эти сборы привозились раз в полгода в столицу.

3 ноября 1770 г. полковник Волков составил «Расписание в какое время по сколько почтовых лошадей в упряжки брать проезжающим по нарвской дороге по новоучрежденным почтовым станам» [271]. Зимой с 1 декабря по 15 марта и летом с 15 мая до середины сентября едущим одному или двум в почтовые кибитки полагалось впрягать по две лошади, троим же проезжим — три. В остальное время года одному путешественнику полагалось две лошади, двум — три, трем — четыре. До этого ни в одном официальном акте даже не упоминалось об упряжке в три лошади. Положение о петербургско-нарвской почте является первым документом, разрешавшим давать под почтовые повозки по три лошади. К этому времени в кибитки лошадей впрягали не цугом, а в ряд: в середине — коренная, по бокам — две пристяжных. Так родилась знаменитая русская тройка. Сам термин «тройка» был придуман позже — в начале XIX в.

Через год после организации, 25 февраля 1771 г., Нарвская линия передается из Канцелярии строения государственных дорог в ведомство Петербургского почтамта. На работе почты это никоим образом не отразилось. Продолжали действовать старые правила проезда пассажиров, оставались прежними условия скорой гоньбы и содержания почтовых станций. Так было потому, что нарвский тракт был передан почтамту «на том же основании» [272].

Год от года увеличивалась гоньба по нарвской дороге. От непрерывных поездок изматывались лошади. В добавок ко всему в Ингерманландии случился неурожай, и цены на фураж резко возросли. Учитывая все это, именным указ от 17 декабря 1772 г. установил: «С начала будущего 1773 года, впредь до указа, платить на всех станциях от Горелого кабачка до Нарвы по две копейки на версту за каждую лошадь всем проезжающим на почтовых лошадях» [273]. Уменьшение величины прогонов до 1 копейки на версту произошло только в 1779 г.

В ноябре 1772 г. учреждается почта в Могилевской и Псковской губерниях. По своей структуре она почти полностью повторяла гоньбу из Петербурга в Нарву. Но были некоторые отличия.

Прежде чем продолжить наш рассказ, вернемся на несколько лет назад. 19 августа 1746 г. оба столичных почт-директора Ф. Аш и В. Пестель получили копии именного

указа, повелевавшего им содержать для развозки писем к получателям одного конного почтового служащего в Петербурге и двух — в Москве. Распоряжение немедленно было исполнено: с 3 сентября 1746 г. — в Северной столице, а в Москве — с 17 сентября письменная и денежная корреспонденция стали доставляться на дом [274]. В губернских и уездных городах адресаты по-прежнему получали письма на почтовом дворе.

Для петербургско-нарвской линии впервые вводилась доставка на дом частных писем во всех городах, где имелись почтовые станции. Раздача корреспонденции происходила следующим образом. После прибытия почтовой фуры почт-комиссар должен был не более чем за два часа разобрать и осмотреть всю полученную корреспонденцию. Казенные пакеты и частные письма записывались в специальные почтовые карты. Почти до конца XVIII в. они составлялись от руки, а затем были заменены печатными. В первую очередь разносилась казенная корреспонденция. Затем почтальоны доставляли партикулярные письма. Отправления с векселями или денежными вложениями можно было получить только на почте. Их выдавали под расписку. Почтовые карты являлись документами, «служащими для всяких справок» [275], поэтому предписывалось их строго хранить и в конце года переплестать вместе.

В день прибытия почты в город всякий мог получить свою корреспонденцию в конторе. На другое утро оставшиеся письма разносили адресатам. Причем указ оговаривал, что почтальону «за труд не запрещается требовать 2 копейки» [276]. Если почему-либо письмо не вручалось адресату, то на оставшуюся в конторе корреспонденцию составлялась отдельная почтовая карта, которая висела на доске объявлений до тех пор, пока все записанные в нее письма не будут вручены получателям.

А как поступали в тех случаях, если человек не получит адресованное ему отправление?

Раскроем наугад подшивку «Московских ведомостей» за 1773 г. В номере от 18 мая газета поместила объявление московского почтамта: «Прошлого 1772 г. генваря 30 дня получено в оном Пост-Амте из Санктпетербурга на почте тогож генваря от 25 дня под № 180 письмо к отдаче в Москве служителю Василью Фадееву со вложением денег золотою монетою 14 рублей, которое для отдачи послано было с почтилионами, а наконец за неотысканием оного Фадеева записано в имеющуюся при оном Пост-Амте оставшим письмам по алфавиту книгу, и в выставленный в больших сенях в оставшей по алфавиту ж реестр; токмо для получения оного письма никто не явился и ни от кого требования не было. И как уже тому довольное время прошло, то чрез сие знать дается, чтоб тот, до кого оное письмо принадлежит, явился в оном Пост-Амте сам или с письменною доверенностию и ясным доказательством прислал поверенного, от публикации сего чрез три месяца; а по прошествии оного срока показанные деньги записаны быть имеют в почтовую казну» [277]. О письмах без денежных вложений газеты никаких объявлений не публиковали. Они могли лежать на почте бесконечно долго. Только в 1807 г. срок хранения невостребованной письменной корреспонденции был ограничен.

В каждом почтовом доме на стене отводили специальное место для различных объявлений. В частности, здесь висело расписание движения почтовых фур: какая откуда приходит, в какой день и час и когда отходит. В дни прибытия ординарной почты на стене выставлялись карты полученным письмам.

Почтари линии Петербург—Псков—Могилев стали первыми развозить газеты как русские, так и зарубежные. Раньше распространение печати шло только через родных и знакомых. Теперь за это дело взялся Петербургский почтамт, рассылавший прессу по подписке. Объявление о подписке было опубликовано в «Санктпетербургских ведомостях» 18 декабря 1772 г.: «На будущий 1773 год, генваря с 1 числа Санктпетербургские ведомости желающие брать, имеют заблаговременно вносить в академическую типографию из Санкт-Петербурга по 4, из Пскова по 5 и из Могилева по 6 руб. на год, чтоб тем оная типография могла знать, сколько оных ведомостей можно будет

печатать экземпляров» [278]. Через два года началась пересылка подписных изданий между обеими столицами. Почта доставляла печатную продукцию в кредит. По прошествии года почтамты выставляли счета типографиям Академии наук и Московского университета, и те их оплачивали.

Правила пересылки почты на псковско-могилевской линии предусматривали такой казус. «Случиться может, — говорилось в указе от 23 ноября, — что принесенное в Контору партикулярное письмо, за которое при приеме и весовые деньги заплачены, по каким-либо обстоятельствам корреспондент для переправки, или же для дополнения содержания оного потребует для отправления своего обратно; а не безызвестно, что при таких случаях бывают разные подлоги, и может такое письмо захвачено быть посторонним без ведома прямого корреспондента: того ся ради надлежит крайнюю от сего осторожность иметь, и такие требуемые назад письма не прежде возвращать, покамест требующий не покажет печати, которою оное запечатано» [279]. При этом деньги за пересылку письма не возвращались потому, что они уже «в почтовую казну вступили». В почтовой карте делалась отметка: «письмо под таким номером назад взято».

С 1773 г. повсеместно вводился новый порядок пересылки векселей и денег. Вообще-то ничего нового здесь не было. Эта система уже два года действовала в отделениях связи, подчиненных Московскому почтамту, но не была подтверждена законом. В пятницу 18 февраля 1771 г. москвичи прочитали в своей губернской газете «Московские ведомости»: «От Императорского Московского Пост-Амта сим объявляется, чтоб по причине некоторых происшедших в надписях векселей фальшей впредь из присутственных мест пакеты, и от партикулярных людей письма со вложением государственных ассигнований, векселей и денег приносимы были в Пост-Амт незапечатанные». Делалось это для того, чтобы почтовые работники могли записать, на какую сумму выдан вексель или сколько денег пересылается. Теперь уже подлог исключался. После выполнения всех формальностей отправитель ставил на пакете свою печать. Корреспонденцию заворачивали еще раз в бумагу и снова опечатывали, на этот раз штемпелем почтамта. Через год такой вид отправления назовут «двойной пост-пакет». Если клиент принесет денежные письма запечатанными, то «таковые куверты для отправления приниманы не будут» [280]. Указ буквально слово в слово пересказал объявление московского почтамта, и оно приобрело силу закона.

Сначала для псковско-могилевской линии, а затем для всей России были введены подорожные новой формы для почты и курьеров. «Ея императорскаго величества почта из такого-то Почт-амта, или из такой-то Почтовой конторы отправлена в такой-то Почт-амт, или Почтовую контору, ... дня 177... года по ... в ... часу, с которою всем почтальонам со всех почтовых станций гнать денно и ночно со всяким поспешением, не мешкав нигде ни одной минуты под опасением за умедление жесточайшего по указам наказания; чего во уверение при подписании Почтмейстера приложена онаго Почтамта или Конторы печать. Она почта отправлена в ... чемодан ... за почтовую печатью в целости» [281].

В 1772 г. родился новый термин «двойной пост-пакет». Всю принятую почтой корреспонденцию, а не только денежные отправления, как это было на Московском почтамте, заворачивали в толстую так называемую «картузную» бумагу. На пакете дублировался адрес письма и ставилась печать. Делалось это для того, «дабы в случае повреждения на первом куверте почтовой печати, или адреса оставалось видеть на втором, откуда и куда оное следует» [282]. Конверт письма таким образом оставался чистым. **Изменения в правилах штемпелевания писем повсеместно произошли только в 1807 г.,** хотя для некоторых почтовых отделений их ввели с конца XVIII в.

Читатель обратил внимание на не совсем понятное слово «куверт». Спустя шестьдесят лет это французское название приняло вполне русское звучание — «конверт». Указ от 23 ноября 1772 г. — один из первых документов, который официально признал права гражданства почтового конверта. Хотя конверты стали применяться в

России с начала XVIII в., почтовое ведомство отвергало этот термин. Тогда упаковку письма официально называли только «пакетом».

Произошли некоторые изменения и в форме почтарей. К красным кафтанам пришили зеленые обшлага. Картузы также стали зелеными. Регламентировали и цвет перевязки для почтового рожка. Его стали носить на черно-желтом шнурке.

Последний, тридцать седьмой, пункт правил содержания почты от Петербурга через Псков до Могилева указывал на то, что у каждого почтмейстера и почткомиссара должна быть почтовая печать, которую они получают от губернаторов. До этого штемпеля имели только три почтамта: Петербургский, Рижский и Московский.

Почтмейстерская печать была круглая, стандартного диаметра — 28 мм. С первого дня своего существования русская почта являлась государственным учреждением. Поэтому неотъемлемой частью всех почтовых печатей, начиная с двадцатых годов XVIII в., был герб страны — двуглавый орел ⁵. Он помещался в середине штемпеля, по краю делалась надпись на русском языке «Такая-то почтовая контора». Штамп ставился на сургуче красного или темно-вишневого цвета. Одновременно были введены сургучные печати и для экспедиций Петербургского, Московского и Рижского почтамтов. На оттиске вместе с названием почтамта ставился номер экспедиции.

В коллекциях некоторых филателистов хранятся конверты или вырезки с русскими почтовыми штемпелями середины и конца XVIII в. Большей частью эти печати — прямоугольные, в одну или две строки, оттиснуты черной, реже — красной краской. Мы уже говорили о московском штампе 1770 г. В бумагах Г. Ф. Миллера есть оттиски прямоугольных печатей Петербургского и Рижского почтамтов 1763 г. Но употреблялись ли они на практике — никто не знает. Вероятнее всего, их никогда не ставили на письма. Во-первых, штемпельная краска в России стала применяться позже, чем описанные штемпеля. Впервые оттиски печатей красной краской стали делать на ямских подорожных. Это регламентировалось указом Сената от 22 декабря 1770 г. [284]. Во-вторых, в нашей стране применялись только круглые печати. Ни один из официальных документов XVIII, XIX, и XX вв. не говорит о почтмейстерских штемпелях каких-либо других, отличных от круга, очертаний. Возможно, существовал какой-то не дошедший до нас проект применения прямоугольных штампов. Отзвуки его нашли отражение в коллекции Миллера, на письма такие печати не ставились. Не исключена возможность единичного применения необычных штемпелей для заграничной корреспонденции, отправляемой из Петербурга и Риги, — никакие официальные документы не подтверждают и не опровергают этих фактов.

В 1773 г. на петербургско-нарвскую дорогу поставили для наблюдения над ямщиками отставных армейских сержантов. Строго говоря, дело это было не новое. Именным указом от 10 января 1771 г. такие смотрители были определены на некоторые почтовые станции петербургско-московского тракта в Петербурге, Ижору, Любань, Спасскую Полнь, Подберезье, Зайцеве, Выдропужск, Медное, Городню, Завидово, Пешки, Черную Грязь и Москву. Их содержание: жалованье, провиант, мундирные и амуничные деньги, выдавалось Ямской канцелярией, а «чего не достанет, то отпускать в оную из Штатс-Конторы» [285]. На тех же условиях сержанты были назначены и на все шесть станов нарвской дороги. Отличие состояло лишь в том, что этот факт, по указу, следовало взять за образец для других почтовых линий.

Все ли записанное в указы 1770 и 1772 гг. было внедрено в жизнь? Документы той поры подтверждают, что почти все применялось на практике. Не удалось только осуществить перевозку пассажиров в почтовых фурах.

Почтовые дилижансы — фуры или, как их еще называли «тележная почта», не привились в России XVIII в. В течение всего века неоднократно издавались указы о введении фур, но желающих ездить на них так и не нашлось. Н. И. Соколов [286], подробно изучивший этот вопрос, установил, что первые проекты устройства тележной почты относятся к 1722 г. Тогда петербургский почтмейстер Краусс и секретарь

московского почтамта Пестель независимо друг от друга составили аналогичные предложения о перевозке пассажиров почтовыми дилижансами.

Проекты тележной почты предусматривали, в первую очередь, новое, более равномерное распределение ямов по петербургско-московской дороге. До этого перегоны составляли 16, 20 и даже 30 верст. Теперь предлагалось установить станции через каждые 20—25 верст. Следовало ввести новую систему оплаты труда ямщиков, разделив их на три категории. В том случае, когда станция находится в пустом и болотистом месте и фураж приходится возить издалека, охотнику можно начислять прогонную плату по 1 копейке за версту на одну лошадь или выдавать ему годовое содержание в размере 100 рублей. Если при яме были сенные покосы и ямщики покупали на стороне только овес, то рекомендовалась прогонная плата 1,5 деньги за версту или годовое жалованье в размере 75 рублей. К последней, третьей, категории причислялись ямщики, получавшие весь фураж со своей земли. Для них прогоны устанавливались в 1 деньгу, а зарплата — в 52 рубля. Кроме того, предлагалось ввести в пользу охотников особый налог с проезжающих на фурах в размере 1 или 2 копеек, который платили бы на каждой станции.

Не менее важным являлся вопрос о питании путников. Русские дворяне, отправляясь в дальний путь, набирали с собой целые возы снеди и напитков. Этого нельзя было разрешить пассажирам дилижансов — весь багаж проезжающих ограничивался 60 фунтами. Поэтому Пестель предложил устроить по тракту удобные избы для отдыха и постоя путников. Содержание такого постоянного двора рекомендовалось поручить ямщику или другому лицу, изъявившему желание заняться таким делом, разрешив им продавать провизию, пиво и вино. Перед отъездом путешественники обязаны были расплатиться с хозяином за съестные припасы.

Чтобы сделать тележную почту «покойною и к скорому поспешению пригодною», авторы проектов советовали заказать четыре или шесть карет из хорошего сухого дерева. Колеса следовало обтянуть железными шинами, верх покрыть кожей, чтобы предохранить проезжающих от дождя и ненастья. В фуру садилось четыре человека. Спереди и сзади делались багажники для вещей путешественников и чемоданов с почтой. Каждую карету сопровождал вагенмейстер (кондуктор). В его обязанности входило следить за сохранностью багажа и почты. Он же отвечал за ремонт экипажа. Если ямщики везли дилижанс от станции до станции, то вагенмейстеры менялись только в трех пунктах: Новгороде, Вышнем Волочке и Твери.

По проекту Краусса, тележная почта в первый же год своего существования могла принести доход в 2240 рублей. В дальнейшем ее рентабельность должна была повыситься. Выводы Пестеля были не такими радужными. Так же, как и Краусс, он исчислил расходы на устройство тележной почты в 4000 рублей в год. Сюда входило изготовление четырех «крытых телег» со всеми необходимыми принадлежностями, запасными колесами и осями; жалование вагенмейстерам и пошив мундиров для них; приобретение дегтя для смазки колес и, наконец, самая большая статья расходов — прогонная плата ямщикам. Доходы от почтовых фур складывались из платы за проезд, по 15 рублей с человека, и денег, полученных за доставку писем и посылок, которые тогда называли «кладь в связках». Сколько можно собрать денег на пересылку корреспонденции и клади, Пестель не указал, на этот счет у него не было никаких данных. Ежегодный же доход за провоз пассажиров при отправлении фуры два раза в неделю он определил в 6240 рублей. Но на такой успех надеяться было трудно, поэтому Пестель ограничил эту сумму до 3400 рублей. По его мнению, в зимние месяцы на дилижансах никто не станет ездить, потому что в это время можно найти дешевых извозчиков, которые за 6 рублей довезут от Москвы до Петербурга не только самого пассажира, но и всю его семью. Летом частный извоз тоже сравнительно дешев. Таким образом, на значительное число пассажиров для тележной почты следовало рассчитывать только осенью и весной во время распутицы. Заклучая свой проект, Пестель приходит к выводу, что доходы от тележной почты ни в коем случае не могут покрыть расходов на нее.

Хотя проекты Краусса и Пестеля не осуществились, некоторые их положения были внедрены задолго до введения дилижансов в России ⁶. В 1728 г. ямщикам архангельской линии разрешили торговать съестными припасами и крепкими напитками. С 1743 г. произошло разделение на три категории прогонной платы ямщикам, в зависимости от плодородия их земель. И, наконец, при создании «образцовой» петербургско-наровской почты предусматривалась сдача в наем частным лицам почтовых станций.

Русская служба связи в процессе своего развития использовала все прогрессивное, что применялось на почтовых дорогах других стран. Некоторые новшества пришли к нам из Пруссии и Голландии. «Образцовые» почты в Нарву и Белоруссию строились в основном на отечественном опыте. Многие, примененные здесь, до этого совершенно не были известны — колокольчики, почтовые тройки. Только в России почтовые работники брали на откуп продажу крепких напитков, продуктов питания, лошадиных кормов и прочих необходимых путникам вещей. Но некоторые нововведения имели аналогию в почтовом устройстве зарубежных стран. Свыше ста лет назад профессор Казанского университета О. Бржозовский, подробно изучивший русское законодательство по почтовой части, пришел к заключению, что белорусская почта некоторыми своими чертами походила на французскую службу связи. В частности, исследователь заметил, что «соединение в одном лице звания почт-содержателя и почтмейстера существовало тогда в одной Франции» [287]. В этом нет ничего удивительного. В семидесятых годах XVIII в. между Россией и Францией поддерживались самые тесные связи, и петербургские администраторы, прекрасно зная устройство средств связи в дружественной стране, перенесли самое лучшее на русскую почву.

Теперь, когда мы познакомились с организацией службы связи в конце XVIII в., обратимся к почтовой марке № 2206, выпущенной в августе 1958 г. в юбилейной серии «100-летие русской почтовой марки». Сюжет ее прост: у почтового двора стоит снаряженный в путь экипаж, звонко трубит в рожок вагенмейстер. Мгновенье, — и четверка лошадей рванется вскачь. Однако, присмотревшись внимательно, мы увидим нагромождение неточностей на знаке почтовой оплаты. Ошибочна сама идея марки — дилижансы по дорогам России тогда еще не ходили. Но допустим, что на миниатюре изображена частная двух- или четырехместная карета. По известному нам «Расписанию в какое время по сколько почтовых лошадей в упряжку брать» четыре лошади можно было впрягать в двухместную карету только зимой. На марке же явно лето — экипаж на колесах. А в эту пору карету везли не менее пяти коней [271]. На здании станции изображен государственный герб. Так и было. Но откуда под ним появилась надпись «почтамт»? Из предыдущего текста нам известно, что над дверями почтовых станций вешался двуглавый орел и больше ничто не отличало их от других зданий. Быть может, художник хотел лишний раз подчеркнуть, что события разворачиваются около отделения связи. И в этом случае необходима надпись в традициях того времени — «Постъ—Амть».

¹ Налог составлял 20 копеек с «души мужеского роду».

² Роспуски — двухосная конная повозка.

³ Гарус — сученая белая или цветная шерстяная нить.

⁴ Спустя несколько месяцев, в указе от 3 ноября 1770 г. содержателей станов называли более привычным для русского уха титулом — «Почт-Комиссары» [270].

⁵ Генеральный регламент 1720 г. [283] установил для государственных организаций единообразную форму печатей. С них убрали всевозможные витиеватые надписи, эмблемы и заменили их гербом Российской империи и соответствующей надписью.

⁶ Почти через сто лет после создания проектов Краусса и Пестеля, с 1821 г., между Петербургом и Москвой стали курсировать пассажирские дилижансы частного акционерного общества, а с 1840 г. почтовое ведомство начало возить на своих фурах путешественников, письма и посылки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный период развития русской почты характеризуется многими знаменательными событиями.

На рубеже XVII—XVIII вв. создаются первые почтовые печати. Начинается унификация внешнего вида почтовых отправлений. Появляется новый способ упаковки письменной корреспонденции — кон верхом.

В начале XVIII в. происходит отделение военно-полевой почты от гражданской. С этого времени при отправлении почтальона из армии начинают пользоваться только войсковыми средствами связи.

К концу XVII в. русская почта становится регулярной и общедоступной, хотя ее пути пролегали еще не во все районы страны. Пройдет почти 70 лет, пока губернские и крупные промышленные города государства получают свои средства связи. В это время существовали две почты: ямская и «немецкая», что пагубно отражалось на развитии русской экономики — задерживались сведения торгового характера, пропадали пересылаемые по почте деньги. Поэтому назрела необходимость создать почту, единую для всего государства. Дело началось с постепенной передачи ямских почт в ведение Коллегии иностранных дел. Но и это оказалось не совсем удобно — «немецкая» почта занималась отправлениями за рубежи государства, и обслуживание внутренних линий ей было не с руки. Наконец, в 80-х годах XVIII в. образуется единая почтовая администрация — Главное почтовых дел правление. О его создании и деятельности и расскажут первые страницы третьей части «Истории отечественной почты».

ИСТОЧНИКИ

1. **Полное** собрание русских летописей, т. 26, М.—Л., изд-во АН СССР, 1959, с. 206.
2. **Козловский И. П.** Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641 — 1717). Спб., 1911.
3. **Центральный** государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 162. Почтовые дела, 1693 г., д. 3, л. 216.
4. Там же, 1701 г., д. 1, л. 1.
5. **Письма** и бумаги императора Петра Великого (далее — Письма и бумаги), т. I, Спб., 1877, с. 444.
6. **Козловский И. П.** Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве (далее — Козловский), т. I, Варшава, 1913, с. 164.
7. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1701 г., д. 1, л. 3.
8. **Рассуждения**, какие законные причины его царское величество Петр I к начатию войны против короля Карла XII шведского в 1700 году имел... Спб., 1717, с. 1—2.
9. **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Кн. IX. М.: Соцэкгиз, 1963, с. 461—464.
10. **Переписи** московских дворов XVIII столетия. М., 1896, с. 29, 100—102, 148..
11. Там же, с. 229, 236.
12. **Соколов Н. И.** Московский почтамт в XVIII столетии. «Почтово-телеграфный журнал», Отдел неофициальный (далее — ПТЖ). 1911, январь—февраль, с. 140.
13. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1693, д. 3, л. 361.
14. **Полное** собрание законов Российской империи. Собрание I (далее — ПСЭ). Спб., т. VI, №3890.
15. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1708 г., д. 1, л. 52.
16. **Письма** и бумаги, т. I, с. 491.
17. **Грамотки XVII — начала XVIII веков.** «Наука», М., 1969, -№ 21, с. 25.
18. Там же, № 114, с. 67.

19. Там же, № 172, с. 99.
20. **Письма** и бумаги, т. I, с. 510.
21. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1699—1701 гг., д. 2.
22. Там же, 1701 г., д. 2, л. 44.
23. **Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.** Русская сфрагистика и геральдика. М., «Высшая школа», 1974, с. 168—170.
24. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1706 г., д. 6, л. 1.
25. Там же, 1706 г., д. 3, л. 1.
26. **ЦГАДА**, ф. 396, Оружейная палата, д. 783, л. 14 об.
27. **ЦГАДА**, ф. 141, Приказные дела старых лет, оп. 6, 1696—1699, О строительстве кораблей на Воронеже
28. **Демидова Н. Ф.** Русские таможенные печати XVII—XVIII веков. В сб.: «Аграрная история Европейского севера СССР», Вологда, 1970, с. 176—188.
29. **Козловский И. П., т. I, с. 137.**
30. Там же, т. I, с. 136.
31. Там же, т. I, с. 137—138.
32. **Собрание** государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. IV, М., 1828, № 216.
33. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1693 г., д. 3, л. 24, 25.
34. Там же, л. 42.
35. Там же, л. 38—45. 36., Там же, л. 10—11.
37. Там же, л. 65.
38. Там же, б/г, д. 1, л. 51.
39. Там же, л. 50.
40. Там же, 1693 г., д. 3, л. 63.
41. Там же, 1710 г., д. 2, л. 3.
42. Там же, 1693 г., д. 3, л. 145.
43. Там же, л. 150, 151.
44. **КОЗЛОВСКИЙ, Т. I, С. 463, 464.**
45. **Письма** и бумаги, т. II, Спб., 1889, с. 59.
46. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1701 г., д. 1, л. 11 — 11 об.
47. Там же, 1693 г., д. 3, л. 145—149.
48. **О высочайших** пришествиях царя Петра Алексеевича из Москвы к Архангельскому городу. М., В унив. тип. Н. Новикова, 1783, с. 9—10.
49. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1693 г., д. 3, л. 305—308.
50. **Tagebuch** des Generalen Patrick Gordon, bd. III, St.-Petersburg, 1852, S. 349, 353.
51. ПСЗ, т. IV, № 1882.
52. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1706 г., д. 2, л. 1—2.
53. Там же, 1705 г., д. 1, л. 1—5.
54. Там же, л. 6.
55. Там же, б/г, д. 1, л. 97—98 об.
56. ПСЗ, т. IV, № 2576.
57. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1696 г., д. 1, л. 1—4.
58. Там же, л./7.
59. **Козловский, т. I, с. 473.**
60. ПСЗ, т. X, № 75,10.
61. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1702 г., д. 5, л. 1—3.
62. Там же, л. 21.
63. **Миллер Г. Ф.** Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел... Спб., 1750, с. 332.
64. Там же, с. 352—353.
65. Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. 2, Спб., 1876, № 47.

66. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900, с. 179.
67. РИБ, т. 2, № 181.
68. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, б/г, № 2, л. 4.
69. Гурлянд И. Я. Указ соч., с. 178—188.
70. **Акты** исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Спб., т. II, 1841, № 36.
- 71- **ЦГАДА**, ф. 197, Портфели Малиновского, портф. 4, № 16, л. 1—2.
72. АИ, т. II, № 51.
73. АИ, т. III, Спб., 1841, № 58.
74. АИ, т. IV, Спб., 1841, № 23.
75. Соловьев С. М. Указ соч., кн. IV. Соцэкгиз, М., 1960, с. 375—376.
76. АИ, т. III, № 47.
77. **Лаппо-Данилевский А. С.** Поверстная и указная книга Ямского приказа. Журнал «Библиограф», Спб., 1890 (отдельный оттиск), 16 с.
78. ПСЗ, т. I, № 18.
79. **Гурлянд И. Я.** Указ, соч., с. 186.
80. АИ, т. III, № 78.
81. Там же, № 234.
82. Там же, № 8.
83. ПСЗ, т. III, № 1486.
84. Там же, № 1525.
85. Там же, № 1602.
86. Там же, № 1579, ст. 44.
87. Там же, № 1568.
88. Там же, № 1585.
89. Там же, № 1654, ст. 22.
90. АИ, т. IV, № 104.
91. ПСЗ, т. III, № 1673.
92. Русский вестник, т. IV, Спб., 1841, с. 153—154.
93. Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641—1717), с. 26.
94. ЦГАДА, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 666, л. 487.
95. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, S. 351.
96. **ЦГАДА**, ф. 214, Сибирский приказ, оп. 3, № 48.
97. Там же, оп. 2, № 128, л. 18.
98. **ЦГАДА**, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1699 г., № 85. (л. 2, 4—16), № 632 (л. 14—19, 21—23, 33—60, 63—69, 77—80); ф. 1278, Строгановы, оп. 2, ч. 1, № 18 (л. 13—19, 22—28), № 35 (л. 2—7, 41—43, 58—61).
99. **Государственный** исторический музей, ф. 17, Уваровы, кн. VI, № 36 (л. 1—3), кн. VII, № 20, 23 (л. 5—9), 26.
100. **ЦГАДА**, ф. 1251, Лисовские, оп. 1, № 1 (л. 1—8), 2 (л. 3—6), 3 (л. 2—13), 4, 5 (л. 1—39), 6 (л. 1—3, 18—20).
101. **ЦГАДА**, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, ст. 702, столпик 1, л. 640.
102. Там же, ст. 1041, л. 73—75.
103. **Письма и бумаги, т. I, с. 75.**
104. **ЦГАДА**, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, № 2246, л. 417—419.
105. Там же, л. 571—572.
106. Там же, л. 510—515.
107. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1700 п., д. 4, л. 4.
108. **Письма и бумаги, т. I, с. 101.**

109. Там же, с. 518.
110. Там же, с. 47.
111. Там же, с. 50.
112. **КОЗЛОВСКИЙ**, т. I, с. 517, 519.
113. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1700 г., д. 4, л. 1.
114. **ЦГАДА**, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, № 2411, л. 236—237.
115. Там же, л. 190—191.
116. Там же, л. 271—273.
117. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Книги Московского стола, кн. 13, л. 63 об.
118. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, ст. 709, л. 273.
119. Там же, л. 12.
120. Там же, ст. 767, л. 321.
121. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1701 г., д. 2, л. 43.
122. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, № 2246, л. 531—544
123. Там же, л. 560—571.
124. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, ст. 767, л. 1010.
125. **Письма и бумаги**, т. I, с. 77.
126. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1708 г., д. 3, л. 1.
127. Там же, 1700 г., д. 4, л. 3.
128. **ЦГАДА**, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Московского стола, ст. 793, л. 245.
129. **Козловский**, т. I, с. 518.
130. Там же, с. 520.
131. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. I, Спб., 1858, с. 221.
132. Памятники русского права, вып. IV, Госюриздат, М., 1956, с. 442.
133. ЦГАДА, ф. 197, Портфели Малиновского, портф. 8, № 18, л. 1.
134. Граллерт В. Путешествие без виз. М., «Связь», 1965, с. 53.
135. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1701 г., д. 1, л. 5 об.
136. **Письма и бумаги**, т. II, с. 686.
137. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1702 г., д. 6, л. 31.
138. Там же, 1703 г., д. 11, л. 1 — 1 об.
139. Там же, 1708 г., д. 1, л. 13.
140. Там же, л. 25 об—3?
141. Там же, л. 38—45 об.
142. Там же, 1707 г., д. 1, л. 2—5 об.
143. ЦГАДА, ф. 396, Оружейная палата, д. 753, л. 12.
144. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1709 г., д. 1, л. 9 об.
145. Там же, 1704 г., д. 14, л. 1—2.
146. Там же, 1708 г., д. 1, л. 64—65 об.
147. Там же, л. 49.
148. Там же, л. 52.
149. Там же, л. 74.
150. ПСЗ, т. V, № 3006, гл. XXXV.
151. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1708 г., д. 1, л. 13, 39, 44, 83.
152. Там же, 1711 г., д. 3, л. 4, 6—6 об.
153. Там же, 1708 г., д. 9, л. 3.
154. ПСЗ, т. V, № 3006, гл. LXVIII.
155. Там же, № 2974.
156. **ЦГАДА**, ф. 396, Оружейная палата, д. 1004, л. 214.
157. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1703 г., д. 5, л. 1 об.
158. Там же, 1704 г., д. 2, л. 3.
159. **Соколов Н. И.**, Санкт-Петербургская почта при Петре Великом, ПТЖ, 1903, январь—февраль, с. 79.

160. ПСЗ, т. IV, № 2309.
161. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 2, л. 4 об.
162. ПСЗ, т. IV, № 2312.
163. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. II, Спб., 1858, с. 517—518.
164. ЦГАДА, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 314, л. 176—178.
165. ПТЖ, 1903, с. 81—82.
166. ЦГАДА, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 314, л. 201
167. Там же, кн. 315, л. 301.
168. Там же, кн. 315, л. 276.
169. ПСЗ, т. IV, № 2310.
170. ПТЖ, 1903, с. 84.
171. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1719 г., д. 1, л. 5.
172. Там же, 1711 г., д. 2, л. 1—1 об.
173. ПСЗ, т. V, № 2750.
174. Там же, № 2741.
175. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1711 г., д. 2, л. 7.
176. ПСЗ, т. IV, № 2345.
177. Там же, № 2604.
178. ПТЖ, 1903, с. 189—190.
179. ПСЗ, т. VI, № 3600.
180. Там же, № 4042.
181. Там же, т. V, № 3075.
182. ПТЖ, 1903, с. 210.
183. ПСЗ, т. VI, № 3591.
184. Там же, т. V, № 2830.
185. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1714 г., д. 1, л. 6—8.
186. ПТЖ, 1903, с. 324, 329.
187. ЦГАДА, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 315, л. 481.
188. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1714 г., д. 2, л. 1—9.
189. Там же, 1723 г., д. 1, л. 3—6.
190. Чулков М. И. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... т. V, кн. I, М., Унив. тип. 1786, с. 51, 53.
191. Сборник Русского исторического общества, т. 34, Спб., 1900, с. 253.
192. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1715 г., д. 4, л. 1—12.
193. Там же, д. 7, л. 3—5.
194. Там же, 1717 г., д. 3, л. 4.
195. ПСЗ, т. VII, № 4263.
196. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 106.
197. Голиков И. И. Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России, ч. IV, М., 1788, с. 343; ч. V, с. 19—21.
198. ПТЖ, 1903, с. 357—358.
199. Аш. Ст. в Русском биографическом словаре, т. 2, Спб., 1900, с. 365—366.
200. ЦГАДА, ф. 162, Почтовые дела, 1762, г., д. 2.
201. Гришин Ю. А. История мореплавания. «Транспорт», М., 1966, с. 68.
202. ПТЖ, 1903, с. 353.
203. ПСЗ, т. IV, № 2582.
204. ПТЖ, 1903, с. 354.
205. Там же, с. 336.
206. ПСЗ, т. VI, № 3809.
207. Там же, т. IX, № 6719.

208. Там же, т. VII, № 4671.
209. ПТЖ, 1911, с. 141.
210. **Материалы** к истории постройки нового здания Московского почтамта. М., 1910, с. 5—7.
211. ПСЗ, т. XII, № 9320.
212. ПТЖ, 1911, с. 128.
213. ПСЗ, т. III, № 1402.
214. ПТЖ, 1911, с. 121—122.
215. **ЦГАДА**, ф. 199, Портфели Миллера, № 359, тетр. 1, л. 16.
216. **Соловьев С. М.** Указ. соч., кн. IX, Соцэкгиз, М., 1963, с. 532.
217. **ЦГАДА**, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 666, л. 3—3 об.
218. Там же, л. 12.
219. Там же, л. 13 об.
220. Там же, л. 51—53 об.
221. Там же, л. 81—81 об.
222. ПСЗ, т. IX, № 6351, п. 1—5.
223. **Красный Архив**, т. 4 (71), М., 1935, с. 146.
224. Там же, с. 147.
225. Там же, с. 148.
226. Там же, с. 149.
227. Там же, с. 150.
228. **Красный Архив**, т. 1 (74), М., 1936, с. 158.
229. **Красный Архив**, т. 4 (71), . 1А7
230. **Овцын. Ст.** в Русском биографическом словаре, т. 9, Спб., 1905, с. 83.
231. **ЦГАДА**, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 666, л. 487—487 об.
232. **ЦГАДА**, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 666, л. 489 об—490.
233. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 146.
234. **Красный Архив**, т. 4 (71), с. 151.
235. ПСЗ, т. XIX, № 13861.
236. **ЦГАДА**, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, кн. 666, л. 244.
237. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 203.
238. **Шакинко И. М.** Татищев как государственный деятель. «Вопросы истории», 1975, № 4, с. 126—127.
239. «**Записки**» Имп. Российского географического общества, кн. 3, Спб., 1863, с. 124—128.
240. **Шакинко И. М.** Указ, соч., с 132_133.
241. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 187.
242. **Шакинко И. М.** Указ, соч., с. 138.
243. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, б/г, д. 2, л. 6 об.
244. **Доклады и приговоры**, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого 1711 —1716 гг., изданные Академией наук, т. II. кн. 2. Спб.. 1881, с. 215.
245. ПСЗ, т. IV, № 2582.
246. ПСЗ, т. V, № 3208, п. 6.
247. **ЦГАДА**, ф. 162, Почтовые дела, 1719 г., д. 2, л. 1.
248. ПСЗ, т. XV, № 10821.
249. ПТЖ. 1911, с. 133—134.
250. **ЦГАДА**, ф. 162. Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 241—243.
251. ПСЗ. т. XVIII. № 12835, п. 1.
252. ПТЖ, 1911. с. 260.
253. ПСЗ, т. XVIII. № 13400.
254. **ЦГАДА**, 162, Почтовые дела, б/г, д. 1, л. 123—124
255. ПТЖ, 1911, с. 264

256. ПСЗ, т. XX, № 14334
257. ПТЖ, 1911, с. 264
258. ПСЗ, т. XIX, № 13527.
259. «**Исторический вестник**», Спб 1884, окт., с. 195.
260. **Соловьев С. М.** Указ, соч., кн. XV, М., «Мысль», 1966 с. 124—125.
261. ПСЗ, т. XIX, № 13502, п. 2.
262. Там же, № 13552.
263. Там же, № 15715.
264. Там же, № 13663, п. 4.
265. Там же, № 13686, п. 11.
266. Там же, № 13658.
267. Там же, № 13663, п. 2.
268. Там же, № 13913, п. 11.
269. Там же, № 13435.
270. ПТЖ, 1903, с. 217—218.
271. ПСЗ, т. XIX, № 13531.
272. Там же, № 13571.
273. Там же, № 13925.
274. ПСЗ, т. XII, № 9320.
275. ПСЗ, т. XIX, № 13911, п. 6.
276. Там же, № 13911, п. 14.
277. «**Московские ведомости**», 1772, 18 мая, № 40.
278. «**Санктпетербургские ведомости**», 1772, 18 декабря, № 102.
279. ПСЗ, т. XIX, № 13911, п. 10.
280. «**Московские ведомости**», 1771, 18 февраля, № 14.
281. ПСЗ, т. XIX, № 13911, приложения
282. Там же, № 13911, п. 13.
283. ПСЗ т. VI. № 3534 гл. XV.
284. ПСЗ. т. XIX. № 13547.
285. Там же, № 13553.
286. **Соколов Н. И.** Проекты устройства тележной почты между Петербургом и Москвой в царствование Петра Великого. ПТЖ. 1902, октябрь, с. 716—732.
287. **Бржозовский О.** Историческое развитие русского законодательства по почтовой части. В кн.: Юридический сборник, изданный Д. Мейером, Казань. 1855, с. 368.